

ПУШКИН

6

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО,
П. Н. САКУЛИНА, В. И. СОЛОВЬЕВА,
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. С. ПУШКИН

ТОМ ШЕСТОЙ

КРИТИКА · ИСТОРИЯ ПУБЛИЦИСТИКА

(НЕИЗДАННОЕ И ЧЕРНОВОЕ)

РЕДАКЦИЯ
Ю. Г. ОКСМАНА и П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

Пушкинский кабинет ИРЛИ

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., 9.
Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПОРТРЕТ ПУШКИНА РАБОТЫ МАЗЕРА.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

МОИ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ РУССКОМ ТЕАТРЕ

Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужницкого пустынника для безымянного критика Истории К<арамзина>? Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет, и потому не прилагаю здесь ни своего послужного списка, ни свидетельства о рождении, ни росписи своим знакомым и друзьям, ни собственной апологии. Читатель, которому до меня нет никакой нужды, этим нимало не оскорбится, и если ему нечего делать, то пробежит *мои замечания об Русском Театре*, не заботясь, по какому поводу я их написал и напечатал.

Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?»—«От Сем<еновой>»,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

от Сосн<ицкой>, от Кол<осовой>, от Ист<оминой.>»—«Как ты счастлив!»—«Сегодня она играет—она танцует—похлопаем ей—вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!..»—Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Боэльдье или della Maria. Знатоки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. *Прочие* хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер зарезет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раек приходит в исступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актрис по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и Отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее—движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Боль-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

шого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

Но посмотрим, достойны ли русские актеры такого убийственного равнодушия. Разберем отдельно трагедию, комедию, оперу и балет и постараемся быть снисходительными и строгими, но особливо беспристрастными.

Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой—и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, всё сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано. Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается по-одиночке. Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости, прекратились, она осталась единодержавною царицею трагической сцены. Было время, когда хотели с нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роли Дидоны живо напомнила нам жеманную Селимену (так, как в роли *Ревнивой жены* напоминает она и теперь Карфагенскую царицу)*. Но истинные почитатели ее таланта забыли, что видали ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями.

В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно—частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во всё продолжение игры ее рукоплесканья не прерывались. По окончанию трагедии она была вызвана криками исступления, и когда г-жа Колосова большая

Filiae pulchrae mater pulchrior [1]

в русской одежде, блистая материнскою гордостью, вышла в последующем балете, всё загремело, всё

---

* Иные почитают лучшею ролью г-жи Валберховой—роль *Ревнивой жены*. Совершенно несправедливо. Разве они не видали ее в *Мизантропе*, в *Нечаянном закладе*, в *Пустодомах* и проч.

[1] <Прелестной дочери прелестнейшая мать.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Пример единственный в истории нашего театра. Рассказываю просто, не делая на это никаких замечаний. Три раза сряду Колосова играла три разные роли с равным успехом. Чем же все кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-по-малу охолодел, похвалы стали умереннее, рукоплескания утихли; перестали ее сравнивать с несравненною Семеновой; вскоре стала она являться пред опустелым театром.— Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры,—все заснули, и проснулись только тогда, когда христианка Заира, умерщвленная в 5-м действии трагедии, показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повязке, и пошла плясать по русски с большою приятностию на голос: *Во саду ли, в огороде.*

Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантами е. и. в., а более своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикиванья и парижской выговор буквы *Р*, очень приятный в комнате, но неприличный на трагической сцене; если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными, если будет подражать не только одному выражению лица Семеновой, но постарается себе присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях,— то мы можем надеяться иметь современем истинно хорошую актрису, не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием. Красота проходит, таланты долго не увядают. Кто нынче говорит об Каратыгиной, которая, по собственному признанию, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослепленная публика кричала об чудном таланте прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду с его законною вдовою, и никто

Пушкинский кабинет ИРЛИ

не возьмет на себя решить, которая из них непонятнее и неприятнее. Скромная, никем не замеченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, предпочитается им обеим простым, равнодушным чтением стихов, которое, по крайней мере, никогда не вредит игре главной актрисы.

Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма. В то время имели мы двух трагических актеров! Яковлев умер; Брянской заступил его место, но не заменил его. Брянской, может быть, благопристойнее вообще, имеет более благородства на сцене, более уважения к публике, тверже знает свои роли, не останавливает представлений *внезапными своими болезнями;* но зато какая холодность! какой однообразный тяжелый напев!

По мне,—уж лучше пей,
Да дело разумей.

Яковлев имел часто восхитительные порывы гения, иногда порывы лубочного Тальма. Брянской всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Дмитрий — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка, развернись, рассердись,— ну, ну! Неловкий, размеренный, сжатый во всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни своей фигурою. Брянской в трагедии никогда никого не тронул, в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комической актер, он имеет преимущество и даже истинное достоинство.

Оставляю на жертву *бенуару* Шеникова, Глухарева, Каменогорского, Толченова и проч. Все они, принятые сначала с восторгом, а после падшие в

Пушкинский кабинет ИРЛИ

презрение самого райка, *погибли без шума*. Но из числа сих отверженных исключим Борецкого. Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, даже довольно приятной фигуры Брянского; его напев еще однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. Certes! c'est beaucoup dire [1]—со всем тем я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкой имеет чувство, мы слыхали порывы души его в роли Эдипа и старого Горация. Надежда в нем еще не пропала. Искоренение всех привычек, совершенная перемена методы, новый образ выражаться могут сделать из Борецкого, одаренного средствами душевными и физическими, актера с великим достоинством.

Но оставим неблагодарное поле трагедии и приступим к разбору комических талантов.

<1819—1820>

<НАЧАЛО СТАТЬИ О РУССКОЙ ПРОЗЕ>

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: не выхваляйте мне Бюфона, [этот человек] пишет: «Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч.» Зачем просто не сказать—лошадь?—Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер был очень умный человек—и, признаюсь, я почти согласен с его мнением.

Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне—великом живописце природы. Слог его цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы. Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи

[1] <Правда, это сильно сказано.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами! Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: «сие священное чувство, коего благородный пламень, и проч.»—Должно бы сказать: рано поутру,—а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Как это всё ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: «сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном». Боже мой! да поставь: «это молодая хорошая актриса», и продолжай—а будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

«Презренный завистливый зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнасса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостью...» Боже мой, зачем просто не сказать *лошадь;* не короче ли—«Г-н издатель такого-то журнала»...

Вольтер может почесться лучшим образцом благоразумного слога.—Он осмеял в своем Микромегасе изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить—

Точность и краткость, вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей—без них блестящие выражения ни к чему не служат; стихи дело другое—(впрочем в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется).

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе?— Ответ: *Карамзина*. Это еще похвала не большая— скажем несколько слов об сем почтенном...

<1822>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Изо всех литератур она имела большое влияние на нашу. Ломоносов, следуя немцам, следовал ей—Сумароков—(Тредьяковский нехотя отделил стихосложением)—Дмитриев, Карамзин, Богданович—вредные последствия—манерность, робость, бледность—Жуковский подражал немцам—Батюшков и Баратынский—Парни—Некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, коего слог русский—Князь Вяземский имеет свой слог—Катенин—пиесы в немецком роде—слог его свой—

Что такое французская словесность? Трубадуры. Малерб держится 4 строками оды к *Дюперье* и стихами *Буало*. Менар, чистый, но слабый. Ракан-Воатюр—дрянь—Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Ж. Б. Руссо, Вольтер—Буало убивает французскую словесность, его странные суждения, зависть Вольтера—французская словесность искажается—русские начинают ей подражать—Дмитриев—как можно ей подражать: ее глупое стихосложение—робкий, бледный язык—вечно на помочах, Руссо в одах дурен—Державин.

Не решу, какой словесности отдать <предпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее!—обычаи, история, песни, сказки—и проч.

Что между ими общего?

<1822—1824>

<ЗАМЕТКИ О ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКАХ И ПОЭТАХ>

<I>

Французы ничуть не ниже англичан в Истории.— Если первенство чего-нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге—и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер

Пушкинский кабинет ИРЛИ

потрудился указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей истории. 2-е. Лемонте есть гений 19-го столетия— прочти его Обозрение царствования Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С. Этьен—дрянь.

<II>

Век романтизма не настал еще для Франции.— Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля—Он ученик трагика Вольтера, а не природы.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites romantiques sont la honte de la littérature françoise[1].

Ламартин хорош в Наполеоне, в Умирающем поэте—вообще хорош какой-то новой гармонией.

Никто более меня не любит прелестного André Chénier—Но он из классиков классик—от него так и несет древней греческой поэзией. Вспомни мое слово: первый гений в отечестве Расина и Буало— ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм—что твои немцы—а покамест поэзии во Франции менее, чем у нас.

<1824>

<ПРИЧИНАМИ, ЗАМЕДЛИВШИМИ ХОД НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ...>

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского——все наши писатели на то жаловались,— но кто же виноват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен——у нас еще нет ни словесности, ни книг;

[1] <Все сборники новейшей, так называемой романтической, поэзии—позор французской литературы.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке (метафизического языка у нас вовсе не существует); просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись—(Метафизический язык) проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны.

Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в *Душеньке* Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италианского; что Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил...

<1824>

<ИЗО ВСЕХ РОДОВ СОЧИНЕНИЙ САМЫЕ НЕПРАВДОПОДОБНЫЕ...>

Изо всех родов сочинений самые (invraisemblance) неправдоподобные сочинения драматические, а из сочинений драматических—трагедии, ибо зритель должен забыть——по большей части,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

время, место, язык, должен усилием воображения согласиться в известном наречии—к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила—место, время (действие). Занимательность, будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны—от сего происходят какие неудобства, стеснение места действия. Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества—всё происходит в одной комнате!—Непомерная быстрота и стесненность происшествий—наперсники... a parte [1] столь же не сообразны с рассудком—Принуждены были в двух местах—и проч. И всё это ничего не значит. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства? Интерес—единство.

Смешение родов комического и трагического—напряжение, изысканность необходимых иногда простых выражений.

<1825>

<О НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ>

С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы,—но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной Истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения.

[1] <речи «в сторону»>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но мудрено отъять у Шекспира в его *Отелло*, *Гамлете*, *Мера за меру* и проч.—достоинства большой народности; Vega и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заемлют предметы своих трагедий из итальянских повестей, из французских etc.; Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую красавицу.—Трагедии Расина взяты им из древней [истории].

Мудрено однакож у всех сих писателей оспоривать достоинства великой народности. Напротив того, что̀ *есть народного* в рус<ской трагедии> и в *Ксении* <Озерова>, рассуждающей шестистопными ямбическими <стихами> о власти родительской с наперсницей посреди стана Димитрия, как справедливо заметил <Державин>.

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками—для других оно или не существует, или даже может показаться пороком—ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Всё это носит однакож печать народности.

Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу—Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию—которая более и менее отражается в зеркале поэзии.—

<1825>

<ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «О НАПРАВЛЕНИИ НАШЕЙ ПОЭЗИИ»>

Статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» и «Разговор с г. Булгариным», напечатанные в *Мнемозине*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

обратили на себя внимание многих и] послужили основанием всего, что сказано было противу р<омантической> литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Он везде прилагает причины своего образа мыслей и даже доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе. Никто не стал опровергать его потому ли, что все с ним согласились, потому ли, что никто не надеялся сладить с атлетом, повидимому, сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей.

Теперь положим, что разделение сие справедливо и рассмотрим, каким образом критик определяет степень достоинства сих двух родов.

«Мы например»—выписываем сие мнение, потому что оно совершенно согласно с нашим, что такое *сила* в поэзии? сила в изобретенви, в расположении плана, *в слоге ли?* «*Свобода?*» в слоге, в расположении.—Но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торжественной оде?

Вдохновение? есть расположение души к живому принятию впечатлений, следственно к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии.

Критик смешивает вдохновение с восторгом.

Нет; решительно нет—*восторг* исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей

Пушкинский кабинет ИРЛИ

частями в отношении к целому. Восторг не продолжителен, непостоянен, следственно, не в силе произвесть истинное великое совершенство—(без которого нет лирической поэзии). *Гомер* неизмеримо выше Пиндара—ода стоит на низших степенях поэм,—не говоря уже об эпосе, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (fantaisie[1]) воображения—гениального знания природы.

Но *плана* нет в оде и не может быть—единый план Ада есть уже плод высокого гения. Какой план в Олимпийских одах Пиндара? Какой план в Водопаде, лучшем произведении Державина?

Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого.

Восторг есть напряженное состояние единого воображения, вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения.

<1826—1827>

<ЕСТЬ РАЗЛИЧНАЯ СМЕЛОСТЬ...>

Есть различная смелость: Державин написал: «орел, <сын грома)>, на высоте паря...», когда счастие «тебе хребет свой с грозным <смехом> повернуло, ты видишь; видишь, как мечты сиянье вкруг тебя заснуло».

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора.
С высот и проч.

Жуковский говорит о боге:

Он в дым Москвы себя облек.

Крылов говорит о храбром муравье:

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит,

[1] <фантазия>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней...

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово pavé, помост.

Et baiser avec respect le pavé de tes temples [1].

И Делиль гордится тем, что он употребил слово vache [2]. Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике.—Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость. Смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию—такова смелость Шекспира, Dante, Milton, Гете в *Фаусте*, Мольера в *Тартюфе*.

<1827>

<ОБ АЛЬМАНАХЕ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА»>

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков—имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех *Северной Лиры*, первенца московских альманахов.

Из стихотворений греческая песнь Туманского, к Одесским друзьям (его же) отличаются гармонией и точностию слога и обличают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз

---

[1] <И благоговейно лобызать помосты твоих храмов.>
[2] <корова>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостию. О г. Шевыреве умолчим, как о своем сотруднике.

Заметим, что г-ну Абраму Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину—Андрея Шенье.—Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-ом Делибюрадером,—что касается до нас, то мы находим его предложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы.—Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходствуют твердостию, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников. Но г-н Р< аич >—глубокомысленно замечает, что Петрарка был влюблен в Лауру, а Ломоносов уважал Петра и Елисавету; что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму Сципион Африканский (т. е. Africa), а Ломоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что *такой же* старец, но к тому ж *слепой*, приходил *видеть* Петрарку—каковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить. Наконец, что Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч., но что он (г. Р.) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Долго г-н Р. не знал, почему <«у нашего холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах,—не говорю уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним, но, перечитавши всё, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые, так называемые, concetti»>——— Сомнительно.

<1827>

<О БАЙРОНЕ И ЕГО ПОДРАЖАТЕЛЯХ>

<1>

Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма *Корсар*, несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: *Гяуру* в пламенном изображении страстей, *Осаде Коринфа*, *Шильонскому узнику* в трогательном развитии сердца, в трагической силе *Паризине*, наконец 3 и 4-ой главам Child Harold в глубокомыслии и высоте парения истинно лирического и в удивительном Шекспировском разнообразии *Дон-Жуану*.— *Корсар* неимоверным своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой.

По крайней мере, английские критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо, являющееся во всех его созданиях и которое наконец принял он сам на себя в Чильд-Гарольде. Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения, сближение с Наполеоном нравилось его самолюбию.

Байрон мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них; несколько

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сцен, слабо между собою связанных, составляют <*неразбр.*> <и> были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин. Критики оспоривали у него гений драматический, и Байрон за то всё и досадовал—Дело в том, что он постиг, полюбил один токмо характер—etc.—

Вот почему, несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его гения, и драматическая часть в его поэмах (кроме разве одной Паризины) не имеет никакого достоинства.—

Что же мы подумаем о писателе, который из поэмы *Корсар* выберет один токмо план, достойной, нелепой и пошлой<?>повестей—и по сему детскому плану составит драматическую трилогию, заменив очаровательную глубокую поэзию Байрона прозой надутой и уродливой, достойной наших несчастных подражателей покойного Коцебу? вот что сделал г-н Олин, написав свою романтическую трагедию *Корсар*,—подражание <Байрону>.— Спрашивается: что в байроновской поэме его поразило—неужели план? o miratores[1]...

<1827>

<2>

Английские критики оспоривали у лорда Байрона драматический талант; они кажется правы— Байрон, столь оригинальный в *Чильд-Гарольде*, в *Гяуре* и в *Дон-Жуане*, делается подражателем коль скоро вступает на поприще драматическое— в Manfred'e он подражал *Фаусту*, заменяя простонародные сцены и субботы другими, по его мнению, благороднейшими; но *Фауст* есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как *Илиада* служит памятником классической древности.—

[1] <поклонники>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В других трагедиях, кажется, образцом Байрону был Alfieri.—*Каин* имеет одну токмо форму драмы, но по бессвязности сцен и отвлеченным рассуждениям в самом деле относится к роду скептической поэзии Чильд-Гарольда.—Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. В *Каине* он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё кроме неко... etc. отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал по одной из составных частей сложного и сильного характера— и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Байрон чувствовал свою ошибку и в последствии времени принялся вновь за Фауста, подражая ему в своем *Превращенном Уроде* (думая тем исправить le chef d'oeuvre[1]).

<1827>

<О РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА>

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем, не с enflure[2] французских трагедий,— не с чопорностию чувствительных романов—не с dignité[3] истории, но современно, но домашним образом—Ce qui me dégoûte c'est ce què[4]—Тут наоборот ce qui nous charme dans le roman historique—c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous

---

[1] <шедевр>
[2] <напыщенностью>
[3] <достоинством>
[4] <То, что меня отталкивает, это...>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

voyons—Shakespeare, Гете, Walter Scott[1] не имеют холопского пристрастия к королям и героям.— Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих *la dignité et la noblesse*—Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solennelles— car les grandes circonstances leur sont familières.

On voit que Walter Scott est de la petite société de Rois d'Angleterre[2].

<1827>

О ДЕЛЬВИГЕ

Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из 19 столетия в золотой век— и необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы—эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, не допускающую ничего запутанного, темного или глубокого, лишнего, неестественного в описаниях, напряженного в чувствах, ничего, что отзывалось бы новейшим остроумием, сию вечную новизну и нечаянность простоты и добродушия, дабы так совершенно оградить себя от прозаического влияния остроумия, умничания, от игривой неправильности роман-

[1] <Что нас очаровывает в историческом романе—это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим,—Шекспир, Гете, Вальтер Скотт.>

[2] <д о с т о и н с т в о и б л а г о р о д с т в о.—Они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тизма, дабы сохранить полноту и равновесие чувств, тонкость соображений.

<1827>

<НАБРОСКИ СТАТЕЙ О БАРАТЫНСКОМ>

<I>

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше <мнение> об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание.—Знатоки с удивлением увидели в первых опытах зрелость и стройность [необыкновенную].

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей может быть зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом [1].

Первые произведения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии—как в старину старались осмеять оды; но если вялые подража<тели> Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход

---

[1] Далее набросок плана: Corrige le valet, mais respecte le maître. Соперники Баратынского—Батюшков и Жуковский.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лирический—чему в новейшее время видим примеры у Гете.

<1827>

<II>

Пора Баратынскому занять на русском Парнассе место, давно ему принадлежащее.—Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики—напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оного, уже тотчас спешим приветствовать его титлом Гения, за гладкие стишки—нежно благодарим его в журналах *от имени человечества*, неверный перевод, бледное подражание сравниваем, без церемонии, с бессмертными произведениями Гете и Байрона*: добродушие смешное, но безвредное; истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов—[Зачем] лишать златую посредственность невинных удовольствий журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностию журналов.—Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (exagération) модной поэзии—потому <ли>, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной,— как бы то ни было, критики изъявляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение.—Не упоминая уже об известных шуточках покойного «Благонамеренного»,

* Таким образом набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, делающих *истинную честь нашему веку*.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

известного весельчака—заметим, что появление Эды, произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок—и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление Эды подало только повод к неприличной статейке в Северной Пчеле и слабому возражению, кажется, в Московском Телеграфе.

Как отозвался Московский Вестник об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! (Упоминаю обо всем этом для назидания молодых писателей.)—Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался—последние его произведения являются плодами зрелого таланта.

Последняя поэма Баратынского, на<печатанная>в Северных Цветах, подтверждает наше мнение— Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной— Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шутливый и страстный, метафизику и поэзию.

Поэма начинается описанием московского бала— Гости съехались, пожилые дамы сидят в пышных уборах, сидят около стен и смотрят на толпу *с тупым вниманием.* Вельможи в лентах и звездах сидят за картами, и встав из<-за>ломберных столов, иногда приходят

Взглянуть на <мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.>

Молодые красавицы кружатся около их.

Гусар крутит свои усы,
Писатель чоп<орно остригся.>

Вдруг все смутились; посыпались вопросы. Княгиня Нина вдруг уехала с бала.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Вся зала шопотом полна:
«Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей». Ужели?
— В кадрили весело вертясь,
Вдруг помертвела!—Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной.>

— Бог знает, отвечает с супружеским равнодушием князь, занятый своим бостоном. Поэт отвечает вместо князя—ответ и составляет поэму.—

Нина исключительно занимает нас. Характер ее новый, развит con amore[1], широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно сво<бодный?> язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики—для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

(Выписки)

Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее смерти, сатирически описывает нам ее похороны, и шуткою кончает поэму свою — мы чувствуем, что он любит свою бедную страстную героиню—Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе падшего, но еще очаровательного создания.

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина.—Он сильно овладел ее воображением, и никогда вполне не удовлетворяя ни ее страсти, ни любопытству— должен был до конца сохранить над нею роковое свое *влияние* (ascendant).

<1828>

<III>

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален—ибо мыслит.

---

[1] <с увлечением>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одаренного вкусом <и> чувствами. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех—Постараемся объяснить причины. Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия <и> чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются—Песни его уже не те—А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни—Поэт отделяется от них, и мало-по-малу уединяется совершенно. Он творит— для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, затерянных в свете, как он уединенных.— Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения.—У нас литература не есть потребность народная—Писатели получают известность посторонними обстоятельствами—Публика мало ими занимается—Класс читателей ограничен—и им

Пушкинский кабинет ИРЛИ

управляют журналы, которые судят о литературе, как о политической экономии, о политической экономии, как о музыке, т. е. наобум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что с другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки—тем не менее их приговоры имеют решительное влияние.—

Третья причина—эпиграммы Баратынского—сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнасса—Поэт наш не только никогда не нисходил к журнальной полемике и ни разу <не> состязался с нашими Аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить иногда своего мнения в этих маленьких сатирах столь забавных и язвительных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, если б они не существовали [1].—

Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики—очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господ-

[1] Эпиграмма, определенная законодателем французской пиитики и *Un bon mot de deux rimes orné*, скоро стареет и живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении—Напротив, в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободней, сильнее—Улыбнувшись ей как острому слову мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению (exagération) для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудами неблагодарными, редко замеченными, трудами отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего Гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своей дорогой один и независим— Время ему занять степень, ему принадлежащую— и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды.

Перечтите его Эду (которую критики наши нашли *ничтожной;* ибо как деги, от поэмы требуют они происшествий); перечтите сию простую восхитительную повесть; вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя.

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал—
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах— —

Она любит как дитя, радуется его подаркам, резвится с ним, беспечно привыкая к его ласкам— но время идет, Эда уже не ребенок.

<На камнях розовых твоих>
Весна <игриво засветлела,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей сребристой,
И лес прохладою душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Своею негою страшна
Тебе волшебная весна,
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица>
Не обращай <и в дол прекрасной
Не приходи, и сверх всего
Беги гусара своего.>

Какая роскошная черта, как весь отрывок исполнен неги. Эда влюблена...

<1830—1831>

<ОТВЕТ НА СТАТЬЮ В «АТЕНЕЕ» ОБ «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»>

В 4-ой книге Афенея напечатан разбор 4-ой и 5-ой главы Онегина.

Под романтизмом Автор разумеет оговорку, выручающую поэта. Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными—порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной, в него влюбленной, и что жмет руку у Ольги с дурным намерением подразнить своего приятеля.

Ему странно, что *тихий* (?), *мечтательный* (?) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную невесту кокеткой и ветреным ребенком, ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело и любовники никогда не поревнуют по пустякам.

Негодует на Татьяну за то, что раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти и пишет ему любовное письмо; что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с похвалою—хотя и находит в 2-ой главе Онегина 91 мелочь

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и еще сотни других, которые цепляют (?) людей, учившихся по старым грамматикам.

Из 291 мелочи—многие достойны осуждения, многие не требуют от Автора милостивого отеческого заступления.—Вольно всякому хвалить и порицать всё, что относится ко вкусу, — но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла — и я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времян. Следственно Державин ошибся, сказав *глагол времен*. Но Батюшков, который впрочем ошибался почти столь же часто, как и Державин, сказал:

То древню Русь и Нравы
Владимира Времян.

Что звук пустой, вместо подобно звуку, как звук. Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет *что*.

NB кстати о критиках. Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели—вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно, по крайней мере, писать всё предложение в естественном его порядке (sine inversione[1]).

Стесняет сожаление, безумные страданья, есть весьма простая метафора.—

Два века ссорить не хочу.

[1] <без инверсии>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кажется, есть правило об отрицании *не:* а то вместо ссорить кого, выйдет—*много ли времени?*

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять indifféremment[1] после отрицательной частицы *не* родительный и винительный падеж. Во-вторых—в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею *не*, требует вместо винительного падежа родительного. Например—*Я не пишу стихов.*—Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного.—Например, я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи.—В следующем предложении.—Я не могу позволить ему *начать* писать стихи.—Ужели частица *не* управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мной согласится. *Младой и свежий поцелуй*, вместо поцелуя молодых и свежих уст—очень простая метафора.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

В извлечении для смысла: *ребятишки катаются по льду.*

Точно так—сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора...

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

Лоно не означает *глубины*, лоно значит *грудь.*

Теплотою
Камин чуть дышит.

---

[1] <безразлично>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Опять простая метафора.

Кибитка удалая.

Опять метафора.

Людская молвь и конский топ.

(Выражение сказочное. Бова Королевич.)

Читайте простонародные сказки, молодые писатели—чтоб видеть свойства русского языка.

Как приятно будет читать:

Роп вм. ропот,
Топ вм. топот
Грох вм. грохот
Сляк вм. слякоть...

На сие замечу моему критику, что роп, топ и прочее употребляют простолюдины во многих наших губерниях.—

№ Мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина.

Что скажут они о поэме сего последнего, который

взвесить смел
Дух Росса, мощь Екатерины
И, опершись на них, хотел...

или о воине, который

Поник лавровою главой.

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы, по крайней мере, иметь школьные сведения о грамматике и риторике—и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

<1828>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<В ЗРЕЛОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИХОДИТ ВРЕМЯ...>

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному.—Так некогда во Франции светские люди восхищались музою Ваде, так ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собою мнение многих.—Но Ваде не имел ни воображения, ни поэтического чувства, его остроумные произведения дышат одною веселостью, выраженной площадным языком торговок и носильщиков.—Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина.—У нас это время, слава богу, еще не приспело, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Прелесть нагой простоты [так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями], поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем.

Мы не только еще не подумали приблизить поэтической слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность.—Опыты Жуковского и Катенина были неудачны, не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняло достоинство переводов из Гебеля и еще менее силу и оригинальность *Убийцы*, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея.—Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния: «Гляди, гляди, плешивый»—стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

не рассуждающим, что иногда ужас умножается, когда выражается смехом.— Сцена тени в Гамлете вся писана шуливым, даже низким слогом, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток.

<1828>

<НЕСКОЛЬКО МОСКОВСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ...>

Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку, как своими произведениями, так и нравственностию, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здравой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности.

Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. Х., бывшего корректора типографии, 17 октября сего года, при стечении многочисленной публики. Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием.

Председателем был избран единогласно г-н Трандафырь, знаменитый переводчик одного бессмертного романа.

Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин, молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статеек.

Ждали г-на Срамцова — но он не мог притти по причине флюса, полученного им на ярмонке во время метания чрезвычайно счастливой тальи.

Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасною речию, в которой трогательно изобразил он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, подвизающихся во мраке, не оза-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ренных светильником критики г-на Трандафырина.—Красноречиво убеждал он приняться за дело. «Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели» сказал он, «перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева, и разобрали заглавный лист Истории Государства Российского—труды бессмертные бесспорно, но совершенно недостаточные [для полного преобразования словесности и для истребления неутомимых наших врагов]».

После речи г-на председателя г-н Невеждин прочел проект нового журнала, имеющего быть издаваемым в следующем 1830 году, под названием *Азиатский Рак*. Журнал сей будет выходить каждый месяц по одной книжке—каждая книжка будет заключать в себе четыре отдела.

Отделение I. Изящная словесность. Переводы Байрона с польского; стихи молодых семинаристов; отрывки из записок г-на Трандафырина (для примеру г-н секретарь общества прочел пленительное описание отрочества почтенного г-на Трандафырина. Все с удовольствием слушали милые проказы маленького купчика, и тогда уже столь много обещавшего).

Отделение II. Критика.

<1829>

<МНОГИЕ НЕДОВОЛЬНЫ НАШЕЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКОЮ...>

Многие недовольны нашей журнальной полемикою за дурной ее тон, незнание приличий и т. п. Неудовольствие очень несправедливое. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в размышления, может не иметь времени являться в обществе и приобретать навык суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его

Пушкинский кабинет ИРЛИ

простодушной грубости—залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда легкомыслие и невежество выражаются языком [«Вестника Европы» и «Атенея»] пьяного семинариста.

<1829>

<ЗАМЕТКА О ПУБЛИКАЦИЯХ АП. В «СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ»>

Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев-Рюмин, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе.

Неуважение к литературной собственности автора сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева ни мало не показался мне странным. Так например, г-н Федоров напечатал под моим именем однажды <*неразбр.*> идиллическую нелепость, сочиненную вероятно камердинером г-на П<ан>аева.

Но когда альманах нечаянно попался мне в руки, и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему (г. Бестужеву) п<иесы>, из коих 5 и удостоились печати — признаюсь удивление мое было чрезвычайно.

В числе пьес, доставленных г-ном Ап., некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап. собрал давно написанные и <*неразбр.*> [мои стихи] заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои пр<оказы отрочества> и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап., что при первом таковом же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов.

<1829>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<АЛЬМАНАШНИК>

— Господи боже мой, вот уже четвертый месяц живу в Петербурге, таскаюсь по всем передним, кланяюсь всем канцелярским начальникам, а до сих пор не могу получить места. Я весь прожился, задолжал, а я ж отставной, того и гляди в яму посадят—

А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части?—Господи боже мой! да разве я не русский человек? Я на всё гожусь—разумеется, хотелось бы мне местечка потеплее, но дело до петли доходит, теперь я и всякому рад.—

Неужто у тебя нет таки ни единого благодетеля?

— Благодетеля? Господи боже мой! да в каждом министерстве у меня по три благодетеля сидит—Все обо мне хлопочут, все обо мне докладывают—а я всё таки без куска хлеба—

Служба тебе знать не дается—Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

Например за литературу—

— За литературу? Господи боже мой! в сорок три года начать свое литературное поприще—

Что за беда? а Руссо?—

— Руссо вероятно ни к чему другому не был способен. [Ему не обещали вице-губернаторства.] Он не имел в виду быть винным приставом—да к тому же он был человек ученый, а я учился в Московском университете—

Что за беда, затевай журнал—

— Журнал? а кто же подпишется.

Мало ли кто. Россия велика, охотников довольно.

— Нет, брат; нынче их не надуешь. Их отучили: все говорят: деньги возьмет, а журнала не выдаст или не додаст. Кому охота судиться из 35 рублей. [К тому ж я честный человек, и плутовать публично не намерен.]

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Ну, так пиши Выжигина—

— Выжигина? Господи боже мой: написать Выжигина не штука; пожалуй я вам в четыре месяца отхвачу 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина, но покаместь успею с голоду околеть—

Знаешь ли что? Издай Альманак.

— Как так?—

Вот как: выпроси у наших литераторов по нескольку пьес, кой-что перепечатай. Закажи в долг виньетку, сам выдумай заглавие, да и тисни с богом.

— В самом деле. Да я ни с кем из этих господ не знаком.

Что нужды: ступай себе к ним—скажи им, что ты юный питомец муз; впервые выступаешь на поприще славы и решился издать Альманак, а между тем просишь их воспоможения и покровительства—

— А что ты думаешь— ей богу я с отчаяния готов и на Альманак.

Советую дела не откладывать.

— Сегодня ж начну свои визиты.

И дело: желаю тебе всякого успеха.

Кабинет стихотворца.

(Всё в большом беспорядке. Посредине стол. Стихотворец и трое молодых людей играют в кости.)

Стихотворец, *гремя стаканчиком.* Я в руке. Sept à la main... neuf... Sacredieu... Neuf et sept... neuf...[1] мое... кто держит.

Гость. Экое счастие: держу.

Стихотворец. Sept à la main... *(про себя)* Это кто?

---

[1] <Семь в руке... девять... Проклятие... Девять и семь... девять.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Входит Альманашник *(одному из гостей)*. Я давно желал иметь счастье представиться вам— Позвольте одному из усерднейших ваших почитателей... Ваши прекрасные сочинения...

Гость. Вы ошибаетесь: я кроме векселей ничего не сочиняю: вот хозяин.

Альманашник. Позвольте одному из усерднейших...

Стихотворец. Помилуйте... радуюсь, что имею честь с вами познакомиться... садитесь, сделайте милость...

Альманашник. Вы заняты... Извините: я вам помешал.

Стихотворец. О нет... мы будем продолжать——Sept à la main... 3 крепс——Какое несчастие. *(Передает кости)*.

Гость. Сто рублей à prendre[1].

Стихотворец. Держу... *(Играют)*. Что за несчастие... *(Смотрит косо на Альманашника)*.

Альманашник. Я в первый раз выступаю на поприще славы и решил издать Альманах... я надеюсь, что вы...

Стихотворец. Пятую руку проходит!.. и всегда я попадусь... Вы издаете Альманах? под каким заглавием?.. Прошел—я более не держу.

Альманашник. *Восточная звезда*.——Я надеюсь, что вы не откажетесь украсить ее драгоценными...

Стихотворец *берет стаканчик*. Позвольте: сто рублей à prendre... Sept à la main... крепс—так. Это удивительно; первой руки не могу пройти— *(плюет, вертит стул)*. Несносный альманашник; он мне принес несчастие.

---

[1] <Разыгрываются.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Альманашник. Надеюсь, что вы не откажетесь украсить мой Альманак своими драгоценными произведениями...

Стихотворец. Ей богу—нету меня стихов,— все разобраны журналистами, альманашниками... Держу всё... что? прошел опять!.. Это непостижимо — Проклятый альманашник.

Альманашник *(вставая)*. Позвольте надеяться, что если будут у вас свободные пьески...

Стихотворец *(провожая его до дверей)*. Отыщу непременно, и буду иметь счастие вам доставить.

Альманашник. Поверьте, что крайность, бедственное положение, жена и дети—

Стихотворец *(его выпроводив)*. Насилу отвязался— Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? твое или его.

Стихотворец. Уж верно мое хуже. Отдавай стихи одному дураку в Альманак, чтоб другой обругал их в журнале. Жена и дети—чорт его бы взял... человек, кто там?

Входит слуга.

Стихотворец. Я говорил тебе, альманашников не пускать.

Слуга. Да кто их знает, альманашник ли, нет ли.

Стихотворец. Дурак, это по лицу видно. Я в руке: Sept à la main...

(Играют).

Харчевня.

(Бесстыдин, Альманашник обедают).

— Гей водки.

9 рюмка! И я за всё плачу— а что толку!

— Увидишь, как пойдет наш Альманак: с моей стороны даю 34 стихотворения, под пятью подпишу

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пущу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения.—Прозы у нас вдоволь: лихое обозрение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы... знаешь.

Никак нет-с, не знаю—

— Не знаешь, о да ты видно журнала моего не читаешь... Вот видишь ли, аристократами (разумеется в ироническом смысле) называются те писатели, которые с нами не знаются, полагая вероятно, что наше общество не завидное— Мы было сперва того и не заметили, но уже с год как спохватились, и с тех пор ругаем их наповал... Теперь понимаешь...

Понимаю.

— Водки! Эти аристократы... (разумеется, говорю в ироническом смысле) вообразили себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал бы я посмотреть, кто меня не впустит; чем я хуже другого—Ты смотришь на мое платье...

Никак нет, ей богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивом рынке... К тому же я не стану франтить в харчевне—[но на балах, о, на балах] я великий щеголь, это моя слабость. Если б ты видел меня на балах... Я славно танцую, я танцую французскую кадриль. Ты не веришь... *(встает шатаясь танцует)*. Каково?

Прекрасно.

(Бесстыдин зацепляет стакан и роняет его).

— Боже мой—стакан в дребезгах... Его поставят на счет—и еще граненый—

— Как на счет?—его склеят... вот и всё *(подбирает стекло и подает)*.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

(Расплачивается охая, выводит под руку Бесстыдина он на ногах не стоит).

— Так и быть, взять извозчика—

Бесстыдин. Сделай одолжение... посади меня верхом—сам садись поперек, да поедем по Невскому, люблю франтить, это моя слабость—

— И вот моя последняя опора! Господи боже мой!

— Можно видеть барина?

Никак нет—он почивает.

— Как, в 12-ть часов?

Он возвратился с балу в 6-м часу.

— Да когда же его можно застать?

Да почти никогда.

— Когда же ваш барин сочиняет?

Не могу знать.

— Экое несчастье!———Доложи своему барину, что приходил рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя...

<1830>

ДЕТСКАЯ КНИЖКА

<I.> Ветреный мальчик

Алеша был очень не глупый мальчик, но слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться. Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдываться разными увертками. Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским или немецким языком, то он отвечал, что он русский, и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педантам простительно было им заниматься; русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой философической. Логика казалась ему наукой прошлого века, не-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

достойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за *вокабулы*, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч.—Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые 4 правила арифметики и читал довольно бегло по-русски, прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешею.

<II.> Маленький лжец

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок—он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок астроном, форейтор, историк и его птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду.

<III. Ванюша, сын приходского дьячка>

Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун. Целый день проводил он на улице с мальчишками, валяясь с ними в грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша показывал ему язык, бегал за ним и изо всей силы кричал: «пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака! безбожник, нигилист!»—и кидал в него грязью.—Однажды степенный человек, им замаранный, рассердился и, поймав его за вихорь, больно побил его тросточкой. Ванюша в слезах побежал жаловаться своему

Пушкинский кабинет ИРЛИ

отцу. Старый дьячок сказал ему: поделом тебе, негодяй; дай бог здоровья тому, кто не побрезгал поучить тебя. Ванюша стал очень печален, почувствовал свою вину и исправился.

<1830>

<РАЗГОВОР>

А. Читал ты замечание в «*Литературной Газете*», где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унизительного сравнения!

Б. А так извини: я с тобою несогласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в *Газете)* с нашими никаким образом сравнить нельзя,—а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподобленными этим господам.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в *Литературной Газете?*

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как и честные люди,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в *Литературной Газете?*

Б. То-то я й говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут кричать: повесим их, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в *Газете* не сказано.

А. Как не сказано? постой, она при мне... *(вынимает из кармана Газету)*. А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приуготовили крики etc.—Так неужто в самом деле эпиграммы приуготовили Французскую Революцию?

Б. О Французской Революции *Литературная Газета* молчит, и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates à la lanterne [1] и повесить и т. д. ça ira.

Б. И ты видишь тут Французскую Революцию!

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот, я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому, что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным.—

А. Следственно я и прав. В крике les aristocrates à la lanterne вся Революция.

Б. Ты не прав. В крике les aristocrates à la lan-

---

[1] <Аристократов к фонарю!>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

terne один жалкий эпизод Французской Революции—гадкая фарса в огромной драме.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною! Но если и в самом деле, то уж конечно неумышленно!

Б. Вероятно.

А. A propos[1], какого ты мнения о Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

[А. Итак, revenons à nos moutons[2], обратимся к литераторам. Неужто в самом деле эпиграммы французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne?

Б. Таково по крайней мере мнение *Литературной Газеты.*

А. А твое мнение? нельзя узнать.

Б. Экой лукавый! заманивает опять меня в политику. Не узнаешь!

А. И ты мне не будешь отвечать?

Б. Нет.]

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделала *Пчела* всю *Литературную Газету*, издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так прочти же *(дает ему журнал).*

Б. Что значат эти точки?

А. Ах! я спрашивал—тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. *(отдавая журнал).* Жаль, в этих ругательствах может быть был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что-то *(дает другой журнал).*

Б. *(прочитав).* Тут и ругательства есть, а смысла всё таки не более.—

---

[1] <Кстати>

[2] <Вернемся к нашим баранам.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. Так ты видно стоишь за *Литературную Газету*. Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом! что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? о, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель *Литературной Газеты* и сотрудники его и читатели его—все аристократы (разумеется в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу.— Будучи сам литератором, я читаю *Литературную Газету:* ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в *Литературной Газете* ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли: барон Дельвиг, князь Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр. мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступясь за грамотное купечество, в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

А. Это замечание могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь или сам ты невинный.— Кто же сии невинные?

А. Как, кто? Издатели *Северной Пчелы.*

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей *Северной Пчелы* слишком хорошо известен, и *Литературная Газета* повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит avis au lecteur[1]? к кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить

[1] <Предупреждение читателю.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и сословия, как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия, но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, нехорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию—pas si bête[1]. Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) не хорошо—и даже неблагоразумно. [Положим, что эпиграммы демократических французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne; у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие...] Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу...

А. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностию за *Северную Пчелу*.

Б. Потому, что свой своему поневоле брат.

А. Отчего же замечание *Газеты* показалось сначала столь предосудительным, даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. Журналы наши,

[1] <Они не настолько глупы.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой не занимаешься, но это тебе понятно, не правда ли?—Демократические наши журналы, напав на дворянство...

А. Опять демократические журналы! Какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, всё-таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор и нашли его в *Газете Литературной*. Всё это естественно и даже утешительно. Но повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю *Литературной Газеты*, чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они впрочем ни происходили.

<1830>

<О КРИТИКЕ И ПОЛЕМИКЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»>

<1>

Отдавая полную справедливость благонамеренности и беспристрастию вашей *Газеты*—признаюсь, не мог я согласиться с мнениями, которые обнаруживает она касательно критики и полемики.

Во-первых, что значат вечные толки о *вежливости?* Если бы критики наших журналов погрешали единой своею грубостию, то беда была бы еще не большая.

[Вы поминутно говорите о приличии журнала], но позвольте дать заметить, что и *Газета*, ста-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

раясь быть равно учтива и важна в отношении ко всем книгам, ею разбираемым, без сомнения погрешала бы противу правил приличия, [как и прочие наши журналы].—В обществе вы локтем задели вашего соседа, вы извиняетесь—очень хорошо.—Но гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: mille pardons[1]. Вы зовете извозчика—и говорите ему: пошел в Коломну, а не—*сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну.*—Разница критиковать Историю Государства Российского—и например ***.

У нас вошло в обыкновение между писателями, заслужившими доверенность и уважение публики, не возражать на критики. Редко кто-нибудь из них подаст голос, и то не за себя. Обыкновение вредное для литературы. Таковые анти-критики имели двоякую пользу: исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани, что публика etc.— —

Возразят, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним, не марая себя. В таком случае объяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены. В этом отношении мне нравится одна из статей вашего журнала как доброе дело.

Вы советуете...

<1830>

<2>

Тем хуже для литературы.—Если бы все писатели, заслуживающие уважение, доверенность

[1] <Тысяча извинений!>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о романтизме, или Катенина об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова! Эти господа в короткой связи между собою и вероятно друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях.—Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах.

Публика довольно равнодушна к успехам словесности—истинная критика для нее не занимательна. Она изредка смотрит на драку журналистов, мимоходом слушает монолог раздраженного автора—или пожимает плечами.

Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца и аплодирую тому, кто сбил своего противника. Если бы я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение—какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и box'овать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны.

Критика не имеет у нас никакой гласности, вероятно и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалят ли их или бранят.—

Извините, Пушкин читает все №№ *Вестника Европы*, где его ругают, что̀ значит по его энергическому выражению—*подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей.*—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Куда как любопытно!

Любопытство, по крайней мере, очень понятное!— Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более.

Но сатира не критика—эпиграмма не опровержение.—Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии.—

<3>

А. Читали вы в последнем № *Газеты* критику?

В. Нет, я не читаю русской критики.—

А. Напрасно. Ничто иное не даст вам лучшего понятия о состоянии нашей литературы.

В. Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?

А. Ни мало! У нас никогда критика не имеет почти никакого влияния на судьбу какого-нибудь произведения. Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец о мнениях, господствующих в публике.

В. Мне не нужно читать [*Вестник Европы*], чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде—и что романтической поэзии у нас никто не понимает— что же касается до отношений г-на Раича к г. Полевому, г-на Каченовского к г. Булгарину—это вовсе не любопытно...

А. Однакоже иногда забавно.—

В. Вам нравятся кулачные бойцы.

А. Почему же нет. Державин их воспевал. Наши бояре ими тешились.—Мне столь же нравится князь Вяземский в схватке с каким-нибудь записным журнальным буяном, как граф Орлов в бою с ямщиком.— Это черты народности.—

В. Вы упомянули о князе Вяземском.—Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой.

<1830>

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого роду, но еще не отрекся я совершенно от права самозащищения.

Southey.

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критику.— Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков.—Если будем судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет.— Это напоминает старинную эпиграмму:

Глухой глухого звал к суду судьи глухова,
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: Почто итти вам брат на брата:
Не тот и не другой, а девка виновата.

Можно *не удостоивать ответом своих критиков* (как аристократически говорит сам о себе Издатель Истории Русского Народа), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. Но из уважения к себе не должно оставлять без внимания по лености или добродушию оскорбления личные и клеветы, ныне к несчастию слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-тилетней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю

Пушкинский кабинет ИРЛИ

уж о ругательствах), то сие происходило конечно не из презрения [1].

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года, перевод Илиады, несколько цветов элегической поэзии,—так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния.— Время их еще не приспело.—

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб и недоставало во мне веселости или педанства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику.

---

[1] <Перед этим зачеркнуто:> [Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и вероятно искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастию замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны, удостоверяясь, что труды их не потеряны.]

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Я заметил, что самое глупое ругательство, неосновательное суждение, получает вес от волшебного влияния типографии [1]. Нам всё еще *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

Но признаюсь, мне совестно было итти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi, je vous soutiens que mes vers sont très bons [2].

[Например, один из моих критиков, человек впрочем добрый и благонамеренный, разбирая кажется *Полтаву*, выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*. Что бы мог я отвечать ему на это! А так поступали почти все его товарищи], ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно, а это дурно потому, что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче, в несносные часы карантинного заключения, не имея

---

[1] <Перед этим зачеркнуто:> [Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однакож я видел...]

[2] <А я утверждаю, что мои стихи очень хороши!>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения не литературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспоривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Всё имеет свою злую сторону—и неуважение к чести и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно *обиняки*. Первым примером обязаны мы **, который в своем журнале напечатал уморительный Анекдот о двух Китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот Китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частию из-за Китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного, или безыменного писателя. Большею частию сии Китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей, по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот, о котором напечатают, что человек такого-то звания, таких-то

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лет, таких-то примет— —крадет например платки из карманов—всё-таки должен отозваться и вступиться за себя, конечно не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, дозволять всякому негодяю швырять в вас грязью. Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских пистолетах с учтивым джентельменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае, что прикажете делать с тем, который, по выражению Шатобриана, comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas[1]?

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в Литературной Газете, человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, *скромный*, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Фр<анцуз> отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить. On en rit, j'en ris encore moi-même[2].

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портреты мои слишком льстивы.—На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю

---

[1] <как человек благородного происхождения оскорбляет и не дерется>

[2] <Над этим смеются, я сам еще смеюсь.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под.—Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод—суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes publics), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу—Мало по малу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б <рода> они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности [ремесла].

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать—но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам—Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что говорят за ним важивалось) или, тихонько взяв рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось), склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чрезвычайно скучной роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смирный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесстыдным образом. Трагик Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.

---

*Сам съешь**. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: *обратите это на себя*. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. *Сам съешь* есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. — Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе — и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: *сам съешь*.

Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*.—Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки.—*Сам съешь*.

Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили

---

* Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для *будуарных* или даже для *паркетных* дам, как журналисты называют дам, им незнакомых.)

Пушкинский кабинет ИРЛИ

себе посмеяться над нетерпимостию дворян-журналистов.—Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное *Сам съешь*! К несчастию в *Литературной газете* отыскали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что?—А публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим мнением: т. е. что *сам съешь* вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском анекдоте № 1.

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат [1]. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор *Федры*, если б к несчастию написал ее русский и в наше время. Извольте.

---

[1] <Зачеркнуто:> [Сравнивая Шекспира с Байроном, недавно один из наших критиков считал по пальцам, где более мертвых? В трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ими. Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать его, удивительно забавно].

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковерность супруга своего, взносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить (!!!) Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына(!!)—после чего Ипполита разбивают лошади(!!!)—; Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется—и точка. Вот что пишут, не краснея», писатели, которые и проч. (тут личности и ругательства); «вот до какого разврата дошла у нас литература—кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!»

Шлюсь на совесть самих критиков.—Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно, не равные достоинством произведениям Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении.

Спрашиваем: должно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и полатыни, а приятели называли этот [вздор] глубокомыслием.

Если б *Недоросль*, сей единственный памятник народной сатиры, если б *Недоросль*, которым некогда восхищались Екатерина и весь ее блестящий двор, явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *каналья* и *собачья дочерью*, а себя сравнивает с *сукою* (!!). «Что скажут дамы, воскликнул

Пушкинский кабинет ИРЛИ

бы критик, ведь эта комедия может попасться дамам!»—В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого Вальтер Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным,—разумеется в журналах (в свете приняли его благосклонно), и никто из журналистов не захотел за него вступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину. Какой ужас! Как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бедной сказке (писанной, будь сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом)—подняли против меня всю классическую древность и всю европейскую литературу. Верю стыдливости моих критиков; верю, что *Граф Нулин* точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шутливых повестей: Ариост, Боккачио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить *Душеньку* в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но отстранив неравенство поэтического достоинства, *Граф Нулин* должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-тилетняя племянница, у другого 15-тилетняя знакомая, и всё, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным! Как будто литература и существует только для 16-тилетних девушек! Благоразумный наставник, вероятно, не даст в руки ни им, ни даже их братцам ни единого из полных сочинений классического поэта, особенно древнего; на то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под., но публика не 15-тилетняя девица и не 13-тилетний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказку доброго Лафонтена, и эклогу доброго Виргилия, и всё, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

> Vous êtes donc bien tendre à la tentation
> Et la chair sur vos sens fait grande impression!
> Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
> Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
> Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
> Que toute votre peau ne me tenterait pas[1].

---

[1] <Однако вы очень податливы на искушенье,
И тело сильно действует на ваши чувства!
Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.
Я совсем не так быстра на плотские желания,
И предстань вы мне голым от головы до пят,—
Вся ваша кожа меня бы не соблазнила.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано общественное счастие или достоинство человеческое.—Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу—в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостию и минутною игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-тилетнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей.———По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче, за чужие проказы. В альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана *Идиллия*, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, *Она мила*, *скажу меж нами)*, или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте

Пушкинский кабинет ИРЛИ

более зрелом и степенном (например, *Послание к Юрьеву).*

Отчего издателя *Литературной газеты* и его сотрудников называют аристократами (разумеется *в ироническом смысле*, пишут остроумно журналисты). В чем же состоит их аристократия? В том ли, что они дворяне?—Нет; все журналисты побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в *Литературной газете* доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратиев-мещан. Может быть, в притязаниях на тон *высшего* общества? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего* общества; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*, и т. п. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (naiserie) (NB не одно просторечие). Не они провозгласили себя опекунами высшего общества. Не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas [1]. Не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными—разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то мещанином, такого-то аристократом. Не

[1] <Как человек благородного происхождения, оскорбляют и не дерутся.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

они толкуют вечно о *будуарных читательницах, о паркетных* (?) *дамах.* Отчего же они аристократы (разумеется в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II), отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Орлову), генерал-аншеф и проч.—был куплен шкипером за бутылку рому*.

Прадед мой, если был куплен, то вероятно дешево, но достался шкиперу, коего имя всякой русской произносит с уважением и не всуе.

Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее[1]. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю **.....[2] В свете оно тотчас было замечено и .....[3] были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата,—а в статейке, заимствован-

---

* Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч... Голиков ошибся. У Петра не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочими Орлов и Р<умянцев>—родоначальники исторических фамилий.

[1] <Не дописано:> Но не простительно было бы нам дозволять всякому [выходцу клеветать].

[2] <Число точек точно соответствует числу букв фамилии: Юсупову.>

[3] <Пять точек в подлиннике.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ной у Мерсье, заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы *.

Род мой один из самых старинных дворянских[1]. Мы происходим от прусского выходца Радши или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжения святого Александра Ярославича Невского (см. *Русский Летописец и Историю Российского государства*). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости <к> покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи—столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. При избрании Романовых на <царство> 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольничий, под <соборным деянием> о уничтожении местничества (что мало делает ему

---

* Будем справедливы: г. Полевого нельзя упрекнуть в низком подобострастии перед знатными, напротив, мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым.

[1] <Перед этим зачеркнуто:> [В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать— дворянин во мещанстве].

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшой дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах.—Единственный сын его, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине— и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странна судьба <и> союз сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Чрез 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях [1].

Если быть дворянином значит подражание английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил—от разночинцев, вышедших во дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя

---

[1] <Зачеркнуто:> Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместия скоро исчезнут, имя их останется честным, единственным достоянием темных потомков некогда знатного боярского рода.— Я русский дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доныне я его не обнаруживал и никому до него дела нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние даже разночинцам, вышедшим во дворяне, и досужим [журнальным] балагурам!

Образованный француз иль англичанин дорожил строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, падшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины. Но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные—но

Пушкинский кабинет ИРЛИ

неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами [1].

<ЗАМЕТКИ. ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ «ОПЫТА ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ».>

<1. О цене «Евгения Онегина»>

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою *Евгения Онегина* и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал, или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое

<1830>

[1] <Неоконченная статья «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», в которой Пушкин предполагал объединить часть набросанных им осенью 1830 г. полемических заметок, восстановлена на основании следующего ее плана:>

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.

§ 1. О личной сатире.— Китайские анекд<оты>.— Сам съешь.

§ 2. О нравственности.— О графе N<улине>.—Что есть безнравственное сочинение.— О Видоке.

§ 3. О Лит<ературной> аристокр<атии>. —О дворянстве.

§ 4. Разговор о примеч<ании *Литературной газеты*>.

<§ 5.> З а к л ю ч е н и е.

<Набрасывая этот план, Пушкин предусматривал в нем порядок размещения только наиболее значительных заметок, не оговаривая всех попутных разъяснений и фактических иллюстраций к основным темам. И те и другие размещены нами на основании или самого их положения в рукописях, или всякого рода пушкинских отметок на последних. Из ранее написанных вещей Пушкин предполагал включить в «Опыт» заметку о «Видоке» <см. выше> и «Разговор о примечании «Лит. газеты» <см. выше>, но, поскольку соответственно переработать он этих статей не успел, мы их здесь и не перепечатываем. Вовсе не было написано (или не дошло до нас) «Заключение» статьи.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

обвинение издатели *Северной пчелы?* Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, всё-таки продавали б по 5 рублей.—Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам писателям, очень известны.—Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку в продаже.

Спрашиваю: что выгоднее напечатать—20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 копеек, или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire [1]), не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светской человек, и дамы, и горничные, и дети.—Но стихотворение лирическое читает токмо любитель поэзии.—А много ли их?—

<2. Шутки наших критиков>

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в лицее один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно

---

[1] <самого национального и самого популярного>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему лицею:

Ха ха ха, хи хи хи
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного *Вестника Европы* найти следующую шутку. Альманах *Северные цветы* разделяется на прозу и стихи.—Хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи хи* показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в *Северной пчеле*: «*хи хи*, как весьма остроумно сказано было в *Вестнике Европы*» etc.

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: «древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния». Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто. В стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии? Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно,—обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить собою публику. Положим, всё та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? Публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия.

<1830>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<НАБРОСКИ ВОЗРАЖЕНИЙ КРИТИКАМ «ГРАФА НУЛИНА»>

<1>

В *Вестнике Европы* с негодованием говорили о сравнении *Нулина* с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем *Графе Нулине* этого сравнения не находится, так же как и глагола: цапцарапствую, но хоть бы и было, что за беда?

<2>

Кажется, молодой критик имеет столь же неосновательное понятие о чистоплотности, как и о литературе.

<3>

Отчего происходит эта смешная стыдливость и жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи [1], пришедшей в гости к петербургской барыне?

Потому что нашим литераторам хочется доказать, что и они принадлежат высшему обществу (high life, haute), что и им известны его законы; не лучше ли было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать просто к хорошему обществу (bonne société)?

<4>

Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете, что могут <и> чего не могут читать наши дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа). Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться.—Не странно ли в ученых из-

---

[1] <Незачеркнутый вариант:> просвирни в гостях у приезжей горожанки.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

даниях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *паркетных дам.*—Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки.—Почему им знать, что в мужчине жеманство и напыщенность нестерпимы, еще более выказывают мелкое общество, чем простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличает незнание света. Почему им знать, что откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха—между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку.—Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. Один из них думал, что невозможно говорить при дамах о блохах, и дал за то строгий выговор—кому же—одному из молодых блестящих царедворцев.—В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разбирал ее как самую вольную сказку Бокаччио иль Лафонтена—все петербургские дамы читали ее и знали целые отрывки наизусть. Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее и отвлек на несколько дней всех наших дам от fashionable tales [1] и исторических записок. Что же? Газета дала заметить автору, что в его простонародных сценах находятся слова ужасные: *сукин сын.* Возможно ли—что скажут дамы, если паче чаяния взор их упадает на это не-

[1] <модные рассказы>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

слыханное выражение — Чтоб они сказали Фон-Визину, который императрице Екатерине читал своего *Недоросля*, где на каждой странице эта невежливая Простакова бранит Еремеевну *собачьей дочерью*—Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении *Душеньки*, и об успехе сего прелестного произведения?—Что думают они о шутливых одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева?—*Молодая жена* не столь же ли безнравственна, как и *Граф Нулин*.

<1830>

<ЗАМЕТКИ О НАРОДНОЙ ДРАМЕ И О «МАРФЕ ПОСАДНИЦЕ» М. П. ПОГОДИНА>

Драматическое искусство родилось на площади— для народного увеселения. Что нравится народу, что поражает его? Какой язык ему понятен?

С площадей, ярманки (вольность мистерий) Расин переносит ее во двор. Какое было ее появление? (Корнель, поэт испанский).

Сумароков, Озеров—(Катенин).

Шекспир, Гете—влияние его на нынешний французский театр, на нас. Блаженное неведение критиков, осмеянное Вяземским: они на словах согласились, признали романтизм, а на деле не только его не держутся, но детски нападают на <него>.

Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.

Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка, любимой мысли. *Свобода.*

Между тем как эстетика со времен Канта и

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Лессинга развита с такой ясностию и обширностию, мы всё еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда; мы всё еще повторяем, что *прекрасное* есть подражание изящной природе, и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами?— И какая польза в тициановой Венере и Аполлоне Бельведерском?

Правдоподобие всё еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что, если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие.

Читая поэму, роман, мы часто можем забыться и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можем думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования, в настоящих обстоятельствах. Но [может ли сей обман существовать] в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полу-скиф Ипполит ее поднимает и говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. А Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Римляне Корнеля суть если не испанские рыцари, то гасконские бароны. Со всем тем Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосягаемой—и их произведения со-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ставляют вечный предмет наших изучений и восторгов.——

Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя? Для разрешения сего вопроса, рассмотрим сначала, что такое драма и какая ее цель.

Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия—драма представляет ему необыкновенное, истинное происшествие. Народ требует сильных ощущений—для него и казни—зрелище. Трагедия преимущественно выводила пред ним тяжкие злодеяния, страдания сверхъестественные, даже физические (например, Филоктет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения—воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно, изображение же страстей и излияний души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала заведывать страстями и душою человеческою.

Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия,—древние трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую более как пародию. Таким образом родилась комедия—со временем столь усовершенствованная. Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что <она> нередко близко подходит к трагедии.

Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах—вот чего требует наш ум от драматического писателя.

Драма оставила площадь и перенеслася в чер-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тоги по требованию образованного избранного общества. Поэты переселились ко двору. Между тем, драма остается верною первоначальному своему назначению—действовать на толпу, занимать ее любопытство. Но тут что привлекает внимание образованного, просвещенного зрителя, как не изображение великих государственных происшествий. Отселе история, перенесенная на театр, и народы и цари, выведенные перед нами драматическим поэтом. В чертогах драма изменилась, голос <ее> понизился. Она не имела уже нужды в криках. Она оставила маску преувеличения, необходимую на площади, но излишнюю в комнате. Она явилась проще, естественнее. Чувства более утонченные уже не требовали сильного потрясения. Она перестала изображать отвратительные страдания, отвыкла от ужасов, мало-по-малу сделалась благопристойна и важна.

(Отселе важная разница). Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностию <в> своей возвышенности—и публика [это] признавала беспрекословно, чувствуя <свою> слабость. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере, так думал он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унизить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей—отселе робкая покорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу (un héros, un roi de comédie[1]), привычка смотреть на людей высокого состояния с каким-то подобострастием и придавать им стран-

[1] <герой, король комедии.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ный, нечеловеческий образ изъяснения. У Расина (например) Нерон не скажет просто, je serai caché dans ce cabinet[1]—но caché près de ces lieux je vous verrai, Madame[2]—Агамемнон будит своего наперсника, говорит ему с напыщенностью: Oui, c'est Agamemnon...[3]

Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и быть должно. Но надобно признаться, [у Шекспира этого незаметно]. И если [иногда] герой выражается в его трагедиях, как конюх, то нам это не странно, ибо мы чувствует, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди.

Драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное.

Не имею целию и не смею определять выгоды и невыгоды той и другой трагедии—развивать существенные разницы систем Расина и Шекспира, Кальдерона и Гете. Спешу обозреть историю драматического искусства в России.

Драма никогда не была у нас потребностию народною. Мистерии Дмитрия Ростовского, трагедии царевны Софии Алексеевны были представляемы при царском дворе и в палатах ближних бояр — и были необыкновенным празднеством, а не постоянным увеселением. Первые труппы, появившиеся в России, не привлекли народа, не понимающего драматизма и не привыкшего к его условиям. [Попытки Волкова не имели успеха.] Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нра-

---

[1] <Я спрячусь в этой комнате.>

[2] <Спрятанный вблизи этих мест, я буду вас видеть сударыня.>

[3] <Да, это Агамемнон...>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вились двору Елисаветы, как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие. Театр оставался поприщем, чуждым нашим обычаям. Озеров это чувствовал. Он попытался дать нам трагедию народную—и вообразил, что для сего довольно будет, если выберет предмет из народной истории, забыв, что поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и европейской истории, и что самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из италиянских новелей.

После *Дмитрия Донского*, после *Пожарского*, произведения незрелого таланта, мы всё не имели трагедии. *Андромаха* Катенина (может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому) не разбудила однакож ото сна сцену, опустелую после Семеновой.

Ермак идеализированный, лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем всё чуждо нашим нравам и духу, всё, даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры.

Отчего же нет у нас народной трагедии? Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, сумароковскую трагедию низвести на площадь—но какие препятствия!

Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расина, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек (от своего разговора

Пушкинский кабинет ИРЛИ

размеренного, важного и благопристойного)? Как ей перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? как ей вдруг отстать от подобострастия, как ей обойтись без правил, к которым она привыкла, где, у кого выучиться наречию, понятному народу, какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучие—словом, где зрители, где публика?

Вместо публики встретит она тот же малый, ограниченный круг—и оскорбит надменные его привычки (dédaigneux) вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий, услышит она мелочную, привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды — для того, чтоб она могла расставить свои подмостки, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий.— — —

Перед нами, однакож, опыт народной трагедии...

Прежде, чем станем судить, поблагодарим неизвестного автора за добросовестность его труда, поруку истинного таланта. Он написал свою трагедию не по расчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приуготовленных к романтической драме, но даже решительно ей неприятствующих*. Он написал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде. Без сего самоотвержения в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания.

---

* Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют влияние не только на публику, но даже на писателей, которые, хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Автор *Марфы Посадницы* имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единодержавии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое—Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе—Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт — беспристрастный, как судьба—должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии,—но люди минувших дней, умы их, предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные, необходимые условия автор *Марфы Посадницы*? Отвечаем: исполнил—и если не везде, то изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная,—сколько глубокое добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужили.

Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю машину, все страсти, все пружины— в первой сцене Новгород узнает о властолюбивых его притязаниях и о нечаянном походе. Негодование, ужас, разногласие, смятение, произведенное сим известием, дают уже понятие о его могуществе. Он еще не появлялся, но уж тут,— как Марфа, мы уже чувствуем его присутствие. Поэт переносит нас в московский стан среди недовольных князей, среди бояр и воевод. И тут мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми стра-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

стями. Здесь видим могущество его владычества, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его всемогущество. Князья свободно и ясно понимают его действия, предвидят и изъясняют высокие замыслы; послы новогородские ожидают его. Является Иоанн. Речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид—мы слышим точно Иоанна, мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века: Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! Иоанн не заботится о том, правы ли они или нет. Он предписывает свои последние условия. Между тем готовится к решительной битве. Но не одним оружием действует осторожный Иоанн. Измена помогает силе. Сцена между Иоанном и вымышленным Борецким—(кажется нам) невыдержанною. Поэту не хотелось совсем унизить новгородского предателя—отселе заносчивость его речей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажут: он терпит, ибо ему нужен Борецкий—правда. Но пред его лицом не смел забыться бы Борецкий, и изменник не говорил бы уже вольным языком новогородца. Зато с какой полнотою, с каким спокойствием развивает Иоанн государственные свои мысли!—и заметим, откровенность вот лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Последняя речь Иоанна (Российские бояре, вожди, князья, и проч.) кажется нам не в духе властвования Иоанна. Ему не нужно воспламенять их усердия, он не станет им изъяснять причины своих действий. Довольно, если он скажет им—завтра битва, будьте готовы.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Мы расстаемся с Иоанном, узнав его намерения, его мысли, его могущую волю—и уже видим его опять, когда молча въезжает он победителем в преданный ему Новгород. Его распоряжения, переданные нам историею, сохранены и в трагедии без добавлений затейливых, без объяснений. Марфа предрекает ему семейственные несчастия и погибель его рода. Он отвечает:

Что господу угодно—да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.

Таково изображение Иоанна, изображение согласное с историей, почти везде выдержанное—в нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко—и представляет нам без театральных преувеличений, без надутости, чопорности, без противусмыслия, без шарлатанства.

<НАБРОСКИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ ОБ «ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА» Н. А. ПОЛЕВОГО>

<1>

Противуречия <и> промахи, указанные в разных журналах, доказывают, конечно, не невежество г. Полевого (ибо сих обмолвок можно было избежать, дав себе время подумать или справиться), но только непростительную опрометчивость и поспешность. Презрение, с каким г-н Полевой отзывался в своих примечаниях о Карамзине, издеваясь над его трудом,—оскорбляло нравственное чувство уважения нашего к великому соотечественнику.—Но сия опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому в мнении малого числа просвещенных и благоразумных читателей, ибо они поколебали, если не вовсе уничтожили, доверенность, которую обязан он был

Пушкинский кабинет ИРЛИ

им внушить.—Теперь мы читаем *Историю Русского Народа*, не полагаясь на добросовестность труда и верность разысканий,—но на каждое слово невольно требуем подтверждения постороннего, если не имеем терпения или способов справляться сами.—*История Русского Народа* состоит из отдельных отрывков, часто не имеющих между собою связи по духу, в коем они писаны, и походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу, обдуманную одним человеком и проникнутую единством духа.—

Несмотря на сии недостатки, *История Русского Народа* заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB. Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальнему и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований.—

Второй том, ныне вышедший из печати, имеет, по нашему мнению, большое преимущество перед первым.

1) В нем нет сбивчивого предисловия и гораздо менее противуречий и многоречия.

2) Тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее.

3) Самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому.

II том начинается взглядом на всеобщее состояние Европы в XI столетии.

<2>

Г. Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Он видит, что Россия была совершенно отделена от Западной Европы. Он предчувствует тому и причину, но вскоре желание приноровить систему новейших историков и к России увлекает его.— Он видит опять и феодализм (называет его семейственным феодализмом) и в сем феодализме средство задушить феодализм же, полагает его необходимым для развития сил юной России.—Дело в том, что в России не было еще феодализма, как первые <*неразбр.*> не суть еще бароны феодальные, а были уделы, князья и их дружина; что Россия не окрепла и не развилась во время *княжеских* драк (как энергически назвал Карамзин удельные междоусобия), но, напротив, ослабела и сделалась легкою добычею татар [1], что аристократия не есть феодализм и что аристократия, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка. Объяснимся.

Феодализм частность.—Аристократия общность.

Феодализма в России не было. Одна фамилия, Варяжская, властвовала независимо, добиваясь великого княжества.

Феодальное семейство одно (Vassaux).

Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий,—не сосредоточиваясь в малом семействе,—не враждуя против королей,— не продавая своей помощи городам.

Но они были вместе, придворные товарищи составили союз,—считались старшинством,—крамольничали.

Великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их усмирить.

Аристократия стала могущественна. Иван Ва-

---

[1] <Незачеркнутый вариант:> Что драки княжеские не развили никакой силы, доказательство—нашествие татар.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сильевич III держал ее в руках при себе. Иван IV казнил. В междуцарствие она возросла до высочайшей степени <?> Она была наследственная— отселе местничество, на которое до сих пор привыкли смотреть самым детским образом. Не Феодор, но Языков, т. е. меньшое дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле <придворного?> чина, но в смысле аристократии.

Феодализма у нас не было, и тем хуже.

<3>

Освобождение городов не существовало в России. Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не *общины* (communes), удаленные от великого княжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей.—Феодализм мог бы, наконец, родиться, как первый шаг учреждений независимости (общины второй), но он не успел. Он развился во время татар, был подавлен Иоанном III, гоним, истребляем Иоанном IV, стал развиваться во время междуцарствия, постепенно упразднялся искусством Романовых и наконец разом уничтожен Петром и Анною Ивановною, указом 1731 года уничтожившей указ Петра.

История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир.—История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима.—История новейшая есть история христианства.—Горе стране, находящейся вне европейской системы! Зачем же г-н Полевой за несколько страниц выше повторил пристрастное мнение 18-го столетия и признал концом древней истории падение Западной Римской

Пушкинский кабинет ИРЛИ

империи,—как будто самое распадение оной на Восточную и Западную не есть уже конец Рима и ветхой системы его?

Гизо объяснил одно из событий христианской истории: *европейское просвещение*. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя всё отдаленное, всё постороннее, *случайное*, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, тяжелые и порою рассветающие века.

Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада.—Не говорите: *Иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человеческой были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра.—Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая*. Один из остроумнейших людей XVIII столетия предсказал Камеру французских депутатов и могущественное владычество России, но никто не предсказал ни Наполеона, ни Полиньяка—мощного, мгновенного орудия провидения.

<1830—1831>

<ОБ АЛЬФРЕДЕ МЮССЕ>

Между тем как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые размышления под заслуженным названием Harmonies religieuses, между тем как важный Victor Hugo из-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

давал свои блестящие, хотя и натянутые *Восточные стихотворения* (Les orientales), между тем как бедный скептик Делорм воскресал в виде исправляющегося неофита, и строгость нравов и приличий была объявлена в приказе по всей французской литературе, вдруг явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен и произвел ужасный соблазн—Musset взял, кажется, на себя обязанность воспевать одни смертные грехи, убийства и прелюбодеяние. Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостию самые обнаженные описания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается и, к несчастию, чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость. Воспевает луну такими стихами, какие осмелился бы написать разве только поэт блаженного XIV века, когда не существовали еще ни Буало, ни гг. Лагарп, Гофман и Кольне. Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что *Испанские сказки* ничего не доказывают, что можно описывать разбойников и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это ремесло—а быть, между тем, добрым и честным человеком; что живые картины наслаждений простительны 20-летнему поэту, что, вероятно, семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем изверга, что, одним словом, поэзия—вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава богу, давно бы так, м. г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикою, как взрослые люди обходятся с детьми, не дозволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко всякой всячине приклеивать нравоучение. Публике это смешно, и она своим опекунам уж верно спасибо не скажет.

Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них *Porcia*, кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, поседевшего вдруг; разговор двух любовников на море,—всё это прелесть. Драматический очерк *Les marrons du feu* [1] обещает Франции романтического трагика. А в повести *Mardoche* Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его минутных произведениях, что вовсе не шутка. Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт, то мы согласимся с его мнением: трудно прилично выражать обыкновенные предметы.

NB в эпиграфе к *Дон-Жуану* —

Difficile est proprie communia dicere [2].— Communia значит не обыкновенные предметы, но *общее всем* (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противуположность предметам вымышленным. См. ad Pisones [3]). Предмет *Дон-Жуана* принадлежал исключительно Байрону.

<1830>

---

[1] <Жареные каштаны.>
[2] <Трудно хорошо выразить общеизвестные вещи.>
[3] <Послание к Пизонам.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКИ О КРИТИКЕ И ПОЛЕМИКЕ>

<1>

Литература у нас существует, но критики еще нет—у нас журналисты бранятся именами *классик* и *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтерианцами, не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве.

<1830>

<2>

Критика вообще. Крит<ика> наука.—

Критика—наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы. Она основана 1) на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, 2) на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Не говорю о беспристрастии—кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими корыстными побуждениями.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. «Хотите ли быть знакомым с художеством?—говорит Винкельман.—Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях».

<1830>

<3>

Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики.—Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле? Разве и впрямь они гнушаются своим братом-литератором; или они вообразили

Пушкинский кабинет ИРЛИ

себя и в самом деле аристократами. Весьма же они ошибаются: журналы назвали их так в шутку, иронически (смотри *Северную Пчелу*, *Северный Меркурий* и проч.); а если они и принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то эта статья особая и литературы не касается.

Один аристократ (всё-таки разумеем сие слово в ироническом смысле) извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение; что разница-де между поединком и дракой; что наконец никто-де не в праве требовать, чтобы человек разговаривал, с кем не хочет разговаривать. Всё это не отговорка. Если уже ты пришел в кабак, то не прогневайся—какова компания, таков и разговор: если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто,—а если ты будешь молчать с человеком, который с тобой заговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина.

<1831>

<4>

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs [1], люди, понимающие свое дело, но не только не *критики*, но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа*. У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

<1830—1831>

---

[1] <предприниматели>

* Сии, с любовию изучив новое творение изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащее.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКА О РУССКИХ ЖУРНАЛАХ>

Определяйте значение слов, говорил Декарт,— [и вы избавите свет от половины его заблуждений]. Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указателей общего мнения и проч.—и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются «Journal des débats» и «Edinburgh review».

Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление—свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных. Они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит l'épreuve[1] издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противуборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джефри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами? Шлюсь на собственную совесть наших литераторов—спрашиваю, по какому праву *Северная Пчела* будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь *Северный Меркурий?*

<1831>

---

[1] <испытания>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ВСЕМ ИЗВЕСТНО, ЧТО ФРАНЦУЗЫ НАРОД САМЫЙ АНТИПОЭТИЧЕСКИЙ...>

Всем известно, что французы народ самый antiпоэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа, Montagne, Voltaire, Montesquieu, Лагарп и сам Руссо, доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно.

Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости. Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются у них равными Расину; Ж. Б. Руссо доныне сохранил прозвище *великого*. Первым их лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии далеко отставших от прелестных шалостей Коле. Не знаю, признались <ли>, наконец, они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром.—Cinq Mars, посредственный роман графа де Виньи,—равняют с великими созданиями Вал. Скотта.

Разумеется, что их гонения столь же несправедливы, как и любовь. Между мало известными молодыми талантами нынешнего времени Сент-Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный.

Стихотворения его, конечно, очень оригинальны и, что важнее, исполнены искреннего вдохновения. В *Литературной Газете* упомянули о них с похвалою, которая показалась преувеличена.—Ныне Victor Hugo, поэт и человек с истинным дарованием, взялся оправдать мнения петербургско-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

го журнала. он издал под заглавием Les feuilles d'automne[1] том стихотворений, очевидно писанных в подражание книге Сент-Бева: Les Consolations [2].

<1832>

<О «ПУТЕШЕСТВИИ К СВ. МЕСТАМ» А. Н. МУРАВЬЕВА>

В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь, где решалась судьба Греции, целые 8 лет занимавшей помышления всего просвещенного мира.—Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность.—

Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах св. Храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою—для суетных развалин Парфенона и Ликея.— Ему представилась возможность исполнить давнее желание, <*неразбр.*> любимую мечту отрочества. Г. М<уравьев> через г<енерала> Дибича получил дозволение посетить св. места—и к ним отправился через Константинополь и Александрию. Ныне издал он свои путевые записки.

С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г<осподин>а М<уравьева>. Здесь..., говорит другой русский путешественник— — —[3]. Но молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места,

---

[1] <Осенние листья.>
[2] <Утешения.>
[3] <Место для вставки цитаты.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

как верующий, как смиренный простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя.—Он traverse[1] Грецию, préoccupé[2] одною великой мыслию, он не старается, как Шатобриан, воспользоваться противоположными [красотами мифологий] Библии и Одиссеи—Он не останавливается, он спешит, он [мимоходом] беседует с ст<рашным?>преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Ерусалим——

<1832>

<ЗАМЕТКИ О ДЕЛЬВИГЕ>

<1>

Дельвиг

Дельвиг родился в Москве (<6 августа> 1798 года). Отец его, умерший генерал-майором в 182<8>году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько

---

[1] <переезжает через>
[2] <охваченный>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покаместь он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет от роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостию ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдании какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды: *К Диону*, *К Лилете*, *Дориде* писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой ни-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

когда он не изменял. [В то время (1814 год) покойный Влад<имир> Измайлов был издателем *Вестника Европы*. Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима]. Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние отпрыски столь прекрасного таланта! Никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как некоторое чудо. Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; но он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

<1833—1834>

<2>

Я ехал с В<яземским> из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского Села.

10 августа 1830 поутру мы вышли из городу. В<яземский> должен был нас догнать на дороге.

Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее, ему стало легче, головная боль прошла, он стал весел и говорлив.

Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать. Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными.—

Таким образом русская его *Идиллия*, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса[1].—

<1834>

<«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ»>

<I.> Ш о с с е

Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября, в десять часов утра, выехал из тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили.

---

[1] <Позднейшая приписка Пушкина:> La raison de ce que D<elvig> a si peu écrit tient à sa maniére de composer. <Причина, по которой Дельвиг так мало написал, кроется в его манере сочинять.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый. Мои приятели смеялись над моей изнеженностию, но я не имею и притязаний на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал.

Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились. Например: дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землею, которая при первом дождике обращается в слякоть? Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам. Возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленого, и заставьте его провести новую дорогу: он начнет, вероятно, с того, что пророе два параллельные рва для стечения дождевой воды. Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно.

Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться.

Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастись книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клоба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадется вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях, чем книга скучнее, тем она предпочтительнее. Книгу занимательную вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением—оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания, etc. Книга скучная представляет более развлечения.— Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша; не говорю об книгах ученых, но и об книгах, написанных с целию просто литературною. Многие читатели согласятся со мною, что *Кларисса* очень утомительна и скучна, но со всем тем роман ричардсонов имеет необыкновенное достоинство.

Вот на что хороши путешествия.

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман; утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике, но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нрав-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ственно-сатирических романов. «Постой, сказал мне **, есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михаила Хераскова книгу, повидимому, изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее», сказал он таинственным голосом. «Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие: *Путешествие из Петербурга в Москву*. С. П. Б. 1790 году с эпиграфом:

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.
Тилимахида. Кн. XVIII, ст. 514.

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика.

Я искренно благодарил ** и взял с собою *Путешествие*. Содержание его всем известно. Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка. В Черной грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

<II.> Москва

«Москва! Москва!..» восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уже Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он

Пушкинский кабинет ИРЛИ

просит своего спутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полуистины, за свои дерзкие мечтания... Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!..

Многое переменилось со времен Радищева. Ныне, покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихий образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня, голова моя заранее кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani [1]. Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким) вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили посвоему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом

[1] <Была некогда Троя, были и мы, троянцы.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рощу в карете из кованного серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники—всё исчезло. Остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере, применить грубую пословицу: vieilles comme les rues[1]: московские улицы благодаря 1812 году моложе московских красавиц, всё еще *цветущих розами!* Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона—и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы, редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травою, а бывало, уставленных миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленные

[1] <стары, как улицы>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец-управитель и хлопочет о проволочном заводе. Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наверное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где—и что за кавалеры! *Горе от ума* есть уже картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад*—и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова—в могиле; Репетилов—в деревне. Бедная Москва!..

Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно; и на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности. После него, когда старая наша аристократия возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургом его недавние права.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие воз-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *частию* от других причин, о которых успеем еще потолковать.

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова.

Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Литераторы петербургские, по большей части, не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы.

Московская критика с честию отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews[1], между тем как петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впопад и остроумно, но большею частию неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было бла-

[1] <Обозрений>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

готворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!

Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости.

Москва и Петербург [1].

<III.> Ломоносов

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе *Росского Пиндара*. Достойно замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властию, на которую напал с такой безумной дерзостию. Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтоб в конце своего слова поместить следующие мятежные строки:

«Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминания, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человече-

[1] <Статья эта в бумагах Пушкина не сохранилась.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ство из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова, для того, что *не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопее, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей*».

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-славенская, полу-латинская, сделалась было необходимостию: к счастию, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности—вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокоторжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, *об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмичестве не думает*... Зато с каким жаром говорит он о науках,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

о просвещении. Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр.

Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт, поданный им Шувалову, о своих упражнениях с 1751 года по 1757:

«По ордеру вашего сиятельства велено всем академическим профессорам и адъюнктам, чтобы рапортовали вашему сиятельству о своих трудах и упражнениях в науках с 1751 года поныне. В силу оного рапортую, что с того времени до нынешнего числа по моей профессии и в других науках я учинил погодно.

В 1751 году.

В химии. 1) Произведены многие опыты химические, по большей части огнем для исследования натуры цветов, что значит того же году журнал лаборатории на 12 листах и другие записки. 2) Говорил сочиненную свою речь о пользе химии на российском языке. 3) Вымыслил некоторые новые инструменты для физической химии.

В физике. 1) Делал опыты в большие морозы для изыскания: какою пропорциею воздух сжимается и расширяется по всем градусам термометра. 2) Летом деланы опыты зажигательным стеклом и термометром, коль высоко втекает ртуть в разных расстояниях от зажигательной точки. 3) Сделаны опыты, как разделять олово от свинца одним плавлением, без всяких посторонних материй простою механикою, что изрядный успех имеет и весьма дешево становится.

В истории. Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Нестора, законы Ярославли, Большой летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксцерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах.

В словесных науках. 1) Сочинил трагедию, *Демофонт* называемую. 2) Сочинял стихи на иллюминации. 3) Собранные прежде сего материи к сочинению грамматики зачал приводить в порядок. Давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве; а особливо Поповскому, который ныне профессором. 4) Диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия—о стихотворстве вообще.

В 1752 году.

В химии. 1) Деланы многие химические опыты для теории цветов, о чем явствует в журнале сего года на

Пушкинский кабинет ИРЛИ

25 листах. 2) Показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля. 3) Для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною в физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах, в 150 параграфах, со многими фигурами на шести полулистах. 4) Изыскал способы и практикою доказал, как составлять мусию. 5) По канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол присланного из канцелярии строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов.

В физике. 1) Чинил электрические воздушные наблюдения с немалою опасностию. 2) Зимою повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра.

В истории. Для собрания материалов к российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье.

В словесных науках. 1) Сочинил оду на восшествие на престол ее императорского величества. 2) Письмо о пользе стекла. 3) Изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи: на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября. 4) Оратории, второй части красноречия, сочинил 10 листов.

В 1753 году.

В химии. 1) Продолжались опыты для исследования натуры цветов, что показывает журнал того же года на 56 листах. 2) По окончании лекций делал новые химико-физические опыты, дабы привести химию сколько можно к философскому познанию и сделать частью основательной физики; из оных многочисленных опытов, где мера, вес и их пропорция показаны, сочинены многие цифирные таблицы на 24 полулистовых страницах, где каждая строка целый опыт содержит.

В физике. 1) С покойным профессором Рихманом делал химико-физические опыты в лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных. 2) Чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностию. 3) Говорил в публичном собрании речь о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств натуры. 4) Делал опыты, коими оказалось, что цвета, а особливо красный, на морозе ярчее, нежели в теплоте.

В истории. 1) Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2) Читал Российские

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Академические Летописцы, без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских.

В словесных науках. 1) Для российской грамматики привел глаголы в порядок. 2) Пять проектов со стихами на иллюминации и фейерверки: на 1 января, на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.

В 1754 году.

В химии. 1) Сделаны разные опыты химические, которые содержатся в журнале сего года на 46 листах. 2) Повторением поверены физико-химические таблицы, прошлого года сочиненные.

В физике. 1) Изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе. В практике исследовать сего без адмиралтейства невозможно. 2) Деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может. Притом были разные химические растворы морожены для сравнения. 3) Деланы опыты при пильной мельнице в деревне, как текущая по наклонению вода течение свое ускоряет и какою силою бьет. 4) Делал опыт машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднять с собою маленький термометр, дабы узнать градус теплоты на вышине, которая хотя слишком на два золотника облегчалась, однако к желаемому концу не приведена.

В истории. Сочинен опыт истории славянского народа до Рюрика: Дедикация, вступление; глава 1, о старобытных жителях в России; глава 2, о величестве и поколениях славянского народа; глава 3, о древности славянского народа, всего 8 листов.

В словесных науках. 1) Сочинил оду на рождение государя великого князя Павла Петровича. 2) Изобрел фейерверк, который был представлен на новый 1754 год, и стихи сделал. Также делал проекты на иллюминацию и фейерверки: к 25 апреля, к 5 сентября, к 25 ноября.

В 1755 году.

В химии. Деланы разные физико-химические опыты, что явствует в журнале того ж года на 14 листах.

В физике. 1) Сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в комментариях напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах и упругости воздуха. Оная диссертация переведена господином Формеем на французский язык в журнале, называемом: *Немецкая библиотека* (Bibliothèque germanique), на оном языке на-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

печатана. 2) Сочинил письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном.

В истории. Сделан опыт описанием владения первых великих князей российских: Рюрика, Олега, Игоря.

В словесных науках. 1) Сочинил и говорил в публичном собрании слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинив большую часть грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит. 3) Сочинил письмо о сходстве и переменах языков.

В 1756 году.

В химии. 1) Между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать: прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бития мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере. 2) Учинены опыты химические со вспоможением воздушного насоса, где в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще неизвестны. 3) Ныне лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков верховые зеленые звездки.

В физике. 1) Изобретен мною новый оптический инструмент, который я назвал никоптическою трубою (tubus nycopticus); оный должен служить к тому, чтобы ночью видеть можно было. Первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазом не видны, и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала. 2) Сделал четыре новоизобретенные мною пендула, из которых один медный, длиною в сажень, однако служит чрез механические стрелки против такого, который был бы вышиною с четвертью на версту. Употребляется к тому, чтобы узнать, всегда ли с земли центр, притягающий к себе тяжкие тела, стоит неподвижно или переменяет место. 3) Говорил в публичном собрании сочиненную мною речь о цветах.

В истории. Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских.

В словесных науках. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую: *Петр Великий*. 2) Сделал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) О лучшем и ученом мореплавании. 2) О твердом термометре. 3) О трясении земли. 4) О первоначальных частицах, тела составляющих. 5) О градусах теплоты и стужи, как их определить основательно сомнением о умеренности растворения воздуха на планетах. К совершению привесть отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием комментариев охота отнимается».

Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина. Его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками. Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым по случаю *Гимна бороде*, не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана! В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова старого профессора, услыша, что речь идет о Ломоносове, спросила: «О каком Ломоносове говорите вы? не о Михаиле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! Бывало от нéго всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский, Василий Кирилович—вот этот был конечно почтенный и порядочный человек». Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыс-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В *Тилимахиде* находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева). Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

Корабль Одиссеев,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся,

Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского,—habent sua fata libelli[1].

Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии; он пишет: *Его сиятельство граф М. Л. Воронцов по своей высокой ко мне милости изволил взять от меня пробы мозаических составов для показания ее величеству.*—Ныне всё это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя

[1] <Книги имеют свою судьбу.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, *представителю муз, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господа моего бога дураком быть не хочу»*. В другой <раз>, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!»—«Нет,— возразил гордо Ломоносов,—разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы to his grace the Duke etc.[1] В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, коих он удостоился, etc. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частию дворяне (En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature[2]). Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными каменьями. Что

---

* См. его письмо графу Шувалову.

[1] <его светлости, герцогу и т. д.>

[2] <В России несколько дворян стали заниматься литературой.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? Позвольте в том усумниться.

Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги, или хвалебным объявлением заманить покупщиков. Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете.

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Как бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значат; Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения, а господа NN всё-таки презрительны—несмотря на то, что в своих книжках они проповедуют независимость и что они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь шельме и вралю, подобному им.

<IV.> Браки

Радищев в главе *Черная Грязь* говорит о браках поневоле и горько порицает самовластие господ и потворство *градодержателей* (городничих?). Вообще несчастие жизни семейной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание—или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные

Пушкинский кабинет ИРЛИ

песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? «По страсти,—отвечала старуха:—я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь».—Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло. Недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению. Осмелюсь заметить одно: возраст, назначенный законным сроком для вступления в брак, мог бы для женского пола быть уменьшен. Пятнадцатилетняя девка и в нашем климате уже *на выдании*, а крестьянские семейства нуждаются в работницах.

<V.> Русская изба

В *Пешках* (на станции, ныне уничтоженной) Радищев съел кусок говядины и выпил чашку кофию. Он пользуется сим случаем, дабы упомянуть о несчастных африканских невольниках и тужит о судьбе русского крестьянина, не употребляющего сахара. Всё это было тогдашним модным красноречием. Но замечательно описание русской избы:

«Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые щи!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода».

(*Путешествие*, стр. 412—413.)

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его *Путешествию*. Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 <году>, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор—даже эта елка, это печальное тавро северной природы—ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют *Comfort*[1]. Очевидно, что Радищев начертал карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе, как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь*.

Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю. Вспомним описание Лабрюера*.

---

[1] <комфорт>

* «L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible; ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine, et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tannières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger ce pain qu'ils ont semé». *Les Caractères*. <По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, побагровевшие, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Слова госпожи Севинье еще сильнее тем, что она говорит без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла. Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы аглийских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смидта или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что всё это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет.

между ними как будто слышна членораздельная речь, а когда они выпрямляются, то мы видим человеческое лицо; и действительно, это—люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания, и в награду за всё это лишены возможности есть тот хлеб, который сами сеют. *Характеры.*>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны.

Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud[1]; никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего *собственного* жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по нескольку раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...

---

[1] <простофиля>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<VI.> Слепой

Слепой старик поет *стих об Алексее, божием человеке.* Крестьяне плачут; Радищев *рыдает вслед за ямским собранием... О природа! колико ты властительна!* Крестьяне дают старику милостыню. Радищев *дрожащею рукою* дает ему рубль. Старик отказывается от него, потому что Радищев дворянин. Он рассказывает, что в молодости лишился он глаз на войне в наказание за свои жестокости. Между тем баба подносит ему пирог. Старик принимает его с *восторгом. Вот истинная благостыня*, восклицает он. Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шее.— Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку.

Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если <бы> Радищев, кстати о старом и всем известном *Стихе*, поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.

<VII.> Рекрутство

«*Городня*—Въезжая в сию деревню, пишет Радищев, не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронизающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: «Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши поростут травою, мохом наша хи-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

жина. Я, бедная, престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да всё то не столь сердцу тягостно: кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери—сырой земле? Кто придет воспомянуть меня над могилою? Не капнет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той».

Подле старухи стояла девка, уже взрослая. Она также вопила: «Прости, мой друг сердечной, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчатися; хотя бы ты, мой милой друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение».

Парень им говорил: «Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку».—Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близ стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

«Услышал господь молитву мою», вещал он. «Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!»

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он ответствовал: «Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река, и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было итти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избрал бы броситься в реку в надежде, что, переплыв на другой брег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей

Пушкинский кабинет ИРЛИ

шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим имением, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян».

(Путешествие, стр. 370—374.)

Самая необходимая и тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор. Образ набора везде различествует и везде влечет за собою великие неудобства. Английский *пресс* подвергается ежегодно горьким выходкам оппозиции, и со всем тем существует во всей своей силе. Прусское Landwehr[1], система сильная и искусно приноровленная к государству, но еще не оправданная опытом, возбуждает уже ропот в терпеливых пруссаках. Наполеоновская конскрипция производилась при громких рыданиях и проклятиях всей Франции.

Чудовище, склонясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами.
Сыны в дому отцов минутными гостями
Являлись etc.

Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Довольно упомянуть о законах, противу крестьян, изувечивающихся во избежание солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народ к рекрутству! Но может ли государство обойтиться без постоянного войска? Полумеры ни к чему доброму не ведут. Конскрипция по кратковременности службы, в течение 15 лет, делает изо всего народа одних солдат. В случае

[1] <ополчение>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

народных мятежей, мещане бьются, как солдаты; солдаты плачут и толкуют, как мещане. Обе стороны одна с другой тесно связаны. Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу. Он возвращается на родину уже в старости. Самое его возвращение уже есть порука за его добрую нравственность: ибо отставка дается только за беспорочную службу. Он жаждет одного спокойствия. На родине находит он только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает и с ним не братается.

[Власть помещиков в том виде, в каковом она теперь существует, необходима для рекрутского набора. Без нее правительство в губерниях не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрут. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших поместиях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и к чинам.]

Очередь, к которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права в пользу наших крестьян и, удаляя от среды их вредных негодяев, людей, заслуживших тяжкое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалого—из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значит эта жалкая пародия законности! Радищев сильно нападает на продажу рекрут и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою. *Простодум* в комедии Княжнина говорит, что

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Три тысячи скопил он дома лет в десяток
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток.
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.

Но запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд ли чрез то улучшилась.

<VIII.> Русское стихосложение.

«*Тверь*.—Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию случилося, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов преложил Иова или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков *Семиру* или *Димитрия* написал хореями, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, опричь ямбов, и более бы славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, гекзаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредиаковский не мало к тому способствовал своею Т е л е м а х и-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

д о ю. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнасс окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредияковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредияковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в Т е л е м а х и д е найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того, в стихотворении, так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но всё модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекеспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод *Генриады* не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

(*Путешествие*, стр. 350—354).

Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения *Тилимахиды* замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его *Осьм-*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

надцатое столетие, *Сафические строфы*, басню, или вернее элегию *Журавли*—всё это имеет достоинство. В главе, из которой выписал я приведенный отрывок, помещена его ода на *Вольность*. В ней много сильных стихов.

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верной* и *лицемерной*, и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию <и> сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным.

<IX.> Медное. (Рабство)..

«*Медное*.—«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок— —пляшут— —подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О, мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. Публикуется— —«Сего... дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городового магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под Но... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме... Желающие могут смотреть заблаговременно».

(*Путешествие*, стр. 341—342.)

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях, с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...

<X.> О цензуре.

Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием *Торжок*. В ней дело идет о свободе книгопечатанья; любопытно видеть о сем предмете рассуждения человека, вполне разрешившего самому себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит изо всех пределов.

Один из французских публицистов остроумным софизмом захотел доказать незаконность и безрассудность цензуры. Если, говорит он, способность говорить была бы новейшим изобретением, то нет сомнения, что правительства не замедлили б установить цензуру и на язык: издали бы известные правила, и два человека, чтоб поговорить между собою о погоде, должны были бы получить предварительное на то позволение.

Конечно, если бы *слово* не было общей принадлежностию всего человеческого рода, а только миллионной части оного,— то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение. Человек *безграмотный* не есть урод и не находится вне вечных законов природы. И между грамотеями не все равно обладают *возможностию* и самою *способностию* писать книги или журнальные статьи. Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный изо всего народо-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

населения. Печатный лист обходится около 35 рублей; бумага также чего-нибудь да стоит. Следственно печать доступна не всякому. (Не говорю уже о таланте etc.) Аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнение с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.*

«Мы в том и не спорим,—говорят противники цензуры.—Но книги, как и граждане, ответствуют за себя. Есть законы для тех и для других. К чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдет из типографии, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить к заключению и к положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданином, уже ответствует за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве *речь* и *рукопись* не подлежат закону? Всякое правительство в праве не позволить проповедывать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не толь-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ко наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона.

Действие человека мгновенно и одно (isolé); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое.

<XI.> Этикет.

Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу. Истина неоспоримая, коею Радищев заключает начертание о уничтожении придворных чинов, исполненное мыслей, большею частию ложных, хотя и пошлых.

Предполагать унижение в обрядах, установленных этикетом, есть просто глупость. Английский лорд, представляясь своему королю, становится на колени и целует ему руку. Это не мешает ему быть в оппозиции, если он того не хочет. Мы всякой день подписываемся *покорнейшими слугами*, и кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые некогда при дворе наших царей, уничтожены у нас Петром Великим при всеобщем перевороте. Екатерина II занялась и сим уложением и установила новый этикет. Он имел перед этикетом, наблюдаемым в других державах, то преимущество, что был основан на правилах здравого смысла и вежливости общепонятной, а не на забытых преданиях и обыкновениях, давно изменившихся. Покойный государь любил простоту и непринужденность. Он ослабил снова этикет, который, во всяком случае, не худо возобновить. Конечно, государи не имеют нужды в обрядах, часто для них утомительных;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

но этикет есть также закон, к тому же, он при дворе необходим, ибо всякому, имеющему честь приближаться к царским особам, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Где нет этикета, там придворные в поминутном опасении сделать что-нибудь неприличное. Не хорошо прослыть невежею; неприятно казаться и подслужливым выскочкою.

<XII.>

В Вышнем Волочке Радищев любуется шлюзами — благословляет память того, кто, уподобясь природе в ее благодеяниях, сделал реку *рукодельною* — и все концы единой области привел в сообщение. С наслаждением смотрит он на канал, наполненный нагруженными барками; он видит тут истинное земли изобилие, избытки земледелателя и во всем его блеске мощного пробудителя человеческих деяний, *корыстолюбие*. Но вскоре мысли его принимают обыкновенное свое направление. Мрачными красками рисует состояние русского земледельца и рассказывает следующее:

«Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастия или не желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил себя искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обрабатыванию земли. Способом к сему належнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудою, устремляющимся на бою грудою, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своея цели, он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил

Пушкинский кабинет ИРЛИ

во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговены бывали разве на Святой неделе.

Таковым урядником производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которые господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таковом заведении не удивительно, что земледелие в деревне Г. некто было в цветущем состоянии. Когда у всех был худой урожай, у него родился хлеб сам-четверт; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам-десят и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и поступая с сими равно, как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стенящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец.

(Путешествие, стр. 272—275.)

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет пятнадцать тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению—с целью, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалован-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности—он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина—словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возвратить им собственность, даровать им права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара.

<1833—1835>

<ЗАМЕЧАНИЯ НА «ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».>

<I>

Песнь о Полку Игореве найдена была в библиотеке графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, всё еще остается луч-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

шим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей *Истории* мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley, Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не сомневались в подлинности *Песни о Полку Игореве*. Великий скептик Шлецер, не видав еще *Слова о Полку Игореве*, резко назвал оное подлогом, но, прочитав, признал подлинно древнее произведение и не почел даже за нужное приводить тому доказательства: так очевидна казалась ему истина!

Другого доказательства нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта. Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка *Песни о Полку Игореве*. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плане ее, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохра-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер,— если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала пред ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских, ни других наречий славянских.

Слово о Плъку Игореве сына Святославля внука Ольгова

§ 1. «Не лепо ли ны бяшет братие начати старыми словесы трудных повестий о плку Игореве, Игоря Святославлича. Начатися же тъй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню».

Все, занимавшиеся толкованием *Слова о Полку Игореве* перевели: Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы... воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о Полку Игореве, Игоря Святославича. Но в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому ne; иногда *ли* значит *только*, иногда—*бы*, иногда—*же*; доныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица *ли* есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное *не*, в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы: *и*, *что*, *а*, *как*, *уж*, *уж как (замечание Тредьяковского)*.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В другом месте *Слова о Полку ли* поставлено также, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие.*—Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец *Слова о Полку Игореве* не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *бяшет* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностию в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает condition'альную частицу. Неприлично было *бы*. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

§ 2. «Боян бо вещий аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы».

Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в

* Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Сочинителю *Рассуждения о старом и новом слоге* было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя *Слова о полку Игореве* предпочитали былины своего времени старым словесам.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашется мыслию по древу — тут пропущено слово *славием*, которое довершает уподобление; должно, думаю, читать, растекашется, *скача славием по мыслену древу;* тем более, что ниже сие выражение употреблено*.

§ 3. «Помняшет бо речь первых времен усобице». Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; всё это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежних бранях (усобица значит брань, ополчение, а не междуусобие, как перевели некоторые. Между-усобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. «Помняшет бо речь первых времен усобице тогда пущаше і соколов на стадо лебедей etc.» 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы *Смерть Авеля***. Толкование Александра Семеновича любопытно (том 7, стран. 43). Итак, надлежит паче думать, что <в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но також и к некоторому прославлению героев, или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо

* *Примечание.* Г-н Вельтман перевел это место: *былое воспеть*, а не вымысел Бояна, *кого мысли текли в вышину, как соки по дереву.* Удивительно!

** Но что есть общего между манерной прозою г-на Геснера и поэзией Песни об Игоре.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лебединое с тем, что чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими.>

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских князей *доказывать первенство свое, кровию приобретенное*, полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы напускали соколов,— а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставлять себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского крайнюю *неосновательность и несчастное самолюбие* (том 11-й, страница 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил.

«Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано *Слово о Полку Игореве)*, иже истягнул ум крепостию своею». «Истягнул»—вытянул, натянул, изведал, испробовал. *(Пожарский:* опоясал, первые толкователи: напрягши ум крепостию своею). Истягнул, как лук, изострил, как меч—метафоры, заимствованные из одного источника.

«Наплнився ратного духа, наведе своя храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь к дружине своей. Братие и дружино! луце ж бы потяту быти, неже полонену быти». (Лучше—быть убиту, нежели полонену. В русском языке сохранилось одно слово, где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной: *нежели*. Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в *Слове о Полку Игореве:* луце ж etc.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«А всядем, братие, на свои борзые комони да позрим синего Дону». Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственным знаменованием, было некогда общим.

«Спала князю ум похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великого».— Слова запутаны. Первые издатели перевели: Пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастия на) Дону великом. Заступить имеет несколько значений: омрачить, lumen impedio[1], помешать, удержать. Пришлось князю, мысль похоти и гореть знамение ему омрачило, удержало. Спали князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало (запрещало) искусити Дону великого. «Хощу бо (так хочу же, сказал) рече копие преломити конец поля Половецкого <с вами, Русичи, хощу главу свою приложити>, а любо испити шеломом Дону».

«О Бояне, соловью старого времени, а бы ты сиа плъки ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облаками, сплетая хвалы на все стороны сего времени (если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу), рища в тропу Трояню чрес поля на горы». (Четыре раза <упоминается в сей песни о *Трояне*... но кто сей *Троян*, догадаться ни по чему невозможно>, говорят первые издатели). *5 стр.*, изд. Шишкова. Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян,

---

[1] <заслоняю свет>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

о коем 4 раза упоминает *Слово о Полку Игореве*, есть никто иной, как римский император. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объяснение? Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется *(стр. 14*, изд. Шишкова) «вступила Девою на землю Трояню, на синем море у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна <в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян»>. (Вельтман.) Почему же?

«Пети было песнь Игореви, того Олга внуку». «Не буря соколы занесе через поля широкая»... Поэт повторяет опять выражения бояновы—и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «или, не так ли петь было, вещий Бояне, Велесов внуче?» («Комони ржут за Сулою; звенить слава в Кыеве; трубы трубят в Новеграде; стоять стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода».)

Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

«И рече ему Буй-Тур Всеволод: один брат, один свет светлый, ты Игорю. Оба есве Святославичи: седлай, брате, свои борзые комони— а мои ти готовы (готовы—значит здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском славянском наречии. Ниже мы увидим, что половцы бегут *неготовыми* (неизвестными) дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *не мощенными*, то что же бы значило *готовые кони?)*, оседланы у Курьска напереди».

«А мои ти куряни сведомы». (Сие повторение того же понятия другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри Священное Писание.)

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кметн под трубами повиты. Г. Вельтман <говорит, что кметь значит вообще крестьянин, мужик,—Kar gospòda stori krivo, kmeti mòrjo plàzhat shivo.

<1834>

<II>

<Заметка к «Слову о Полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана>

Хочу копье преломити, а любо испити. Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское— нет; это значит просто неудачу: *или сломится копье мое, или напьюсь из Дону*, тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал.

<1834>

<О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, С ОЧЕРКОМ ФРАНЦУЗСКОЙ>

Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму всё, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому. К сему роду должны отнестись те стихотворения, коих *формы* известны были грекам и римлянам, или образцы коих они нам оставили; следственно сюда принадлежат: эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и басня. Если же вместо *формы* стихотворения будем брать за основание только *дух*, в котором оно

Пушкинский кабинет ИРЛИ

писано,— то никогда не выпутаемся из определения. Гимн Пиндара духом своим, конечно, отличался от оды Анакреона, сатира Ювенала от сатиры Горация, *Освобожденный Иерусалим* от *Энеиды*—однакож все они принадлежат к роду классическому. Какие же роды стихотворений должно отнести к поэзии романтической? Те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян. Каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности. Взглянем на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная империя клонилась быстро к падению,—а с нею науки, словесность и художества. Наконец, она пала, просвещение погасло, невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота в пыли книгохранилищ монастырских, монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Виргилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции—рифма, новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значущее, отозвалась в романском языке, имела сильное влияние на словесность новейших народов. Побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие—любить размеренность, соответственность (simetria) свойственно уму человеческому. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков.—Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы—явились triolet, баллада, рондо, сонет и проч. От сего произошла необходимая натяжка выражения: какое-то жеманство, вовсе не-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

известное древним,—мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться в триолетах. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времен.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии. Воображение требует картин и рассказов: трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания,—родились ле, роман и фаблио.

Темные понятия о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению *таинств* (mystères). Почти все писаны на один образец и подходят под одно условие, но к несчастию в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...*

* А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы,—но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостию татар, одно—в течение двух мрачных столетий—питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою беспрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушения и безнадежности. Но внутренняя жизнь порабощенного народа не развивалась. Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля; старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и *Слово о Полку Игореве* возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Но в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Наконец явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль,—при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в пору мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но проницательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича, не взлюбил

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Татищева за легкомыслие и вольнодумство и угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского. Семена были посеяны. Сын молдавского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища. Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться.

В начале 18-го столетия французская литература обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние. Прежде всего надлежит нам ее исследовать.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии — нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушие—новые понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзии.

Отрасли романтической поэзии пышно процвели в Италии и Гишпании. Италия присвоила себе ее эпопею, полу-африканская Гишпания завладела трагедиею и романом. Англия противу имен Dante, Ариосто и Калдерона с гордостию выставила имена Спенсера, Мильтона и Шекспира, в Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая. Гете оживил сатиру Ренике Фукс. Во Франции тогда поэзия всё еще младенчествовала. Лучший стихотворец Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камоенсом, rima

Пушкинский кабинет ИРЛИ

des triolets, fit fleurir la ballade[1]. Проза уже имела решительный перевес. Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже проложенной. Были поэмы прежде ариостова *Орланда*, были трагедии прежде созданий de Vega и Калдерона. Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве без всякого направления, безо всякой силы. Образованные умы века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало, человек, одаренный умом резким и здравым и мощным талантом, обнародовал свой Коран — и французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать однакож, чтоб и во Франции не остались никакие памятники чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и *Дева* сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю уже о многочисленных подражаниях, по большей части посредственных: легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве.

Люди, одаренные талантом, будучи поражены ничтожностию и, должно сказать, *подлостью* французского стихотворства, выдумали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древнего греческого. Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между коими также были люди с дарованиями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогою.

---

[1] <слагал триолеты, писал мастерские баллады.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Наконец пришел Малерб, с такой ярой точностию, с такою строгою справедливостию оцененный великим критиком.

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence,
D'un mot mis en sa place enseigna le pouvoir
Et réduisit la Muse aux règles du devoir.
Par ce sage écrivain la langue réparée
N'offrit plus rien de rude à l'oreille épurée—
Les stances avec grace apprirent à tomber
Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber[1].

Но Малерб ныне забыт подобно Ронсару. Сии два таланта истощили силы свои в борении с усовершенствованием стиха... Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей от употребления!

Каким чудом посреди [общего сего жалкого ничтожества французской поэзии, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса] вдруг явилась толпа истинно-великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века. Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV — были причиною такого феномена? или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блестит и исчезает? Как бы то ни было, вслед за толпою

---

[1] <Наконец пришел Малерб и первый во Франции
Дал почувствовать в стихах точную гармонию,
Показал силу слова, помещенного на должном месте,
И подчинил музу правилам долга.
Исправленный этим мудрым писателем, язык
Перестал являть разборчивому уху что-либо грубое—
Строфы научились литься с изяществом,
И один стих не дерзал более вторгаться в другой.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

бездарных, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Паскаль, Боссюэт и Фенелон, Буало, Расин, Мольер и Лафонтен. И владычество их над умами просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней etc. Это слово было повторено и во французских журналах и замечено как жалкое мнение (opinion déplorable). Это не мнение, но истина историческая, буквально выраженная: *Марот* был камердинером Франциска I-го (valet de chambre), Мольер камердинером Людовика XIV. Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной: но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они, конечно, на площади, с чем их и поздравляем.

Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию приноравливаться к господствующему вкусу и мнениям публики.—Замечательно, что ни один из известных французских поэтов не бежал (?) из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV, полушутливым, полуважным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.

Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы.

Расин перестал писать, увидя неуспех своей *Гофолии*. Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы со-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ставить публику), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они, дабы вновь взойти в доверенность, обратились к народу, лаская его любимые мнения, или фиглярствуя независимостию и странностями, но с одною целию: выманить себе репутацию или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному — жалкий народ.

Несмотря на ее видимую ничтожность, Ришелье чувствовал важность литературы. Великий человек, унизивший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу во Франции. Писатели (класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне. Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили [придворную] должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, Босюет и Флешье проповедывали слово божие в его придворной капелле, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения: бедный дворянин Лафонтен (несмотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, наполненной смелой философиею, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование. Зато Лафонтен умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии, отдаленный от двора за мистическую ересь. Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тем самым понятная для всех дворов Европы: ибо высшее

Пушкинский кабинет ИРЛИ

общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Европе одно семейство.

Между тем дух исследования и порицания начинал проявляться во Франции. Ничто не могло быть противуположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, и любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслию умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы. И эта легкость казалась верхом поэзии. Наконец и он, однажды в своей старости, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в циничной поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии. Влияние Вольтера было неимоверно. Около великана копошились пигмеи, стараясь привлечь его внимание своими приношениями. Умы возвышенные следуют за ним. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма и Гиббона и Вальполя приветствует «Энциклопедию». Екатерина вступает с ним в дружескую переписку, Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа едет в

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Ферней на поклонение. Наконец Вольтер умирает, с восторгом благословляя внука Франклина и приветствуя новый свет словами, дотоле неслыханными.

Общество созрело для великого разрушения. Всё еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается — — —

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает всё, что еще почитается неприкосновенным. Министры Людовика XVI нисходят в арену [спорить] с писателями. Старая монархия хохочет и рукоплещет. Следы Великого Века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана, истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман—делается скучною проповедью или галлереею соблазнительных картин...

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Франциею на поприще философии, поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа. Италия отрекается от гения Dante, Metastasio подражает Расину.

Обратимся к России.

Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники—мы желали бы с благоговением и старательно развернуть пыльные рукописи; воскресить

Пушкинский кабинет ИРЛИ

песнопения баянов, сказки и песни веселых скоморохов или комедии—сравнить их с этой бездной поэм, романсов, мистерий иронических, и любовных, и простодушных, и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков.

Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх творческого духа— сравнить влияние завоевания скандинавов с завоеванием мавров, видеть разницу между простодушной сатирою французского trouvère и лукавой насмешливостию скомороха, между площадною шуткою полудуховной мистерии и затеями нашей старой комедии. Но, к сожалению, старой словесности у нас не существует. За нами темная степь— и на ней возвышается единственный памятник: *Песнь о полку Игореве.*

Словесность наша явилась вдруг с 18 столетия, подобно дворянству, без предков и родословий.

Кантемир. Ломоносов. Тредьяковский. Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым, Тредьяковского—его бездарностью. Почтенное борение Тредьяковского. Он побежден. Сумароков.— *Екатерина* (Вольтер). Фонвизин. Державин.

Начало русской словесности; Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация, умирает 28 лет. Ломоносов, плененный гармониею рифма, пишет, в первой своей молодости, оду, исполненную живости etc., и обращается к точным наукам, dégoûté[1] славою Сумарокова. Сумароков в сие время. Тредьяковский—*один*, *понимающий свое дело...*

---

[1] <проникшись отвращением>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout[1].— Знаменитые писатели не имеют ни одного последователя в России, но бездарные писаки, грибы, выросшие у корней дубов: Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, m-me Жанлис овладевают русской словесностию.

<1834>

<О БАЙРОНЕ>

Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младший между европейскими, произошел от норманца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честию упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное. Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве.

Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Garmarthen и женился на ней тотчас после ее развода. Вскоре потом она умерла в 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой год расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Gordon'a, владельца гайфского. Брак сей был несчастлив: 23 500 l. st. (587 500 руб.) были расточены в два года; и mistriss Байрон осталась при 150 l. st. годового дохода; в 1786 году

[1] <заполняет всё>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

муж и жена отправились во Францию; возвратились в Лондон в конце 1787.

В следующем году 22 января леди Байрон родила единственного своего сына Георгия Гордона Байрона. (Вследствие распоряжений фамильных, наследница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона.) Новорожденного крестили герцог Гордон и полковник Доф. При его рождении повредили ему ногу, и лорд Байрон полагал тому причиною стыдливость или упрямство матери.

В 1790 леди Байрон удалилась в Абердин, и муж ее за нею последовал. Несколько времени жили они вместе. Но характеры были слишком несовместны — вскоре потом они разошлись. Муж уехал во Францию, выманив прежде у бедной жены своей деньги, нужные ему на дорогу. Он умер в Валенсьене в следующем 1791 году.

Во время краткого пребывания своего в Абердине он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой же день он отослал неугомонного ребенка к его матери и с тех пор уже его не приглашал.

Мистрисс Байрон была проста, вспыльчива и во многих отношениях безрассудна. Но твердость, с которой умела она перенести бедность, делает честь ее правилам. Она держала одну только служанку, и когда в 1798 году повезла она молодого Байрона вступать во владение Ньюстида, долги ее не превышали 60 l. st.

Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унизительными.

Маленький Байрон выучился читать и писать в абердинской школе. В классах он был из последних учеников — и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником, и Байрон сохранил о нем благодарное воспоминание.

В 1796 году леди Байрон повезла его *в горы* для поправления его здоровья после скарлатины. Она поселилась близ Баллатера.

Суровые красоты шотландской природы глубоко впечатлелись в воображение отрока.

Около того же времени осьмилетний Байрон влюбился в Марию Доф. 17 лет после того, в одном из своих журналов, он описал свою раннюю любовь:

<«J'ai beaucoup pensé dernièrement à Marie Duff. Comme il est étrange que j'aie été si complètement dévoué, et si profondément attaché à cette jeune fille, à un âge où je ne pouvais ni sentir la passion, ni même comprendre la signification de ce mot. Et pourtant c'était bien la chose! Ma mère avoit coutume de me railler sur cet amour enfantin; et plusieurs années après, je pouvais avoir seize ans, elle me dit un jour: «Oh! Byron, j'ai reçu une lettre d'Edinbourg, de miss Abercromby; votre ancienne passion, Marie Duff, a épousé un M. C.» Et quelle fut ma réponse? Je ne puis réellement expliquer ni concevoir mes sensations à ce moment. Mais je tombai presque en convulsions; ma mère fut si fort alarmée qu'après que je fus remis, elle évitait toujours ce sujet avec *moi*, et se contentait d'en parler à toutes ses connaissances. A présent je me demande ce que pouvait-ce être? Je ne l'avais pas revue depuis que, par suite d'un faux pas de sa mère à Aberdeen, elle était allée demeurer chez sa grand-mère à Banff; nous étions tous deux des enfants. J'avais et j'ai aimé cinquante fois depuis cette époque; et cependant je me rappelle tout ce que nous nous disions,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

nos caresses, ses traits, mon agitation, l'absence de sommeil et la façon dont je tourmentai la femme de chambre de ma mère pour obtenir qu'elle écrivît à Marie en mon nom; ce qu'elle fit à la fin pour me tranquilliser. La pauvre fille me croyait fou, et comme je ne savais pas encore bien écrire, elle devint mon secrétaire. Je me rappelle aussi nos promenades, et le bonheur d'être assis près de Marie, dans la chambre des enfants, dans la maison où elle logeait près de Plainstones à Aberdeen, tandis que sa plus petite soeur jouait à la poupée, et que nous nous faisions gravement la cour, à notre manière.

Comment diable tout cela a-t-il pu arriver si tôt? quelle en etait l'origine et la cause? Je n'avais certainement aucune idée de sexes, même plusieurs années après; et cependant mes chagrins, mon amour pour cette petite fille étaient si violents que je doute quelquefois que j'aie jamais véritablement aimé depuis. Quoi qu'il en soit, la nouvelle de son mariage me frappa comme un coup de foudre; je fus près d'en étouffer, à la grande terreur de ma mère et à l'incrédulité de presque tout le monde. Et c'est un phénomène dans mon existence (car je n'avais pas huit ans) qui m'a donné à penser, et dont la solution me tourmentera jusqu'à ma dernière heure. Depuis peu, je ne sais pourquoi *le souvenir* (*non* l'attachement) m'est revenu avec autant de force que jamais. Je m'étonne si elle en a gardé mémoire, ainsi que de moi? et si elle se souvient d'avoir plaint sa petite soeur Hélène de ce qu'elle n'avait pas aussi un adorateur? Que son image m'est restée charmante dans la tête! ses cheveux chatains, ses yeux d'un brun clair et doux; jusqu'à son costume! Je serais tout-à-fait malheureux de *la voir à present*. La réalité, quelque belle qu'elle fût détruirait ou du moins troublerait les traits de la ravissante Péri qui existait alors en elle, et qui survit encore en moi, après plus

Пушкинский кабинет ИРЛИ

de seize ans; j'en ai maintenant vingt-cinq et quelques mois...»[1]>

В 1798 году умер в Ньюстиде старый лорд Вильгельм Байрон. Четыре года пред сим родной внук его скончался в Корсике, и маленький Георгий Байрон остался единственным наследником имений и титула своего рода. Как несовершеннолетний, он отдан был в опеку лорду Карлилю — дальнему его родственнику, — и восхищенная mistriss Байрон

---

[1] <В последнее время я много думал о Мари Дёфф. Как это странно, что я был так безгранично предан и так глубоко привязан к этой девушке, в возрасте, когда я не мог не только испытывать страсть, но даже понять значение этого слова. И однакоже это была страсть! Моя мать имела обыкновение смеяться над этой детской любовью; и много лет спустя,—когда мне было примерно лет шестнадцать,—она мне сказала однажды: «Ах, Байрон, я получила письмо из Эдинбурга, от мисс Аберкромби; ваша бывшая любовь, Мари Дёфф, вышла замуж за господина С.» И что же я ей ответил? Я не могу постичь и объяснить то чувство, которое мною овладело в это мгновение. Со мною почти сделались судороги; моя мать была так этим встревожена, что потом, когда я оправился, она упорно избегала заговаривать со мной на эту тему, довольствуясь беседой об этом со своими приятельницами. И сейчас я спрашиваю себя, что бы это значило? Я не виделся с нею больше с тех пор, когда, вследствие проступка ее матери в Абердине, она поселилась у своей бабушки в Банфе; мы оба были тогда детьми. Я пятьдесят раз с тех пор влюблялся; и тем не менее я помню всё то, о чем мы говорили, помню наши ласки, ее черты, мое волнение, бессонницы и то, как я мучил горничную моей матери, заставляя ее писать Мари письма от моего имени; и она в конце концов уступала, чтобы меня успокоить. Бедняжка считала меня сумасшедшим, и так как я в ту пору еще не умел как следует писать, она была моим секретарем. Я припоминаю также наши прогулки и то блаженство, которое я испытывал, сидя около Мари в ее детской, в доме, где она жила, около Пленстоуна, в Абердине, в то время как ее маленькая сестра играла в куклы, а мы с серьезностью, на свой лад, ухаживали друг за другом.

Но как же это чувство могло пробудиться во мне так рано? Какова была причина и источник этого? И в ту пору,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

осенью того же года оставила Абердин и отправилась в древний Ньюстид с одиннадцатилетним своим сыном и верной служанкой Мари Гре.

Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его, был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа Г. Чаворта. Они дрались без свидетелей, в трактире при свечке. Дело это произвело много шуму, и Палата пэров признала убийцу виновным. Он был однакож освобожден от наказания, с тех пор жил в Ньюстиде, где его причуды, скупость и мрачный характер делали его предметом сплетен и клеветы. Носились самые нелепые слухи о причинах развода его с женою. Уверяли, что он однажды покусился ее утопить в ньюстидском пруду.

и несколько лет спустя я не имел никакого понятия о различии полов. И тем не менее, мои страдания, моя любовь к этой маленькой девочке были так сильны, что на меня находит иногда сомнение: любил ли я по-настоящему когда-либо с тех пор? Как бы то ни было, известие о ее замужестве как громом меня поразило. Я чуть не задохнулся, к великому ужасу моей матери и к неверию почти всех остальных. Это необычайное явление в моей жизни (ведь мне еще не было тогда полных восьми лет) заставило меня задуматься, и разрешение его будет меня мучить до конца моих дней. С некоторого времени,—сам не знаю почему,—*воспоминание* о Мари (*не* чувство к ней) вновь пробудилось во мне с большей силой, чем когда-либо. Я хотел бы знать, помнит ли она обо всем этом, как и вообще обо мне? И вспоминает ли, как жалела когда-то свою сестренку Эллен за то, что у той не было тоже своего поклонника? Какой очаровательный образ ее сохранился в моей душе! Ее каштановые волосы, ласковые светло-карие глаза,—всё вплоть до ее костюма! Я был бы поистине несчастен, если бы *увидел ее теперь*. Действительность, как бы ни была она прекрасна, разрушила бы или, по меньшей мере, замутила бы черты восхитительной Пери, которою она тогда являлась и которая продолжает еще жить во мне, хотя с тех пор прошло более шестнадцати лет: ибо мне сейчас двадцать пять лет и несколько месяцев.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Он старался разорять свои владения из ненависти к своим наследникам. Единственные собеседники его были старый слуга и ключница, занимавшая при нем и другое место. Сверх того дом был полон сверчками, которых лорд Вильгельм кормил и воспитывал. Несмотря на свою скупость, старый лорд [имел часто нужду в деньгах и доставал их способами, иногда весьма предосудительными]. [Но такой человек не мог об них и заботиться.] Таким образом продал он Рочдаль, родовое владение, безо всякого на то права (что знали и покупщики; но они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю).

Лорд Вильгельм никогда не входил в сношение с молодым своим наследником, которого звал не иначе, как *мальчик, что живет в Абердине.*

Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь. Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые потом сделались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — были частию врожденные, частью им заимствованные (adoptés). Мур справедливо замечает, что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков; с одной стороны смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой—необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению. Сомнения нет, что память оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

многое перенял он у своего странного деда в его обычаях, и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона.

Обстоятельство, повидимому, маловажное имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена— и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбранила его *хромым мальчишкою*. Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых,— опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства.

<1835>

НАБРОСКИ СТАТЕЙ ДЛЯ «СОВРЕМЕННИКА»

1. <«Путешествие в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша и «Антидот» Екатерины Второй>

В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии, Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан французскою Академиею наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться <26 мая> 176<1> года.—Аббат выехал из Петербурга <10> марта и <10> апреля прибыл в Тобольск, где и оставался до <июля>.

В <1768 году> аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием сильно оскорбило Екатерину.—[Она сама решилась опровергнуть ложное] <и> неблагонамеренное и велела Миллеру и Болтину отвечать Аббату.

<1836>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

2. Путешествие В. Л. П.

Путешествие <N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова, 1808, in 16°>. Картинка<на заглавном листе> представляет <В. Л. Пушкина, берущего урок декламации у Тальма>.

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастие получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его как памятник благосклонности, для меня драгоценной...

Путешествие есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л. П<ушкин> отправился в Париж и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь В<асилий> Л<ьвович>.—Это образец игривой легкости и шутки живой и [незлобной].

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выспренней. Есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?). Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в дивном вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и [в младенческой] игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенного веселостию [1]— — —

Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его

[1] <Не дописано.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

живой и творческой души: и в печалии, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств— и в ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...

Благоговею пред созданием *Фауста*, но люблю и эпиграммы etc.

Виноват: я бы отдал всё, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие незадумчивые и невосторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям:

<Друзья! Сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать.>

<1836>

3, <Об «Истории поэзии» С. П. Шевырева>

История поэзии явление утешительное, книга важная!

Россия по своему положению, географическому, политическому—etc. есть судилище, приказ Европы.—Nous sommes les grands jugeurs[1]. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны— примеры тому.

Критика литературная у нас ничтожна: почему? Потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви к науке.—Взгляд на нашу критику—Мерзляков—Шишков—Дашков—etc.

Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе французской критики, ни отвлеченной философии немцев (стр. <6—11>)—Он избирает способ изложения исторический—и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа.—

[1] <Мы великие критики.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Критик приступает к истории западных словесностей—

В Италии видит он чувственность римскую, побежденную христианством—обретающую покровительство религии—воскресшую в художествах, покорившую своему роскошному влиянию строгий кафолицизм и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он те же начала—но встречает мавров, и видит в ней магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Шевырев переходит к северным народам, рабам нужды, пасынкам природы.

В туманной Англии видит он нужду, развивающую богатство—промышленность, труд, изучение—литературу без преданий etc., вещественность.

В германских священных лесах открывает он уже то стремление к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению, которые и доныне господствуют и в политическом составе Германии, и в системах ее мыслителей, и при дворах ее князьков, и на кафедрах ее профессоров.

Франция, *средоточие Европы*, представительница жизни общественной, жизни всё вместе эгоистической и народной—В ней наука и поэзия—не цели, а средства—Народ (der Herr Omnis[1]) властвует со всей отвратительной властию демократии—В нем все признаки невежества—презрение к чужому, une marque pétulante et tranchante—etc.[2]

Девиз России: Suum cuique[3]

<1836>

---

[1] <господин Всякий>
[2] <яркий решающий признак>
[3] <Каждому—свое.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<4>

Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности, покорнейше просит особу, подписавшуюся на получение «Современника» *в гор. Холме*, прислать к нему свой адрес, который затерялся.

<1836>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СУЖДЕНИЯ О «ПРОЕКТЕ ВЕЧНОГО МИРА» СЕН-ПЬЕРА>

1. Il est impossible que les hommes ne conçoivent avec le temps la ridicule atrocité de la guerre comme ils ont conçu l'esclavage, la royauté etc. Ils verront que nous sommes destinés à manger, à boire et à être libre.

2. Les constitutions qui sont un grand pas de l'esprit humain et qui n'en sera pas l'unique tendent nécessairement à diminuer le nombre des troupes d'un état, l'esprit de la force armée étant directement opposé à toute idée constitutionnelle, il serait très possible qu'avant 100 ans l'on n'eût plus d'armée permanente.

3. Quant aux grandes passions et aux grands talents militaires on aura toujours la guillotine—la société se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un général victorieux—on a bien autre chose à faire—et ce n'est que pour cela qu'on s'est mis sous l'égide des lois.

Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un Cr. de prot. dit en propres termes: «ce qui est utile au public ne s'introduit guère que par la force, attendu que les intérêts particuliers y sont presque toujours opposés. Sans doute la paix perpetuelle est à présent un projet bien absurde; mais qu'on nous rende un

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Henri IV et un Sully, la paix perpétuelle redeviendra un projet raisonnable; ou plutôt, admirons un si beau plan, mais consolons-nous de ne pas le voir exécuter; car cela ne peut se faire que par des moyens violents et redoutables à l'humanité» [1]. Il est évident que ces terribles moyens dont il parlait, c'étaient les révolutions—or nous y sommes. Je sais bien que toutes ces r<aisons> s<ont> tr<ès> mauv<aises>, le témoignage d'un petit garçon comme Rousseau qui n'a jamais gagné seulement une pauvre bataille ne peut avoir aucun poids—mais la dispute est toujours une très bonne chose en ce qu'elle aide à digérer—du reste elle n'a jamais persuadé personne [—il n'y a que les imbéciles qui pensent le contraire] [2].

<1821>

---

[1] <Цитата Пушкиным не выписана. Она взята из статьи Ж. Ж. Руссо «Jugement sur la paix perpétuelle».>

[2] <1. Не может быть, чтобы людям современем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение—есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции,—которые являются крупным шагом вперед человеческой мысли, шагом, который не будет единственным—необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет уже постоянной армии.

3. Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту законов.

Руссо, рассуждающий не так уж плохо для верующего протестанта <?>, говорит в подлинных выражениях: «То, что полезно для народа, возможно ввести в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Несомненно идея вечного мира в настоящее время весьма абсурдный проект; но пусть вернутся Генрих IV и Сюлли, и вечный мир станет снова разумной целью; или

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Le hospodar Ipsylanti trahit la cause de l'Ethérie et fut cause de la mort de Riga etc...

Son fils Alexandre fut éthériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur); ses frères, Кан, Кантогони, Сафианос, Мано. Michel Suzzo fut reçu éthériste en 1820; Alexandre Suzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'éthérie par son secrétaire (Valetto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alexandre Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople—cela fit que les plans furent changés <tout> de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichéneff. On empoisonna Alexandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu *Formaki*, Iordaki-Olimbiotti, Калакотрони, Кантогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers les frontières de la Hongrie. Alexandre Ipsylanti me-

---

точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществляется; так как это может быть достигнуто лишь средствами жестокими и ужасными для человечества». Ясно, что эти ужасные средства, о которых он говорил,— революции. Но вот они настали. Я знаю, что все эти доводы очень слабы, и свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не одержавшего ни одной победишки, не может иметь никакого веса, но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем, он еще никогда никого не убедил [и только глупцы думают противное].>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

nacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 hommes combattit 5 fois l'armée turque, et s'enferma enfin dans le monastère (de Sekou). Trahi par les juifs, entouré des turcs, il mit le feu à sa poudre et sauta.

Formaki, capitan, éthériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople [1].

<1821>

---

[1] <Заметка о революции Ипсиланти. Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии и был виновником смерти Ригаса и т. д. Его сын Александр был гетеристом (вероятно, по выбору Каподистрии и с согласия императора); его братья, Кан<такузин?>, Кантогони, Сафианос, Мано. Михаил Сузо сделался гетеристом в 1820 году; Александр Сузо, валашский господарь, узнал о существовании гетерии от своего секретаря (Валетто), который, сделавшись его зятем, не сумел сберечь тайну или выдал ее. Александр Ипсиланти в январе 1821 г. послал некоего Аристида в Сербию с предложением наступательного и оборонительного союза между этой провинцией и им, генералом греческой армии. Аристид был схвачен Александром Сузо, и его бумаги вместе с его головой были отосланы в Константинополь. Это заставило немедленно переменить планы. Михаил Сузо написал в Кишинев. Александр Сузо был отравлен, и Ипсиланти, став во главе горсточки арнаутов, провозгласил революцию.

Капитаны—это независимые, корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таковы были Лампро и т. д., и наконец—Формаки, Иордаки-Олимбиотти, Калакотрони, Кантогони, Анастас и т. д. Иордаки-Олимбиотти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к венгерской границе. Александр Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией. Иордаки, во главе 800 чел., 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в монастыре Секу. Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался.

Формаки, капитан и гетерист, был послан из Морен к Ипсиланти, храбро сражался и сдался в последней битве. Был обезглавлен в Константинополе.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<NOTE SUR PENDA-DEKA>

Penda-Déka fut élevé à Moscou—en 1817 il servit de truchement à un évêque grec réfugié, et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. Deux cents grecs assassinèrent 150 turcs: 60 de ces derniers furent brûlés dans une maison où ils s'étaient refugiés. Penda-Déka vint quelques jours après à Ibraïl comme espion.—Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti á Tergovitch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Yassy—il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1.500 h. tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузин arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Кантакузин envoya Penda-Déka reconnaître les ennemis; l'avis de Penda-Déka fut de se fortifier à Barda (1-re station vers Yassy). Кантакузин se retira à Skoulian et demanda que Penda-Déka fît son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta.

Penda-Déka nomma son second Papas-Ouglou-arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre Ibrahil et Jourja. Les turcs fuyoient de toute part croyant voir les russes à leur trousses. A Boucharest les députés bulgares (entre autre Capigi-<bachi>) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulûssent pas rendre les armes[1].

<1821>

---

[1] <Заметка о Пенде-Деке. Пенда-Дека воспитывался в Москве— в 1817 г. он служил толмачом у од-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII В.>

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, всё еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-по-малу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русской кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались, иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педан-

---

ного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией. Он находился в Галаце во время тамошней резни. Двести греков убили 150 турок. 60 из их числа были сожжены в одном доме, где они укрылись. Несколько дней спустя П.-Д. прибыл в Браилов в качестве шпиона. Он явился к паше и курил с ним, как русский подданный. В Тырговище он встретился с Ипсиланти: тот послал его успокоить беспорядки в Яссах—он нашел там греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли их. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 300. В течение двух месяцев он господствовал над Молдавией. Кантакузин прибыл и принял командование. Отступили к Стинке. Кантакузин послал П.-Д. разведать о врагах. П.-Д. советовал укрепиться в Барде (1-я остановка по дороге в Яссы). Кантакузин отступил в Скуляны и предложил П.-Д. подвергнуться карантину. Пенда-Дека согласился. П.-Д. назначил своим помощником арнаута Папаса-Углу.

Нет сомнения, что князь Ипсиланти мог бы овладеть Браиловом и Журжей. Турки бежали во все стороны, вообразив, что за ними гонятся русские. В Бухаресте болгарские делегаты (в том числе Капиджи-баши) предлагали Ипсиланти поднять всю их страну—он не решился.

Галацкую резню велел произвести Ипсиланти, в случае, если бы турки не захотели сложить оружие.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тизм попрежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе *.

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть более, чем Наполеон. [В самом деле, история представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким, и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось.]

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили

---

* Доказательства тому—царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III *о вольности дворян*, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила <их> на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным мо-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

рем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции*.

Униженная Швеция и уничтоженная Польша — вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия,— и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных мест государства**, об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Куракина и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жад-

---

* *Бесплодными*, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия, а изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот.

** Потемкин послал однажды адъютанта взять из казенного места 100 000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. Потемкин на другой стороне их отношения своеручно приписал: «дать, е... м...»

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливее— название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского* в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами— и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии [которые зависели от монастырей, а ныне от епископов] пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии, ибо напра-

---

* Домашний палач кроткой Екатерины.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением. Екатерина знала всё это и имела свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами: очень естественно,—они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины: но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де-Сталь за ос-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нование нашей конституции: «En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation» [1].

2 авг. 1822

<ЗАМЕЧАНИЯ НА «АННАЛЫ» ТАЦИТА>

<1>

Тиберий был в Иллирии, когда получил известие о болезни престарелого Августа.—Неизвестно, застал ли он его в живых.—Первое злодеяние его (замечает Тацит) было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августова. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостию,— то Тиберий прав. Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума—Такобые люди всегда могут иметь большое число приверженцев—или сделаться орудием хитрого мятежника. Неизвестно, говорит Тацит, Тиберий или его мать, Ливия, убийство сие приказали.—Вероятно, Ливия—но и Тиберий не пощадил бы его.

<2>

Когда сенат просил дозволения нести тело Августа на место сожжения,—Тиберий позволил сие с *насмешливой скромностию*. Тиберий никогда не мешал изъявлению подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовал на оную.—Но и сие уже впоследствии. Вначале же, решительный во всех своих действиях, казался он запутанным и скрытным в одних отношениях своих к сенату.

---

[1] <Правление в России есть деспотизм, ограниченный удавкою.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<3>

Август, вторично испрашивая для Тиберия трибунства, точно ли в насмешку и для невыгодного сравнения с самим собою хвалил наружность и нравы своего пасынка и наследника?

В своем завещании из единой ли зависти советовал он не распространять пределов империи, простиравшейся тогда от— до—

<4>

Тиберий отказывается от управления государства, но изъявляет готовность принять на себя ту часть оного, которую на него возложат.

Сквозь раболепство Галла Азиния видит он его гордость и предприимчивость, негодует на Скавра, нападает на Гатерия, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасен просьбами Августы Ливии—

Тиберий не допускает, чтобы Ливия имела много почестей и влияния, не от *зависти*, как думает Тацит; не увеличивает вопреки мнению сената число преторов, установленное Августом (12).

<5>

Первое действие Тибериевой власти есть уничтожение народных собраний на Марсовом поле— следственно, и довершение уничтожения республики. Народ ропщет. Сенат охотно соглашается. (Тень правления перенесена в сенат).

<6>

35. Германик, тщетно стараясь усмирить бунт легионов, хотел заколоться в глазах воинов. Его удержали. Тогда один из них подал ему свой меч говоря: *Он вострее.* Это показалось (говорит Та-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

цит) слишком злобно и жестоко самым яростным мятежникам. По нашим понятиям слово сие было бы только грубая насмешка; но самоубийство так же было обыкновенно в древности, как поединок в наши времена, и вряд ли бы мог Германик отказаться от сего предложения, когда бы прочие не воспротивились.—

Мать Мессалины советует ей убиться. Мессалина в нерешимости подносит нож то к горлу, то к груди, и мать ее не удерживает. Сенека не препятствует своей жене Паулине, решившейся последовать за ним, и проч. Предложение воина есть хладнокровный вызов, а не неуместная шутка.

<7>

52. Тиберий не мог доволен быть Германиком, оказавшим много слабости в погашении бунта [легионов]. Германик соглашается на требования мятежников, ограничивает время службы, допущает самовольные казни, даже междуусобную битву. Блестящие поражения неприятеля при Марсорских селениях не заглаживают столько явных ошибок.—Тиберий в своей речи старался их прикрыть риторическими украшениями—меньше хвалил Друза, но откровеннее и вернее. Счастливые обстоятельства благоприятствовали Друзу, но сей оказал и много благоразумия, не склонился на требования мятежников, сам казнил первых возмутителей, сам водворил порядок.

<8>

53. Юлия, дочь Августа, славная своим распутством и ссылкой Овидия, умирает в изгнании, в нищете, может быть, но не *от нищеты и голода*, как пишет Тацит—голодом можно заморить в тюрьме.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<9>

С таковыми глубокими суждениями не удивительно, что Тацит, *бич тиранов*, не нравился Наполеону, удивительно чистосердечие Наполеона, в том признававшегося, не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана к своему мертвому карателю.—

Тацит говорит о Тиберии, что он не любил сменять своих проконсулов <и> наместников, однажды назначив. Ибо, прибавляет он важно, злая душа его не желала счастия многих.—

<1825—1827>

<В УСЛОВИЯХ ДЕСПОТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА...>

Je suppose sous un gouvernement despotique des esclaves et des gens libres—c'est à dire ceux dont la propriété et la volonté dépendent des lois du souverain et ceux qui sont la propriété de quelques individus.

Cet état de choses rentre dans le régime patriarchal, épargne aux gouvernements une infinité d'embarras, de procès, simplifie l'administration et lui donne beaucoup de vigueur.

Gardez-vous donc d'abolir l'esclavage, surtout dans un état.

La liberté des paysans[1].

<1820-е годы>

[1] <Предположим в условиях деспотического государства существование рабов и людей свободных, т. е. таких, коих собственность и воля зависят от законов монарха, и таких, которые являются собственностью каких-нибудь лиц.

Этот порядок приближается к патриархальному строю, избавляет правительство от бесконечного количества затруднений, судебных тяжб, упрощает управление и придает ему большую мощь.

Итак, остерегайтесь уничтожить рабство, особенно в монархическом государстве.

Свобода крестьян.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ В 1789 г.>

«C'était bien le moins que 24 millions d'hommes contre 200 000 eussent la moitié des voix». *Bailly.*

Mais les 200 000 étaient déjà en quelque sorte l'élite de la nation, élite revêtue de privilèges, excessifs à la vérité, mais représentant la partie éclairée et propriétaire. C'était donc un contresens de la neutraliser, tandis qu'il ne fallait qu'y apporter une modification. C'était un contresens de ne pas les considérer, ces 200 000 h., comme partie de 24 millions.

Le tiers état = la nation — moins la noblesse — le clergé! *Rabaut St. E.* c. à d. la nation = le peuple — ses représentants.

Le mode établi par les états généraux était essentiellement républicain—le clergé et la noblesse figurant la chambre haute n'étant pas un degré entre la royauté et le peuple, mais seulement un des côtés d'une même chambre [1].

<1831?>

---

[1] <«Менее всего допустимо, чтобы 24 миллиона человек против 200 000 имели половину голосов». *Байи.*

Но эти 200 000 были уже в некотором роде отборная часть нации, хотя и облеченная чрезмерными преимуществами, но представляющая собою класс просвещенный и имущий. Поэтому было неразумно обессиливать этот класс, а следовало внести только некоторые изменения. Было неразумно не рассматривать эти 200 000 как часть 24 миллионов.

Третье сословие равняется нации минус знать и духовенство. *Рабо де-Сент-Этьен.* Это значит: нация равняется народу минус его представители.

Порядок, установленный генеральными штатами, являлся по существу республиканским—духовенство и знать, представлявшие собою верхнюю палату, являлись не промежуточной ступенью между королевской властью и народом, а лишь одним крылом той же палаты.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ>

<1>

Прежде нежели приступить к описанию преоборота, ниспровергшего во Франции все до него существовавшие постановления, должно сказать, каковы были сии постановления.

Феодальное правление было основано на праве завоевания. Победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих в рабство и разделили всё между собою. Предводит<ели> получили большие участки,—слабые прибегнули к покровительству сильнейших.

Каждый владелец управлял в своем участке по-своему, устанавливал свои законы, соблюдая свои выгоды, и старался окружить себя достаточным числом приверженцев для удержания в повиновении своих вассалов или для отражения хищных соседей. Для сего избирались большею частию вольные люди, составлявшие некогда войско завоевателей. Современем они смешались с побежденными; установились взаимные обязательства между владельцами и вассалами, и стихия независимости сохранилась в народе.

Короли, избираемые вначале владельцами, были самовластны токмо в собственном своем участке; в случае войны с неприятелем, новых налогов или споров между двумя могущими соседями они созывали сеймы.

Сеймы сии составляли сначала одни знатные владельцы и военные люди; духовенство было призвано впоследствии властолюбивыми палатными мэрами (maires du palais), а народ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному с духовенством.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Судопроизводство находилось в руках владельцев. Для записывания их постановлений избирались грамотеи из простолюдинов, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умели читать. Когда же война призывала баронов к защите королевских владений или собственных замков, то в их отсутствии сии грамотеи чинили суд и расправу сначала от имени баронов, а впоследствии са<ми от себя>.

<2>

<Продолжительные войны дали им время основать свою самобытность. Таким образом родились парламенты.

Нужда в деньгах заставила баронов и епископов продавать вассалам права, некогда присвоенные завоевателями. Сначала откупились рабы от вассалов, затем общины приобрели привилегии. В последствии времени короли, для уничтожения власти сильных владельцев, непрестанно покровительствовали общины, и> мало-по-малу народ откупился, владельцы обеднели и стали проситься на жалование королей. Они выбирались из феодальных своих вертепов и стали являться apprivoisés[1] в дворцовые передние.—

Короли почувствовали всю выгоду сего нового положения; дабы (subvenir au frais de nouvelle dépense) прикрыть новые необходимые расходы, они прибегнули к продаже судебных мест, ибо доходы от прав, покупаемых городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сия мера утвердила независимость de la Magistrature (гражданских сановников), и сие сословие вошло в соперничество с дворянством, которое возненавидело его.

Продажа гр<аждански>х мест упрочила правление достаточной части народа, следств<енно>

[1] <прирученные>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

столь же благоразумна и представляет такое же [основание], как и нынешние законы о выборах.— Писатели XVIII века напрасно вопили противу сей меры, будто бы варварской <и> нелепой.

Но вскоре короли заметили, до какой степени сия мера ограничила их самовластие и укрепила независимость сановников.—Ришелье установил комиссаров, т. е. сановников, временно уполномоченных королем. Законники возроптали как на нарушение прав своих и злоупотребление общественной доверенности—Их не послушали и самовластие министра подавило и их и феодализм—

<3>

Феодальное правл<ение> основ<анное> на праве завоев<ания>.

Что были предвод<ители>.

Что был народ.

Короли. Телохранители.

Продажа вольн<ости городам>.

Власть корол<евская>.

Парламент<ы>.

Vénalité des charges [1].

Ришелие—

Споры арист<окрации> с парл<аментами>.

Уничтожение феодализма.

Лю<довик> XIV.

<1831>

<ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ>

<1>

Ignorance des seigneurs Russes; tandis que les mémoires, les écrits politiques, les romans—Napoléon gazetier, Canning poète, Brougham, les dépu-

[1] <Продажа должностей.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

tés, les pairs—les femmes.—Chez nous les seigneurs ne savent pas écrire.—Le tiers état.—L'aristocratie [1].

<1827—1829>

<2>

Attentat de Феодор.—Lâcheté de la haute noblesse (между прочим и моего пращура Никиты Пушкина). Pierre I.—Son Указ de 1714.—Les rangs—Chute de la Noblesse.

Opposition des Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle de Panine).

Pierre III—Истинная причина Дворянской грамоты. Екатерина—Alexandre—Новосильцов, Чарторижский—Кочубей—Spéransky—Popovitch turbulent et ignoré.—

Les moyens avec lesquels on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident—Pierre I est tout á la fois Robespierre et Napoléon (La Révolution incarnée).

La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait). Elle est donc noblesse á vie; moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués—et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de haute noblesse est une garantie de son indépendance—le contraire est nécessairement moyen de tyrannie, ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme: lois cruelles, coutumes douces [2].

<1830>

---

[1] <Невежество русских бар, между тем как мемуары, политические сочинения, романы—Наполеон газетчик, Каннинг поэт, Брум, депутаты, пэры, женщины. У нас баре не умеют писать. Третье сословие. Аристократия.>

[2] <Покушение Феодора...—Трусость высшего дворянства...—Петр I.—Его указ 1714 г.—Чины.—Падение дворянства.

Оппозиция Долгоруких (нелепая, вроде оппозиции Панина).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<3>

Что такое дворянство потомственное? Сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какою целию? С целию иметь мощных защитников или близких и непосредственных к властям предстателей—Какие люди составляют сие сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? Люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? Богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du Souverain[1]. Образ жизни, т. е. неремесленный или земледельческий, ибо всё сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? Земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник—от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? Нужно.— Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии

Петр III...—Александр...—Сперанский—прыткий и безвестный попович.

Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления.—Петр I—одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции).

Высшее дворянство не потомственное (фактически). Следовательно, оно пожизненное; деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость.

Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией, или вернее—с низким и дряблым деспотизмом. Деспотизм; жестокие законы и мягкие нравы.>

[1] <государя>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить—или задушить.—Нужны ли они в народе, так же как например трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde[1] трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества.

Кто составляет дворянство в республике? Богатые люди, которыми народ кормится.

А в государстве? Военные люди, которые составляют гвардию и войско государево.

Чем *кончается* дворянство в республике? Аристократ<ией> прав. А в государстве? Рабством народа. А=Б.

Что составило в Росиии древнюю аристократию?.—Варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Какие были права их? Равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому. Отчего г. Полевой говорит, что они были наровне со *смердами?* Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем не ограничены. Какое время *силы* нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?.. (Минин). Было ли зло местничество? Натурально ли оно? Везде ли существовало оно? Зачем уничтожено было оно? И было ли оно в самом деле уничтожено? *Петр.* Уничтожение дворянства чинами. Майоратства—уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.

<1830-е годы>

[1] <охрана>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<4>

Русское дворянство что ныне значит?—Какими способами делается дворянство?—Что из этого следует?—Глубокое презрение к сему званию.—Дворянин помещик.—Его влияние и важность—рекрутство—права. Дворянин в службе—дворянин в деревне.—Происхождение дворянства. Дворянин при дворе.

<1833—1835 г.>

<ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ>

<1>

Sous le nom d'Ukraine ou de *Petite Russie* l'on entend une grande étendue de terrain réunie au colosse de la Russie et qui comprend les gouvernemenst de Tchernigov, Kiov, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk.

Le climat y est doux, la terre féconde, elle est boisée vers l'occident, au midi s'étendent ces plaines immenses traversées par de larges rivières et où le voyageur ne rencontre ni bois ni colline.

Les Slaves ont de tout temps habité cette vaste contrée. Les villes de Kiov, Tchernigov et Lubetch sont aussi anciennes que Novgorod-Veliki, ville libre et commerçante, dont la fondation remonte au premiers siècles de notre ère.

Les Polanes habitaient les bords du Dniepre, les Severiens et les Soulitches les bords de la Disna, de la Seme et de Soula, les Radimitchs sur les rivages de la Soge, les Drégovitchs entre la Dvina occidentale et le Pripete, les Drevliens en Volynie; les Bouges et les Doulebes sur le Boug; les Loutitchs et les Tiverces à l'embouchure du Dniestre et du Danube.

Vers le milieu du 9 siècle Novgorod fut conquise par les Normands, connus sous le nom de Varè-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

gues-Rousses. Ces hardis aventuriers portèrent plus loin leur invasion, subjuguèrent tour à tour les peuplades qui habitaient les bords du Dniepre, du Boug, de la Disna. Les différentes peuplades Slaves qui adoptèrent le nom de Russes grossirent l'armée de leurs vainqueurs. Ils s'emparèrent de Kiov où Oleg établit le siège de sa domination. Les Varègues-Rousses se rendirent terribles au Bas-Empire et plus d'une fois leur flotte barbare vint menacer la riche et faible Byzance. Ne pouvant les repousser par la force des armes elle se flatta de les attacher au joug de la religion: l'évangile fut prêché aux sauvages adorateurs de Peroune et Vladimir subit le baptême. Ses sujets adoptèrent avec une stupide indifférence la religion que préférait leur Chef.

Les Russes devenus formidables aux peuples les plus éloignés étaient toujours en butte aux invasions de leurs voisins: les Bolgares, les Petchenegues et les Polovtsi. Vladimir partagea entre ses fils les conquêtes de ses ancêtres.

Ces princes dans leurs apanages étaient des délégués du souverain, chargés de contenir les émeutes et de repousser l'ennemi. Ce n'était pas là, comme on voit, le gouvernement féodal, système basé sur l'indépendance des individus et le droit égal au butin.

Mais bientôt les rivalités et les guerres éclatèrent et pendant plus de deux cents ans durèrent sans interruption. La résidence du souverain fut transportée dans la ville de Vladimir. Tchernigov et Kiov perdirent peu à peu leur importance. Cependant d'autres villes s'élevèrent au midi de la Russie: Korsoune et Boguslave sur la Rossi (gouvernement de Kiov), Starodoub sur le Babentza (gouv. de Tchernigov), Strezk et Vostrezk (gouv. de Tchernigov), Tripol (près de Kiov), Loubny et Chorol (gouv. de Poltava), Prilouk (gouvernement de Poltava), Nov-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

gorod-Seversky (gouv. de Tchernigov). Toutes ces villes existaient déjà vers la fin du XIII siècle.

Tandis que les petits fils de Vladimir le tyran se disputaient entre eux son héritage, et que les peuplades guerrières qui habitaient à l'Est de Mer Noire venaient servir d'auxiliaires aux uns et partager les dépouilles des autres—un fléau inattendu vint frapper les princes et les peuples de la Russie.

Les Tartares se présentèrent aux frontières de la Russie; ils étaient précédés de ces mêmes Polovtsi qui chassés de leurs pâturages se refugiaient en foule auprès des princes qu'ils avaient tour à tour servis et dépouillés. Les princes s'assemblèrent à Kiov; la guerre y fit résolue; la multitude accourut de toute part et se rangea sous leurs drapeaux. Georges, grand prince de Vladimir, fut le seul qui ne voulut pas prendre sa part des dangers de cette expédition. L'affaiblissement des apanages était les fruits qu'il en attendait.

L'armée des princes réunie aux Polovtsi s'avança contre un ennemi inconnu et déjà redoutable. Des envoyés Tartares parurent sur les bords du Dnièpre au moment où l'armée Russe en effectuait le passage. Ils proposèrent aux princes l'alliance contre les Polovtsi; mais ceux-ci usèrent de leur influence et les envoyés furent égorgés. L'armée avançait toujours: cependant les dissensions ne tardent pas à s'y élever. Les deux Mstislav, le prince de Kiov et celui de Galitz, en vinrent à une rupture ouverte. Arrivé sur les bords du Kalka (rivière du gouvernement de Iekaterinoslav) Mstislav de Galitz le passa avec ses troupes, tandis que le reste de l'armée sous la conduite du prince de Kiov se retrancha sur le bord opposé. Le lendemain (31 mai 1224) l'ennemi parut—et la bataille s'engagea entre l'armée Tartare et le corps avancé composé des troupes du prince de Galitz et des Polovtsi. Ceux-ci plièrent d'abord et portèrent

Пушкинский кабинет ИРЛИ

le désordre dans les rangs des Russes. Ceux-ci combattaient encore, animés par l'exemple du brave Daniel de Volynie, mais l'orgueil insensé des princes fut cause de leur perte: Mstislav de Kiov n'envoya pas de secours au prince de Galitz et celui ne voulut pas en demander.

Bientôt tout fut en déroute, les Polovtsi en fuyant tuaient les Russes pour les dépouiller à la hâte. Les Russes repassèrent le Kalka poursuivis par les Tartares et dépassèrent le camp du prince de Kiov, qui, spectateur immobile de leur défaite, comptait encore sur ses propres forces pour repousser les vainqueurs qui bientôt l'entourèrent. Les Tartares entamèrent une négotiation à la faveur de laquelle ils s'emparèrent du camp. Le carnage fut horrible. Mstislav et quelques autres princes subirent un sort affreux: les Tartares, après les avoir liés et couchés par terre, les couvrirent d'une planche et s'assirent dessus en écrasant tout vifs.

Ainsi périt une armée naguère si formidable. Les Russes furent poursuivis jusqu'à Tchernigov et Novgorod-Seversky; tout fut livré aux fer et aux flammes. Tout à coup les vainqueurs s'arrêtèrent et leur horde se retira vers l'Est où elle rejoignit la grande armée de Tchingis-han campée alors en Bukharie [1].

<1831?>

---

[1] <Украиной, или Малороссией, называют обширное пространство, соединенное с колоссом Россией и состоящее из губерний Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской и Подольской.

Климат там мягок, земля плодородна; страна в своей западной части покрыта лесом. На юге тянутся огромные равнины, пересекаемые широкими реками, где путешественник не встретит ни леса, ни холма.

Славяне с незапамятных времен населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем Новгород Великий, свободный торговый го-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<2>

Что ныне называется Малороссия?
Что составляло прежде Малороссию?
Когда отторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владычеством татар?
От Гедемина до Сагайдачного.
От Сагайдачного до Хмельницкого.
От Хмельницкого до Мазепы.
От Мазепы до Разумовского.

<1831?>

род, основание которого относится к первым векам нашей эры.

Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи—на берегах Десны, Сейма и Сулы, радимичи—на берегах Сожа, дреговичи—между Западной Двиной и Припетью, древляне—в Волыни, бужане и дулебы—по Бугу, лутичи и тиверцы—у устьев Днестра и Дуная.

К середине девятого века Новгород был завоеван норманнами, известными под именем варяго-русов. Эти предприимчивые удальцы, вторгаясь далее в глубь страны, подчинили себе одно за другим племена, жившие на Днепре, Буге, Десне. Различные славянские племена, принявшие имя русских, увеличили войска своих победителей. Они захватили Киев, и Олег сделал его своей столицей. Варяго-русы стали грозой Восточно-Римской империи, и не раз их варварский флот появлялся угрозой у стен богатой и слабой Византии. Не будучи в состоянии отразить их силой оружия, она гордилась тем, что смирила их посредством религии. Дикие поклóнники Перуна услышали проповедь евангелия, и Владимир принял крещение. Его подданные с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождем.

Русские, наводившие ужас на отдаленные народы, сами постоянно подвергались нападениям соседних племен: болгар, печенегов и половцев. Владимир разделил между своими сыновьями земли, завоеванные его предками.

Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, которым было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. Это, как мы видим, вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче.

Но вскоре начались раздоры и войны, длившиеся непрерывно более чем двести лет. Столица государя была

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ...>

Удельные князья, наместники при Владимире, независимы потом. Святополк II учреждает *княжеские съезды*, прекратившиеся при татарах. Митрополит Алексей учреждает *третейский суд*.

Боярство (родовое?) поддерживалось местничеством (первый боярин *Свенельд)*. При царе *Феодоре Алексеевиче* знатных родов 507, а прочих дворян до 315.

Кабальный холоп. Всякий имел оного за долг свыше 15 руб.

Полный пленник, купленный при свидетелях, убеглый кабальный, преступник.

<1831?>

перенесена во Владимир. Чернигов и Киев потеряли постепенно свое значение. Тем временем в южной России возникли другие города: Корсунь и Богуслав на Роси (в Киевской губернии), Стародуб на Бабенце (в Черниговской губ.), Стрецк и Вострецк (в Черниговской губ.), Триполь (под Киевом), Лубны и Хорол (в Полтавской губ.), Прилуки (в Полтавской губ.), Новгород-Северский (в Черниговской губ.). Все эти города существовали уже к концу XIII века.

В то время как внуки Владимира-тирана занимались раздорами, и воинственные племена, обитавшие к востоку от Черного моря, оказывали помощь одним из них, чтобы делить добычу, доставшуюся от других, неожиданное бедствие обрушилось на русских князей и весь народ.

Татары появились у границ России. Им предшествовали всё те же половцы, прогнанные со своих пастбищ и массами устремившиеся к тем князьям, которым раньше они служили или которых разоряли. Князья собрались в Киеве. Война была решена; отовсюду стекался народ и становился под знамена. Один только Юрий, великий князь владимирский, не пожелал принять участия в опасностях похода. Он ожидал ослабления уделов в результате этой войны.

Войска князей, соединившись с половцами, подвигались против неведомого, но уже грозного врага. Татарские послы прибыли на берег Днепра в то время, как русские войска начали переправу. Они предложили князьям союз против половцев, но последние употребили всё свое влияние, и

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ВЛАДЕТЕЛЬНЫЕ ФЕОДАЛЫ...>

Les seigneurs féodaux avaient les uns envers les autres les devoirs et les droits[1].

Удельные князья зависели от единого великого князя, и то весьма неопределенно (но меж собою—)— бояре их не были в свою очередь владельцы, но их придворные сподвижники.

<1831?>

послы были перебиты. Войска продвигались всё дальше; между тем не замедлили вспыхнуть раздоры. Два Мстислава, князь киевский и князь галицкий, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берег Калки (река в Екатеринославской губернии), Мстислав Галицкий перешел ее с своим войском, в то время как остальная армия, под начальством князя киевского укрепилась на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224 года) враг появился, и началась битва между татарскими войсками и передовым отрядом, состоявшим из войск князя галицкого и половцев. Последние вскоре дрогнули и внесли беспорядок в ряды русских. Те еще сражались, воодушевляемые примером храброго Даниила Волынского, но безрассудная гордость князей была причиной их гибели. Мстислав Киевский не посылал подкрепления князю галицкому, а тот его не желал просить.

Вскоре смятение объяло всех; бегущие половцы убивали русских, чтобы поскорее их грабить. Русские отступили за Калку, преследуемые татарами, и миновали лагерь князя киевского, который, оставаясь неподвижным зрителем их поражения, еще рассчитывал на собственные силы, чтобы отразить победителей, которые скоро его окружили. Татары начали переговоры, которые позволили им овладеть лагерем. Произошло страшное избиение. Мстислав и некоторые другие князья подверглись ужасной участи: татары связали их и положили на землю, покрыли доской, на которую сели, раздавив их заживо.

Так погибло войско, еще недавно грозное. Татары преследовали русских до Чернигова и Новгорода-Северского, предавая всё огню и мечу. Внезапно победители остановились, и их орда ушла на восток, где она соединилась с великой армией Чингис-хана, стоявшей в то время в Бухаре.>

[1] <Владетельные феодалы имели одни по отношению к другим обязанности и права.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<МОСКВА БЫЛА ОСВОБОЖДЕНА...>

Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалилось, король шведский думал о замирении, последняя опора Марины, Заруцкий, злодействовал в отдаленном краю России. Отечество отдохнуло и стало думать об избрании себе нового царя. Выборные люди ото всего государства стеклись в разоренную Москву и приступили к великому делу. Долго не могли решиться; помнили горькие последствия двух недавних выборов. Многие бояре не уступали в знатности родам Шуйских и Годуновых; каждый думал о себе или о родственнике; вдруг, посреди прений и всеобщего недоумения, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаил Феодорович был сын знаменитого боярина Феодора Никитича, некогда сосланного царем Борисом и неволею постриженного в монахи; в царствование Лжедимитрия (1605) из монастырского заточения возведенного на степень митрополита ростовского и прославившего свое иноческое имя в истории нашего отечества.

Юный Михаил по женскому колену происходил от Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Иоанна Васильевича. С самых первых лет испытал он превратности судьбы. Младенцем разделял он заточение с материю своею, Ксенией Ивановной, в 1600 году под именем инокини Марфы постриженной в пустынном Онежском монастыре.

Лже-Димитрий перевел их в костромской Ипатский монастырь, определив им приличное роду их содержание.

<1831—1832>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКА О ДМИТРИИ САМОЗВАНЦЕ>

Мнение митрополита Платона о Дмитрии *Самозванце*, будто бы воспитанном у езуитов, удивительно детское и романическое. Всякой был годен, чтоб разыграть эту роль: доказательство: после смерти Отрепьева Тушинский вор и проч. Езуиты довольно были умны, чтоб знать природу человеческую и невежество русского народа.

6 июля 1831.

<В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА...>

В древние времена при объявлении войны *жильцы* рассылались с грамотами царскими по всем воеводам и другим земским начальникам *спросить о здоровье* и повелеть всем дворянам вооружаться и садиться на коней с своими холопами (по 1 со 100 четвертей).—Не для кого не было исключения, кроме престарелых, увечных и малолетных. Не имевшим способов для пропитания давалось жалованье; кочующим племенам и казакам также— и сие войско называлось *кормовым*. На зиму все войска распускались.

Царь Иван Васильевич во время осады Казани учредил из детей боярских регулярное войско под названием стрельцов.—Оно разделялось на пешее и конное, равно вооруженное копиями и ружьями. Стрельцы получали жалование и провиант—и комплектовались наборами неопределенными—когда и с какой области (в[1] году по 1 ч<еловеку> с двух дворов).

Впоследствии число их простиралось до 40 000. Они разделялись на московские и городовые.— Городовые обыкновенно оставались для обережения границ;—но московские жили в праздности и неге

[1] <Пропуск в тексте.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и мало-по-малу потеряли совершенно дух воинственного повиновения.—Они пустились в торги, и государи не только терпели такое злоупотребление, но даже указами подтверждали оное.—Несмотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою и считали оную пятном для своего рода—по сей причине большая часть их начальников была низкого происхождения.—

<1831?>

<ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «НЕСТОРА» ШЛЕЦЕРА>

Шлецер—введ. стр. 1.

Саги—стр. 7. О важности русск. слов<есности>.

Смотри чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, буква в букву... стр. IX *предуведомл.* А наши!

Разница между *Русьми* и византийским Ρως ч. II глава 6. *Байер* отыскивает начало *Руси* стр. XXVII *предувед<омления>*.

XXXIV стр. *Мнение* Шлецера о *русск.* истории NB статья Чедаева. *Далее:* Екатерина II *много* сделала для истории, но Академия *ничего*. Доказательство, как правительство у нас всегда впереди. XL думает, что книга его (Probe<russischer Annalen> etc.) забыта, по крайней мере в России.

<1832?>

<ЗАМЕТКА О ПРИКАЗАХ>

Приказы: 1) *Надворный* ведал дела переносные (cour de cassation); *Расправная палата* (сенат); *Золотая палата* (ведала службу дворян); *Приказ посольский*, кроме дел иностранных, ведал таможни, аптеки, врачей. *Приказ Большия казны*—Департамент уделов. *Земский*—управа благочиния московская. *Житный*, *Бронный*, *Монастырский*,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стрелецкий, Пушкарский, Ямской, Холопий; Казанский дворец ведал царства Астраханское, Казанское и Сибирское; *Каменный приказ*, учрежденный Годуновым, ведал постройку каменных зданий. Сверх того временные приказы, напр. *Приказ о прекращении разбоев.*

При удельных князьях *тиуны*, судьи, посадники, *волостели*, тысяцкие.

Городничий—*Дворской.*

Губернский предводитель—*воевода*, впоследствии главный уездный судья, губной староста, судия, целовальник—заседатель уездного суда, *объездной*—исправник. «*Приказчик*»—*посадский*—председатель городской думы. *Поместный приказчик*—дворянский предводитель (сбивчиво, дурно).

<1833>

<ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ» М. Ф. ОРЛОВА>

Конечно, никто не *изобретал* кредита, доверенности. Он проистекает сам собою, как *условие*, как *сношение.* Он родился при первом меновом обороте.—

Возвращение капитала не есть, конечно, господствующая мысль[1] при частном кредите, но умножение оного посредством процентов.—У людей разделены на мелкие части.—

Сам по себе налог слеп и падает без разбора на все состояния.—Нет, налог *может* отозваться во всех состояниях, но обыкновенно падает на одно—отсель ошибка физиократов или налога на землю, падающего на земледелие и нечувствительного множеству других сословий.—

<1833—1834>

---

[1] <На полях набросан вероятный вариант двух последних слов:> *необходимое условие.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО>

<1>

Петр родился в Москве в 7180 г. мая 30-го (1672). Рождение царевича праздновали трехдневным торжеством при колокольном звоне и пушечной пальбе. Царь, в знак своей радости, даровал прощение осужденным на смерть, возьратил из ссылки преступников, роздал богатую милостыню, простил народу долги и недоимки, искупил невольников, заключенных за долги.

Царевич был окрещен июня 29, в субботу, на праздник верховных апостолов Петра и Павла, в Чудовом монастыре, от патриарха Иоакима. Восприемниками были брат его, царевич Феодор Алексеевич, и тетка его, царевна Ирина Михайловна. Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда, в день именин его, между прочими подарками один купец подал ему детскую саблю, Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем, ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову, и сказал, что его не забудет. Царь пожаловал купца гостем, а Петра, при прочтении молитвы духовником, сам тою саблею опоясал. При сем случае были заведены *потешные*. Перед своею кончиною царь назначил приставниками к царевичу: боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при нем окольничих кн. Петра Ивановича Прозоровского, Федора Алексеевича Головина и Гавриила Ивановича Головкина. Царь Алексей Михайлович скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трех лет и осьми месяцев.

Царь Феодор Алексеевич оставил при вдовствующей царице весь ее штат. В 1677 г. она имела при себе 102 стольников. Потешные большею частию были дети их. Петр начал учиться грамоте 12-го

Пушкинский кабинет ИРЛИ

марта 1677 года, по благословению святейшего патриарха. Учителем его был челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Ф. Соковнину, который и привел его во дворец ко вдовствующей царице. Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также к царевичу, Лефорт и Тиммерман, учили его геометрии и фортификации.

Милославские во время царствования Феодора утесняли Нарышкиных: из них ни один не был произведен в большие чины. Дед царевича, Кирилл Полуехтович, определенный Алексеем Михайловичем главным судиею в приказе Большого Дворца, был отставлен.

Боярин Иван Максимович Языков предложил однажды вдовствующей царице, под предлогом тесноты, перебраться в другой дворец, отдаленный от царского дворца. Царица не захотела и подослала Петра с своим учителем к царю Феодору. Петр поцеловал его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя с царевичем Димитрием, а боярина с Годуновым. Царь извинился перед Натальей Кирилловной и отдал ей Языкова головою. Языков был на время отдален.

Царица жила обыкновенно в Потешном дворце царя Алексея Михайловича, отчего и Петр его предпочитал.

15 августа 1680 г. Зотов был от него удален по *наветам*. Он был послан с полковником стрелецким, стольником Василием Тяпкиным, в Крым, для заключения мирного договора на 20 лет, что и случилось 15 января 1681 года. Зотов воротился 8 июня. Неизвестно, продолжал ли он учить царевича.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Страленберг и «Рукопись о зачатии» повествует, что царица, едучи однажды весною в один монастырь, при переправе через разлившийся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшего у ней на руках. Петр до четырнадцати лет боялся воды. Князь Борис Алексеевич Голицын, его обер-гофмейстер, излечил его. Миллер тому не верит.

Когда слабому здравием Федору советывали вступить во второй брак, тогда ответствовал он: «Отец мой имел намерение нарещи на престол брата моего, царевича Петра; то же сделать намерен и я». Сказывают, что Феодор то же говорил и Языкову, который ему сперва противоречил и наконец отвратил разговор в другую сторону, и уговорил его на второй брак. В самом деле, 1682 года февраля 16, Феодор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, но в тот же год апреля 27 скончался, наименовав Петра в преемники престола (в чем не согласен Миллер. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 20). Царевичу Иоанну было шестнадцать лет, а Петру десять лет.

О *избрании* (см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123).

Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиной и черных сотен и иных имен люди единогласно избрали царем Петра.

Патриарх говорил потом боярам и окольничим, и думным, и ближним людям, и они были того же мнения.

Петр избран был 10 мая 1682 года, и в тот же день ему присягнули; царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но чрез три недели всё рушилось. Боярин Милославский и царевна София произвели возмущение. План их был:

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1) Истребить приверженцев Петра.
2) Возвести царем Иоанна.
3) Царя Петра лишить престола. (?)

Сумароков и князь Хилков утверждают, что Милославский удержал стрельцов от присяги,— Голиков, дабы согласить их с летописью, говорит: многих стрельцов.

Главные сообщники Милославского были племянник его Александр, Щегловитой, Цыклер, Иван и Петр Толстые, Озеров, Санбулов и главные из стрелецких начальников: Петров, Чермнов, Озеров и проч. Сумароков в числе приверженцев Софии именует и Иоакима.

Санбулов начал возмущение. Он закричал в толпе стрельцов, что бояре отняли престол у законного царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александр Милославский и Петр Толстой рассеяли слухи, что Иоанн уже убит, и роздали стрельцам письменный список мнимым убийцам, приверженцам царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ б. матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое, вторгаются в Кремль.

Деда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили.

Убиты в сей день братья Натальи Кирилловны, Иван и Афанасий, князья Михайло Алегумович Черкасской, Долгорукие Юрий Алексеевич и сын его Михайло, Ромодановские Григорий и Андрей Григорьевичи, боярин Артамон Сергеевич Матвеев, Салтыковы—боярин Петр Михайлович и сын его стольник Феодор, Иван Максимович Языков (?), стольник Василий Иванов, думные люди Иван и Аверкий Кирилловы, Иларион Иванов с сыном,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

подполковники: Горюшкин, Юренев, Данилов и Янов; медики Ф. Гаден и Гутменш. Стрельцы, разбив холопий приказ, разорвали крепости и провозгласили свободу господским людям.—Но дворовые к ним не пристали.

Мая 18. Стрельцы вручили царевне Софии правление, потом возвели в соцарствие Петру брата его Иоанна. 25 мая царевна-правительница короновала обоих братьев. София уже через два года приняла титло самодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всех делах после обоих царей. (Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.)

Стрельцы получили денежные награждения, право иметь выборных, имеющих свободный въезд к великим государям, позволение воздвигнуть памятник на Красной площади, похвальные грамоты за государственными печатьми, переименование из стрельцов в надворную пехоту. Выборные несли сии грамоты на голове до своих съезжих изб, и полки встретили их с колокольным звоном, барабанным боем и с восхищением. Сухарев полк один не принял участия в бунте.

Царевна поручила стрелецкий приказ боярам князьям Хованским—Ивану Андреевичу и сыну его Феодору, любящим стрельцов и тайным раскольникам аввакумовской и никитской ереси.

Вскоре после того (?) стрельцы под предводительством расстриги попа Никиты производят новый мятеж, вторгаются в соборную церковь во время служения, изгоняют патриарха и духовенство—которое скрывается в Грановитую палату. Старый Хованский представляет патриарху и царям требования мятежников о словопрении с Никитой. Стрельцы входят с аналоем и свечами и с каменьями за пазухой, подают царям челобитную. Начинается словопрение. Патриарх и холмогорский архиепископ Афанасий (бывший некогда

Пушкинский кабинет ИРЛИ

раскольником) вступают в феологический спор. Настает шум, летят каменья (сказка о Петре, будто бы усмирившем смятение). Бояре при помощи стрельцов не-раскольников изгоняют наконец бешеных феологов. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6-го июня. Царица Наталья Кирилловна, по свидетельству венецианского историка, удалилась с обоими царями в Троицкий монастырь.—После того Петр удалился в село Преображенское и там умножает число потешных (вероятно без разбору: отселе товарищество его с людьми низкого происхождения). Старый Хованский угождал всячески стрельцам. Он роздал им имение побитых бояр. Принимал от них жалобы и доносы на мнимые взятки и удержание *поможных денег*. Хованские взыскивали, не приемля оправданий и не слушая ответчиков.

София возвела любимца своего князя Голицына на степень великого канцлера. Он заключил с Карлом XI (1683) мир на тех же условиях, на коих был он заключен двадцать лет прежде. Россия была в миру со всеми державами, кроме Китая, с которым были неважные ссоры за город Албазин при реке Амуре.

Бояре, приверженные к Петру, назначили ему в обер-гофмейстеры князя Бориса Алексеевича Голицына. Он овладел доверенностию молодого царя и делал перевес на его сторону. Многие бояре, а особливо дети их перешли на сторону Петра.

Царевна в сие время женила брата своего Иоанна на Прасковье Федоровне Салтыковой (1684 года января 9). Петру I, бывшему по двенадцатому году, дана была полная свобода. Он подружился с иностранцами. Женевец Лефорт (23 (?) годами старше его) научил его гол. (?) языку. Он одел роту Потешную по-немецки. Петр был в ней бара-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

банщиком и за отличие произведен в сержанты. Так начался важный переворот, впоследствии им совершенный: истребление дворянства и введение чинов. В сие время князь Василий Голицын, бывший главным в комиссии о разобрании дворянских родов и о составлении родословной книги, думал возобновить местничество, уничтоженное царем Феодором в 1681 году. Комиссия была учреждена под начальством боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова и окольничего Чаадаева.

Бояре с неудовольствием смотрели на потехи Петра и предвидели нововведения. По их наущению сама царица и патриарх увещевали молодого царя оставить упражнения, неприличные сану его. Петр отвечал с досадою, что во всей Европе царские дети так воспитаны, что и так много времени тратит он в пустых забавах, в которых ему однакож никто не мешает, и что оставить свои занятия он не намерен. Бояре хотели внушить ему любовь к другим забавам и пригласили его на охоту. Петр, сам ли от себя или по совету своих любимцев, но вздумал пошутить над ними: он притворно согласился; назначил охоту, но, приехав, объявил, что с холопями тешиться не намерен, а хочет, чтоб господа одни участвовали в царском увеселении. Псари отъехали, отдав псов в распоряжение господ, которые не сумели с ними справиться. Произошло расстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, седоки падали, собаки тянули снуры, надетые на руки неопытных охотников. Петр был чрезвычайно доволен—и на другой день, когда на приглашение его ехать на соколиную охоту господа отказались, он сказал им: «Знайте, что царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В день преполовения (того ж 1684 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у патриарха. Петр расспрашивал патриарха об установлении сего хода и о других церковных обрядах. После обеда приехал он с боярами на Пушечный двор и повелел бомбами и ядрами стрелять в цель. Он сам, несмотря на представления бояр, запалил пушку—и, узнав, что поручик Франц Тиммерман хорошо знает науку артиллерийскую, повелел его к себе прислать и уехал в Преображенское.

На другой день Тиммерман был ему представлен. Петр взял его к себе в учителя—велел отвести ему комнату подле своей, и с той поры по несколько часов в день обучался геометрии и фортификации. Он в рощах Преображенского, на берегу Яузы, повелел выстроить правильную маленькую крепость, сам работал, помогал Тиммерману расставлять пушки и назвал крепость Пресбургом. Он сам ее атаковал и взял приступом. Потом в присутствии бояр сделал ученье стрелецкому Тарбееву полку. Он осуждал многое в артикуле царя Алексея Михайловича (см. т. I, стр. 179). В доказательство он одному капральству велел выстроиться и сам скомандовал по-своему. С той поры старый артикул был им отменен и новый введен в употребление. (Крекшин.)

Миллер относит учреждение потешного войска к 1687 году, потому что в Разрядных книгах продолжительное пребывание царя в Преображенском начинается с того году. Но наборы начались уже в 84. Записные книги доказывают, что в 87 увеличилось число потешных, ибо царь уже начал набирать из придворных и конюшенных служителей, и вскоре их прибавилось так много, что уже должно было часть оных поселить в селе Семеновском. Отселе *сем<еновцы>* и *преобр<аженцы>*.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Петр из Бутырского полка взял пятнадцать барабанщиков (в 1687 г.). Лефорт (в том же году) произведен в полковники. Учреждена конница. (Оп. Тр. Ч. IV, «*О начале гвардии*».) Петр, находясь однажды на Сокольничьем дворе, узнал, что всех охотников до трехсот человек. С согласия брата, взял из них молодых в потешные.

1684 г. мая 14-го. Посольство от цесаря Леопольда.

Целью оного было склонить Россию на войну с Турцией. Отвечали, что заключенного царем Феодором двадцатилетнего мира нельзя нарушить, и что Россия ничего не может предпринять, пока Польша не отречется от своих притязаний на Смоленск, Киев и всю Украину и не заключит вечного мира.

1684 г. июня 1-го и 2-го Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна. Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью.

Стрельцы между тем продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника А. Ф. Барсукова и солдатского полковника Мат. Кравкова, мучили их на правеже за мнимые долги и домы их разорили. Своего заслуженного полковника Янова, негодуя на его строгость, они с похода вытребовали в Москву и казнили. У Хованских с Милославским завязалась ссора. Милославский принужден был скрываться по своим деревням и оттоле посылать царям и правительнице доносы на Хованских, обвиняя их в потворстве стрельцам, у коих, говорил он, готовится новый

Пушкинский кабинет ИРЛИ

бунт против обоих царей, патриарха и ближних бояр. Он доносит, что Ф. Хованский, хвастая своею породою, происшедшей от королей польских Ягеллов, похваляется браком сочетаться с царевною Екатериной Алексеевной. Правительница поверила Милославскому. Государи укрылись в с. Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое к дворцовым дверям письмо, в коем объявлено было намерение Хованских истребить весь царский дом и овладеть государством. Государи уехали в Саввин монастырь,—послали оттуда грамоту в Москву и во все города, повелевая войскам и пахотным людям (и всякого звания) быть как можно скорее в село Воздвиженское, куда они и отправились. Всё сие сделано было в величайшей тайне. Хованскому послана была особая похвальная грамота, в коей повелевалось ему и сыну немедленно для нужных советов отправиться к государям (куда?). Феофан говорит, что Хованский не хотел прежде сего отлучиться от стрельцов, подозревая недоброжелательство двора. 17 сентября (в день св. Софии) боярин кн. Мих. Иван. Лыков схватил старого Хованского на дороге в селе Пушкине и сына его на реке Клязьме, в его отчине и привел обоих в оковах в село Воздвиженское, где, прочтя им указ, без всякого следствия, им и стрельцам Одинцову с товарищами отрубили головы.

Между тем оба царя прибыли в Троицкий монастырь. Туда собралось и множество войск изо всех городов (иные говорят до 30, а другие до 100 000). Дан указ боярину кн. Петру Семеновичу Урусову итти с замосковскими городовыми дворянами в Переяславль-Залесский. Бояр. Алексею Сем. Шеину с коломенс., рязанск., путивл. и каширскими дворянами—в Коломну. Бояр. князю Влад. Дмит. Долгорукову с серпухов., алексинск., тарусск.,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

одоевск. и калужск.—в Серпухов; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сын Хованского, комнатный стольник царя Петра, прибежал в Москву и объявил стрельцам о казнях воздвиженских; стрельцы взбунтовались. Они овладели царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрепились в Москве, расставили всюду караулы и никого не стали пускать ни в город, ни вон из города. Они громко грозились пойти к Тр. Известясь о том, двор укрепился в монастыре. В сие самое время, пишут летописцы, дана Петру отрава, от которой страдал он целую жизнь. Царевна не знала, что делать. По совету Голицына, она думала употребить противу стрельцов поселенный в особой слободе (при царе Алексее Михайловиче) Иностранный полк и послала офицеров оного в монастырь для получения о том указа от государей.

18 сентября из Троицы прибыл к патриарху стольник Зиновьев с грамотою о винах и казнях Хованских. Стрельцы потребовали, чтоб грамота была им прочтена, и чуть было не убили Зиновьева—крича: «Пойдем к Троице и всех побьем». Услышав, однако, что государи повелевают забрать и других князей Хованских, именно: двух Петров и Ивана, да спальников Феодора и Ивана, дабы, сняв с них боярство и дворянство, сослать,—пришли в робость. И боярин Михайло Петр. Головин, прибывший из Тр. для принятия Москвы в свое ведение,—успел их укротить. Патриарх, по просьбе их, за них заступился. Им прислано было повеление выдать зачинщиков бунта. Они их перехватали, и сверх того, отрядили из всех полков для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третий топор. Милославский остановил следствие и суд. Государи простили виновников. Хованского привели в монастырь. Он сослан был в Сибирь, и 30 человек казнены.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Началась реакция. Головин собрал проданные стрельцами пожитки бояр, убитых в первом бунте, и возвратил их наследникам.

Государи наградили войско и чиновников за их верность и усердие.

Перед выездом повелено всем, кроме стрельцов, быть вооруженными. Государи остановились в селе Алексеевском. Стрельцы прибегнули опять к патриарху, и он с выборными приехал умолять государей. Выборные просили позволение столб сломать и жалованные грамоты возвратить.

Тогда двор поднялся в Москву. От самого села до Москвы стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями. Иоанн оказывал тупое равнодушие; Петр быстро смотрел во все стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрелецкие начальники поднесли государям хлеб-соль и отдали пожалованные грамоты.

Петр уехал в Преображенское.

София же повелела Голицыну произвести новое следствие. Несколько их были казнены. Четыре полка посланы служить на границах. Приближенным своим (не из знатных) роздала места. Стрелецкий приказ поручила в ведение Щегловитому; а молодого князя Голицына, двоюродного брата любимца, пожаловала главным судьей Казанского дворца.

Китайский император Кан-Хий прислал государю грамоту с мирными предложениями. Назначен посольский съезд, и главным выбран окольничий Феодор Алексеевич Головин. (Ежемес. Соч. 1757 г. Ч. II—206).

Во Францию отправлен посланник, стольник Семен Алмазов, с дьяком Дмитриевым. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти из России хлеба 100 000 четвертей.

В 1686 г. австрийский император, не успев заклю-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чить союз с Россией, обратился к Собескому, который в 1676 г. принужден был уступить Каменец и заключить с Портою невыгодный мир. Негоциации сии имели успех и были весьма выгодны для России, ибо 26 апреля 1686 г. Польша утвердила вечно за Россией Смоленск, Киев, Новгород-Северский и всю по сей стороне Днепра лежащую Украйну.

По словам же «Поденной записки»: *Смол., Киев и Северск. Мал. Рос. областей 57 городов по Черный лес и по Черное море.*

Россией заплачено Польше 1 500 000 польских злотых (или 187 500 рублей) и заключен в пользу Австрии оборонительный и наступательный союз. Россия обязалась также чрез посольство предложить о вступлении в сей же союз Англии, Франции, Испании, Голландии и Дании.

Мир сей утвержден присягою в *Ответной* (Посольской палате). После того послы и бояре вошли в Грановитую палату, где сидели на тронах оба царя—и перед ними был налой с евангелием. Дьяк Емельян Украинцев принял евангелие из рук царского духовника, и послы вторично присягнули. После того оба государя говорили речь и дали обещание хранить тот мир ненарушимо. Вельможи, заключившие условия с нашей стороны, были бояре: князь Вас. Вас. Голицын, Бор. Петр. Шереметев, Ив. Ив. Бутурлин, окольничие: Скуратов и Чаадаев и думный дьяк Украинцев. Голицын получил золотую чашу весом в 9 фунтов, кафтан и 500 рублей, да в Нижн. Новг. волость Богородицкую (3000 дв.).

Вследствие сего в следующем 1687 году были отправлены послами: в Англию—Василий Семенович Подсвинков, во Францию и Испанию—стольник ближний князь Яков Феодорович Долгору-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кой и стольник князь Мышецкий, к Голл. штатам—дьяк Василий Постников, в Данию—дьяк Любим Домнин, Швецию и Бранденбургию—дьяк Борис Протасов («Под. записки»). Посольства сии не имели успеха. Папа объявлен был от авст. имп. покровителем и защитником союза.

Петр продолжал между тем свои изучения и потехи. Одно из них происходило на Пресне. Петр стрелял *из всех пушек.*

Петр занимался строением крепостей и учениями. Иоанн, слабый здравием и духом, ни в какие дела не входил. Вельможи, страшась ответственности в последствии времени, уклонились от правления—и царевна София правила государством самовластно и без противоречия.

В совете царском положено было: когда Венеция нападет на Морею, поляки на границы Подолии, Волыни, а цесарцы в Венгрии и Трансильвании вооружатся—тогда нам итти в Крым. Тут же объявлен был от Петра главнокомандующим князь Голицын. В *Большом полку* назначен начальником сей же Голицын, (? бояр.) князь Константин Щербатов, окольничий Аггей Шепелев и думный дьяк Украинцев. В *Новгор. полках:* боярин Алексей Шеин, окольничий князь Данило Борятинский. В *Рязанском разряде:* боярин князь Влад. Долгорукий, окольничий Петр Скуратов. В *Севских полках:* окольнич. Леонтий Неплюев. В *Низовых полках:* стольник Ив. Леонтьев и Вас. Дмитриев Мамонов (кн?). В *Белогородских:* бояр. Борис Шереметев и малороссийский гетман Ив. Самойлович. Генералу Гордону (под нач. Голицына) поручен был от Петра особый отряд (сколько?), из лучшего войска состоявший. Государь осмотрел его сам и изъявил

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Гордону свое благоволение. Армия состояла (по мнению нек.) из 400 000 (а по свидетельству двух летописей, известных Голикову, из 200 000).

Крымский поход был бесполезен для России. Войско возвратилось ни с чем, ибо степи на двести верст были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича в тайном согласии с татарами. Он был лишен гетманства и сослан с сыном своим сперва в Нижний, а потом в Сибирь. Старший сын его казнен в Севске за возмущение. Генеральный есаул (?) Ив. Мазепа избран мал. гетманом (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всех начальников и даже простых воинов. Первый получил 1000 дворов крестьян и золотую *братину*; все офицеры получили золотые медали (каждая была в 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей поход принес большую пользу Австрии, ибо разрушил союз, заключенный в Адрианополе между крымским ханом, французским послом и славным трансильванским принцем Текели. По сему союзу хан должен был дать 30 000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таковым же числом должен был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусных офицеров.

В летописной *Истории царя Михайла Феодоровича и его преемников* сказано, что Петр был недоволен походом и упрекал князя Голицына в том, что он только что раздражил татар, а отступлением обнажил границы. Тогда повелено трем полкам (30 000) стать по *Белгородской черте*, под начальством боярина князя Михайла Ромодановского и думного дьяка Авраама Хитрово.

Между тем (1688 г.) янычары свергли Магомета

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и возвели Солимана II. Но как Польша не воспользовалась внутренними смятениями для начатия войны, то и Россия оставалась в покое.

Хан собрал меж тем войско с намерением вторгнуться в Россию. 25 января 1689 года* в царском совете положено его предупредить. Князь Голицын опять выступил в поход, и при впадении Самары в Днепр заложил крепость Богородицкую, по плану голландца-архитектора (?). Петр в сей поход посылал своего любимца Лефорта, дабы, говорит Голиков, ведать поведение начальников. Перед его отъездом взял он себе в лакеи (несправедливо) Меншикова и записал в потешные (см. Гол. Часть I, стран. 205).

Супруга царя Иоанна сделалась беременна: сие побудило царицу Наталью Кирилловну и приближенных бояр склонить и Петра к избранию себе супруги. Петр 27 янв. (по друг. 17) 1689 г. женился на Евдокии Феодоровне Лопухиной, и в следующем 1690 году родился несчастный Алексей.

Брак сей совершился противу воли правительницы. Петр уже чувствовал свои силы и начинал освобождаться от опеки. Прибывшего из похода князя Голицына он к себе не допустил. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилостивить молодого государя, который, хотя наконец и допустил Голицына к руке своей, но сделал ему строгий выговор за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствие, ибо видела уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а некоторые говорят, что доносы офицеров подтвердили обвинения), будто бы он был подкуплен ханом. Царевна успела выпросить у Петра согласие на награды, коими осыпала она своего любимца.

---

* Год начинался в сентябре.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Бояре, угадывая причину сих щедрот и видя опасность прямо приступить к удалению Голицына и к лишению власти правительницы, избрали (говорит Гол.) дальнейшую, но бесполезную к тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубийстве. Она стала советываться с князем Голицыным (раскольником, замечает Гол.), открыла ему намерение Петра заключить ее в монастырь (?). Голицын, помышлявший уже о престоле, с нею согласился во всем и на всякий случай отослал сына своего в Польшу с частию своего имения.

Но гроза уже готовилась. 8-го июля 1689 г., во время соборного крестного хода в церковь Казанской богородицы, когда государи вышли из собора за крестами, тогда правительница пошла вместе с ними. Петр с гневом сказал ей, что она, как женщина, не может быть в том ходу без неприличия и позора. Царевна его не послушалась, и Петр, не дошед еще от Успенского до Архангельского собора, оставил торжество и уехал в село Коломенское, а оттоле в Преображенское.

Царевна приступила к исполнению своего умысла. Она снеслась с Щегловитым и предначертала с ним новый мятеж. Щегловитый в ночь на 5-е (по др. на 9-е) августа собирает до 600 стрельцов на *Лыков* двор (где ныне арсенал) и дерзкой речью приуготовляет их к бунту против *Петра*, который *вводит немецкие обычаи*, одевает войско в немецкое платье, имеет намерение истребить православие, а с тем и царя Иоанна и всех бояр и проч. Разъяренные стрельцы требуют, чтоб их вели в Преображенское; но двое из них, Мих. Феоктистов и Дм. Мельнов, успели прибежать прежде и через князя Бориса Алексеевича Голицына открыли Петру весь заговор. Петр с обеими царицами, с царевной Натальей Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефортом и немногими потешными убе-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

жал в Троицкий монастырь. Перед восходом солнца прискакал Щегловитый с убийцами, но узнав об отсутствии царя, сказал, что будто приезжал он для смены стражи, и поспешил обо всем уведомить царевну. Она не смутилась и не согласилась последовать совету князя Голицына, предлагавшего ей бежать в Польшу.

Скоро все приближенные к государю особы приехали к нему в Троицкий монастырь. Оттуда послал он в Москву указ к своим боярам и иностранцам—быть немедленно к нему с их полками. 10-го явились к Петру Стремянного полка полковник Циклер и пятисотный Ларион Ульфов, да пятидесятник Ипат Ульфов, да с ними пять стрельцов с доносом на Щегловитова.

Царевна, притворясь ужаснувшеюся новому мятежу, втайне однакож старалась разжечь оный через Щегловитова. Она именем царя Иоанна не допустила исполнить требования Петра, приславшего к Иоанну стольника Ив. Велико-Гагина, *чтоб позволил царь Иоанн быть изо всех полков выборным стрельцам*; так и от себя Петр посылал в стрелецкие полки *свой государев указ*, чтоб были к нему выборные *для подлинного розыску, и с ними полковники, такожде и гостям и гостиной сотни посадским любям и чернослободцам* (Поденная записка). Царь Иоанн (говорит венец. ист.) дал указ под смертною казнию не отлучаться из Москвы. Мятежа однакож не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра час от часу становятся сильнее, прибегнула к посредничеству тетки своей царевны Татьяны Михайловны и сестер своих царевен Марфы и Марии, дабы примириться с Петром. Они прибыли к Троице и пали к стопам государевым, повторяя затверженное оправдание. Петр, их выслушав, стал доказывать преступление правительницы. Царевна Татьяна осталась с ним в монастыре,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

а другие две царевны, возвратясь к правительнице, объявили о неудаче своего посредничества.

София прибегнула к патриарху; старец отправился к Троице. Но Петр не только его не послушал, но и дал ему знать, что сам он должен быть лишен своего сана и на место его уже назначен архимандрит Сильвестр. Патриарх задержан был в монастыре. Царевна в ужасе поехала сама, в сопровождении знатных особ, держа в руках икону спасителеву. Но Петр, узнав, что она остановилась в селе Воздвиженском, послал к ней стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что в монастырь ее не впустят, и чтоб она поехала назад. Царевна упорствовала, говоря, что она непременно хочет увидеть своего брата. Петр послал ей князя Ив. Бор. Троекурова с последним словом, что буде она не повинуется, то поступлено будет с нею нечестно. Царевна в отчаянии возвратилась в Москву.

Петр вторично писал брату своему о присылке к нему выборных, а им послал опять указ. и 5-го сентября все прибыли в монастырь. Петр вышел пред них на крыльцо с царицей Натальей Кирилловной, с теткою царевной Татьяной и с патриархом и приказал вслух читать доносы стрелецкие о злодейских умыслах Щегловитого и главных его соучастников: полковника Семена Резанова и выборных стрельцов Обросима и Никиты Гладковых, Козьмы Черного и друг. По прочтении, все предстоящие приговорили казнить осужденных.

Петр благодарил за усердие, и половину к нему прибывших послал в Москву с двумя стами солдат (потешных?) при Б. П. Шереметеве и полковнике Нечаеве, с повелением схватить преступников, а боярам послал указ явиться к нему. Бояре поспешили повиноваться. Князь Голицын и сын его, Леонтий Неплюев и восемь окольничьих были в том же

Пушкинский кабинет ИРЛИ

числе, но их не впустили, а велели встать на постоялых дворах и дожидаться указа. Посланные в Москву не могли отыскать Щегловитого, сокрытого самою царевною в ее тереме. Они возвратились с прочими его сообщниками. Петр послал опять за Щегловитым полковника Сергеева со ста выборными и писал брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодею. Царевна, видя гибель несчастного ее сообщника, велела ему в *запас* приобщиться св. таин. Сергеев прибыл и требовал от нее выдачи изменника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергеев объявил ей, что по указу Петра будет он принужден обыскивать ее покой, а царь Иоанн через П. Ив. Прозоровского прислал сказать ей, что он не только за вора Щегловитого, но и за нее с братом своим ссориться не намерен, и приказывал ей выдать Щегловитова. София в слезах повинovалась, и вместе с изменником (гов. Гол.) выдала беспрекословное свидетельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярам на суд (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Четыре дня он ни в чем не признавался. Стали его пытать голодного, несколько дней не евшего. Щегловитый после нескольких ударов кнутом во всем признался и подал свои показания *на письме за своею рукою*. Пред сим признанием просил он, чтоб велели его накормить. Он и двое из его сообщников (?) были колесованы; прочим отрезали язык, других ссылали. Из них Обросим Петров, когда вели его на казнь, громко винился перед народом, увещевая всех научиться от его примера.

Князь Троекуров, человек умный, *ярый и строгий*, принял в ведение свое Стрелецкий приказ. А розыскные дела поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вскоре казнен монах Сильвестр Медведев, бывший в *Приказе татебных дел* подьячим. Он пойман близ Смоленска, в Бизюкове монастыре.

Князь Голицын приведен был в Троицкий монастырь. Его не допустили до царя. На крыльце, в присутствии боярина Стрешнева, прочтены ему его вины, за которые он и сын его лишены боярства и имения и сосланы в недальние города. После, однако, сосланы они в Сибирь, в Пустозерск, потом переведены на Мезень, после же на Пинег, где старый князь умер, а сын его наконец прощен. Бояр. Леонтий Роман. Неплюев осужден был точно так же.

Голиков прибавляет следующие подробности и объяснения:

8-го июня (в день крест. хода) голова Стрелецкого приказа окольничий с стр. полковниками и другими чиновниками—Оброською Петровым, Кузькою Черным, Сенькою Рязановым, Ивашкою Муромцевым, Демкою Лаврентьевым, Мишкою Чечеткою, Микиткою Евдокимовым, Егоркою Романовым—собрались и начали заговор.

Дабы озлобить стрельцов, избрали они некоего подьячего Шошина, станом и лицом схожего с бояр. Л. К. Нарышкиным. Нарядив его в боярское платье (?) и придав ему *свиту*, заставили его разъезжать по караулам, нападать на стрельцов, бить их и мучить. Шошин ломал им суставы, отсекал пальцы и, нападая в рощах на простой народ, многих бил кнутьями и палками и иным резал языки, приговаривая, что он боярин Нарышкин, и что он, мстя за братьев, шел их истребить, а сестра-де моя (Нат. Кир.) и Петр меня послушают. Стрельцы, приходя в приказы, *являли свои раны и записывали*.

Злодеи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петров на то и поку-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сились. Первый приехал в Преображенское (когда?), расставил в *тайных местах* и в буераках стражу, и сам (по праву звания своего) явился к государю и, прошедши до спальни, вышел. В полночь загорелось одно строение, но вскоре было утушено; в ту же ночь пожар возобновился и снова был утушен. Люди придворные и народ возымели подозрение, целую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились в Москву до рассвета.

Поутру донесено о пожарах царю. Петр, еще не подозревая истины, но полагая зажигателей ворами, велел всюду расставить стрельцов Сухарева полка. Щегловитый представлял ему, что надежнее и удобнее стражу составить изо всех полков стрелецких. Но (NB) Петр на то не согласился. После были еще разные покушения. Заговорщики думали совершить цареубийство в Кр. дворце, или на дороге из Преображенск., стерегли его на пути, в Кремль вводили ночью стрельцов, которые должны были дожидаться на Лыковом и на Нитяном дворе.

Сам Щегловитый забирался иногда на верх Грановитой палаты, а другие препровождали ночи на верху церкви Распятия Христова.

Когда Петр, известясь (8-го августа) о злоумышлении, скрылся в Тр. мон., тогда бывшие настороже вестники дали знать о том Соковнину (?). Заговорщики, устрашась, распустили всех стрельцов по домам.

Петр повелел: имена приезжающих бояр (в мон.) записывать, благодаря их за усердие, и они расставили около монастыря и по московской дороге стражу.

Царь Иоанн призывал (получив письмо от Петра) к себе Щегловитого и его сообщников, расспраши-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вая их о смятении. Они во всем отперлись, а доносили о злодействах Нарышкина. Иоанн им поверил, и тогда они купно с царевною просили его: *да един он царствует.* Царь с гневом ответствовал, что он брату, яко достойнейшему, самовольно уступает престол. «Вы же всуе мятетесь...» и повелел их, сковав, отослать в монастырь.

По привезении их, Петр повелел патриарху *допросить их по духовенству.* Они принесли повинную и отдали написанную к Софии челобитную от имени всех стрельцов о принятии ею единовластного правления. Петр сию челобитную и распросные речи за патриаршим свидетельством отослал в Москву к Иоанну.

Вины кн. Голицыных сказаны были, что они без указу великих государей имя сестры их царевны Софии Алексеевны во всех делах и посольских грамотах установили обще с именами государей писать самодержицею, и что в крымском походе пользы никакой не учинили (тут есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятений, сестра обоих царей, правительница София. Петр послал ей приказ добровольно удалиться в монастырь. Царевна отклонилась от исполнения воли своего брата и готовилась бежать в Польшу. Тогда Петр послал Троекурова в Москву с повелением взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее в Новодевичий монастырь. Троекуров в точности исполнил приказание Петра; для виду предварительно отнеслись о том к Иоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лет с половиною. На монетах и медалях изображалась она (по другую сторону царей) в короне, порфире и со скипетром, с надписью: Бож. мил. в. г. цари и в. кн. И. А., П. А. и благов. гос. цар.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

(а иногда и царица) и в. кн. С. А. вс. Вел., Мал. и Бел. России самодержцы. Титул сей давался ей во всех грамотах, указах и письменных делах.

Изданы во время ее правления: пищевой наказ о межевании земель, о разборах *по сортам* людей и войска, о распределении дворцовых чернослободских мест и беломестных дворов, корчемный устав и до ста пятидесяти указов. Между сими указ, повелевающий казнить смертию лекаря, уморившего своего больного.

7-го сентября от имени обоих царей состоялся указ, чтоб ни в каких делах имени бывшей правительницы не упоминать.

Петр выехал из монастыря и отправился в Москву. В с. Алексеевском встретили его все чины московские при бесчисленном множестве народа. Стрельцы от самого села до Москвы лежали по дороге на плахах, в коих воткнуты были топоры, и громко умоляли о помиловании. Петр въехал в Москву 10 сентября и прямо прибыл к собору. От заставы до самого собора стояло войско в ружье. Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление. Перед ц. домом встретил его Иоанн. Оба брата обнялись, и старший, в доказательство своей невинности, уступил меньшому всё правление и до самой кончины своей (1696 г.) вел жизнь мирную и уединенную.

Отселе царствование Петра единовластное и самодержавное.

<2. Конспекты, выписки и заметки[1]>

1703.

Посреди самого пылу войны Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностию.

---

[1] <Печатаются не полностью. *Ред.*>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Карл XII был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение, и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург (*одной рукой заложив крепость, а другой ее защищая.* Голик.). Он разделил и тут работу. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меньшикову, 3-й графу Головину, 4-й Зотову (? *канцлеру*, пиш. Голик.), 5-й князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. В крепости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близ оной, где стояла рыбачья хижина, деревянный же дворец на 9 саженях в длину и 3-х в ширину, о 2-х покоях с сенями и кухнею, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра в сем виде сохраняется и поныне.

В крепости определен комендантом полковник Рен. Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над новоначинавшимся городом. Отведено место для гостиного двора, пристани, присутственных мест, адмиралтейства, государева дворца, сада и домов знатных господ. Город Нейшанц был упразднен, и жители оного переведены, и были первые петербургские поселенцы.

Петр послал Шереметева взять крепость Копорье, а генерал-маиора Ф. Вердена под Ямы. Обе крепости вскоре сдались на капитуляцию; гарнизоны выпущены в Нарву.

Когда народ встречался с царем, то, по древнему обычаю, падал пред ним на колена. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже *сие под жестоким наказанием, дабы*, пишет Штелин, *народ ради его не марался в грязи.*

Петр ездил в Ямы и Копорье, наименовал первый Ямбургом и повелел его укрепить. Там узнал он, что Кронморт идет из Лифляндии с 12 000 ч., в намерении напасть на Петербург. Петр его предупредил с полками своей гвардии и 4 драгунскими и, нашед его в крепких местах у реки Сестры, прогнал его до Выборга, положив 2000. В то же время под Ямбург подступил нарвск. ком. генерал-маиор Горн, но прогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы были побиваемы.

Вслед за сим на олонецкой верфи, в присутствии Петра, заложены 6 фрегатов; отправлены к Шереметеву четыре наставления, между прочим о вымерении ладожского устья

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и как подымается полая вода, *понеже зело нужны и там некоторые суда*. К Апраксину писал он, чтобы *по весне исправлялся* пушками и заготовлял *сие* для кораблей, но не зачинал их строить.

Из Олонца прибыл государь на новопостроенном фрегате «Штандарт» с 6-ю ластовыми судами в Петербург, куда вскоре пришел первый корабль голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Петр велел отвести шхиперу и матросам постой в доме Меншикова; они обедали за его столом, и Петр сидел с ними (*С.-Петербургские ведомости*, 1703 года, декабря 15), подарил шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю вперед обещано то же (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанию государя, тотчас были раскуплены.

Петр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, не любили. (Анекдот об аладьях. Кухмистер государев звался Фельтен. Летний дворец. См. *Штелина* и *Голикова*.)

1-го октября в третий раз Петр заключил условие с Августом, обязавшись усилить его саксонцев 12000 пехоты, да дать 300 000 руб. Всё было исполнено. Деньги посланы с обер-комиссаром кн. Дм. Голицыным.

Петр видел еще нужду в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли, и крепости для прикрытия Петербурга. В октябре, когда шел уже лед, он ездил осматривать остров Котлин, лежавший в Финском заливе, в 30 верстах от Петербурга. Он выметил фарватер между сим островом и мелью, против него находившеюся; на той мели, в море, определил построить крепость, а на острове сделать гавани и оные укрепить, и сам делал тому *план и проспект*.

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставя у Ямбурга окольничего П. Апраксина с 5-ю полками.

В Москву въехал он торжественно. По указу его были сделаны трои триумфальных ворот. Четвертые выстроил Меншиков. Потом занялся гражданским устройством государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 миллионов (?). (Беер и другие (?), Щербатов.)*

1709.

27 июля до восхождения солнечного, неприятель тронулся, с намерением атаковать нашу конницу, и для того думал прежде овладеть редутами—но пушки оных от правого неприятельского крыла оторвали 6-ть батальонов пехоты и несколько десятков эскадронов конницы и пону-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

дили их уйти в лес; главная шведская армия пробивалась сквозь редуты, наша конница сбивала неприятельскую (взяв 14 штандартов и знамен). Неприятель беспрестанно подкреплял свою конницу, а нам сие делать было невозможно; предводитель оной, храбрый Рен ранен был в бок. Петр повелел Боуру (заступившему Рена) отступить справа от нашего ретраншемента, с наблюдением, чтоб гора была у него во фланге, а не назади (дабы неприятель не мог утеснить ее под гору). Боур стал отступать, а неприятель его преследовать. Тогда шведы очутились под огнем нашего укрепления и приняты были пушками во фланг; они отступили на пушечный выстрел и выстроились в боевом порядке.

Петр меж тем отрядил Меншикова, Гейншина и Ренцеля с 5 полками конницы и 5 батальонами пехоты противу отступившей в лес кавалерии (от наших редутов). Неприятель был порублен. Генерал-маиор Шлипенбах сдался, а генерал-маиор Розен отступил к полтавским апрошам.

Петр отправил Меншикова и Рейнцеля с повелением атаковать шанцы шведские и Полтаву освободить. Меншиков наехал на 3000 отряд (резервный), стоявший позади правого шведского крыла у леса.—Меншиков их атаковал и разбил, и возвратился к Петру, поруча Рейнцелю довершить остальное.

Розен по приближению Рейнцеля ушел с 3 бывшими с ним полками в свои крепости и окопы. Но русский генерал его атаковал, и Розен сдался.

Тогда Петр вывел из укрепления свою армию и выстроил ее следующим образом: корпус армии стоял в двух линиях, третью (6 полков) оставил в укреплении при генерал-маиоре Гинтере; конница стояла на крыльях—на правом под командою Боура, на левом Меншикова. Артиллерией управлял генерал-поручик Брюс. 3 батальона при полковнике Головине стояли на горе у монастыря для сообщения с городом. 6-ть полков драгунских при генерал-маиоре Волконском—между малороссийским войском и нашим для сообщения с Скоропадским и в случае нужды для сикурса главному войску.

Петр объехал со своими генералами всю армию, поощряя солдат и офицеров, и повел их на неприятеля. Карл выступил ему навстречу; в 9-ом часу войска вступили в бой.—Дело не продолжалось и двух часов—шведы побежали.—

На месте сражения сочтено до 9234 убитыми—Голиков погибшими полагает 20 000, на 3 мили поля усеяны были трупами.—Левенгаупт с остальными бежал, бросая багаж

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и коля своих раненых. Ушедших было до 16 000, а с людьми разного звания до 24 000.

Вначале взяты в плен генерал-маиор Штакельберг и Гиментон, генерал-фельдмаршал Рейншильд, принц Виртембергский с множеством офицеров и тысяч солдат; 2900 наших были освобождены. Пленные пригнаны в лагерь.

В шанцах взяты шведский министр граф Пипер с тайными секретарями Цидельгельмом и Дибеном, весь королевский кабинет с несколькими миллионами денег, весь обоз и проч.

Карл, упавши с качалки, был заблаговременно вынесен и увезен к Днепру.—Он соединился с войском своим под Переволочною; тут оставил он его и бежал в турецкие границы с несколькими сот драбантов и с генералами Лагерскроном и Шпаром.

В Полтавское сражение король имел 31 полк, свою гвардию, лейб-драгунов, лейб-регимент и драбантов, волохов, запорожцев и мазепинских сердюков 2000—всего более 50 000, одних шведов до 40 000. Наших было более, но всё было решено первой линией (10 000 войска). Мы потеряли бригадира Феленгейма, полковников Лова и Нечаева, 37 штаб- и обер-офицеров, 1305 унтеров и рядовых. Ранены Рен, бригадир Полонский, 5 полковников, 70 штаб- и обер-офицеров и 3214 унтер-офицеров и рядовых.

Петр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей—шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.

В тот же день послал он Гольцу приказ всячески не допускать короля соединиться с польским его войском и пресек рассылкою легких войск все дороги из Турции.

Князь Голицын и Боур преследовали бегущих. На другой день Петр послал к ним в помощь Меншикова и занялся погребением убитых, офицеров особо, рядовых в одну общую могилу. Войско стояло в строю. Полковые священники отпевали тела. Петр плакал и сам при троекратной стрельбе бросил первую горсть праха. 29-го, день своих именин, Петр угощал опять пленников, а 30-го отправился вслед Меншикову и прибыл в Переволочную. Уже неприятель без бою отдался Меншикову, имевшему не более 9000. Число сих пленных было 24 000. Петр повелел выдать им провиант. Узнав от Левенгаупта о бегстве короля в Турцию, он отрядил бригадира Кропотова и Волконского вслед за ним по разным дорогам. Запорожцев взято в Переволочной 220; прочие разбежались, иные утонули в Днепре, немногие ушли с Мазепою. Потом Петр возвратился в Полтаву.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Меншиков пожалован в фельдмаршалы, Шереметев, Репнин, Голицын и Долгорукий и проч. деревнями; граф Головкин канцлером; барон Шафиров под-канцлером; сей же Долгорукий и боярин Мусин-Пушкин тайными действительными советниками. Репнин, Брюс, Рен, Аларт, Ренсель—орденами (?), штаб- и обер-офицеры портретами царя с алмазами, золотыми медалями, все рядовые годовым не в зачет жалованьем и серебряными медалями; иностранцам большею частию даны деньги; в том числе полтавский комендант полковник Келин — он произведен в генерал-маиоры—получил портрет с алмазами и проч..

Пленным определено содержание (?).

Запорожцы, взятые в Переволочной и явившиеся потом с повинною (вопреки указам), были прощены; старшины отосланы были в Сибирь на поселение, а начальники обращены в поселяне.

Петр по просьбе своих генералов принял на себя чин генерал-поручика (дабы чрез чин не быть произведену).

Мазепа перешел за Днепр прежде короля. Взято пушек 22, гаубиц 2 и мортир 8. Артиллерия шведская в разных сражениях уменьшена была.

Карл прислал Мардофельда в Полтаву *под видом некоего комплимента* (Голиков), но он был задержан, ибо не имел ни письма, ни паспорта. Открылось потом, что Карл присылал его с предложением о мире на тех условиях, кои предлагал Петр. Ему отвечали, что уже поздно, однако отпустили с тем, чтоб за него отпущен был кто-нибудь из наших знатных пленных, и с новыми мирными условиями. Сей Армаред под Калишем взят был в плен и освобожден по просьбе Августа. Он имел дозволение говорить с Петром, в присутствии Шафирова, по просьбе коего отпущен Цидельгейм, дабы обще с шведским сенатом старались они о мире.

В самый день сражения Петр уведомил Апраксина и других (от 9 и 10 июля) о своей победе. Колычеву в Воронеж писал, чтоб он уведомил о том *товарищей* царя Косенца и Ная; в другом письме к нему ж, что в Коротояк отправлены будут 3000 шведов, и когда на *середе* начнется крепость, то бы их на работу употребить. *Апраксину* (от 9 июля): полагая, что тою осенью к Выборгу приступить нельзя будет, полагает осадить Ревель, для того приказывает в Нарву из Петербурга доставить пушки и проч.— Повелевает ему достать Корелу, *ибо в оной водяной путь невозбранный*, и проч.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

13 июля Петр отступил от Полтавы в Решетиловку за духотою от мертвых тел и стояния двух армий. Тут повелел он пленным шведам экзерсироваться в его присутствии, предал суду изменника бригадира Мильфельса, которого и расстреляли.—Петр писал опять Колычеву о чертеже и проч., о кузнецах и проч., посылал его и г-дам Козенцу и Наю по шпаге шведской и уведомил, что 3000 шведов уже посланы при полковнике Нелидове. Замечательна последняя статья по резолюции на вопросы Колычева: на каждого корабельного мастера возложив по части, прибавляет он—*кроме моей доли*. Мастера Скляева, находившегося при сражении, произвел он в капитаны (морские); он объявляет Колычеву за тайну о будущей морской кампании и приказывает, чтоб 4 или 5 кораблей были бы готовы.

Петр отрядил Шереметева для осады Риги, со всею пехотою и частию кавалерии, а князя Меншикова в Польшу с большею частию конницы, дабы выгнать Красова и Лещинского, соединясь с Гольцом. Репнин оставлен на границе для наблюдения татар, турков и казаков. Пленных (знатных) отправил он в Москву, а простых по городам, и с Меншиковым и со многими министрами и генералами прибыл в Киев 22 июля.

Здесь он узнал Феофана Прокоповича, ректора киевских училищ. Речь его понравилась Петру, и он принял его в свою особую милость. Он занемог, но не оставил своих упражнений, писал отцам убитых утешительные письма и проч. Колычеву с мастерами велел быть в Москве к декабрю и проч. Курбатову приказал: когда губернаторы и воеводы съедутся в Москву в конце года,то быть там и бурмистрам, по одному человеку с города.

Петр запрещает Апраксину разорять Финляндию, *ибо нам же разоренное исправлять*, надеется на мир и ходатайство Цидельгейма, повелевает погодить итти в Корелу, надеясь сам подоспеть к Ревелю—около 14 сентября быть в Нарве, оставя в Кронштоте и на Котлине 10 000 человек, в Петербурге 2 или 1500, в Шлиссельбурге 500, в Нарве 600, в Пскове и Новгороде ничего и проч.

Апраксина с *флагманами* произвел Петр в шаут-бенахты. Петр благодарил его из Киева от 13 августа (смотр. Голик. Ч. III 131).

Отпустя в Польшу Меншикова, Петр 15 августа выехал из Киева и 24 отобедал у Гольца. Лещинский и Красов уж бежали в Померанию. Сначала они рассеивали ложные слухи о Полтавской битве; наконец Лещинский в Померании отказался от короны. Польские вельможи отовсюду съезжались к Петру с поздравлениями. Яблонский, Дзя-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

линский и Щука оставили Лещинского и прибегли к Августу, которого Петр объявил законным королем. Август с 14 000 саксонн вступил в Польшу, рассея манифест, с коим отречение свое представляя недействительным, яко принужденное и без согласия Речи им данное, вопреки своей присяге, и объявил, что он вновь вступает в права свои. по требованию Петра и проч. Он послал великого конюшего Фицтума к Петру, приглашал его в Торунь и повторил ту же прюсьбу, не доехав до Кракова.

7-го сентября Петр из Люблина прибыл в местечко Сольцы и осмотрел войско Синявского. Здесь получил он третье приглашение Августа чрез Флеминга, а от прусского короля чрез камергера фон-Калекена. Петр обещался обоим.

Петр в Сольцах к 20-му сентября велел сделать 10-ть судов, на коих весною отправился в Торунь. Конюший Фицтум и ген.-фельдмар. <Флеминг> были при нем в гребцах и конвое. Вятский полк при кн. Алексее Голицыне.

Петр между прочим послал Апраксину манифесты Августа, дабы оные достанить Либкеру и Кастюртейну и проч.

Кн. Голицыну повелевает быть с войском своим к Каневу и уведомляет, что идет вслед за Красовым гвар. подполк.

Долгорукому. чтобы он с виленских жидов доправил штрафы 20 000 еф. за то, что обещались от себя посылать шпионов и солгали; и взять под стражу 40 или 50 лучших, пока не заплатят.

Король бежал к Очакову, но его туда не впустили; русские его преследовали живо: 1 Переяславский полк Томора (Томара?) первый нагнал его, взял в плен генерал-аудитора, ген.-кр.-комиссара, 3 офицер. и 60 рядов.; 2. В Велиже взято 8, убит. 30; 3. Бригадир Кропотов убил до 200, и взял 260 (в том числе ген.-ауд.). 4., генерал-маиор Волконский догнал короля при Днестре. Король успел переправиться с малым числом и остальных 200 чел. были убиты, в плен взяты 4 оф. и 209 ряд., многие перетонули. Король приехал в Бендеры. Паша принял его с пушечной пальбою. На другой день король послал в Константинополь Неугебаура.

23 сентября Петр прибыл в Варшаву. Паны и между ними великий канцлер князь Радзивилл и епископ луцкий принял его пушечною пальбою. Петр остановился в доме маршала Белинского до ночи; ночевал на реке, 24-го утром в сопровождении польских вельмож отправился в Торунь.

26-го за полмили от сего города встретил его Август на двух *прамах*. Король при встрече с царем смутился и изменился в голосе и в лице. Петр поздравлял его, сказал

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем Петр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII. Оба государя обедали вместе на речке и въехали в Торунь верхами при пушечной пальбе.—Всё войско саксонское и *мещанское* стояло под ружьем—Петр до 5 часа ночи пировал у короля; король, его министры и генерал с драбантами проводили его до дома, где король, дождавшись его выхода, кричал ему *виват*.

28 сентября, в день левенгауптской баталии, король обедал у Петра, пили за здравие обоих государей при пушечной пальбе из крепости и стрельбе выстроенного войска.

29-го и 30-го Петр и король занялись возобновлением союза, нарушенного Алт-Ранстадским трактатом. В Торунь приехал барон фон-Ранцов с поздравлениями и предложениями к заключению настоящего и общего союза. Петр повелел российскому министру при датском дворе князю Долгорукову заключить оный. В Торуне сверх сего заключен общий оборонительный трактат с королями прусским, польским и датским, после чего Петр и Август объявили регенбургскому имперскому собранию, что ежели дозволено будет шведскому войску над союзниками учинить действие военное, или вступить обратно в Польшу, то Петр по праву войны будет гнать неприятеля повсюду, где только его найдет,—и требовал *гарантии* всей империи.

Петр писал Апраксину, чтоб он и датский посланник дожидались его в Петербурге; жалеет, что дела задержали его в Польше, и что время для взятия Ревеля уже прошло; повелевает оному одну блокаду (без артиллерии) и подводы распустить и проч.; что бригадир Кропотов при местечке Чернявцах на остальных шведов напал (между ими и 500 запорожцев), побил их и перетопил в *Пруте* и проч.

Поляки, противники Августа, прибегнули к ходатайству Петра. Тогда же прибыл к Августу и турецкий посол с поздравлениями и с уверениями в дружбе и в добром соседстве.

10-го сентября Петр отправился Вислою в Мариенверд, для свидания с прусским королем. Август провожал его 8 миль до Саксонского лагеря. Петр осмотрел войско и экзерсиции. Тут принял он бобруйского старосту Сапегу, главного мятежника, прибегнувшего к его заступлению. Он приехал по повелению Петра, обнадежившего его прощением Августа. Таким образом Петр пригласил короля и со всеми его подданными.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

14-го сентября Петр поехал рекою же, от Мариенверда с полумили. 15-го на берегу Вислы встретил его король; оба с торжеством въехали в город в одной карете и остановились в том же доме. Они обедали за церемониальным столом. На третий день заключили четверной союз.

19-го оба государя обедали у Меншикова. (Граф Д. в своих записках говорит: je n'ai jamais vu boir plus de vin de Hongrie[1] и рассказывает анекдот о Роне («Ronne, Ronne, mon ami! Dans un autre pays tu ne <te> verrai pas de sitôt une excellence»[2]). Петр подарил Фредерику шпагу, которую носил он под Полтавою, и несмотря на то, что она длинна и тяжела и неловка, король всё время носил ее на себе. Петр не пьянствовал и умел себя воздерживать.—Долгорукий при сем случае выпросил прощение для своего родственника (мнимого баварского посланника—смотри выше!). Петр приказал присоветывать ему не вмешиваться более в политические сплетни, за которые впредь ему так дешево не отделаться.—Votre maj., s'il y revient, pent lui faire donner le knout [3].

Петр заметил, что кнут слишком тяжкое наказание, и хотел дать почувствовать, что в России за всё про всё кнутом не дерут. Долгорукий говорит о умеренности и благопристойности Петра и проч.

На сем обеде король пожаловал Меншикову свой орден и предложил о сочетании царевны Анны Иоанновны с герцогом курляндским, на что Петр и соизволил.

В Мариенверд прибыл к Петру Флемин, и по молчанию его Петр догадался о причине его приезда, и сказал ему не обинуясь, что быв оставлен всеми своими союзниками в самую опасную минуту, не обязан он исполнять условия трактата, ими же нарушенного, и что завоевания, им одним совершенные, ни с кем делить он не намерен, а всего менее с Августом и республикою. Дело шло о обещании Петра возвратить Польше лифляндские города, некогда ей принадлежавшие.

Петр меж тем предписал генерал-маиору Ностицу выбить шведский гарнизон из Ельбинга и город занять, а Меншикову расположиться на границе венгерской на зиму.

23 октября Петр отправился к Риге сухим путем. Впе-

[1] <Я никогда еще не видел, чтобы пили столько венгерского.>

[2] <Друг мой Рон! В другой стране ты не стал бы так скоро генералом.>

[3] <Ваше величество, если это повторится, можно его наказать кнутом.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ред для угощения на станциях отправлен чрезвычайный посланник Кейзерлинг, два маиора и комиссар. Петр поехал на Прейсмарк, Бартен, Штейн, Отнюргенц. Инстербург.

29 октября Петр прибыл на польскую границу, где свирепствовала *моровая язва*, почему Петр принужден был делать большие объезды. С дороги писал он к русским начальникам о предосторожности противу язвы и легкомыслия поляков (письма Петра к Ушакову в декабре), об отправлении пленных к Серпухову (для торжественного въезда в Москву и проч. и проч.).

6 ноября Петр прибыл в Митаву. Чины курляндские встретили его за городом, дворянство и городские бурмистры все верхами. Петр въехал в город верхом.

9-го ноября прибыл он под Ригу, в лагерь Шереметева.—Около города все укрепленные посты были заняты; крепость же Обершанец на западном берегу Двины была укреплена снова (шведы хотели было при его приближении оную разорить, но не успели) и названа Питершанец.

Петр осмотрел всё, 11-го ноября при себе велел поставить мортиры на кетели, и сам бросил первые три бомбы: первая упала на кирку св. Петра, другая на болверг, третья в купеческий дом; потом с Шереметевым, с польским сенатором Троцким, воеводой Огинским осматривал крепости; при проезде его мимо ветряных мельниц шведы выстрелили по нем из пушек. Петр повелел держать город в тесной осаде, а иначе не добывать, потому что время уже позднее, что гарнизон велик, а крепость способна к сильной обороне, и что спешить нечего, ибо нет ни малой опасности от шведов, а помощи быть неоткуда. Потом Петр отправился в Петербург, заезжая во все завоеванные города, и везде установил порядок.

Шереметев поручил осаду Репнину с 7000 войсками, а сам на зиму расположился в Митаве. В декабре уехал он в Москву.

23 ноября Петр прибыл в Петербург и занялся гражданскими делами.

В погребение странных и пришельцев заложил он церковь св. Самсона, и повелел другую заложить и в Полтаве, во имя Петра и Павла и того же Самсона. Он дал указ о поспешности строений городских и увеселительных своих домов и садов; а знатному дворянству о каменных домах *по плану*, также и пристаней и магазинов на островах С.-Петербурга и Котлине. Он своими руками заложил 54-пушечный корабль «Полтава» и 7-го декабря поехал в Москву дождаться Меншикова в селе Коломенском и также и поляков и пленных; учредил порядок торжественного выезда наподобие римских триумфов и 21-го вошел в Моск-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ву при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании наконец с ним примиренного народа: «Здравствуй, государь, отец наш».

18 декабря родилась царевна Елисавета Петровна.

1725.

1-го января Феофан говорил проповедь в присутствии Петра Великого.

1-го же издан указ о снятии лишних караулов.

Король испанский Филипп V заключил торговый союз с императором австрийским Карлом VI и женил Дона-Карлоса на эрцгерцогине Марии-Терезии.

Георгий I был недоволен. Он подозревал тайные статьи в пользу претендента. Франция завидовала выгодам торговым Австрии.

Фридерик-Вильгельм неохотно платил Австрии магдебургские пошлины. Отселе ганноверский договор, оборонительный.

Франция и Англия обязались поддерживать права на Бергское наследство короля прусского.

Швеция, Дания и Голландия приступили к тому же союзу.

Австрия вступила в союз с Россиею. Петр начал переговоры с Пруссией...

Петр послал в Архангельск корабельному мастеру Баженову приказ строить три корабля груландских, 3 бота и 18 шлюбок.

Он назначал *Беринга* (капитана) для открытия пути в Восточную Индию через Ледовитый океан. Петр получил известие от Матюшкина.

Шамхал, собрав 30 000 войск, осадил крепость Св. Креста. Генерал-майор Кропотов его разбил и землю его разбил. Петр уничтожил звание шамхала (см. *Ежем. Сочин.* 1760. 11—38 etc.).

Петр (по свидетельству Катафора) на Иордане простудился и занемог горячкою.

Петр повелел сало, юфть, воск etc. в чужие края сухим путем не возить.

Издан полицейский указ о продаже съестных припасов.

О размещении солдат, где есть пустые строения в городах.

Объяснен указ о утайке душ.

О сборах.

16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близ своей спальни повелел поставить церковь походную.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

22-го исповедывался и причастился.

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворец весь сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего государя, народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок; она не отходила от постели Петра, и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругой.

26-го утром Петр повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме 2-х первых пунктов и убийц), для здравия государя.

Тогда же им дан указ о рыбе и клее (казенные товары).

К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27-го дан указ о прощении не явившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по артикулу по делам военной коллегии (кроме etc.) простить, дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неявственных, из коих разобрать можно было только сии: *отдайте всё*... Перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе царевну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла, но он уже не мог ничего говорить.

Архиерей псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился, показал знак, чтобы они его приподняли, и, возведши очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: *сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня.*

Увещевающий стал говорить ему о милосердии божием беспредельном. Петр повторил несколько раз: *верую и уповаю.*

Увещевающий прочел над ним причастную молитву: «верую, господи, и исповедую, яко ты еси» и прочее. Петр произнес: «верую, господи, и исповедую; верую, господи: помози моему неверию», и *сие всё, что весьма дивно* (сказано в рукописи свидетеля), *с умилением, лицо к веселию елико мог устроевая, говорил; по сем замолк*...

Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором; потом произнес с усилием: *после*. Все вышли, повинуясь в последний раз его воле.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку—левая была уже в параличе. Увещевающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку, его причастили опять. Петр казался в памяти до 4 часов ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось; в 6 часов утра 28-го января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей. (Велением Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова.)

В тот же день обнародован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалованье. Генерал-маиор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к сенатору графу Матвееву.

2-го февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Тело государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30-го января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царевна Наталия Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возвещено народу погребение. Через два дня оное совершилось. См. Голикова.

15 декабря <1835 г.>

<3. Заметки в неизданных тетрадях[1]>

1672—1689.

1. Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Дмитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями.

---

[1] <Выборка этих заметок и их нумерация сделаны П. В. Анненковым и П. А. Ефремовым.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

2. Петр с немногими потешными убежал в Троицкую лавру. Гордон говорит: без штанов.

1697.

3. Во время путешествия в Берлин с посольством государь однажды в пьянстве выхватил шпагу против Лефорта, и просил потом у него прощения.

4. В Амстердаме посетил он и зазорные дома (бордели) с их садами.

1698.

5. Петр, отправляясь в Англию, Лефорта оставил в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал, вероятно будучи пьян.

1698—1700.

6. Петр в начале своего путешествия узнал о неспокойствии стрельцов, но он продолжал свой путь, готовясь к ужасному предприятию.

Генералы, думая устрашить стрельцов, повелели стрелять выше головы; попы закричали, что сам бог не допускает оружию еретическому вредить православным. Начались казни... Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя.

[Тогда же (1699) состоялся указ—всем русским подданным, кроме крестьян и духовных, брить бороду и носить платье немецкое: сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее—саксонское и французское, а нижнее и камзолы—немецкие (с ботфортами), женскому полу—немецкое. С ослушных брать пеню в воротах (московских улиц) с пеших 40 к., с конных 2 р. Запрещено было купцам продавать, а портным шить русское платье, под наказанием (каким?).]

1706.

7. Петр Меншикову писал, что в Петербурге было наводнение, и проч. Кланяется всем, как оружие носящим, так и иглу имеющим (Екатерине).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1707.

8. Петр в Петербурге женился в ноябре, в соборной церкви св. Троицы, на Екатерине, мариенбургской девке, бывшей замужем за шведским трубачом, потом наложницею Шереметева и Меншикова.

Екатерина родилась 16 апреля 1688 года. Варшавский указ о недерзании бить челом—отменен.

1709.

9. В Мариенверде Петр виделся с прусским королем. Петр не пьянствовал, умел себя воздержать.

1711.

10. У князя Меншикова на фейерверке на щите надпись: «Идеже правда, там и помощь божия», однако бог помог не нам.

1713.

11. Повелел новгородскому губернатору Корсакову, чтобы все дворяне были к 1-му декабрю к смотру, под опасением лишения чести и живота. С похмелья, видно.

1714.

12. В Риге: смотри истинный анекдот о мощах девицы Ф. Грот.

13. В сие же время издан тиранский указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки.

1715.

14. Петр опять издал один из своих жестоких указов: он повелел приготовлять юфть новым способом, по обыкновению своему за ослушание угрожая кнутом и каторгою.

В Хиву посланцем и шпионом послан был Бекович.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1718.

15. Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворванным салом, под страхом конфискаций и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.

16. a) Царевича женил на принцессе вольфенбительской. Она, кажется, изменила мужу с молодым Левенвольдом. Царевич разлюбил и взял себе в наложницы чухонку.

b) Оппозиция вся была на стороне царевича; духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания.

c) Царевна запутывает Дубровского и Нарышкина.

d) Другое дело озлобило Петра: супруга его Евдокия в связи с Глебовым.

e) Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу.

f) Петр хвастался своею жестокостью.

g) Царевич отпирался; пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины и наговаривал, устрашенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями.

h) При приговоре духовенство, как бабушка, сказало надвое.

i) Царевич умер отравленный.

k) Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез царя в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года.

l) Указ—запрещается бедным просить милостыню—жестокий, тиранский, как обыкновенно.

1719.

17. a) Скончался царевич и наследник Петр Петрович: смерть сия сломила наконец железную душу Петра.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

b) 1-го июня Петр занемог (с похмелья).

1721.

18. Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего,— вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика.

NB (Это внести в Историю Петра, обдумав.)

19. По учреждении синода духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха; тогда-то (по свидетельству современников, графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх!»

20. Сенат и синод подносят ему титул: отца отечества, всероссийского императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их.

21. Сенат (т. е. 8 стариков) прокричали vivat, Петр ответил речью, гораздо более приличной и рассудительной, чем это всё торжество.

22. Указ о возвращении родителям деревень и проч., принадлежащих им и невинным их детям, также и о платеже заимодавцам. NB. Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает, сам по себе несправедливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой.

1722.

23. Петр был гневен. Дворяне не явились на смотр. Издал указ, превосходящий варварством все прежние.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

24. Манифест о праве наследства, т. е. уничтожил всякую законность в порядке наследства, а отдал престол на произволение самодержца.

25. Указ: предоставляется на волю помещиков строить новые усадьбы для солдат или разместить их по избам. Но и тут закорючка своевольства и варварства.

26. Петр обрезал волосы, из них сделал парик, ныне видимый на его статуе.

1723.

27. Петр предал суду Меншикова и Шафирова: последнего за то, что при всем сенате разругал по-матерну обер-прокурора.

28. Малороссияне, оскорбленные в своих правах учреждением Малороссийской канцелярии, прислали к Петру депутатов. Петр посадил их в крепость.

29. Указ: в церквах деньги собирать в два кошелька в разные пения: для царя и для богадельни.

1724.

30. При установлении синода (для задобрения монахов) возвратил он духовенству управление имениями.

31. Указ синоду о монашестве; Петр сим указом превратил монастыри мужские в военные госпитали, монахов в лазаретных служителей, а монахинь в прядильниц, швей и кружевниц. (Выписал для них мастериц из Брабанта.)

32. 1-го мая назначено торжество коронации (Екатерины). Накануне Меншиков подал просьбу государю о отпуске повинных штрафов чрез руки (Екатерины). Петр согласился на всё.

33. Камергер Монс де Лакроа и сестра его Балк были казнены. Монс потерял голову, сестра его высечена кнутом, два ее сына, камергер и паж,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

разжалованы в солдаты. Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за Монса просить; она просила за его сестру. Петр был неумолим. Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? По крайней мере, ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного; он перестал с нею говорить—доступ к нему был ей запрещен; один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою.

1725.

34. 22-го января Петр на смертном одре не имел силы кричать, а только стонал, испуская мочу.

35. Петр царевен не пустил к себе; кажется, при смерти помирился он с виновною супругою.

<4. Заметки при чтении Введения к «Деяниям Петра Великого» Голикова>

Голиков. Введение. Philipp Johann von Stralenbergs Nord und östlicher Theil von Europa und Asien. Stokholm. 1730.

Штраленберг говорит о двух сторонах существующих в России, за и против Петра I. Оппозиция негодует:

1) на возведение на высокие степени людей из низкого звания, без различия с дворянами;

2) что государь окружил себя молодыми людьми, также без разбору;

3) что дозволяет им осмеивать бояр, наблюдающих старые обычаи;

4) что офицеров, выслужившихся из солдат, допускает к своему столу и с ними *фамильярно* обходится (в том числе Лефорт);

Пушкинский кабинет ИРЛИ

5) что сыновей боярских посылает в чужие края для обучения художествам, ремеслам и наукам, недостойным дворянского звания;

6) что записывает их в солдаты и употребляет во всякие работы;

7) что дал князю Ромадановскому власть неограниченную.

Всё сие бояре почитали истреблением знатных родов, унижением дворянства и безнравственностию. Прочие причины негодования суть:

1) Истребление стрельцов.

2) Учреждение тайной канцелярии.

3) Данное холопьям дозволение доносить на господ, укрывающихся от службы, и описывание их имения в пользу доносителей.

4) Новые разорительные подати.

5) Построение С.-Петербурга, чищение рек и строение каналов.

6) Военные суды, жестокость и невежество судей.

7) Отменение в определениях и приговорах изречения: «государь указал, а бояре приговорили». Следствием сей меры было, говорит Штр., то, что никто не смел государю говорить правды.

8) Славление Христа о святках государя и первых бояр, ругательство веры, училище пьянства.

9) Принуждение, чинимое купцам, товары привозить в П. Б. и торговые казенные караваны в Пекин—разорительные для торговли.

10) Перемену русского платья, бритье бород, немецкие обычаи, иностранцы — причины мятежей и кровопролития.

11) Суд над царевичем.

Густав Ваза, узнав, что королева Елисавета прислала ц. Ивану Васильевичу пушки в подарок, жаловался ей на то. На большом сейме в Любеке 1563 году определено не впускать в Россию кора-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

бельных мастеров, что им и было исполнено, когда до 300 художников и мастеров прибыли было в Любек морем. Герберштейн был того же мнения.

Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, были: д. т. сов., сенатор и кав. Ив. Ив. Неплюев, адмиралы Алексей Ив. Нагаев, Сем. Ив. Мордвинов, Ив. Лукьянович Талызин, комиссар Крекшин, и московские купцы Сериков, Еврейнов, Полупрославцев и Ситников и олонецкий куп. Барсуков. Незнамые Голикову люди, на которых он, однако, ссылается, суть: превосходительные господа *граф* Андр. Ив. Ушаков, Фед. Ив. Соймонов, барон Ив. Ант. Черкасов и Абр. Петр. Ганнибал.

Князь Ромадановский был истинный бич горделивости боярской.

Святки праздновались до 7 января. Петр одевал знатнейших бояр в старинные платья и возил их по разным домам *под разными именами* (?). Их потчивали по обычаю вином и водкою и принуждали пьянствовать, а молодые любимцы приговаривали: «Пейте, пейте,—старые обычаи лучше ведь новых».

«И как поехал от вас, не знаю: понеже зело удоволен был Бахусовым даром. Того для—всех прошу, если кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были, да *не напамятуют* всяк сей случай и проч.» (Письмо Петра к гр. Апраксину.)

За посылание молодых людей в чужие края старики роптали, что государь отдалял их от православия, научал их басурманскому еретичеству.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Жены молодых людей, отправленных *за море*, надели траур (синее платье). *(Фамильное предание).*

Народ почитал Петра Антихристом.

Подати при Петре:

1) Пошлины со всяких товаров, с дров, сена, всякого хлеба и других съестных припасов, *со всего* продаваемого в городах на ярманках и торжках, во владельческих и монастырских селах и деревнях, с весов и мер, с мельниц, мостов и перевозов, с рыбных ловель, с ульев и меду, с пустошей, с лавок и шалашей, с бань торговых и домашних, с варения пив и других питьев, с извозчиков, с найму работников, с постоялых дворов, с лошадей и с пригоняемого в Москву скота на продажу, с трески—рыбы (ловимой в Кольском уезде) и проч.

2) Пошлина со всяких крепостей, с явки (заявление) духовных и отпускных, с подачи челобитен исковых и явочных, с записки и *печатания* (печати) и всяких сделок, договоров, писем (заемных) и всяких сделок, с венечных памятей, свадеб иноверческих и со вновь введенной герб. бумаги.

3) Сбор денег на содерж. войска с тех, кои прежде обязаны были служить, с жалованных поместий, и сбор с губерний на флот и армию.

4) *Подушная* (перепись генеральная государству) по 80 коп., потом по 70, с однодворцев и купцов по 1 р. 20 коп. Иностранцы, торгующие в Сибири, сравнены в оброке с русскими.

5) Сбор для Ладожского канала.

6) Сбор *временный* с хлебопашцев по 1 четверику с двора, а *единожды* с души (на магазины).

7) Сбор на один год со всех получающих жалование, от фельдмаршала до солдата и от министра до подьячего—также и с духовных, состоящих на

Пушкинский кабинет ИРЛИ

жаловании (кроме иностранцев, служащих по контрактам и без контракта).

Примеч. Голикова:

Большая часть сих податей уже существовала, иные взимались не для государя—четверть хлеба была от 25 до 30 коп.

С венечной памяти взымалось по 25 коп.

Рыбий клей и икра, соболи, ревень, поташ, смольчуг и табак были казенной монополией.

Первыми пользовалось духовенство.

Соболями—сибирское начальство, чиновники и купцы (продавались в Сибирском приказе).

Поташ и смольчуг были губительны для лесов.

Доходы питейные, соленые и таможенные издревле принадлежали казне.—Петр пресек корчемство, воровство в сольных промыслах, поташный провоз etc. Он умножил доходы отпуском в Европу, в Персию и Китай—казенных товаров.

Петр заключает мир со Швецией, не сделав ни копейки долгу, платит Швеции 2 000 000 р., прощает государственные долги и недоимки, и персидскую войну оканчивает без новых налогов (с пошлиной на получающих жалование). По смерти своей оставляет до 7 000 000 р. сбереженной суммы.

Годовой расход его двора не превосходит 60 000.

Петр I когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул.

Петр замышлял о соединении Черного моря с Каспийским—и предпринял уже ту работу.

Отпуск в Пекин казенных караванов принес пользу русским купцам, ибо китайцы дешевле

Пушкинский кабинет ИРЛИ

покупали товары на нашей границе, чем в Пекине от комиссаров казенных. Купцы наши с тех пор сами стали ездить в Пекин.

Петр, получив от Апраксина *слишком учтивое письмо* (пишет Голиков), отвечал, что он сомневается, к нему ли оно писано; *ибо оно с зельными чинами, чего-де я не люблю, и ты знаешь, как к компании своей писать*. В другом письме запрещает он ему слово *величество*.

В *Деяниях Стоглавого собора* (при царе Ив. Вас. в 7059 г.) между прочим: «Творящие брадобритие ненавидимы от бога, создавшего нас по образу своему». Далее *правило св. апостолов*: «Аще кто браду бреет и преставится тихо, недостоит над ним пети, ни просфоры, ни свещи по нем в церковь приносити, с неверными да причтется» etc. *(Обличение неправды раскольничьей* 1745 г.)

Царевич Алексей Петрович родился 1690 г. февр. 29. До 699 находился он при матери своей царице Евдокии Федоровне, когда была она заключена в Суздальский монастырь. Суеверные мамы и приставники ожесточили его противу отца, а духовные особы, при обучении его православию, встретили в нем ненависть к нововведениям. При чтении священных книг останавливали его при некоторых текстах, выводя разные из оных политические заключения. Петр до самого того времени не имел времени им заняться. По истреблении же стрельцов и заключении царицы обратил он на него свое внимание и приставил к нему двух господ Нарышкиных, ошибочно полагая их к себе приверженными. В 1701 году Петр назначил Меншикова обер-гофмейстером к царевичу, а гофмейстером министра своего, ст. и воен. сов. фон Гизена

Пушкинский кабинет ИРЛИ

(или Гуйсена). Сей Гизен написал историю Петра I-го, но не кончил оной. Петр дал ему письменную инструкцию (от 3 апр. 1703 г.), чему должен он обучать царевича; между тем ожесточенный отрок выучился только притворствовать. Потом Петр произвел его сержантом гвардии, брал его с собою в походы. В разных сражениях, при взятии Ноттенбурга, Шлиссельбурга, Копорья, Ямбурга и Нарвы царевич находился при нем, но в безопасности. Он сопровождал отца во время его путешествий в Польшу, в Архангельск etc. Петр употреблял его и в государственных делах, а перед турецким походом поручил ему и главное правление.

Государь после казни ростовского архиерея Досифея отправился в П. Б. Занялся учреждением коллегий, определил в сенат генерал- и обер-прокуроров, издал указ о строении домов, печей, труб и кровель, безденежно роздал П. Б. жителям парусные и гребные суда и установил по праздничным и *повсенедельным* дням *экзерсиции* на воде. По вскрытии Невы занялся он еще более флотом и корабельными работами, беспрестанно разъезжал из П. Б. в Кронштадт и обратно.—Все полагали, что дело царевича кончено и предано забвению. Вдруг оно возобновилось. *Пойманы были* письма, и у некоторых найдены в платьях, и Петр велел снова начать следствие.

Петр простил многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение (Ломоносов).

Петр звал к себе Лейбница и Вольфа, первому пожаловал почетный титул и пенсию. Лейбниц

Пушкинский кабинет ИРЛИ

уговорил славного законоведца и математика Голдбиха Христиана приехать в Россию.

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Димитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексия Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями. Первый из них прорек за 9 месяцев до рождения Петра славные его деяния и письменно утвердил, что «по явившейся близ Марса пресветлой звезде он ясно видел и как бы в книге читал, что зачеишийся в утробе царицы Наталии Кирилловны сын его (царя) назовется Петром, что наследует престол его и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может» и проч.

Сохранилась при Академии наук и имп. библиотеке переписка двух ученых; один, бывший тогда в Москве посланником соединенных Нидерландских генеральных штатов, Николай Гензиус пишет в Утрехт Иоанну Георгию Гревиусу от 1 июня 1672 о рождении царевича и о предречениях. Гревиус от 9 апр. 1673 отвечает следующим письмом... (том I, введение, стр. 135). В самый день рождения Петра Людовик XIV перешел через Рейн, а турецкий султан через Днестр, и первый завоевал 4 провинции соедин. Нидерландов, а второй Подолию и Каменец.

Астроном Лексель, член П. Б. Акад. наук, исследовал, было ли во время рождения Петра или за 9 мес. до оного какое-нибудь небесное необыкновенное явление; «пресветлой звезды близ Марса (правда) не оказалось, но прочее планет течение было весьма благополучным предзнаменованием».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

При императрице Анне Иоанновне академик Крафт был должностным ее астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля (что и сбылось).

<ПЛАН ВВЕДЕНИЯ В «ИСТОРИЮ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»>

Очерк введения.

Введение—Россия извне.

Россия внутри.
Подати.
Торговля.
Военная сила.
Дворянство.
Народы.
Законы.
Просвещение.
Дух времени.

§ 1.

Россия, долго терзаемая междуусобиями и притесняемая хищными соседями, отдыхала под управлением Романовых [1].

Отношения России 1) к Швеции и Польше.
» » 2) » Турции.
» » 3) » прочей Европе.

1) Склонна к Польше, уже обессиленной, неприязнена к Швеции, усиливающейся час от часу.

2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье и Украину.—

---

[1] <Далее несколько слов не дописано:> Мих. Феод. заключил etc., Алек. Мих. приказал etc., Федор пекся о подтверждении успехов и о внутреннем улучшении etc.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии нужна, как достойная соперница Турции.

§ 2.

Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.

Бояре беспечные.

Их дьяки алчные.

Народ taillable à merci etc. miséricorde.

Правосудие отдаленное, в руках дьяков.

Подати многотяжкие и неопределенные.

Беспорядок в сборе оных.

Пошлины и таможни внутренние:

a) притеснения,

b) воровство.

Внешняя торговля:

a) архангельская в младенчестве,

b) персидская.

c) Волга.

Военная сила начинала получать регулярное образование.

Стрельцы, казаки, образ войны и вооружения.

Законы, более обычаи, нежели законы—неопределенны, судьи безграмотны, дьяки плуты.

Нравы дикие, свирепые etc.

Просвещение развивается со времен Бориса; правительство впереди народа; любит иноземцев и печется о науках. Духовенство. Его критический дух.

<ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «ОПИСАНИЯ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ» С. П. КРАШЕНИННИКОВА>

<1>

О Камчатке

Камчатская землица (или Камчатский нос) начинается у Пустой реки и Анашкоя в 59° широты—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

там с гор видно море по обеим сторонам; сей узкий перешеек соединяет Камчатку с материй землею; здесь грань присуду Камчатских острогов; выше начинается Заносье (Анадырский присуд)..

Камчатка отделяется от Америки Восточным океаном; от Охотского берегу Пенженским морем (на 1000 в.).

Соседи Камчатки—Америка, Курильские острова и Китай.

Камчатка земля гористая. Она разделена наравно хребтом; берега ее низменны. Хребты, идущие по сторонам главного хребта, вдались в море и названы носами. Заливы, между ими включенные, называются морями (Олюторское, Бобровое etc.).

Под именем *Камчатки* казаки разумели только реку *Камчатку*. Южная часть называлась *Курильской землицею*. Западную часть от Большой реки до Тигиля—Берегом. Западный берег—*Авачею* (по имени реки) и *Бобровым морем;* остальную часть от устья Камчатки и Тигиля к северу—*Коряками* (по имени народа).

Рек много, но одна Камчатка судоходна. По ней на 200 верст от устья до устья реки Никула могло ходить морское судно *кочь* (?), на котором бурею занесены были первые посетители тех краев: Федор с товарищами.

Главные прочие реки—Большая река, Авача и Тигиль.

Озер множество: главные—Нерпичье, при устье Камчатки; Кроноцкое, из коего исходит река Крокодыг; Курильское, из которого течет река Озерная,—и *Апальское.*

Ключи и огнедышащие горы встречаются на каждом шагу.

Река Камчатка по тамошнему *Уйкоаль.* Выходит из болота, течет сперва к северо-востоку, потом,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

изворотясь круто на южно-западную сторону, впадает в Восточный океан под 56° 30′ северной широты (496 верст). Камчатка меняла часто устья свои—в разные заливы, ежегодно почти заметаемые. Главные из них три, глубокие, способные судам для зимования.

Там же, на острову посреди реки, монастырь Якутский Спасский.

Первые реки, впадающие в Камчатку (следуя от устья вверх): *Ратуга* (по-камчатски Орат). На ней в 1731 году построен острог по разорению Нижнего Камчатского острога; *Хопичь*, текущая между высокими каменными скалами *(Гычень)* в 35 верстах от Ратуги; Кемен-Кыг, Хотабена. Между ими ручей Еймолореч, у подошвы огнедышащей горы Шевеличь.

В 10 верстах от Хотабена селение Пингаушть—по-русски Каменный острог (вечно бунтовали).

Еловка (Коочь)—главная река (смотри описание пути по ней до Озерной реки).

В 3 верстах от оной урочище, где был поставлен первый русский острог—близ речек Протоку и Резень.

Кануч или *Крестовая (смотри любопытную надпись)*, реки Крюки и Ушки (Кругыч, Ус-кол).

Знатны рыбными промыслами.

Колю—Козыревская в память Ивана Козыревского.

Тольбачик.

Никуль-речка. Зимовье *Федота* 1 и зовется Федотовщиною.

Шапина—(в 33 верстах от оной Горелый острог).

Кырганик (близ оной *Яр*, где камчадалы гадают, стреляя из лука).

Повыча. Против ее устья стоит Верхний Камчатский острог.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Река Тигиль и Еловка. По ним прямой путь от Восточного океана до Пенжинского моря.

В 20 верстах от устья находится *Горелый острог* (Дачхон), в начале завоевания истребленный казаками.

Харчин—острог близ устья Еловки.

Близ той—*Орлова* река (по причине орлиного гнезда на тополе).

Еловки берега каменистые.

На Тигиле—урочище Кохча, коряцкий острог, разоренный при Атласове за убиение *Луки Морозки*.

Большая река Кышка.

На острове (что в озере) утки и чайки несут яйца, коими на год запасаются жители Большерецкого острога.

Чекава и Амшигачь. 2 камчадала, жившие на речках, коим казаки дали их имена.

Начилова (Чакажу)—в ней жемчуг—не чистый и не окатистый.

Камчадалы ловят уток сетьми, перетянутыми через реки.

Авача славна своею *губою*, которая имеет 14 верст в длину и ширину.

Гавань Петропавловская названа по имени 2 пакетботов, в ней зимовавших в (?).

Река *Шиахтау* (половинная)—здесь кончается присуд Большерецкого острога.

Выше к северу идет присуд Верхнего Камчатского.

Укинская Губа (20 верст окружности)—отселе начинается жилище *сидячих* коряк—до сего живут камчадалы.

Чанук-кыг, река Русакова—там поселены потомки русских пришельцев,—прибывших *после* Федота *Кочевщика*.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Урочище Ункаляк (Каменный враг). Ему в жертву приносят камень.

Острожек Коряцкий окружен земляным валом (вышиной 1 сажень, шириной 1 аршин), внутри двойной частокол, к нему приставлены двойные жерди. В каждой стене две бойницы (?). Вход с трех сторон (кроме южной).—

Крашенинников видел сей первый укрепленный острог: другие были земляная юрта, балаганами окруженная.

Первым жителем и богом Камчатки почитается *Кут*.

Смотри сказку о его ссоре с женою (I, стр. 55).

С крутых гор спускаются на ремнях.

Река Галыгина, по имени пропавшего казака.

Ясачные сборщики часто убиваемы были.

(Описание зимней поездки, стр. 75—I.)

Пенженское море получило свое название от реки Пенжени—в 50 верстах от Таловки.

Здесь в 7187 поставлено первое зимовье казацкое.

Пролив между Курильскою Лопаткою 15 верст—переезд на байдарах три часа. Для сего требуется тихая погода и конец приливу. Во время же отлива ходит по морю *вал с белью и засыпью* вышиною до 30 сажень. Валы сии по-казацки называются *сувой* и *сулой*, а камчадалы—*когачь*, т. е. *хребет;* также и *камуй*, т. е. *бог* (смотри Описан. Курильских островов, ч. I, 105).

Гора *Алаид* на пустом Курильском острову (смотри о ней сказку I, 108).

Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки.

Гром, по их мнению, происходит от того, что *Кут* лодки свои с реки на реку перетаскивает, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Смотри грациозную их сказку о ветре и о зарях утренней и вечерней (ч. II, 168).

Камчатка—страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины—и лежат на ней почти 8 месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности, причиняет несносную боль глазам. Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности—но в начале августа уже показывает иней и начинаются морозы.

Недостаток железа и соли чувствителен. Жители вываривают соль из морской воды. Питаются недосушенной рыбой.

Климат на Камчатке умеренный и здоровый. (Мнение камчадалов о сопках—ч. II, 176.)

Огнедышащие горы—их три: 1) Авачинская, 2) Толбачинская между Камчаткой и Толбачином, 3) Камчатская.

Горы угасшие—Апальская и Вилючинская.

Мнение и страх камчадалов о ключах горячих—II, 185.

Камчадалы едят березовую крошенную кору с икрой—и кладут оную в березовый сок.

В июле цветет сарана (род lilium flore atro-rubente); семенами оной питаются камчадалы—поля ею покрыты.

Вино курят русские люди из *сладкой* травы (II, 196).

Камчадалы из приморской травы плетут ковры и епанчи, подобные *нашим старинным буркам* (II, 206).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Смотри ворожбу камчадалов по убитому зверю, дабы он не сердился (II, 207).

И употребление травы чесаной.

Людей, ободранных медведями, называют камчадалы *дранками*.

Отбытие мышей предвещает худой промысел,— приход их есть важный случай, о котором повещается всюду.

Соболиное наволоко—место на реке Лене до реки Агари (30 верст) (II, 235).

(Промысел за соболями—ч. II, 233.)

Промышленные зарубают деревья—II, 248.

Жители Камчатки

1) Камчадалы, 2) коряки, 3) курилы.

Первые в южной Камчатке, от устья Уки до Курильской Лопатки, и на первом Курильском острове Шоумчи.

Коряки на севере.

Курилы на островах.

Коряки смешаны с чукчами, юкогирами, ламутами.

Коряки бывают оленные и сидячие.—

Камчадалы называют себя *ительмен*, *ма—житель, -ница*. Русских зовут *брыхтатын*, *огненные люди*.

Коряк от *хора*, олень.

Камчадал от коряцкого *хончала* (от Коочай, житель реки Еловой).

Юкогир по-коряцки едель (волк).

Смотри замечания о языке камчатском—III, 7

Русские брали толмачей из сидячих коряк.

Камчатка-река — *Уйнуал*.

Ай—житель.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Камчадалы плодились, несмотря на то, что множество их погибало от снежных обвалов, от бурь, зверей, потопления, самоубийств и войны.

О боге и душе хоть и имеют понятие, но *не духовное.*

Камчадалы *вероятно* жили прежде за Амуром в Мунгалии и переселились в Камчатку прежде тунгусов—III, 13.

Пенаты камчадальские *Хантай* (сирена) и Ажушах (терм).

Коекчучь—Тюксус.

О войне камчатской—III, 62.

Их жестокость, равнодушие к жизни, коварство etc. Приметы к возмущению.

Stiller о междуусобии камчадалов—III, 68. (№ Первобытное состояние)—*шандал.*

Смотри III, 71 (о острожках камчатских).

Казаки брали камчадальских жен и ребят в холопство и в наложницы, с иными и венчались. На всю Камчатку был один поп. Главные их забавы состояли в игре карточной и в зернь в ясачной избе на полатях. Проигрывали лисиц и соболей, наконец холопей. Вино гнали из окислых ягод и сладкой травы; богатели они от *находов* на камчадалов и от ясачного сбору, который происходил следующим образом: камчадал сверх ясаку платил: 1 зверя сборщику, 1—подьячему, 1—толмачу, 1—на рядовых казаков.

Казаку на Камчатке в 1740 году нужно было до 40 р. годового прихода.—См. IV, 248.

При сборщике бывает (после харчинского бунта): писчик, толмач, целовальник и несколько казаков (караульщиков).

Ясак принимает комиссар (приказчик) при вышеуказанных людях, с их совету, что годно и что

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нет; писчик вписывает в шнуровые книги; целовальник берет ясак к себе и хранит его за своею и за комиссарскою печатью.

Камчадалы привозят ясак.

Вначале вместе с казаками приезжали на Камчатку *мелочники*, но несли казацкую службу и старались записаться в казаки, хотя при *первой* ревизии записаны под именем посадских в подушный оклад.

Лисица на Камчатке почиталась вместо рубля (денег не было).

Путь из Якутска шел только зимний. Скарб казаки везли на *нартах*.

Путь шел 1) по реке *Лене* вниз до ее устья, оттоль по Ледяному морю до устья Индигирки и Колымы, оттоль сухим путем через Анадырск до Пенженского моря или до Олюторского, оттоль байдарами или сухим путем; на то требовалось целое лето при хорошей погоде. В противном случае *кочи* разбивались, и казаки оставались в пути по два и по три года. От Якутска до Усть-Яны—1960 верст (см. маршрут—IV, 267).

Анадырский острог (IV, 270).

От Анадырского до Нижнего Камчатского 1144 версты; езды на оленях с две недели до Пенжины-реки, да две недели до Нижнего <Камчатского острога.>

Дорога через Охотск—IV, 270.

<2>

Камчатские дела

(От 1694 до 1740 года.)

§ 1. Сибирь была уже населена от Лены к востоку до Анадырска, по рекам, впадающим в Ледовитое море.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Приказчики имели поручение проведовать о новых народах и землях и приводить их в подданство.

Пенжинские и олюторские коряки были объясачены (кем?), от них узнали о существовании Камчатки. Оленные коряки *паче* о том известили.

§ 2. Первый из русских, посетивших Камчатку, был Федот Алексеев; по его имени Накул-р. называется Федотовщиною.

Он пошел из устья *Колымы* Ледовитым морем в 7 кочах, занесен он был на реку Камчатку, где он и зимовал; на другое (?) лето обошел он (?) <Курильскую> Лопатку, и на реке Тигиле убит от коряк.

§ 3. Служивый Семен Дежнев в отписке своей подтверждает сие с некоторыми изменениями: он показывает, что Федот, будучи разнесен с ним погодою, выброшен *на берег в передний конец за реку Анадырь*. В этой отписке сказано, что в 7162 (1654) ходил он возле моря в поход и отбил у коряк якутку, бывшую любовницу Федота, которая сказывала, что Федот с одним служивым умер от цынги, что товарищи его побиты, а другие спаслися в лодки и уплыли неведомо куда. Развалины зимовья на р. Никуле видимы еще были в 1730 году.

§ 4. *Крашенинников* полагает, что Федот погиб не на Тигиле, а меж Анадыром и Олюторским, следуя от Тигиля обратно к Анадырску морем или сушею по Олюторскому берегу.

§ 5. В 7203 (1695) Владимир Атласов прислан был от якутского приказчика (из Якутска) в Анадырский острог сбирать ясак с присудных (приписных) к Анадырску коряк и юкагирей.

§ 6. В следующий 204 <год> Атласов послал к *апумским* корякам Луку Морозку с шестнадцатью человеками за ясаком. Оный Морозка не дошел до Камчатки токмо 4 днями. Взял он между тем Кам-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чатский острожек и в *Погроме* получил неведомо какие письма, которые и представил Атласову.

§ 7. Атласов, взяв с собою шестьдесят человек служивых да столько же юкагирей, отправился на следующий 1697 год, после ясачного сбору, на Камчатку. Он оставил в Анадырске тридцать восемь человек казаков (с ним, следственно, было всего сто человек казаков).

§ 8. Атласов *ласкою* склонил к ясачному платежу Акланский, Каменный и Усть-Таловский острожки—да один взял с бою и потом (пишет он) 1-го февраля 1697 г. пошел в Олюторскую землю.

§ 9. Словесное предание гласит, что он разделил свой отряд надвое—Морозку послал на Восточное море, а сам пошел к Пенжинскому.

§ 10. Юкагиры (шестьдесят человек) изменили ему на Полане. Произошло сражение. Три казака были убиты. Атласов и еще пятнадцать человек ранены. Казаки их отбили и без них продолжали свой поход к югу.

§ 11. Оба отряда соединились на Тигиле и собрали ясак с народов, живущих по рекам: Напане, Тигилю, Иче, Сиунче и Харыузовой. До Каланской (?) не дошли за 3 дня. По словесному преданию, Атласов дошел до реки Нынгичу (Голыгиной) за три дня от реки Игдыг (Озерной).—NB Бобры звались *каланами* и на той реке промышлялись.

§ 12. На реке Иче Атласов взял у камчадалов пленника японца (Узакинского?).

§ 13. От реки Голыгиной Атласов пошел обратно тою же дорогою до реки Ичи, потом перешел на Камчатку, построил Верхний Камчатский острог и, оставя в нем казака Потапа Серюкова, отправился в Якутск, куда и прибыл в 7208 году (1700) июля 2-го.

§ 14. Из Якутска отправился он в Москву с япон-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ским пленником и с ясачной казною, собранной им на Камчатке (см. IV—194).

§ 15. Атласов за свою службу пожалован в Москве *казачьим головою по городу Якутску*, и велено ему снова ехать на Камчатку, набрав на казачью службу сто человек в Тобольске, в Енисейске и в Якутске из казацких детей. Сверх того снабжен он в Москве и Тобольске малыми пушками, пищалями, свинцом и порохом. В Тобольске дано ему полковое знамя, барабанщик и сиповщик.

§ 16. Но в следующем 1701 году Атласов, едучи из Тобольска по реке Тунгузке, разбил *дощаник* с китайскими товарами гостя Логина Добрынина. По его челобитью, Атласов с десятью товарищами посажен в тюрьму; а на его место в Камчатку отправлен ц<аре>м казак Михайло Зиновьев, бывалый на Камчатке (сказано в отписке) еще прежде Атласова (с Морозкою?).

§ 17. Три года спустя после выезда Атласова на Камчатку приехал сын боярский Тимофей Кобелев, первый камчатский *приказчик*. Потап Серюков, оставленный Атласовым в Верхнем остроге, не сбирал ясак и торговал мирно с камчадалами. По прибытии Кобелева, сдал он ему начальство и со своими людьми отправился обратно в Анадырск; но коряки их не допустили и умертвили всех.

§ 18. В бытность свою на Камчатке Т. Кобелев перенес Верхний острог на реку Кали-Кыг да построил зимовье на Еловке. Ясак же сбирал *повольный* по реке Камчатке и по морям Пенжинскому и Бобровому и в 1704 году прибыл с ясачною казною в Якутск.

§ 19. Кобелева сменил Зиновьев и правил Камчаткою с 1703 до 1704 г. Он завел первый ясачные книги и поименно стал вписывать камчадал. Зимовья Нижние камчатские перенес на Ключи;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

построил острог на Большой реке; перевел служивых людей (по их просьбе) из Укинских зимовий на Камчатку и, учредя во всем некоторый порядок, возвратился в Якутск с ясаком.

§ 20. Осенью 1704 года приехал его сменить пятидесятник Василий Колесов. Он *сидел на приказе* по апрель 1706 года. При нем был первый поход в *Курильскую землицу*, и человек двадцать курильцев *объясачены*, прочие разбежались.

§ 21. На смену ему послан был еще в 1704 г. якутский сын боярский Вас. Протопопов да казак Вас. Шелковников: но не доехали, и от олюторов убиты на пути с десятью человеками служивых.

§ 22. В конце августа 1706 года *сидячие коряки* Косухина острожка (около реки Пенжины), близ Усть-Таловки, умышляли нападение на Колесова; но он о том был уведомлен от *сидячих же коряков* другого (Акландского) острожка, им соседнего.— И он прибыл в Якутск благополучно.

§ 23. На Акланском острожке жил он пятнадцать недель, ожидая зимнего пути. Здесь застал он семь казаков, оставшихся после Шелковникова с подарочною и пороховою казною, посланной в камчатские остроги. Колесов отправил их туда, дав им двадцать одного человека из своего отряда и назначая им в начальники Семена Ломаева, которому поручил он и сбор ясака во всех трех острогах.

§ 24. Косухинские коряки и некоторые другие покушались паки напасть на Колесова, но до того не допущены.

§ 25. После Колесова были *заказчиками* на Камчатке и Верхнем остроге—Федор Анкудимов, в Нижнем—Федот Ярыгин, а в Большерецком—Дмитрий Ярыгин. При них взбунтовались большерецкие камчадалы. Острог казачий сожгли, а

Пушкинский кабинет ИРЛИ

казаков всех побили. На Бобровом море тогда же убит ясачный сборщик с 5 чел.

§ 26. Причиною возмущения полагает Крашенинников притеснения от казаков, мысль, что русские люди беглые (isolés), коих легко перевесть, и надежду на коряков и олюторов в непропуске русских из Анадырска, ибо смерть Протопопова и Шелковникова до них дошла.

§ 27. Казаки были в малолюдстве и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили изменников в покое. Они дали знать о том однакож в Якутск (?). Печальные сии известия заставили правительство вспомнить об Атласове; он был освобожден и отправлен на Камчатку. Ему возвратили преимущества, данные ему в Москве от сибирского приказа в 1701 году. Ему дана полная власть над казаками (кнут и батожье). Велено прежние вины заслуживать, обид никому не чинить, и противу *иноземцев* строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою. За преступление наказа объявлена ему смертная казнь.

§ 28. Но Атласов не доехал еще и до Анадырска, как уже все почти казаки послали на него челобитные, выведенные из терпения его самовластием и жестокостию. Однакож он благополучно прибыл в Камчатку в июле 1707 года и от *заказчиков* вместе с ясачною казною принял и начальство над острогами. У Атласова было 2 пушки.

§ 29. Немедленно (в августе того ж году) Атласов отправил на Бобровое море семьдесят человек казаков под начальством Ивана Таратина, для наказания убийц ясачных сборщиков. Поход их продолжался до 27-го ноября. От Верхнего острога до Авачи они шли без сопротивления; но близ Авачинской губы на ночлеге впервые встретили их камчадалы. Врагов было до 800. Произошло сражение. Камчадалы были разогнаны;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

у казаков убито шесть человек. Камчадалов в плен взято три человека; чрез них собран ясак (IV—200). После того Таратин возвратился в Верхний острог с ясаком и с заложниками.

§ 30. Избалованные потворством своих начальников, казаки не могли вынести сурового управления Атласова. В декабре 1707 года они взбунтовались, отрешили его от начальства, а в оправдание свое написали в Якутск длинные жалобы на обиды и преступления, учиненные Атласовым (см. IV—201).

§ 31. Бунтовщики на место Атласова выбрали Верхнего острога приказчика Семена Ломаева (см. выше). Атласов посажен *в казенку (в тюрьму)*, и пожитки его взяты ими *в казну* (сколько?—см. 203).

§ 32. Атласов бежал из тюрьмы и явился в Нижний Камчатский острог. Он потребовал от заказчика Фед. Ярыгина сдачи начальства; тот не согласился, но оставил Атласова на воле.

§ 33. Якутская *канцелярия* (?), между тем, получа еще с дороги посланные челобитные, отправила обо всем донесенйе в Москву, а на место Атласова послала в Камчатку приказчиком сына боярского Петра Чирикова с пятьюдесятью человеками рядовых при пятидесятнике и с четырьмя десятниками. Снаряду дано ему две пушки медные, сто ядер, пять пуд. свинцу, восемь пуд. пороху.— Между тем, в январе 1709 г. в канцелярии получено известие о самовольном отрешении Атласова от начальства. Из Якутска, вслед за Чириковым, отправлена *указная память*, чтоб он по делу сему учинил следствие и прислал оное на рассмотрение в Якутск с *выборным* Сем. Ломаевым; также и сборную казну за 1707, 708 и 709 годы.

§ 34. Оная указная память в Анадырске Чирикова уже не застала и за малолюдством к нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была не безопасна. По Олюторско-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

му и Пенженскому морю пути были заняты. 20-го июля 1709 г. олюторы дерзнули днем напасть на Чирикова, убили десять человек служивых и бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина, казну и военные запасы разграбили и остальных держали три дня в осаде на пустом месте. Наконец, 24-го июля, Чириков пробился и рассеял дикарей, потеряв двух человек.

§ 36. Чириков, прибыв на Камчатку, принял начальство; он отрядил на Большую реку пятидесятника Ивана Харитонова с сорока казаками для усмирения дикарей. Но оные собрались в великом множестве, напали на казаков, восемь человек убили, почти всех остальных переранили; четыре недели держали их в осаде, от которой спаслись они бегством.

§ 37. Чириков с 50 казаками ходил к Боброву морю, к Японской Бусе (?). Японцы полонены были мирными камчадалами, жившими близ той Бусы. Дикари, увидев казаков, разбежались по лесу, оставя японцев, которые им и выручены. В том походе усмирил он дикарей от Жупановой реки до Островной и наложил снова на них ясак.

§ 38. В августе (?) прибыл на смену Чирикова пятидесятник Осип Миронов, отправленный *по выбору* из Якутска в 40 человеках. Таким образом собрались на Камчатке три приказчика: Атласов, законно не отрешенный, Чириков и Миронов (он же и Липин).

§ 39. Чириков сдал Миронову Верхний Камчатский острог, а сам в октябре поплыл в Нижний Камчатский—*ботами* со своими служивыми. Он намеревался там перезимовать и оттоле отправиться с казною Пенженским морем. Миронов 6-го декабря отправился из Верхнего острога в Нижний для наряду казаков к судовому строению и препровождению ясачной казны.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

§ 40. Исправя свое дело, Миронов обратно ехал в Верхний острог вместе с Чириковым. 23-го января 1711 г. на дороге был он зарезан от казаков. Злодеи думали убить и Чирикова, но по просьбе его дали ему время покаяться, а сами, в числе тридцати одного человека, поехали обратно в Нижний Камчатский острог, дабы убить Атласова. Не доехав за полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет он его читать. Но они застали его спящим и зарезали. Так погиб камчатский Ермак!

§ 41. Бунтовщики вступили в острог и, разделясь натрое, стали на три двора, по десяти человек вместе. Главные из них были: *Данило Анцыфоров да Иван Козыревский.* Бунтовщики расхитили пожитки убитых приказчиков, завели *круги,* стали выносить знамя, умножились до семидесяти пяти человек, выбрали атаманом Анцыфорова, Козыревского есаулом; с Тигиля привезли пожитки Атласова, им отправленные туда, дабы везти их Пенженским морем, расхитили съестные припасы, паруса и снасти, заготовленные для морского пути от Миронова, и уехали в Верхний острог, а Чирикова бросили скованного в пролуб, марта 20-го 1711 года.

§ 42. 17-го апреля 1711 года подали они в Верхний острог для отсылки во Якутск *повинную челобитню,* в которой об Атласове умолчено, а Чириков и Миронов обвинены обыкновенным образом (см. IV—207). Бунтовщики извинялись дальним расстоянием, и что-де приказчики не допустили бы челобитчиков до Якутска. Опись взятого добра на артель представили тут же с большою невинностию.

§ 43. Между тем думали они заслужить свои вины. Весною отправились они из Верхнего острога на Большую реку. В начале апреля они взяли

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Камчатский острожек, между реками Быстрой и Гольцовкою (где ныне Русский Большерецкий острог). Они там и засели, и жили до конца мая.

§ 44. 22-го мая приплыло к оному острожку множество камчадалов и курильцев и осадили казаков с криком и угрозами. 23-го казаки, отслужа молебен (с ними был архимандрит Мартиян, от Филофея, митрополита тобольского и сибирского, в 1705 году отправленный в Камчатку для проповедания слова божия), выслали половину своих людей на вылазку. Сражение продолжалось до вечера. Казаки одолели, потеряв три человека убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами. После сей победы все большерецкие острожки покорились и стали ясак платить попрежнему.

§ 45. После того ходили бунтовщики в Курильскую землицу и были за проливом на первом Кур. острову и жителей обложили впервые ясаком.

§ 46. В том же 1711 году приехал на Камчатку Василий Севастьянов (он же и Щепоткой) на смену Миронова, не ведая ничего об убиении трех приказчиков. Севастьянов стал собирать ясак в Нижнем и Верхнем остроге. Бунтовщик Анцыфоров, узнав о его прибытии, сам приехал к нему в Нижний острог с ясачной казною, собранной им в Большерецком. Севастьянов не осмелился ни посадить его в тюрьму, ни чинить над ним следствие. Он отправил его снова сборщиком на Большую реку. Анцыфоров на обратном пути привел в повиновение дикарей, живущих по Пенжинскому морю и рекам Конпаковой и Воровской.

§ 47. В феврале 1712 года Анцыфоров был убит от авачинских камчадалов. Узнав о его скором прибытии на Авачу, устроили они пространный балаган с тайными тройными подъемными дверями. Они приняли его с честию, лаской и обещаниями;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

дали ему несколько аманатов из лучших своих людей и отвели ему балаган. На другую ночь они сожгли его. Перед зажжением балагана они приподняли двери и звали своих аманатов, дабы те скорее побросались вон. Несчастные отвечали, что они скованы и не могут трогаться, но приказывали своим товарищам жечь балаган и их не считать, только бы сгорели казаки.

Так погиб храбрый Анцыфоров, может быть, предупредя заслуженную казнь и оставя по себе громкую память и пословицу (см. IV—210): «На Камчатке проживешь здорово семь лет, что ни сделаешь; а семь лет проживет, кому бог велит».

§ 48. Ободренный смертью Анцыфорова, Щепоткой послал нарочных в Верхний острог, чтоб словить убийц трех приказчиков. Один был схвачен, привезен в Нижний острог и в пытке показал, что Анцыфоров имел намерение умертвить Щепоткого, разбить оба острога, разграбить казну и бежать на острова, где и хотел поселиться со своими единомышленниками. Анцыфоров думал привести в действие свое намерение, когда приезжал в Нижний острог с ясачным сбором, но отложил оное, быв в слишком малолюдстве.

§ 49. В 1712 году июня 8-го Щепоткой, оставя в Верхнем остроге заказчиком Козырева, а в Нижнем Фед. Ярыгина, отправился по Олюторскому морю до Олюторской реки. Не дошед за два дня до *Глотова жилья*, по причине мелкости и быстроты рек, оградился он, по недостатку в лесе, земляными юртами. Олюторы ежедневно на него нападали. Он послал в Анадырск, требуя подвод и помощи, и сам с 84 человеками оставался в своем остроге до 9-го января 1713 года. Шестьдесят человек и несколько оленных подвод наконец к нему прибыли, и ясачный сбор довезен до Якутска в январе 1714 г. Оного сбора казна не получала с

Пушкинский кабинет ИРЛИ

самого 1707. Он состоял в 332 сорока соболей, 3282 лисиц красных, 7 бурых, 41 сиводущетых, да 259 морских бобров.

§ 50. Вскоре после отъезда Щепоткого заказчик Верхнего острога Кыргызов (Козырев?) приплыл на ботах в Нижний острог, овладел оным, мучил Фед. Ярыгина свинцовыми кистенями, да *ключом* вертел ему голову, а других людей на дыбу подымал (также и тамошнего попа). Ярыгина принудил *постричься* в монахи, сдал острог казаку Богдану Канашеву, а сам, подговоря 18 человек нижнешантальцев, возвратился в Верхний острог.

§ 51. 10-го сентября 1712 г. прибыл на Камчатку Василий Колесов, уже бывший там приказчиком и из казацких пятидесятников пожалованный дворянином по московскому списку. Он из Якутска отправлен был на смену Севастьянову в 1711 г. и дорогою получил указ о розыске над убийцами трех приказчиков. По прибытии своем он казнил двух человек смертию, других торговою казнию. Иван Козыревский, по смерти Анцыфорова бывший в Большерецком остроге приказчиком, высечен плетьми; но Кыргызов не пошел под суд к Колесову, острога своего ему не сдал и с 90 человеками, при пушках, приехал к Нижнему острогу, грозясь его разорить; в это самое время большерецкие казаки приехали туда с повинною.

§ 52. Колесов, опасаясь, чтоб обе сии стороны не соединились, запретил было ехать всем им в острог. Но Киргизов не послушался, поехал со всеми своими людьми, стал содержать крепкий караул днем и ночью. Он требовал от Колесова, чтоб сей дал ему указ итти на проведывание острова Карагинского, а между тем подговаривал нижнешантальских казаков. Не успев ни в том, ни в другом, возвратился он в Верхний острог. Казаки его разделились на две стороны, не видя надежды

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сделать суда и мимо Нижнего проплыть в море. Киргизова посадили в казенку. Колесов (в 1713) принял Верхний острог, Киргизова с главными сообщниками казнил смертию, других кнутом; послушные служивые пожалованы в *конные казаки*, а заказчики в дети боярские. Козыревского с 55 казаками и двумя пушками послал Колесов на Большую реку строить суда и заслуживать свои вины, *проведывая* новых островов и Японского царства.

§ 53. Козыревский исполнил сие поручение. Он привел в ясак жителей Курильской Лопатки, покорил первые два Курильские острова и привез Колесову известие о торговле сих островов с купцами города Матмая (IV—214).

§ 54. Колесова в 1713 сменил дворянин Иван Енисейский. Он заложил церковь на Ключах. Туда перенесен и Нижний острог, ибо прежнее место окружено болотами и водою поимается. Новый сей острог и с церковью сожжен в 1731 году, во время Камчатского бунта.

§ 55. При нем был поход на авачинских дикарей, некогда изменою убивших Анцыфорова. Их осадили в их остроге и две недели держали в осаде; камчадалы отразили храбро два приступа. Наконец были сожжены и перерезаны. Противу них было сто двадцать казаков, до ста пятидесяти покоренных дикарей. Также взят был приступом камчатский острожек Паратун. С того времени авачинские камчадалы стали платить ясак ежегодный, а не повольный, как то было прежде.

§ 56. Енисейский весною 1714 г. отправился вместе с Колесовым на судах по Олюторскому морю. Оба везли свой ясак. В августе дошли они до реки Олюторской благополучно. Там встретили они дворянина Афанасия Петрова, который разбил олюторов и, разоря их острог *Большой по-*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сад, строил Олюторский острог. При нем было много анадырских казаков и юкагирей. Здесь они осеневали, и зимним путем все три дворяне отправились вместе в Якутск (см. ясак их IV—216).

§ 57. Юкагиры, бывшие при Афанасии Петрове, сильно на него негодовали за обиды и притеснения. Он их не отпускал на их промыслы, брал их в подводы под камчатскую казну, хотя по указу должен был брать коряцкие подводы и проч. Декабря 2-го, не доходя до Акланского острога, они его убили на Таловской вершине и казну разграбили. Колесов и Енисейский спаслися в Акланский острог и 16 человек. Но юкагиры их осадили и угрозами принудили коряков их умертвить. Казна досталась не токмо дикарям, но и нашим казакам, ибо юкагиры торговали с ними, меняя соболей и лисиц на китайский табак. Таким образом пятидесятник Алексей Петриковский наменял, между прочим, 20 сороков соболей (которые с него в казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный ясак).

§ 58. Коряки Пенжинского моря *уговорены* и в ясак приведены уже в 1720 г. якутским дворянином Степаном Трифоновым. По убиении же трех дворян намерены они были напасть на Анадырск и подговаривали к тому чукчей.

§ 59. После того казну через Анадырск уже не высылали, а проведен морской путь в Охотск, а путь через Анадырск совсем оставлен, кроме посылок с письмами. На той дороге с 1703 г. погибло до двухсот русских. Морской путь открыт в 1715 г. якутским казаком Козьмою Соколовым, отправленным от полковника Якова Елчина, при управлении Алексея Петриковского.

§ 60. Петриковский, назначенный в приказчики, превзошел всех своих предшественников в жадности и лютости. Один из казаков замучен им в

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вилах до смерти. Казаки, по наущению Козьмы Соколова, посадили его в тюрьму и взяли пожитки его в казну. Они превосходили казну, собранную в два года со всей Камчатки (IV—219).

§ 61. Беспокойства между туземцами были незначительны (IV—220)[1].

. . . . . .

§ 71. Петриковского сменил Козьма Вежлицев, после сего приехал из Анадырска в приказчики Козьма Григорьев Камкин. В 1718 г. из Якутска прибыли три приказчика: Иван Уваровский (в Нижний), Ив. Поротов (в Верхний) и Василий Кочанов (в Большерецкий острог). Сей последний свержен был казаками и на полгода посажен в тюрьму. Он бежал. Мятежники взяты в Тобольск и наказаны.

§ 72. Приказчиков сменил 1719 г. дворянин Иван Харитонов. Он ходил на сидячих коряков, на Паллан-реку, и там убит изменниками. Казаки его успели спастись и сожгли убийц в их юрте.

§ 73. Приказчики приезжали ежегодно; возмущений от дикарей важных не было. Камчадалы били по два, по три человека сборщиков в Курилах и на Аваче.

§ 74. В 1720 году описывали Курильские острова *навигаторы* Иван Еврейнов и Федор Лузин, и доезжали почти до Матмая.

§ 75. В 1728 г. была *первая* академическая камчатская экспедиция, и возвратилась в Петербург в 1730.

§ 76. Наконец, в 1729 прибыла в Камчатку *партия* при капитане Дмитрии Павлуцком и якутском казачьем голове Афанасии Шестакове (убитом от чукочь в 1730). (Смотри наказ, им данный, IV—222.)

[1] <Текст заметок, составивших §§ 62—70, до нас не дошел.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

§ 77. В том же 1729 пятидесятник Штанников взят под стражу за убиение японцев, бурею занесенных на камчатские берега (см. пространную повесть о том IV—222 в примеч.).

§ 78. В 1730 сбирал ясак на Камчатке служивый Иван Новогородов, а в 1731 пятидесятник Михаил Шехурдин, главные причины бунта Камчатского.

§ 79. Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно; экспедиции следовали одна за другою. Дикари не смели возмущаться. Когда же капитан Беринг отбыл в Охотск, а партия поплыла к Анадырю, дабы соединиться там с Павлуцким и итти на немирных чукчей, тогда камчадалы решились исполнить давние свои замыслы.

§ 80. Во всю зиму нижнешантальские, ключевские и еловские камчадалы разъезжали будто бы в гости по всей Камчатке, уговаривая и приуготовляя всех к общему возмущению. По убиению Шестакова распустили они слух, что чукчи идут на Камчатку войною, усыпляя тем подозрение казаков. Они намерены были у морских гаваней учредить караулы, приезжих служивых принимать ласково, а дорогою убивать изменнически, и всеми мерами до Анадырска известий не допускать.

§ 81. Главный начальник бунта был еловский таион Фед. Харчин, да дядя его Голгочь, ключевский таион.

§ 82. Последний приказчик камчатский Шехурдин выехал с ясаком благополучно; партия близ устья Камчатки взгрузилась на судно и вышла в море для похода к Анадырску. Камчадалы, бывшие у ней в подводах, не дождавшись ее отбытия, поспешили дать знать бунтующим таионам, дожидавшимся на Ключах. 20-го июля 1731 г. камча-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

далы на ботах устремились вверх по Камчатке, бия казаков, зажигая летовья, забирая баб и детей и проч. Харчин и Голгочь прибыли немедленно в острог (Нижний) и зажгли попов двор, с намерением приманить на пожар казаков, как охотников, что им и удалось. Все казаки с женами и детьми были перерезаны. Все домы сожжены, кроме церкви и крепости, где хранилось имение русских; немногие спаслись и приехали на устье Камчатки.

§ 83. К счастию, партия еще стояла за нечаянно восставшим противным ветром. Поход к Анадырску был остановлен. Надлежало удержать завоеванное, прежде нежели думать о новых завоеваниях.

§ 84. Между тем ключевский есаул Чегечь, оставшийся у моря, узнав от русских беглецов о взятии острога, поспешил туда со своими людьми, побивая всех встречных казаков, и объявил Харчину, что партия в море еще не ушла. Мятежники испугались, они засели во взятом остроге и дали знать вверх по Камчатке, чтобы все жители съезжались к ним в завоеванный острог. Но они сделать того не успели.

§ 85. Они вкруг острога сделали каменную стену, разобрав церковную трапезу, разделили между собою казачьи пожитки, нарядились в их платья, иные в женские, другие в поповские. Стали плясать, шаманить и объедаться. Новокрещенный Фед. Харчин призвал Савина, новокрещенного грамотея, надел на него поповские ризы и велел ему петь молебен, за что и подарил ему тридцать лисиц. (Смотри IV—229.)

§ 86. Командир партии, штурман Яков Генс, отправил 21-го июля шестьдесят человек к взятому острогу, обещая прощение и приказывая покориться. Бунтовщики не послушались. Харчин кричал им со стены: «Я здесь приказчик, я сам буду ясак собирать: вы, казаки, здесь не нужны».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

§ 87. Казаки послали к Генсу за пушками. Получив оные, 26-го июля начали они стрелять по острогу; вскоре оказались проломы; осажденные стали робеть, и пленные казачки начали убегать из острога. Харчин, видя невозможность защищаться, оделся в женское платье и бежал.

§ 88. За ним пустилась погоня; но он так резво бегал, что мог достигать оленей. Его не догнали.

§ 89. После того человек тридцать сдались. Прочие были перестреляны. Чегечь оборонялся храбро. От стрельбы во время приступа загорелась пороховая казна; острог, кроме одной церкви, обращен был в пепел. Все камчадалы погибли, не спаслись и те, которые сдались. Ожесточенные казаки всех перекололи. Русских убито четыре человека на приступе. Церковь, по отбытии русских, сожжена камчадалами.

§ 90. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать к Харчину (всего сто человек); к счастию, партия не дала им на то времени. Малолюдные острожки непременно последовали бы их примеру.

§ 91. Харчин соединился с другими таионами и был готов плыть к морю, дать бой *со служивыми*. Но при реке *Ключевке,* при самом его выступлении, встречен он был *партиею*. Произошло сражение. Он отступил на высокое место по левую сторону Ключевки. Казаки стали по правой.

§ 92. Харчин думал сперва угрозами принудить партию возвратиться в море, но потом, стоя у реки, пустился в переговоры. Харчин потребовал одного аманата и пошел в стан казачий. Он обещался привести в повиновение сродников своих и подчиненных. Его обласкали и отпустили назад. Но он прислал сказать, что сродники его на то не согласились. Брат Харчина и таион Товачь остались с казаками.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

§ 93. На другой день Харчин, пришед к реке, потребовал опять аманатов и допущение к новым переговорам. Казаки на то согласились. Но когда он переехал к ним, они его схватили, а своим аманатам, плывшим с камчадалами в лодке, закричали, чтоб они побросались в реку; между тем, чтоб их не закололи, прицелились к камчадалам ружьями. Те разбежались, аманаты спаслись. Камчадалы рассеяны двумя пушечными выстрелами. Верхоеловский таион Тигиль побежал со своим родом к вершинам Еловским, ключевской таион Голгочь—вверх по Камчатке, прочие—по другим местам; но казаки их преследовали и всех истребили. Тигиль долго сопротивлялся, переколол своих жен и детей и сам себя умертвил. Голгочь убит от своих за то, что он разорял их острожки на реках Шаниной и Козыревской, когда они не хотели пристать к его бунту.

§ 94. Между тем вся Камчатка восстала. Дикари стали соединяться, убивать повсюду русских, лаской и угрозою вовлекая в возмущение соседей; казаки острогов Верхнего и Большерецкого ходили по Пенжинскому морю, поражая всюду мятежников. Наконец соединилась с ними команда из Нижнего острога. Они пошли на Авачу против трехсот тамошних мятежников и, разоря их укрепленные острожки, насытясь убийством, обремененные добычею, возвратились на свои места.

§ 95. Якутского полку маиор Мерлин прибыл вскоре на Камчатку. Он и Павлуцкий жили там до 1739 года. Они построили Нижний Камчатский острог ниже устья Ратуги. Им поручено следствие. Иван Новогородов, Андрей Штанников и Сапожников повешены, также и человек шесть камчадалов. Прочие казаки высечены, кто кнутом, кто плетьми.

Камчадалы, *бывшие у них в крепостной неволе,* отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

§ 96. До царствования императрицы Елисаветы Петровны не было и ста человек крещеных.

<20 января 1837>

<ПЛАН И НАБРОСОК НАЧАЛА СТАТЬИ О КАМЧАТКЕ>

Сибирь уже была покорена. Приказчики услыхали о Камчатке и сме<ло...>

Описание Камчатки.—Жители оной.—Федот Кочевщик.—Атласов, завоеватель Камчатки.

Завоевание Сибири постепенно совершалось [в течение целого столетия]. Уже все от Лены до Ангдыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Явились смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности устремившиеся посреди враждебных и диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на них ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках.

<1837>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПРОЕКТЫ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕТОК К СОБСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И ПЛАНЫ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ПЛАН ПЕРВОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ>[1]

1 часть	<2 часть>
Послания	Лирические
К Александру.	Наполеон на Эльбе.
К Жуковскому.	Воспоминания в Царском Селе.
———————*	Оранскому принцу.
К Батюшкову.	Певец.
К Галичу.	Слеза.
———————	Истина.
Дельвигу.*	Усы.
Дельвигу.	Мечтатель.
Сестре.*	Ринальдо
Бонапарте.*	и все пьески.
К Юдину.	Пирующие студенты.
Пущину.	
———————	———————
Ломоносову.	———————

[1] <Некоторые из произведений, отмеченные в этом списке, до нас не дошли («Бонапарте», «Ринальдо»); посланиями «Трубецкому» и «Кюхельбекеру» следует считать «Городок» и «К другу стихотворцу»; черта под некоторыми именами обозначает вторые послания к тем же лицам; звездочкой отмечены, вероятно, вещи, требовавшие правки; «Завещание» вычеркнуто потому, что это же произведение внесено было уже в перечень под названием «Друзьям» («Мое завещание друзьям»).>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1 часть

Послания

Трубецкому.
Лицинию.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лень.
Друзьям
Шишкову
Актрисе.
[Завещание.]

<2 часть>

Лирические

XV элегий.
Эпиграммы. Надписи.
Картины.
Леда.

<Осень 1816 г.>

<ПРИМЕЧАНИЯ К «ЦЫГАНАМ»>

<1>

Долго не знали в Европе происхождения цыганов, считали их выходцами из Египта—доныне в некоторых местах называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения—доказано, что цыгане принадлежат к отверженной касте индейцев, называемых *париа*. Язык и то, что можно назвать их верою, и даже черты лица и образ жизни—верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностию, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг—они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, песнями и плясками.

В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние только между ими: там [нет крепостных людей,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кроме] сих приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им однакоже вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Дань их составляет необрочный доход супруги господаря. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой; они не промышляют, например, обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами.

<2>

Примечание. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

[От Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была феатром наших вечных войн.]

Но доныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выйдет ли когда-нибудь Историческое и статистическое описание оной, составленное И. П. Липранди, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека.

<1824>

<ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ»>

André Chénier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, и два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего.—Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года.—Нельзя воздержаться от горестного чувства...

<1825>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКА О «ДЕМОНЕ»>

Многие того же мнения. Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в этом своем странном стихотворении. Кажется, они неправы. По крайней мере вижу в «Демоне» я цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-по-малу вечные противуречия существенности рождают в нем сомнение—чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда надежды и лучшие поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим.* И Пушкин не хотел ли в своем «Демоне» олицетворить сей дух—*дух отрицания или сомнения?* и начертать в <*неразбр.*> картине печальное влияние на нравственность нашего века?

<1827>

<ПОЯСНЕНИЕ К СТИХАМ «НАПРАСНО ВИДЯТ ТУТ ОШИБКУ»>

Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного—верх грозный, нахмуренный, низ же, выражаемый всегдашней улыбкою. Это нравилось Торвальдсену.

Questa è una brutta figura [1].

<1828—1829>

---

[1] <Это—отвратительная фигура.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<НАБРОСКИ ПРЕДИСЛОВИЯ К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»[1].>

<1>

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова»: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда по стечению благоприятных обстоятельств открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось однако довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явле-

---

[1] <Теоретические положения и исторические справки, которыми Пушкин предполагал снабдить предисловие к «Борису Годунову», выросли из черновых заметок, включенных летом 1825 г. в не дописанное и не отправленное французское письмо к Н. Н. Раевскому. Традиционной формой *письма* Пушкин воспользовался и для того варианта предисловия к «Б. Г.», который он предполагал в 1828 г. поместить в «Московском вестнике» (без имени конкретного адресата, см. печатаемый нами текст I, и для той переработки начального французского варианта письма к Н. Н. Раевскому, которая относится к 1829 г. (текст II).>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ния. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признанье ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира, и принесши ему в жертву пред его алтарь два классические единства, и едва сохранив последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспоривать его необходимость), единство слога— сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменил я на пятистопный белый; в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия,—и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо*.

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным

Пушкинский кабинет ИРЛИ

изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют <произведения, носящие печать уныния или мечтательности>[1], что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усомнился включить Озерова в число поэтов романтических,—что, наконец, наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Данте и Ламартина, самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую, уступая первой — языки латинского юга и приписывая второй германские племена севера, так что Данте (il gran Padre Alighieri[2]), Ариосто, Лопец де Вега, Кальдерон и Сервантес попали в классическую фалангу, которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем *Московского Телеграфа*, кажется, будет несомненно принадлежать.

Всё это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в их не видел и следов искренного и свободного хода романтической поэ-

---

[1] <Определение романтизма не выписано Пушкиным, и для него оставлен пробел. Заимствуем его из другой статьи Пушкина.>

[2] <великий отец наш Алигиери>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

зии, но жеманство лжеклассической Франции. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в первой книге *Московского Вестника* отрывок из «Бориса Годунова», сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: умилительная кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к власти царя, данной им богом— совершенное отсутствие суетности пристрастия— дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену *Бориса Годунова* на картинки *Дамского журнала*. Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики.

Что ж из этого следует? Что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на всё, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны.

Хотите ли знать, что̀ еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней

Пушкинский кабинет ИРЛИ

могут подать повод применения, намеки, allusions. Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображенный. Француз пишет свою трагедию с *Constitutionnel* или с *Quotidienne* перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходок, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что кроме *Эсфири* и *Вереники* нет их и у Расина. Летописец французского театра видел в *Британнике* смелый намек на увеселения двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc.[1]

Но вероятно ли, чтоб тонкий придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал, как Юм или Вальполь (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае.

<1827—1828>

<2>

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonne plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là comme nos sous-oeu-

[1] <Он говорит и делает лишь то, что ему предписывают.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ivres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre *sine qua non*.

A l'exemple de Shekspeare je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique romanesque etc... le style en est mélangé.—Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers—quand aux grosses indécences n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entroit beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрий amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté voyez-la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventuriers—partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai si dieu me prête vie.—Elle me trouble comme une passion.—Elle est horriblement polonaise comme le disait [la cousine de M-me Lubomirska].

Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille.—Il a eu de grands talents,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès du Самозванец par une audace inouie.—Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côté de Козьма Minine, puis воеводой à Нижний, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur.—Il a été tout, même incendiaire comme le prouve une Грамота que j'ai trouvée à Погорелое Городище—ville qu'il fit brûler (pour la punir de je ne sais quoi) à la mode des proconsuls de la Convention National.—

Je compte revenir aussi sur Шуйский.—Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounof il est un des premiers boyards à passer du côté de Дмитрий. Il est le premier qui conspire et c'est lui même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu.—Il est prêt à perdre la tête, Дмитрий lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs.—Que fait Шуйский qui avait frisé de si près la hache et le billot? Il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en a eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri IV dans Дмитрий.—Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion—tout deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux se donnant dans des projets chimériques—tout deux en butte aux conspirations. Mais Henri IV n'a pas à se reprocher Ксения—il est vrai que cette horrible accusation n'est

Пушкинский кабинет ИРЛИ

pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire.—

Грибоедов a critiqué le personnage de Job—le patriarche, il est vrai, étoit un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годунов j'ai réfléchi sur la tragédie—et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale—c'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les lois sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches?

2) *La langue.* Par exemple le Philoctète de la Harpe dit en bon françois après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle de 24 heurs? Soit. Et là dessus il vous entasse des évenements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'*a parte*, il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est plus longue que je ne l'avais voulu faire.—Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin si le diable me tente de faire une préface [1].

<1829>

[1] <Вот моя трагедия, раз вы непременно ее желаете; но я требую, чтобы прежде чем читать ее, вы пробежали последний том Карамзина. Она наполнена славными шутками и тонкими намеками, относящимися к истории того

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<3>

С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет *Бориса Годунова*. Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму и чтоб она тем самым не замедлила хода—

Хотя успех *Полтавы* ободряет меня.

19 июля 1829. Арзрум.

времени, как наши киевские и каменские обиняки. Надо понимать их—это непременное условие.

По примеру Шекспира, я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическим пафосом и т. п. Стиль трагедии—смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых; что касается грубых непристойностей,—не обращайте на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой переписке. Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги; но, не говоря уже о том, что любовь весьма подходит романтическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен, но конечно, это была странная красавица; у нее была только одна страсть—честолюбие, но да такой степени сильное, бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, отведав царской власти, опьяненная призраком, отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя бы слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она переносит войну, нищету, позор и в то же время сносится с польским королем, как коронованное лицо с равным себе, и жалко кончает свое бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она—ужас что за полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской].

Гаврила Пушкин—один из моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он обладал большими дарованиями как воин, при-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<4>

С отвращением решаюсь выдать в свет [свое] <сочинение>.

И хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху иль неудаче своих сочинений, но, признаюсь, неудача *Бориса Годунова* будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен. Как

дворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев обеспечили успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Затем я снова нашел его в Москве одним из 7 начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 г.— в Думе, заседающим рядом с Козьмой Мининым, потом — воеводой в Нижнем, потом—между выборными людьми, венчавшими на царство Романова, потом—послом. Он был всем, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище—городе, который он сжег в наказание за что-то, подобно проконсулам Национального Конвента.

Я рассчитываю также вернуться и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый начинает заговор, и он же, заметьте, берет на себя всю тяжесть риска, кричит, обвиняет и из начальника делается буяном. Он близок к тому, чтобы лишиться головы, но Дмитрий милует его уже на лобном месте, высылает, а потом, с тем необдуманным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова призывает его к своему двору и осыпает дарами и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, успевает в этом, избирается царем, падает, и в крушении своем сохраняет больше достоинства и душевного величия, нежели в продолжение всей своей жизни.

Дмитрий многим напоминает Генриха IV. Подобно ему—он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему—равнодушен к религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба предаются несбыточным планам. Оба являются жертвами заговоров. Но у Генриха IV не было на совести Ксении, хотя, правда, это ужасное обвинение и не доказано;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Монтань, могу сказать о своем сочинении: c'est une oeuvre de bonne foi[1].

Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод постоянного труда, добросовестных изучений, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец одобрение малого числа [людей избранных].

Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушателей одного недоставало, того, кому обязан я мыслию

и что до меня, то я считаю своей священной обязанностью ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова,—патриарх действительно был человек большого ума, я же, по недосмотру, сделал из него глупца.

Создавая своего «Годунова», я размышлял о трагедии, но если б я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал. Это, быть может, наименее понятный вид произведений. Законы его старались обосновать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самою сущностью драмы: не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках.

2) *Язык*. Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Всё это не есть ли условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в «Сиде». «А, вам угодно правило о 24 часах? Извольте». И он нагромождает событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко почувствовал, как смешны речи «в сторону»,—он их уничтожает, но зато удлиняет монологи. Какое ребячество!

Письмо мое вышло гораздо длиннее, чем я хотел. Прошу вас сохранить его, так как оно мне понадобится, если чорт соблазнит меня написать предисловие.>

[2] <Это—честное произведение.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье ободрение представлялось воображению моему сладчайшею наградою и единственно развлекало меня посреди уединенного труда.

<1829>

<5>

Je me présente ayant [renoncé à] changé ma manière première—n'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli.—Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue.—Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc.—d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur. [C'est donc avec] j'éprouvais [donc] une grande répugnance à livrer au public ma tragédie, je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes.—Mais je trouve tout cela fort inutile[1].

<1830>

---

[1] <Я выступаю перед публикой, изменив свою раннюю манеру. Не имея более надобности заботиться о прославлении неизвестного имени и первой своей молодости, я уже не смею надеяться на снисхождение, с которым был принят доселе. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я из ряда ее любимцев, принося ей глубокую мою благодарность за всё то расположение, с которым принимала она слабые мои опыты в продолжение десяти лет моей жизни.

Когда я писал эту трагедию, я был один, в деревне, не видел никого, не читал ничего кроме газет и т. д.—тем охот-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<6>

Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен. Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны.—

Долго не мог я решиться напечатать свою драму.—Хороший или худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести слабо тревожили доныне мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его; читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения.—И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifférent[1], что такая-то глава *Онегина* выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина, и что

нее, что я всегда считал, что только романтизм подходит для нашей сцены: я убедился, что заблуждался. [Поэтому с] мне [поэтому] крайне не хотелось предлагать мою трагедию публике—я хотел, по крайней мере, предпослать ей предисловие и дать к ней примечания. Но я нахожу всё это совершенно излишним.>

[1] <безразлично>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены — (*Ермак* А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихом, коим оно написано).

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами.—У нас первый пример оному находим мы, кажется, в *Аргивянах;* А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его. — Я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе—и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия. Есть шутки грубые, сцены простонародные. — Хорошо, если поэт может их избежать, если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным. Поэту не должно быть площадным из доброй воли.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, con amore[1], но [без всякой дворянской спеси]. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристократию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его уравнены с правами прочих состояний, великие имения давно раздроблены, уничтожены и <*неразбр.*> и проч.— Принадлежать старой аристократии не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нарекание в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

<1829—1830?>

[1] <охотно>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<7>

Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они обманут надежды преобразователей. Поэт, *живущий на высотах создания,* яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом Lope de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку, но гений, какое направление ни изберет, останется гений— суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси.

<1830>

<8>

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я не имею главной привлекательности—молодости и новизны литературного имени. К тому же, главные сцены уже напечатаны или искажены в подражаниях. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что у него о появлении Самозванца приходит объявлять царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, у г. Булгарина так же. Всё это—драматический вымысел, а не историческое сказание. Один у другого... Но это еще не беда, Les beaux esprits se rencontrent[1].

<1830>

<9>

Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence [passionnée] mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la

[1] <Мысли умных людей встречаются.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quittes envers moi— leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux[1].

<1831>

<ПРОЕКТ ПРЕДИСЛОВИЯ К VIII И IX ГЛАВАМ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»>

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни *Онегина* журналы вообще отозвались об ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали шесть частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

«...Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII *Евгения Онегина?* Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя «Руслана и Людми-

---

[1] *Для предисловия.* Публика и критика, принявшие мои первые опыты с живым снисхождением и притом в такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вероятно навсегда от поприща мною избираемого, заслуживают полной моей признательности: они расплатились со мной совершенно. С этой минуты их строгость или равнодушие уже не могут иметь влияния на труды мои.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лы», пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII—два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством что в сравнении с ними даже *Евгений Вельский* кажется чем-то похожим на дело*. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète... Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи *Онегина* увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну, как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В *Москву на ярманку невест!*
Мать плачется, скучает дочка;
Конец *седьмой главе*— и точка **.

Точно так, любезные читатели, всё содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!»—и т. д.

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеху, ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Век может итти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,— но поэзия остается на одном месте. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия

---

* Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят Евгения Онегина ниже Евгения Вельского.

** Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими—произведения истинных поэтов остаются свежими и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что Евгений Онегин и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искусить ее терпение. Вот еще две главы *Евгения Онегина*— последние, по крайней мере, для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти,—также удерживала меня. Но *Чайльд-Гарольд* стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться.

28 ноября 1830, Болдино

<ПОЛЕМИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, СВЯЗАННЫЕ С РЕЦЕНЗИЯМИ НА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»>

<1>

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко и в обстоятельствах неблагоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые непринужденные статьи, помнится, стали появляться

Пушкинский кабинет ИРЛИ

по напечатании четвертой и пятой песни *Евгения Онегина*.

Разбор сих глав, напечатанный в *Атенее*, удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане? камин дымит*, вместо *пар идет из камина?* Не слишком ли смело *ревнивое подозрение? неверный лед?* Как думаете, что бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Критик догадывается, однакож, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть...

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не*—винительный, а не родительный падеж; *времян* вместо *времен*, как например, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира времян...

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражал его стих:

Людскую молвь и конский топ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в *Вестнике Европы*. *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение** и *хлоп* вместо *хлопание* (следственно вовсе не противно духу русского языка)...

На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за ворота градские, и услышал конский топ и людскую молвь». *Бова Королевич.*

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих: *Два века ссорить не хочу* критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: *я не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo[1], правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать... *стихи*, а уж, конечно, не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему? Потому что все имена существительные, кончающиеся на *анин*, *янин*, *арин*, *ярин*, имеют свой родительный во множественном на *ан*, *ян*, *ар* и *яр*, а именительный множественного на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*.

---

* Он шип пустил по-змеиному.—*Древние Русские Стихотворения.*

[1] <Итак>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Все же существительные, кончающиеся на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множественном именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительный на *анов*, *янов*, *аров* и *яров*.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю*, *решаешь*, *решает*, *решаем*, *решаете*, *решают*. Вместо *решу*, *решишь* и проч. *Решу* спрягается как *грешу*.

★

Иностранные собственные имена, кончающиеся на *е*, *и*, *о*, *у*, не склоняются. Кончающиеся на *а*, *ъ* и *ь* склоняются в мужеском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем, и проч.

★

Как надобно писать *турков* или *турок*? То и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

★

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо). Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г**.

★

Многие пишут *юпка*, *сватьба* вместо *юбка*, *свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница*, *свадебный*.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Двенадцать, а не *двѣнадцать*. *Две* сокращено из *двое*, как *три* из *трое*.

Пишут: *тѣлега*, *телѣга*. Не правильнее ли: *телега* (от слова *телец*—телеги запряжены волами)?

★

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований.

★

Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

★

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим *женшины*, *ношлег* (см. Богдановича).

★

[Шпионы подобны букве ѣ. Нужны они в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться.]

<1830>

<2>

Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу *Онегина*, заметил, однакож, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *уж*, что и назвал он ужами, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил

Пушкинский кабинет ИРЛИ

он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал девою:

В избушке распевая, дева прядет.

<1830>

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в *Евгении Онегине*, которые я не мог или не хотел напечатать—этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше бы было заменять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненные.

Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в *Дон-Жуане* есть 2 выпущенные строфы.

<1830>

<3>

Шестой песни *Онегина* не разбирали, даже не заметили в *Вестнике Европы* латинской опечатки. Кстати: с тех пор, как вышел из лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык.—Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другой, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

<1830>

<4>

Критику 7-ой песни в *Северной Пчеле* пробежал я в гостях и в такую минуту, когда было мне не до *Онегина*... Я заметил только очень хорошо на-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

писанные стихи и довольно смешную шутку об *жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Волы
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критиков я не читал, ибо, право, мне было не до них.

№ Эту критику *Северной Пчелы* напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булагрин не сказал бы, что описание Москвы взято из *Ивана Выжигина* (весь отрывок этот был напечатан в *Северной Пчеле* года два прежде появления *Выжигина*), ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия *Борис Годунов* взята из его романа.

<1830>

<ЗАМЕТКИ О РАННИХ ПОЭМАХ>

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в *Вестнике Европы*, в которой побранили весьма неосновательно, и весьма дельных вопросов, изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О, страшный вид! Волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой...

За вступление, не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и за пародию *Двенадцати спящих дев*. За последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было, особенно в мои лета, пародировать в угождение черни девственное, поэтическое создание. Были прочие упреки, довольно пустые. Есть ли в *Руслане* хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями хоть например Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень смягченное подражание Ариосту (Orlando, canto V и VIII [1]).

Кавказский пленник—первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним смеялись.

Бахчисарайский фонтан слабее *Пленника* и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю—и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда

---

[1] <«Неистовый Роланд», песни V и VIII.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама.

Не помню кто заметил мне, что невероятно, чтобы скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Всё это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

О *Цыганах* одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики.—Вяземский повторил то же замечание. Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее. Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio[1].

<1830>

<ЗАМЕТКА О «МОЦАРТЕ И САЛЬЕРИ»>

В первое представление *Дон-Жуана*, в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист; все обратились с изумлением и негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы—в бешенстве, снедаемый завистью.

Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении—в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать *Дон-Жуана*, мог отравить его творца.

<1831—1832?>

---

[1] <но тем лучше>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ЗАМЕТКА К «ГРАФУ НУЛИНУ»>

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая *Лукрецию*, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал,— что если б Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.—

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарями, войнами, завоеваниями мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.—

<1830-е годы>

<ПЛАН ИЗДАНИЯ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН>

Вступление.

Но есть одно в осн<овании?>

Оригинальность отрица<ния?>

Истор<ические> п<есни>

О Ив<ане Грозном>.—О Мас<трюке Темрюковиче>.—О Ст<еньке> Раз<ине>.—О Цыклере.—О Петре.—О Шереметеве.—О Меншикове.—Казацк<ие песни>. Далее про Фермора. Про Сув<орова>.

Новейшее влияние. Мера, рифмы...

Сумар<око>в.

<1831—1832>

<О НОВЕЙШИХ РОМАНАХ>

Barnave, Confess<ion>, Femme guill<otinée>.—Eugène Sue.—De Vigny, Hugo.—Balzac, Scènes

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<de la vie privée>, Peau de chagr<in>, Contes bruns, drolati<ques>. —Musset, Tables de nuit.—Поэзия фр<анцузская>.—Byron.

Муравьев.—Полевой (Пол.—романист).—Свиньин.—Карамзин.

<1832>

<ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, НАМЕЧЕННЫХ ДЛЯ «СОВРЕМЕННИКА»[1]>

Поход 1711 +
St. Kazanova +
Путешествие В. Л. <Пушкина> (Дмитриева).
Календарь +
Путешествие Радищева +
Собрание русских песен.
Тредьяковский.
О Пугачеве +
Сказки.
Русские шутки.
О Ван<ьке Каине>.
L'Abbé Chappe.
Antidote.
О легчайшем способе <возражать на критики> Дашкова.
О пословицах.
О Histoires tragiques.
Aventuriers etc.
О библиотеке Новикова.
О путешествии Арт<иллериста> И. Р<адожицкого>.
О M<émoires de> S<anson>.

Опыты библиографические.

---

[1] <Одни из этих статей (вероятно, отмеченные крестиком) были готовы, другие начаты, третьи только задуманы.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

МАТЕРИАЛЫ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, ЧЕРНОВЫЕ «МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ», ВЫПИСКИ И АНЕКДОТЫ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ТОЛЬКО РЕВОЛЮЦИОННАЯ ГОЛОВА...>

Только революционная голова, подобная Мир <Мар.?> и Пестелю, может любить Россию—так, как писатель только может любить ее язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке.

<1822—1823>

<СТАРИННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ>

Не суйся середа прежде четверга. Смысл иронический; относится к тем, которые хотят оспаривать явные законные преимущества: вероятно, выдуман во времена местничества.

В праздник жена мужа дразнит (выписка из Кирши).

Горе лыком подпоясано,—разительное изображение нищеты; см. *Древние стихотворения*.

Иже не ври же, егоже не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и в старину острились насчет славянизмов.

Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет; апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейником.

На посуле как на стуле. Посул—церковная дань, а не обещание, как иные думали; следственно, пословица сия значит—на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Беспечальным сон сладок.

Не твоя печаль чужих детей качать—не твоя забота; *печаль* от глагола *пекусь*.

Бодливой корове etc.—пословица латинская.

Бог даст день, бог даст и пищи. Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. «Да,—отвечала она,—пищи, пищи, да с голоду и умри».

Нужда научит калачи есть, т. е. нужда—мать изобретения и роскоши.

Кто в деле (в должности), *тот и в ответе* (в посольстве).

<1820-е годы>

<МАТЕРИАЛЫ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ»>

<1>

Предисловие

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. «Мне скучно, сказал дядя,—хотел бы я писать, но не знаю, о чем».—«Пиши всё, что ни попало, отвечал приятель:—мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко. Так писывал Сенека и Монтань». Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило, теперь он философически рассудил, что его огорчила сущая безделица,—он взял перо и лист бумаги и написал: «Нас огорчают иногда сущие безделицы». В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: «Я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону, несмотря на крики новейших критиков». Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелю. На другой день послал

Пушкинский кабинет ИРЛИ

он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.

Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! Знал бы про себя, многие того не заметили б.

Милостивый государь! Вы не знаете правописания и пишете обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и решителя споров трех литератур. С истинным почтением и проч.

<1827>

<2>

Кс. находит какое-то сочинение глупым.—«Чем вы это докажете?»—«Помилуйте,—простодушно уверяет он,—да я мог бы так написать».

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностию оригинально выражать мысли—к счастью он мыслит, что довольно редко между... ибо должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне. Уважайте глупцов.

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы?—разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, но ту, которую Буало определяет: Un bon mot de deux rimes orné[1].

---

[1] <Острое слово, украшенное двумя рифмами.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола—все женщины восстанут на вас единодушно: они составляют один народ, одну секту.

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей,—наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было: мнениями, чувствами, привычками, даже слабостями и пороками; вероятно. больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания.

Ne pas admettre l'existence de Dieu, c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinocéros[1].

<1827—1828>

В миг, когда любовь исчезает, наше сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

<1827—1828>

Первый нес<частный>воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены, или служат лишь — — Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше.

<1827—1830?>

У нас употребляют прозу, как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения

---

[1] <Не признавать существование бога значит быть более абсурдным, чем те народы, которые, по крайней мере, думают, что мир покоится на носороге.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм.

<1827—1828>

Переводчики—почтовые лошади просвещения.

<1830>

Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, напитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения,—попал у них в романтические поэты.

<1830>

Stabilité—première condition du bonheur public.

Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?[1]

<1831>

Зависть—сестра соревнования, следственно из хорошего роду.

<1831>

Какой-то лорд, известный ленивец, для своего сына пародировал известное изречение: «Не делай никогда сам то, что можешь заставить сделать через другого». N., известный эгоист, прибавил: «Не делай никогда для другого то, что можешь сделать для себя».

<Нач. 1830-х гг.>

---

[1] <Устойчивость режима—первое условие народного счастья. Как согласовать ее с возможностью бесконечнаго совершенствования?>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Д— говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано.—

<1833>

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи.—

<1833>

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление остались и укоренились в нашем языке. Например, *трогательный* от слова touchant (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный Настоящее выражение французское есть sens froid—хладномыслие, а не sang froid. Так писали это слово до самого 18 столетия. Dans son assiette ordinaire. Assiette значит положение от слова asseoir, но мы перевели каламбуром—«в своей тарелке»:

Любезнейший, ты не в своей тарелке.
Горе от ума

<1830-е годы>

Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. Аз, буки, веди, глаголь, добро etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука. У нас Грамматин первый, кажется, вздумал составить апоффегмы из нашей азбуки. Он пишет: «Первоначальное значение букв, *вероятно*, было следующее: *аз бук* (или буг!) ведю — т. е. я бога ведаю (!), глаголю: добро есть; живет на земле кто и как, люди мыслит. Наш он покой, рцу. Слово λογος

Пушкинский кабинет ИРЛИ

(твержу...) и прочая,—говорит Грамматин; вероятно, что в прочем не мог уже найти никакого смысла. Как это всё натянуто! Мне гораздо более нравится трагедия, составленная из азбуки французской. Вот она:

Eno et Ikaël

Tragédie.

Personnages.

Le Prince Eno.
La Princesse Ikaël, amante du Prince Eno.
L'abbé Pécu, rival du Prince Eno.
Ixe, Igrec, Zède } garde du Prince Eno.

Scène unique.

Le Prince Eno, la Princesse Ikaël, l'abbé Pécu, gardes.

Eno.

Abbé! cédez...

L'abbé.

Eh! f...

Eno (mettant la main sur sa hache d'armes).

J'ai hache!

Ikaël (se jettant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno (ils s'embrassent avec tendresse).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Eno (se retournant vivement).

Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zède! prenez Mr. l'abbé et jettez-le par la fenêtre[1].

<1830-е годы>

БОГОРОДИЦЫНЫ ДОЧКИ

Царевича Алексея Петровича положено было отравить ядом. Денщик Петра Первого <Ведель> заказал оный аптекарю Беру. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав, для чего требуется яд, разбил склянку об пол. Денщик взял на себя убиение царевича и вонзил

---

[1] <Эно и Икаэль
Трагедия.
Действующие лица.
Принц Эно.
Принцесса Икаэль, возлюбленная принца Эно.
Аббат Пекю, соперник принца Эно.
Икс, Игрек, Зед } телохранители принца Эно.
Сцена единственная.
Принц Эно, принцесса Икаэль, аббат Пекю, телохранители.
Эно.
Аббат! уступите...
Аббат.
Э! ф...
Эно (хватаясь за секиру).
У меня—секира!
Икаэль (бросаясь в объятия Эно).
Икаэль любит Эно. (Они нежно целуются.)
Эно (с живостью оборачиваясь).
Пекю остался? Икс, Игрек, Зед! возьмите господина аббата и выбросьте его в окно.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ему тесак в сердце. (Всё это мало правдоподобно.) Как бы то ни было, употребленный в сем деле денщик был отправлен в дальнюю деревню, в Смоленскую губернию. Там женился он на бедной дворянке из роду, кажется, Энгельгардовых. Семейство сие долго томилось в бедности и неизвестности. В последствии времени <Ведель> умер, оставя вдову и трех дочерей. Об них напоминали императрице Елисавете,—она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых ** <Ведель>. Князь Одоевский выдумал сказку о богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девицы призваны были ко двору и приняты на ноге фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья—не помню за кем.

При Елисавете было всего три фрейлины. При восшествии Екатерины сделали новых шесть—вот по какому случаю. Она, не зная, как благодарить шестерых заговорщиков, возведших ее на престол, заказала шесть вензелей, с тем, чтоб повесить их на шею шестерых избранных.—Но Никита Панин отсоветовал ей сие, говоря: это будет вывеска. Императрица отменила свое намерение и отдала вензеля фрейлинам.

<1831>

<МАТЕРИАЛЫ О ЗЕМСКОМ СУДЕ[1]>

Земский суд

Исправник
Заседатель земского суда
Секретарь
Стряпчий

[1] <Справка эта связана с работой над «Дубровским».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Письмоводитель (писарь)
Солдат (унтер инвалидный)
Священник ближний.
Привозят—*Зерцало* в избе
Свящ. с крест., с еванг<елием>
Следствие: донос на кого?

Форма допроса. [Чей ты]?.. Зовут меня Д... двор. чел. такого-то господ. От роду столько-то. Вероисповедание. На исповеди и у свят. прич. бываю через год. Наперед сего в штрафах (в *приводах)* под следствием и судом никогда не был. Ты убийца—за что—и как. Апелляцию—срок год.

<1832>

<ВЫПИСКИ ИЗ ЧЕТЬ МИНЕЙ>

Трапеза—Толк, толмач.—Разрезать (кого)—
Рим ветхий—Великородный—Тверда аки наковальня—Муж конского чина (всадник).

Вложи (диавол) убо ему мысль о родителех, яко жалостию сокрушатися сердцу его, воспоминающе велию отца и матере любовь, юже к нему имеша. И глаголаша ему помыслы: что ныне творят родители твои без тебя, колико многую имут скорбь, и *тугу*, и плачу о тебе, яко не ведущим им отшел еси. Отец плачет, мать рыдает, братия сетуют, сродницы и ближние жалеют по тебе, и весь дом отца твоего в печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братий его и различная мирская суетствия во ум его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнемощи ему телом и еле живу быти, ово бо от великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения помыслов, изсше яко скудель крепость его, и плоть его бе яко трость, ветром колеблема.

(Житие преподобн. отца нашего Иоанна Кущника—Иануар ет <15>)

Рубо—рубище.—Дельва—(бочка или ящик?)
И дубраву всякого древа своею рукою насади (Ч. М. Житие св. Ора черноризца).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Куколь (capuchon)—cuculum—убрус—
С путем (с жалованием).

Приидоша к прельщенному преподобные отцы Никон игумен и Иоанн, иже по нем бысть игумен, Пимен постник. Исаия, иже бысть еп. ростовский, Матфей прозорливый, Исаия, затворник печерский, Агапит врач, Григ. чуд., Никола, иже бысть еп. тмут., Нестор летописец, Григорий творец канонов, Феоктист, иже бысть еп. черниг., Онисифор прозорливый: сии вси в добродетелях сияющии пришедше молитву творяху к богу о Никите. (Житие пр. Никиты, затворника печерского.)

<1831?>

<ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА ИГУМЕН>

Декабря 3. Преставление преподобного отца нашего Саввы, игумена святыя обители пресвятой богородицы, что на Сторожех, нового чудотворца.

Из пролога. Преподобный отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел и, пришед к преподобному Сергию, принял ангельский образ и стал подвизаться, угождая богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесная блага приять от господа. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощию вышнего и над страстями воцарился. Тогда, по наставлению учителя своего, великого Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы и поселился в пустыне на горе, называемой Сторожи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одного поприща от Звенигорода и сорока от града Москвы. Там святый иночествовал в безмолвии, терпя ночные морозы и тяготу жара дневного.— Услыша о добродетельном житии его, многие иноки и люди мирские от различных мест начали к нему приходить, дабы жить при нем и от него пользоваться. И принимал он всех с любовию, и был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая и нося воду и другие потребности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих праздностию, изобретательницею всего злаго. Потом некий христолюбивый князь, пришед к блаженному отцу Савве,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм честного и славного рождества пречистой богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он *добре* пас во имя Христа собранное стадо, водя оное на пажить духовную, и, быв некогда единожителем божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о господе. В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в игумены одного из учеников своих и всем братиям заповедал пребывать у игумена в послушании и в повиновении. Наконец, дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу в руце божии декабря 3-го дня, во всем благоугодив владыке своему, Христу. Услышав о преставлении святого, князья и бояре, и окрест живущие, и все христолюбивые граждане Звенигорода стеклись с великой любовию на погребение отца, принесши с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честию в им построенной церкви пресвятой богородицы, на правой стороне. Честные его мощи и до нынешнего дня многие и различные исцеления источают приходящим с верою, во славу Христа, бога нашего, угодниками своими и по преставлении их преславные чудеса творящего, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

<Нач. 1830-х гг.>

<МАТЕРИАЛЫ О СОКОЛИНОЙ ОХОТЕ>

Семеновский потешный двор.

Светлица для выдерживания птиц.

Челиг—самец, дикомить—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы́—ремешки оленьи с красным сукном.

Кречет больше и серее сокола. Сокол посизее.

До́лжник—в два аршина ремень сыромятный.

Ва́бил, свабйло—гусиные крылья (4) с сырым мясом *для вабки*.

Ша́лгач—мешок для живой птицы. *На ремне.*

Пущеная птица—для обучения сокола.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Дербенички напущаются попарну—один снизу, другой сверху *(дермлички)*.

Колокольчик привязан к ноге, коли сокол отбудет, то начинает чесаться etc.

Дермлички с кречетом—*копчик* с соколом.

Вертлуг железный—на чем вертится вабило.

Помычки—ловчие крестьяне.

Стул—где сначала сидят кречеты.

Талунбасы—род барабана для пугания птиц.

Помцы | сети.
Тайник |

С благовещения их подымают, т. е. на руки берут, до Петрова дня (учат). Учат сокола, заструнив нос вороне. Сокол бьет ее когтями за голову, носом глотку, *как добудет*—(грачей, галок, ворон, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьял, зарьяет—от зноя утомится.

Юрчак—конвульция, корчь—болезнь сокола.

Чины: *ястребник, сокольник* — унтер-офицер, *кречетник.*

Начальники: статейничий, главный, подстатейничий.

Секрет.: расходчик.

<Нач. 1830-х гг.>

<ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ СЕНТЕНЦИИ>

Не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом.

L'exactitude est la politesse des cuisiniers[1].

Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность.

<1835>

[1] <Точность—вежливость поваров.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ШОТЛАНДСКАЯ ПОСЛОВИЦА>

Ворон ворону глаза не выклюнет—шотландская пословица, приведенная В. Скоттом в *Woodstock*.

<1836>

TABLE-TALK

Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо ди Борго прислал государю свое мнение. (Граф противился всеми силами исполнению сей великой ошибки.) Государь, прочитав его, сказал князю Козловскому: «Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire»[1]. Козловский не преминул. Поццо отвечал: «Cela peut être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur»[2].

Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: «Видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре». Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней после один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом, вздумал повторить самому Суворову: «Правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?» Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: «Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает».

---

[1] <Граф Поццо рассуждает тоньше, чем я,—согласен. Но я хорошо знаю, что я совестливее, и вы можете это ему передать.>

[2] <Возможно, потому-то в данном случае я и говорил не как исповедник.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Divide et impera—есть правило государственное, не только махиавелическое (принимаю это слово в его общенародном значении).

Езуит Поссевин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти макиавелевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius, издавший «Il principe» в 1660 году, доказал, что Поссевин никогда не читал Макиявеля, а толковал о нем по наслышке.

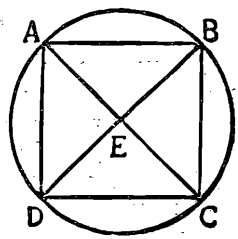
Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиявель, сей великий знаток природы человеческой).

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая хвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля или историей г. Полевого—и на него смотрят с презрением. Хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего.—

Форма цифров арабских составлена из следующей фигуры:

AD (1), ABDC (2), ABECD (3), ABD+AE (4) etc.

Римские цифры составлены по тому же образцу.

Отелло от природы не ревнив—напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем

Пушкинский кабинет ИРЛИ

подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux... Si je l'etois j amais!.. [1]

Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: «Государь! государь! из меня кишка лезет!» Петр подошел к нему и, увидя, в чем дело, сказал: «Врешь: это не кишка, а глиста!»—и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра.

Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застает уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу и — — —

<Державин>

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы дождаться его и поцаловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал; он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара:

---

[1] <Я совсем не ревнив... Если б я им был!..>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Где, братец, здесь нужник?» Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно; глаза мутны, губы отвислы; портрет его, где представлен он в колпаке и халате, очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои *Воспоминания в Царском Селе*, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...—Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «Главнокомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступать». Багратион отвечал: «Неприятель у нас на носу? на чьем? Если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать».

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: «Скажите барону

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил».

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, *vulgar*, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски.

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат», отвечал Рылеев.—«Так что же, сказал Дельвиг, разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?»

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: «Чем ближе к небу, тем холоднее».

Сатирик Милонов пришел однажды к Гнедичу пьяный, по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: «Там, там найду я награду за все мои страдания...»—«Братец, возразил ему Гнедич, посмотри на себя в зеркало: пустят ли тебя туда?»

Потемкину доложили однажды, что некто граф Мор..., житель Флоренции, превосходно играет на скрыпке. Потемкину захотелось его послушать; он приказал его выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию. Явился к графу М..., объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в его тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к чорту и Потемкина и курьера с его тележкою. Делать было нечего. Но как явиться к князю, не

Пушкинский кабинет ИРЛИ

исполнив его приказания! Догадливый адъютант отыскал какого-то скрипача, бедняка не без таланта, и легко уговорил его назваться графом М... и ехать в Россию. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволен его игрою. Он принят был потом в службу под именем графа М... и дослужился до полковничьего чина.

Один из адъютантов Потемкина, живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться; родственники засуетились, не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастие. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле со святцами в руках. Вот их разговор: *Потемкин:* Ты, братец, мой адъютант *такой-то?—Адъютант:* Точно так, ваша светлость.—*Потемкин:* Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?—*Адъютант:* Точно так.—*Потемкин* (смотря в святцы): Какого же святого празднуют 18 мая?—*Адъютант:* Мученика Феодота, ваша светлость.—*Потемкин:* Так. А 29 сентября?—*Адъютант:* Преподобного Кириака.—*Потемкин:* Точно. А 5 февраля?—*Адъютант:* Мученицы Агафьи.—*Потемкин* (закрывая святцы): Ну, поезжай же себе домой.

<О арапе графа С**>

У графа С** был арап, молодой и статный мужчина. Дочь его от него родила. В городе о том узнали вот по какому случаю. У графа С** по субботам

Пушкинский кабинет ИРЛИ

раздавали милостыню. В назначенный день нищие пришли по своему обыкновению; но швейцар прогнал их, говоря сердито: «Ступайте прочь, не до вас! У нас графинюшка родила арапчонка, а вы лезете за милостыней».

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп—и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера Лицемер волочится за женою своего благодетеля—лицемеря; принимает имение под сохранение—лицемеря; спрашивает стакан воды—лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер—потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят, он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верхь над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проводя свою жизнь

Пушкинский кабинет ИРЛИ

с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой.— Он хвастлив по привычке и по расчету.

Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, нередко видавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the Sack), жирный обед и деньги для своих любовниц. Чтоб достать их, он готов на всё, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание.*** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, сметлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствии повторял про себя: «Какой папинька хлаблий! как папиньку государь любит!» Мальчика подслушали и кликнули: «Кто тебе это сказывал, Володя?»—«Папинька», отвечал Володя.

Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, праздные москвичи, между обедом и вечером, заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: «Известно по преданиям, что

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Петр I, во время персидского похода услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть его кости...» Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. В другой раз некто**, симбирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами.** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал».

6 октября 1834.

Дм<итриев> предлагал императору А<лександру> Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию, а между тем произошло дело 11 марта.—Муравьев хвастался в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтоб наследник подписал хартию. Вздор.—План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла.—Паденье Панина произошло от того, что он сказал, что всё произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Федоровны — и Панин был удален.

(*Сл<ышал> от Д<митриева>*:)

Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу. Костров несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться. Это наскучило Кострову.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Он однажды пропал. Его бросились искать по всей Москве и не нашли. Вдруг Херасков получает от него письмо из Казани. Костров благодарил его за все его милости, «но, писал поэт, воля для меня всего дороже».

Костров был от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем* и в сем звании получал 1500 р. жалования.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов, и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе.

Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли бакалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. «Помилуй, Ермил Иванович, сказал ему ректор, ты-то как сюда попался?..»—«Из сострадания к человечеству», отвечал добрый Костров.

Граф К<ирилл> Разумовский был в заговоре 1762 г. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разумовский еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит: к нему стучатся. «Кто там?»—«Орлов. Отоприте». Алексей Орлов, которого до тех пор гр. Разумовский не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушкиным и не помню кем еще), не хочет ей присягать. Разумовский взял пистоле-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен в крепость, где и сидел два года.

Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковом Долгоруким, рассказан у Голикова ошибочно и не вполне. Долгорукий после дерзкого своего поступка уехал домой из сената. Государь, узнав обо всем, очень прогневался и приехал к нему. Князь Яков стал перед ним на колени и просил помилования. Государь, побранив его, стал с ним рассуждать о сущности разорванного указа. Долгорукий изложил ему свое мнение. «Разве не мог ты то же самое сказать, заметил ему Петр, не раздирая моего указа?»—«Правда твоя, государь, отвечал Долгорукий, но я знал, что если я его раздеру, то уже впредь таковых подписывать не станешь, жалея мою старость и усердие». Государь с ним помирился, но, приехав к себе, приказал царице, которая к князьям Долгоруким была особенно милостива, призвать князя Якова и присоветовать ему на другой день при всем сенате просить прощения у государя. Князь Яков начисто отказался. На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в сенате государя и более, чем когда-нибудь, его оспоривал. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал.

(Сл<ышал> от кн. А. Н. Г<олицына>.)

Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостью чувства и разума, су-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ществами низшими в сравнении с нами! Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II, и где женщины вообще более просвещенны, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые бог ведает почему.

Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чайльд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с Великаном романтической поэзии—и остался хром, как Иаков.

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их несправедливо. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются его языком.

Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не обеспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла на нем в опере *Annette et Lubin*. Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда Annette взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку etc.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Когда граф д'Артуа приезжал в Петербург, то государыня приняла его самым ласковым и блистательным образом. Он ей, однако, надоедал, и она велела сказать дамам своим, чтоб они постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа в свою карету. Граф д'Ав...., капитан гвардии принца, имея право повсюду следовать за ним, хотел было сесть также в карету, но государыня остановила его, сказав: «Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le comte d'Artois»[1].

(Слышал от к<нягини> К. Ф. Долг<оруковой>.)

Государь долго не производил Болдырева в генералы за карточную игру. Однажды, в какой-то праздник, во дворце, проходя мимо его в церковь, он сказал: «Болдырев, поздравляю тебя». Болдырев обрадовался; все бывшие тут думали, как и он, и поздравили его. Государь, вышед из церкви и проходя мимо Болдырева, сказал ему: «Поздравляю тебя: ты, говорят, вчерась выиграл». Болдырев был в отчаянии.

Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре. Графиня выпросила у государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. Старушка Новосильцева сказала: «Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах».

Кречетников, при возвращении своем из Польши, позван был в кабинет императрицы. «Исполнил ли ты мои такие приказания?» спросила импера-

[1] <На этот раз я обязуюсь быть капитаном гвардии графа д'Артуа.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

рица.—«Нет, государыня», отвечал Кречетников. Государыня вспыхнула: «Как нет!»—Кречетников стал излагать причины, не дозволившие ему исполнить высочайшие повеления. Императрица его не слушала; в порыве величайшего гнева она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетников ожидал своей погибели. Наконец императрица умолкла и стала ходить взад и вперед по комнате. Кречетников стоял ни жив, ни мертв. Через несколько минут государыня снова обратилась к нему и сказала уже гораздо тише: «Скажите же мне, какие причины помешали вам исполнить мою волю?» Кречетников повторил свои прежние оправдания. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться в своей вспыльчивости, сказала ему с видом совершенно успокоенным: «Это—дело другое. Зачем же ты мне тотчас этого не сказал?»

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Французские принцы имели большой успех при всех дворах, куда они являлись. Были, однакож, с их стороны некоторые промахи: они сыпали деньги и дорогие подарки. В Берлине старый принц Витгенштейн сказал Брессону, который хвастался их расточительностию: «Mais, mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la Maison de Bourbon et non pas de la Maison Rotschild»[1].

(Слышал от гр. Вельгорского.)

Июнь 1836.

Голландская королева, женщина с умом замечательным и резким, сказала принцу Орлеанскому

[1] <Но, мой дорогой г. Брессон, ведь это же вовсе неприлично: ваши принцы принадлежат к дому Бурбонов, а не Ротшильдов.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

на бале: «J'avois des projets hostiles pour vous».— Et quoi donc, Madame?—«Je voulois paraître inondée de fleurs de Lys».—Madame, отвечал принц, croyez que j'aurois donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème [1].

1836 июнь.

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Во время турецкой войны, обедая у главнокомандующего графа Каменского, он заметил, что кондитер вздумал выставить графский вензель на крыльях мельницы из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он сказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского, вдавшегося в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: «Кажется, ваше превосходительство, принимаете меня за пушку без прикрытия».

Раевский говорил об одном бедном маиоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

Будри, профессор французской словесности при Царскосельском лицее, был родной брат Марату.

---

[1] <«У меня были по отношению к вам враждебные намерения».—«Какие же, сударыня?»—«Я хотела появиться вся покрытая лилиями».—«Сударыня, поверьте, что я отдал бы всю мою кровь за право носить эту эмблему».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспиере, сказал нам, как ни в чем не бывало: «C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac»[1]. Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный.

Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc. etc. В молодости его, чтобы отвратить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

О Дурове

Дуров—брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы.

---

[1] <Это он тайком настроил Шарлотту Корде, сделав из этой девушки второго Равальяка.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Иногда ночью, в дороге, он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?» Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об этом думал», отвечал мне Дуров.—Ну, что же? «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть».—Ну, так украдьте полковую казну. «Я об этом думал».—Что же? «Это можно бы сделать летом, когда полк в лагери, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?»—Просите денег у государя. «Я об этом думал».—Что же? «Я даже и просил».—Как! безо всякого права? «Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее».—Что же вам отвечали? «Ничего».—Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду. «Я об этом думал».—Что же, за чем дело стало? «Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!..» Словом: нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был—выманить эти деньги у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде

Пушкинский кабинет ИРЛИ

на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим *speech*[1]: «Гг. англичане! я бился об заклад об 10 000 рублей, что вы не откажетесь мне дать взаймы 100 000. Гг. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я, в надежде на ваше всему свету известное великодушие». Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге через английского посланника, и свой прожект высказал мне не иначе, как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине,—«хотите со мной биться об заклад, прерывал Дуров, что через три дня я буду ее иметь?» Стреляли ли в цель из пистолета,— Дуров предлагал стать в 25 шагах и бился о 1000 рублей, что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она была уже привязана к столбу, а он, по должности своей, присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтобы он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно получил я от него письмо. Он пишет мне: «История моя коротка: я женился, а денег всё нет». Я отвечал ему: «Жалею, что изо 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался».

3 окт<ября> 1835.

Некто к<нязь Михаил Васильевич> Х<ованский>, возвратясь из Парижа в Москву. отличался невоздержанностию языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица ве-

[1] ≪спичем≫

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковые дерзости в Париже сажают в Бастилью, а у нас недавно резали язык, что, не будучи от природы жестока, она для *такова бездельника*, каков Хованский (собственные слова императрицы) нрав свой переменять не намерена, однако советует ему впредь быть осторожнее.

Потемкин, встречаясь с Шишковским, обыкновенно говаривал ему: «Что, Степан Иванович, каково кнутобойничаешь?» На что Шишковский отвечал всегда с низким поклоном: «Помаленьку, ваша светлость!»

Разговоры Н. К. Загряжской

12 августа 1835 г.—Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знает. Надобно вам сказать, что Торжок был в то время деревушка, государыня сделала из него порядочный городок. Жители торговали (не знаю, как это сказать: ils faisoient le commerce des grains) крупами, что ли?—и привозили на барках, не помню куда. Вот этот Ветошкин был приказчиком на этих барках. Он был раскольник. Однажды он является к митрополиту и просит его объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал ему, что для того нужно быть ученым, знать по-гречески, по-еврейски и бог ведает что еще. Ветошкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру. В городе только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с графом А. С. Строгоновым. Ром жил у них в учителях,—тот самый, что подписал потом определение <о казни Людовика XVI>. Он очень был умный человек, c'etoit une forte tête, un grand

Пушкинский кабинет ИРЛИ

raisonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse[1]. Он у меня был каждый день с своим питомцем. Я ему рассказываю про Ветошкина.—«Madame, c'est impossible».—Mon cher m-r Rome, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste, si vous êtes curieux de savoir qu'il en est, vous pouvez voir Ветошкин chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours.—«Madame, je n'y manquerai pas»[2]. Ром отправился к Потемкину и увиделся с Ветошкиным. Он приходит ко мне.—Hé bien, M-r?—«Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant»[3]. Мне очень хотелось встретить Ветошкина. Ив. Ив. Шувалов доставил мне случай увидеть его в своем доме. Я застала там двух молодых раскольников, с которыми Ветошкин имел une controverse (прение). Ветошкин был тщедушный мужчина лет 35. Прение их очень меня занимало. После того за ужином я сидела против Ветошкина. Я спросила его, каким образом добился он учености. «Сначала было трудно, отвечал он, а потом всё легче да легче. Книги доставляли мне добрые люди, граф Николай Иванович да князь Григорий Александрович».—Вам, думаю, скучно в Торжке?—«Нет, сударыня, я живу с моими родителями и целый день занят книгами». Потемкин, страстный ко всему необыкновенному, наконец так полюбил Ветошкина, что не мог с ним расстаться. Он взял его с собою в Молдавию, где Ветошкин занемог тамошней лихорадкою

[1] <Это был большой умница, мастер порассуждать—он бы вам разъяснил Апокалипсис.>

[2] <«Сударыня, это невозможно».—Мой дорогой г. Ром, я вам повторяю то, что все говорят. Впрочем, если хотите проверить, можете повидать Ветошкина у кн. Потемкина,—он бывает у него каждый день.—«Сударыня, я непременно это сделаю».>

[3] <Ну, что, сударь?—«Сударыня, я не могу притти в себя от изумления: это настоящий ученый».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и умер почти в одно время с князем.—Очень странный человек этот Ветошкин.

---

12 августа.—Это было перед самым Петровым днем; мы ехали в Знаменское—матушка, сестра Елисавета Кириловна и я—в одной карете; батюшка с Василием Ивановичем—в другой. На дороге останавливает нас курьер из кабинета, подходит к каретам и объявляет, что государь приказал звать нас в Петергоф. Батюшка велел было ехать, а Василий Иванович сказал ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказал, что он когда-нибудь пошлет за дамами, чтоб они явились во дворец, как их застанут, хоть в одних рубашках. И охота ему проказить накануне праздника!» Но курьер попросил батюшку выйти на минуту. Они поговорили—и батюшка велел тотчас ехать в Петергоф. Подъезжаем ко дворцу; нас не пускают, часовой сунул к нам в окошко пистолет или что-то этакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отец мне сказал: «Полно, перестань; что за глупость», и потом, оборотясь к часовому: «Мы приехали по приказанию государя».—«Извольте же итти в караульню».—Батюшка пошел, а нас отправил к **, который жил в домиках. Нас приняли. Часа через два приходят от батюшки просить нас в Mon-plaisir, мы поехали; матушка в спальнем платье, как была. Приезжаем в Mon-plaisir: видим множество дам, разряженных, en robe de cour[1]. А государь с шляпою набекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, села на пол и закричала: «ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Миних был с нами. Мы приехали в Кронштадт. Государь первый вышел на берег; все дамы за ним.

---

[1] <в придворных туалетах>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Матушка с нами осталась на галере (мы не принадлежали той партии). Графиня ** <Анна> Карловна Воронцова обещала прислать за нами шлюпку. Вместо шлюпки через несколько минут видим государя и всю его компанию, бегут назад—все опять на галеру—кричат, что сейчас станут нас бомбардировать. Государь ушел à fond de cale[1] с графиней Лисаветой Романовной; а Миних, как ни в чем не бывало, разговаривает с дамами, leur faisant la cour[2]. Мы приехали в Ораниенбаум. Государь пошел в крепость (?), а мы во дворец; на другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже всё. Государь был очень жалок. На ектинье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам «ура». На другой день государыня привезла матушке ленту.

---

12 августа.—Потемкин очень меня любил; не знаю, чего бы он для меня не сделал. У Машеньки была une maîtresse de clavecin[3]. Раз она мне говорит: «Madame, je ne puis rester à Pétersbourg».—Pourquoi ça?—«Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage ou bien de rester oisive».—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre[4]. Приезжает ко мне Потемкин. Я говорю ему: «Как ты хочешь, Потемкин, а мамзель мою

---

[1] <в трюм>

[2] <ухаживая за ними>

[3] <учительница, обучавшая ее игре на клавесине>

[4] <«Сударыня, я не могу оставаться в Петербурге».—Почему?—«Зимой я могу давать уроки, а летом все разъезжаются по дачам, и я не в состоянии оплачивать экипаж или оставаться без работы».—Сударыня, вы не уедете; надо это уладить так или иначе.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пристрой куда-нибудь».—«Ах, моя голубушка, сердечно рад, да что для нее сделать, право, не знаю». Что же? через несколько дней приписали мою мамзель к какому-то полку и дали ей жалования. Нынче этого сделать уж нельзя.

Orloff étoit mal élevé et avoit un très mauvais ton[1]. Однажды у государыни сказал он при нас: по одежке держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante. C'étoit un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avoit l'air d'un brigand avec sa balafre[2].

Потемкин, сидя у меня, сказал мне однажды: «Наталья Кирилловна, хочешь ты зе́мли?»—Какие земли?—«У меня там есть, в Крыму».—Зачем мне брать у тебя земли, к какой стати?—«Разумеется, государыня подарит, а я только ей скажу».—Сделай одолжение.—Я поговорила об этом с Тамарой, который мне сказал: «Спро́сите у князя планы, а я вам выберу земли». Так и сделалось. Проходит год; мне приносят 80 рублей. «Откуда, батюшка?»—«С ваших новых земель—там ходят стада, и за это вот вам деньги».—«Спасибо, батюшка». Проходит еще год, другой. Тамара говорит мне: «Что же вы не думаете о заселении ваших земель? Десять лет пройдут, так худо будет: вы заплатите большой штраф».—Да что же мне де́лать?—«Напишите вашему батюшке письмо, он не откажет вам дать крестьян на заселение». Я так и сделала; батюшка пожаловал мне 300 душ. Я их поселила;

---

[1] <Орлов был плохо воспитан и отличался весьма дурным тоном.>

[2] <Я нашла это выражение весьма пошлым и очень неприличным. Он был человеком неглупым и впоследствии, я думаю, приобрел манеры. Шрам делал его похожим на разбойника.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

на другой год они все разбежались, не знаю отчего. В то время Кочубей сватался за Машу. Я ему и сказала: «Кочубей, возьми, пожалуйста, мои крымские земли, мне с ними только что хлопоты». Что же? Эти земли давали после Кочубею 50 000 доходу. Я очень была рада.

Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не поверишь, как я о тебе грущу».—«А что такое?»—«Не знаю, куда мне будет тебя девать».—«Как так?»—«Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком». Потемкин задумался и сказал: «Не беспокойся: я умру прежде государыни; я умру скоро». И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала.

Orloff étoit régicide dans l'âme, c'étoit comme une mauvaise habitude[1]. Я встретилась с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. «Что за урод! Как это его терпят?»—Ах, батюшка, да что же ты прикажешь делать? ведь не задушить же его?—«А почему же нет, матушка?»—Как! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело?—«Не только согласился бы, а был бы очень тому рад». Вот каков был человек!

Я была очень смешлива; государь, который часто езжал к матушке, бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на государя.

---

[1] <Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Государь (Петр III) однажды объявил, что будет в нашем доме церемония в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачом, и государь хотел снять с него бесчестие (il vouloit le réhabiliter). Привели арапа к нам в сени, принесли знамена и прикрыли его ими. Тем и дело кончилось.

О Потемкине. N.N., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того, говорил он на своем наречии, що я такий еднорал, як вин сам». Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: «Что ты врешь? какой ты генерал? Ты генерал-бас».

О Потемкине. Однажды Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них: «Знаете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сечи будет слышно?»—«То не диво, отвечал запорожец: у нас у Запорозцине е такие кобзары, що як заграють, то аж у Петербурси затанцують».

О Потемкине. Князь Потемкин во время очаковского похода влюблен был в графиню **. Добившись свидания и находясь с нею наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж графини **, человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: «Экое кири-куку!»

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О Потемкине. Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг,
Коль тебе досуг,
Приезжай ко мне;
Коли не так,
— — —
Лежи — —

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение.

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен, и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет, отвечал Крылов, угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

[Сумароков очень уважал Баркова, как ученого и острого критика, и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков пришел однажды к Сумарокову. «Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец», сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец—я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал.]

<1835—1836>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ДНЕВНИКИ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ИЗ ЛИЦЕЙСКОГО ДНЕВНИКА 1815 г.>

...большой грузинский нос, а партизан почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Бенигсену: князь Багратион, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...

— На каком носу, Денис Васильевич? отвечает генерал.—Ежели на вашем, так он уж близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...

Жуковский дарит мне свои стихотворенья.—

---

28 ноября.

Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием: *Венчанье Шутовского.* (*Гимн на голос: de Buhamel*).

Вчера в торжественном венчаньи
Творца *затей*
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад,
В беседе добрый усыпитель,
Хлыстову брат.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И враг талантов записной!
Хвала, <хвала тебе, о Шутовской!>
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Всей братьи дал свои он *Шубы*,
И все дрожат!
Его величие не трубы—
Свистки гласят.
Он мил и телом и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

И вот под сенью обветшалой
Старик седой!
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной.
Кругом поэтов бледный строй:
Хвала, хвала тебе, старик седой!
О дед седой! (Bis)

И вдруг раздался за дверями
И скрып и вой—
Идут сотрудники с гудками
И сам герой!
Поет он гимн венчальный свой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской,
Хвала, герой!
Хвала, герой!

«Я князь, поэт, директор, воин—
Везде велик,
Венца лаврового достоин
Мой тучный лик.
Венчая, пойте всей толпой:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

Писал я на друзей пасквили
И на отца,
Поэмы, тощи водевили—
Им нет конца.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И *Воды* я пишу водой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, герой!
Тебе, герой!

Еврей мой написал Дебору,
А я списал.
В моих твореньях много сору—
Кто ж их читал?
Доволен, право, я собой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!»

Потом к Макару и Ежовой
Герой бежит.
«Вот орден мой—венок лавровой.
Пусть буду бит,
Зато увенчан красотой!»
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, герой!
Хвала, герой!

---

29 <ноября.>

И так я счастлив был, и так я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу—ее не видно было!—Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице. Сладкая минута!..

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку!—
Жуковский.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!

Но я не видел ее 18 часов—ах! Какое положенье, какая мука!— — —

Но я был счастлив 5 минут— —

---

10 декабря.

Вчера написал я третью главу *Фатама или разума человеческого: Право естественное.* Читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа!— Поутру читал *Жизнь Вольтера.*

Начал я комедию—не знаю, кончу ли ее.

Третьего дни хотел я начать ироическую поэму: *Игорь и Ольга*, а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова,—вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Летом напишу я *Картину Царского Села.*

1. Картина сада.
2. Дворец. *День в Царском Селе.*
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царского Села.

Вот главные предметы вседневных моих записок. Но это еще *будущее.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: *Бери себе повесу*. Запишу, сколько могу упомнить:

На Георгиевского.

Предположив—и дальше
На грацию намек.
Ну-с—Августин богослов,
Профессор Бутервек.

или:

Над печкою богослов,
А в печке Бутервек.

Потом Ниобы группа,
Кореджиев тьмо-свет,
Прелестна Грациозность,
И счастлив он, поэт.

На Кайданова.

Потише, животины!
Да долго ль, говорю?
Потише—Бомгольм, Борнгольм,
Еще раз повторю.

На Карцева.

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский,
Вы ересь понесли.

А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

А слышали ль вы новость?
Наш доктор стал ленив,
Драгуна посылает,
Чтоб отпереть жену.

или: ревнив
И граф послал драгуна

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А Камараж взбесился,
Романа обокрал;
А Фридебург свалился,
А граф захохотал.

Наш доктор хромоглазой
В банк выиграл вчера,
А следственно гоняет
Он лошадей с утра.

На Шумахера.

Скажите мне шастицы
Как например: wenn so,
Je weniger und desto.
Die Sonne scheint also [1].

На Гакена.

Мольшать! я сам фидала,
Мольшать! я гуфернер!
Мольшать!—ты сам софрала—
Пошалуюсь теперь.

На Владиславлева.

Матвеюшка! дай соли,
Нет моченьки, мой свет,
Служил я государю
Одиннадцать уж лет.

На Левашова.

Bonjour, Messieurs,—потише!
Поводьем не играй!
Уж я тебя потешу
А quand l'équitation [2].

---

[1] <*если так, чем меньше* и *тем... Итак*, солнце светит.>
[2] <когда будет урок верховой езды>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

На Вильмушку.

Лишь для безумцев, Зульма,
Вино запрещено,
А Вильмушке поэту } *или:* А не даны поэту
Стихи писать грешно. } Ни гений, ни вино.

На Зяб. и Петр.

Какой столичный город,
Желательно бы знать?
А что такое ворот,
Извольте мне сказать?

На Иконникова.

Скажите: раз, два, три,
Тут скажут все скоты:
Да где ж ее взрасти?
Да на святой Руси!

На Куницына.

Известен третий способ:
Через откупщиков;
В сем случае помещик
Владелец лишь земли.

---

17 <декабря.>

Вчера провел я вечер с Иконниковым.

Хотите ли видеть странного человека, чудака,— посмотрите на Иконникова. Поступки его—поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату, видите высокого, худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки, он дико смотрит на вас; вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или

Пушкинский кабинет ИРЛИ

друг—он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя—он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушенным голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним карафин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Иконников имеет дарованья, пишет изрядно стихи и любит поэзию; вы читаете ему свою пиесу—наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко, зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда.

Мои мысли о Шаховском.

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец.—Шаховской не имеет большого вкуса; он худой писатель—что ж он такой?—Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.—

Он написал *Нового Стерна;* холодный пасквиль на Карамзина.—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Он написал водевиль *Ломоносов:* представил отца русской поэзии в кабаке и заставил его немцам говорить русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены.—

Он написал *Козак-стихотворец*; в нем есть счастливые *слова*, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки.—*Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны.—

Не говорю о *Встрече незваных*—пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности.—

Он написал поэму *Шубы—и все дрожат.*

Наконец он написал *Кокетку.*—

И наконец написал он комедию—хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но всё комедию.—

Первые ее явления скучны. Князь Холмской, лицо не действующее, усыпительной проповедник, надутый педант—и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия. <1815>

<ИЗ КИШИНЕВСКОГО ДНЕВНИКА>

1821

2 апреля. Вечер провел у Н. G.—прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек: все отчаявались в успехе предприятия *этерии.* Я твердо уверен, что Греция восторжествует, и 25 000 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла. С крайним сожалением узнал я, что Владимиреско не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной—храбрости достанет и у Ипсиланти.

3 <апреля.> Третьего дни хоронили мы здешнего митрополита; во всей церемонии более всего

Пушкинский кабинет ИРЛИ

понравились мне жиды: они наполняли тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах; со всем тем—ни одной улыбки, ни одного нескромного движенья! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их.

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков.* Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский—прелесть.

9 апреля. Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Mon coeur est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse[1]. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...

Получил письмо от Чедаева.—Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы: никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье,—одного тебя может любить холодная душа моя.—Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали.—Мне надобно его видеть.

В *Сыне Отечества* напечатали одно письмо мое к Василию Львовичу. Это меня взбесило; тотчас написал Гречу официальное письмо.

Вчера князь Дм. Ипсиланти сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский.

4 мая был я принят в масоны.

9 мая. Вот уже ровно год, как я оставил Петербург. Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско.—Вчера был у кн. Суццо.

---

[1] <Сердцем я материалист, но мой разум этому противится.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека.

26 мая. Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель; потом был я в здешнем остроге. NB. Тарас Кирилов. Вечер у Крупенских.

6 июня написал следующую записку:

Avis â M-r Deguilly ex-officier françois.

Il ne suffit pas d'être un Jean Foutre, il faut encore l'être franchement. A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament etc. etc.[1]—Оставим этого несчастного.

<ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1820—1822 гг.>

O... disoit en 1820: «Révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par lâ... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon»[2].

Le général R. disoit â N. affligé d'un mal d'aventure: «Il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé»[3].

P., встретив однажды человека весьма услуж-

---

[1] <К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть дрянью, надо еще быть им открыто. Накануне дрянной дуэли на саблях, с которой улепетывают, не пишут на глазах жены иеремиад, завещания и пр. пр.>

[2] <О. говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув Наполеона с престола».>

[3] <Генерал Р. говорил Н., когда у него сделался нарыв на ноге: «От высокого до сулемы один шаг» (В этой переделке известной поговорки: «От высокого до смешного один шаг»—непереводимая игра слов: по-французски sublime значит высокое, а sublimé—сулема.)>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ливого, сказал ему: «Вы простудитесь, на дворе сыро мокро (maquereau)»[1].

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues, toutes se sont passablement moquées de moi; toutes à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes[2].

<ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК>

1824. Ноябрь 19. Михайловское.

Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бани, клубнике и проч., но всё это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, <что> деревня est le premier[3].

...Попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился— и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа. Через четверть часа он опять попросил водки—и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили...

<ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I>

Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи». Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: «Я читал вашу оду *Свобода*. Она написана немного сбивчиво, слегка <?> обдумана», а я: — Но тут есть три

---

[1] <Игра слов: maquereau—значит сводник.>

[2] <Я более или менее влюблялся во всех красивых женщин, которых встречал; все они изрядно пренебрегали мною; все они, за исключением одной, со мною кокетничали.

[3] <первое>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

строфы очень хорошие... «Я заметил, [вы] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные; что вы не уважили правду личную и честь даже в царе».—Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь «Руслана и Людмилы», ежели не всю поэму, или I часть «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан». «Онегин» печатается; буду иметь честь отправить два экземпляра в библиотеку вашего величества к Ив. Андр. Крылову, и если ваше величество найдете время... «Помилуйте, Александр Сергеевич. Чт<ение> ваших стихов [доставляет нам приятное занятие]. Наше царское правило: дела не делай, от дела [не бегай][1]. Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?»—Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам; он уже не волочится, ему не 18 лет от роду; страсти, если и были в нем, то уж давно погасли. <Он> доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные,

[1] <Дальше зачеркнуто:> [«Скажите, неужто вы всё не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо. Вы не должны на меня жаловаться; если я вас и не отличал еще, дожидая случая, то всё <?> же <?> вам жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король гишпанский или император австрийский с вами не так бы поступили. За все ваши проказы вы жили в теплом климате; что вы делали у Инзова и у Воронцова?»—Ваше величество, Инзов меня очень любил, и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, франкфуртский журнал. А его сиятельство граф Воронцов не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу, как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно...]

Пушкинский кабинет ИРЛИ

не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив. Не опрометчив, не верит сложенным пасквилям. Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость непозволительная. «Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится».—Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление и две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь? Я всегда почитал и почитаю вас, как лучшего из европейских нынешних властителей (увидим, однако, что будет из Карла X), но ваш последний поступок со мною <*неразбр.*>— я смело выражаюсь <?>, ссылаясь на собственное ваше сердце—противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей. «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?»—Это не было бы оскорбительно вашему величеству, [но] вы видите, что я бы ошибся в своих расчетах.—

Но тут бы Александр Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего [хоть отчасти справедливого], я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму *Ермак* или *Кочум* <*неразбр.*> размером с рифмами...

<Декабрь 1814>

<ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК>

<запечат>лены печатью вольномыслия.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в от-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чаяньи; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления—одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окны так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всей поэтической своей прелестию. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностию и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление; 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин)—пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка—Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свете, толки были во всей силе.—Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слога *Истории* Карамзина. Одна дама, впрочем весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: «*Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...*» *Однако!..* Зачем не *но? Однако!* как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако!*»—В журналах его не критиковали. Каченовский бросился на одно предисловие...

Пушкинский кабинет ИРЛИ

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина,— зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты Русской истории* свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению.—Молодые якобинцы негодовали: несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий,— казались им верьхом варварства и унижения.—Они забывали, что Карамзин печатал *Историю* свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники—чего же более требовать было от него? Повторяю, что *История государства Российского* есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!.. Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале *Истории* не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т. е. требовал романа в истории—ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть

Пушкинский кабинет ИРЛИ

своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию*,—конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Я встал. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили». В течение шестилетнего знакомства только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

<1826>

<ВСТРЕЧА С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ>

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Перед тем я обедал. При расплате недостало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы 200 руб. и уехал, очень недоволен сам собою.—На следующей станции нашел я шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъеге-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

рем.—Вероятно, поляки? сказал я хозяйке. «Да, отвечала она, их нынче отвозят назад».—Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинеле, и с виду настоящий жид—я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие: я поворотился им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга—и я узнаю К<юхельбекера>. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством—я его не слышал. К<юхельбекеру> сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали.—Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга,—но куда же?

Луга.

<ПРОГРАММА ЗАПИСОК>

Семья моего отца—его воспитание—французы-учителя.—[Мг.] Вонт. <?> секретарь Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства.— Бабушка и ее мать— их бедность.— Иван Абрамович.—Свадьба отца.—Смерть Екатерины.— Рождение Ольги.—Отец выходит в отставку, едет в Москву.—Рождение мое.

Первые впечатления. Юсупов сад—Землетрясение—Няня. Отъезд матери в деревню—Первые неприятности—Гувернантки. [Ранняя любовь.]—Рождение Льва. — Мои неприятные воспомина-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ния.—Смерть Николая.—Монфор—Русло—Кат. П. и Ан. Ив.—Нестерпимое состояние.—Охота к чтению. Меня везут в П. Б. Езуиты. Тургенев. Лицей.

1811.

Дядя Василий Львович.—Дмитриев. Дашков <?>. Блудов. Возня с <*неразбр.*> А. Ник.—Светская жизнь.—*Лицей.* Открытие. Государь. Малиновский, Куницын, Аракчеев.—Начальники наши.—Мое положение.—Философич<еские> мысли.—Мартинизм.—Мы прогоняем Пилецкого.—

1812 г.

1813.

Государыня в Царском Селе. Гр. Кочубей. Смерть Малиновского—безначалие, Чачков. Фролов—15 лет.

1814.

[Экзамен, Галич, Державин—стихотворство—смерть.]

Известие о взятии Парижа.—Смерть Малиновского. Безначалие.—[Приезд Карамз.]—[Первая любовь—Жизнь Карамзина.] Больница. Приезд матери. Приезд отца. Стихи etc.—Отношение к това<рищам>. Мое тщеславие.

1815.

[Экзамен—Сти.]

<1830?>

<РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХ И ГАНИБАЛОВ>

Несколько раз принимался я за ежедневные записки, и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сии записки. [Они могли замешать имена многих, и может быть умножить число жертв.] Не могу не сожалеть о их потере <*неразбр.*>; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая трогательная <?> торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей.

Зато буду осмотрительнее в моих показаниях, и если записки будут менее живы, то более достоверны.

[Избрав] себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении.

Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи (мужа честна,* говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелев их от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело.* Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал, и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась—чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В

Пушкинский кабинет ИРЛИ

крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах, потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции; но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в маиоры тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о паденьи Меншикова и надеясь на покровительство

Пушкинский кабинет ИРЛИ

князей Долгоруких, с которыми был он связан.— Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слушать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры, и вскоре потом в генерал-маиоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой: Зуево, Бор, Петровское и другие; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него александровскую ленту: но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы, и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт,* говорила она, *делат мне шорна репят и дает им шертовск имя*)—дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатным братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черномор-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ский флот. 30 лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

<1830-е годы>

<ЗАПИСКИ 1831 г.>

26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной головою и с распискою одного из офицеров, которого пред смертию принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться гр. Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. «Тогда я вас прощу», сказал он им. Кажется, всё усмирено, а если нет еще, то всё усмирится присутствием государя.

Однакоже сие решительное средство, как последнее, не должно быть всуе употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади,—и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтиться в толпе

Пушкинский кабинет ИРЛИ

голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12 000 верст в ширину; государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж.

Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантины были зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантины должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, не подкрепленные достаточною цепию, военною силою,—суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков, и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантины,—народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено большему, и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.

---

29 <июля>. Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова.

Государь приехал перед самыми родами императрицы. Бунт в новогородских колониях усми-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

рен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекли на плаце. Над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного майора, они подходили к нему с шутками: «Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смирны».— И с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек, один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели однакоже его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт, находившийся при нем, сказал им с негодованием: «Вам бы должно вынести кутью». Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может им простить, и требовал, чтоб они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмутившихся в Старой Руссе, получили повеление итти в Гатчино.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Сентября 4. Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич ранен в бок. Мартынов и Ефимович убиты. Гейсмар ранен.—Наших пало 6000. Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевич сказал: «Du moins j'ai fait mon devoir»[1]. Гвардия всё время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в Суворовском полку. Паскевич сделан князем и светлейшим. Скржнецкий скрывается; Лелевель при Ромарино; Суворов видел в Варшаве Montebello (Lasne), Высоцкого, начинщика революции, гр. А. Потоцкого и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

На-днях скончался в П. Б. фон-Фок, начальник 3-го отделения государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: «J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer»[2]. Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?

Мнение Жомини о польской кампании. Главная ошибка Дибича состояла в том, что он, предвидя скорую оттепель, поспешил начать свои действия наперекор здравому смыслу. 15 дней—разницы не сделали бы. Счастие во многом помогло Паскевичу. 1) Он не мог перейти со всеми силами Вислу; но на Палена Скржнецкий не напал. 2) Он должен был пойти на приступ, а из Варшавы высту-

---

[1] <По крайней мере я исполнил мой долг.>

[2] <Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть о себе, что не мог его любить.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пило 20 000—и ушли слишком далеко. Ошибка Скржнецкого состояла в том, что он пожертвовал 8000 избранного войска понапрасну под Остроленкой. Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржнецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа—и Польша погибла.

«Сколько в Суворовском полку осталось?» спросил государь у Суворова. «300 человек, ваше величество».—«Нет, 301: ты в нем полковник».

<ЗАМЕТКА О ХОЛЕРЕ>

В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцовать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял.—Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал <*неразбр.*>: «Cholera morbus подошла к нашим границам и через пять лет *будет у нас*».

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 г. старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни.—Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей и животных, но и самые растения, что она желтой полосою стелется вверх по течению рек, что по мнению некоторых

Пушкинский кабинет ИРЛИ

она зарождается от гнилых плодов и прочее—все, чему после мы успели наслыхаться.

Таким образом, в дальнем уезде** <Псковской> губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через 5 лет сделалось мыслию всей Европы.

Спустя 5 лет я был в Москве: домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую.— По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу.

Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой.—Бедная ярманка! Она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой.—

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня ощепляются деревни, учреждаются карантины. [Народ ропщет, не понимая строгой необхо-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

димости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению, мятежи вспыхивают то здесь, то там. Нелепые.]

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял—в Москве... Но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!—

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

Я поехал рысью, вдруг

<1831?>

<ПРОГРАММА ЗАПИСОК>

Кишенев.—Приезд мой из Кавказа и Крыму—Орлов — Ипсиланти — Каменка— *Фонт.*— Греческая революция—*Липранди—12 год*—mort de sa femme—le renégat[1]—Паша арзрумской.

<Осень 1833>

---

[1] <смерть его жены, ренегат>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ДНЕВНИК>

<1833.>

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной, видел Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером rout у Фикельмонт. Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишеневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже; не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишеневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады,—тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. Обед у Энгельгарда—говорили о Сухозанете, назначенном в начальники всем корпусам. «C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements»[1], сказал Энгельгард.

Осуждают очень дамские мундиры—бархатные, шитые золотом,—особенно в настоящее время, бедное и бедственное.

Вечер у Вяз<емских>.

28. Роут у В. С. Салтыкова. Гр. Орлов говорит о турецком посланнике: «C'est un animal».—«Il a donc un secrétaire?»—«Oui, un Phanariote, et c'est tout dire»[2].

---

[1] <Это очевидно, для того, чтобы придать другой характер сим заведениям.>

[2] <Это скотина.—А есть у него секретарь?—Да, какой-то фанариот, и этим всё сказано.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

29. Три вещи осуждаются вообще—и по справедливости: 1) выбор Сухозанета, человека запятнанного, вошедшего в люди через Яшвиля—педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов. 2) Дамские мундиры. 3) Выдача гвардейского офицера v. Бринкена курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; государь не приказал его судить по законам, а отдал его на суд курляндскому дворянству. Это зачем? К чему такое своенравное различие между дворянином псковским и курляндским, между гвардейским офицером и другим чиновником? Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство? Что, если курляндцы выключат его из среды своего дворянства и отошлют его, уже как дворянина русского, к суду обыкновенному? Вот вопросы, которые повторяются везде. Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь... Или хочет он сделать опять из гвардии то, что была она прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельберг (урожд. Тизенгаузен) умерла в родах. Траур у Хи.ровой и у Фикельмонт.

Вчера играли здесь *Les enfants d'Edouard;* и с большим успехом. Трагедия, говорят, будет запрещена. Экерн удивляется смелости применений... Блай их не заметил. Блай, кажется, прав.

30 нояб. Вчера бал у Бутурлина (Жомини).—Любопытный разговор с Блайем: Зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кронштатом. Игрушка!—Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составлен-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ную Бутурлиным.) Ваше место—Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации... etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафроке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии.—Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны,—а гвардия была в своем цветущем состоянии.

...При открытии Александровской колонны, говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833.

3. Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали. Во дворце не было ни одной топленой комнаты. Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку *Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.*,—очень оригинально и очень смешно.

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере вместе с Петром III во время революции. Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту,—поговорила с сыном о святости того места—и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали государыни, в том числе и Дашкова.—Вдруг дверь отворилась, и государыня влетела, и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины пере-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пугались. Дашкова извинялась в вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь. «Как вам не стыдно, отвечала Екатерина,—вы русская—и не знаете своего закона»? Священник принужден на вас мне жаловаться...» Наталья Кирилловна рассказала анекдот с большой живостию. Княгиня Кочубей заметила, что Дашкова вошла, вероятно, в алтарь — в качестве президента Русской академии. Второго анекдота я не выслушал.—

Шум о дамских мундирах продолжается,—к 6-му мало будет готовых. Позволено явиться в прежних русских платьях.

Храповицкой (автор записок) был некогда адъютантом у графа Кирилла Разумовского.—У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь, *Будакова*. Это знала Наталья Кирилловна от *прежних* елисаветинских фрейлин.

Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также,—государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елисавета хотела завещать свои записки Карамзину (слыш. от Катерины Андреевны).

6 декабря. Именины государя. Мартынов комендант. 4 полных генералов.—Перовский—генерал-лейтенант.—Меншиков адмирал. Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество. Скобелев безрукий сказал кн. В—ой: «Я отдал бы последние три пальца для такого торжества!» В. сначала не могла его понять.

Обедал у гр. А. Бобринского... Мятлев читал уморительные стихи. Молодые офицеры, которых великий князь застал ночью в неисправности, и которые содержались под арестом, прощены.

14 декабря. Обед у Блая, вечер у Ст.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей цензурою; стихи:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова—

вымараны. На многих местах поставлен (?),—всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.

Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян,—эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Всё это очень соблазнительно.—В обществе ропщут,—а у Нессельроде и Кочубей будут балы—(что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе; императрица была нездорова.—Поутру обедня и молебен.

15. Бал у Кочубея.—Императрица должна была быть, но не приехала. Она простудилась.—Бал был очень блистателен.—Гр. Шувалова удивительно была хороша.—

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur[1], ученик Тиков, читал «Фауста»—неудачно, по моему мнению.—

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству при-

[1] <любитель>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

дворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству.—Кн. В. Долгорукий нарядил следствие.—Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N. сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видно, занимается политикой, а не ворами и мостовою.—Блудова обокрали прошедшею ночью.

1834.

1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры—(что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцовала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа,—он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным,—а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Встретил новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

7-го. Вигель получил звезду и очень ею доволен. Вчера был он у меня.—Я люблю его разговор—он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве.—Вигель рассказал мне любопытный анекдот. Некто Норман или Леэрман, сын кормилицы Екатерины II, умерший 96 лет, некогда рассказал Вигелю следующее.—Мать его жила в белорусской деревне, пожалованной ей государыней. Однажды сказала она своему сыну: «Запиши сегодняшнее число: я видела странный сон. Мне снилось, будто я держу на коленях маленькую мою Екатерину в белом платьице—как помню ее 60 лет тому назад». Сын исполнил ее приказание. Несколько времени спустя, дошло до него известие о смерти Екатерины. Он бросился к своей записке,—на ней стояло 6-ое ноября 1796. Старая мать его, узнав о кончине государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала—и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лет после.

В свете очень шумят о Безобразовых.—Он еще под арестом.—Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобразов не останется флигель-адъютантом.

Государь сказал княгине Вяземской: «J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui» etc. etc.[1] Великий князь намедни поздравил меня в театре. «Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

17. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве

---

[1] <«Я надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение. До сих пор он держал данное мне слово, и я был доволен им» и пр. и пр.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем *Пугачеве*, он сказал мне: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости» <*неразбр.*> (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместье, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках.—Я уехал, оставляя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечерок С. В. Салтыкову.—Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: «Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches» [1].

В четверг бал у кн. Трубецкого, траур по какомто князе (т. е. принце). Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: «Est-ce á propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement?» [2] (Мундирные пуговицы. Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.)

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

Безобразов отправлен на Кавказ, жена его уже в Москве.

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен,—множество балов, раутов etc. Масленица.

---

[1] <Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему.>

[2] <Из-за башмаков или из-за пуговиц ваш муж не явился недавно?>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Государыня была больна, и около двух недель не выезжала, я представлялся. Государь позволил мне печатать *Пугачева*; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения.—

Вчера обед у гр. Бобринского. Третьего дня бал у гр. Шувалова.—На бале явился цареубийца Скарятин.—Великий князь говорил множество каламбуров: полиции много дела (такой *распутной* масленицы я не видывал). Сегодня бал у австрийского посланника.

6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы *(4-го мар.)* даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие — на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцовали мазурку, коей окончился утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд.— Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидывали утренним счастливцам. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли.—Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались.

Царь дал мне взаймы 20 000 на напечатание *Пугачева*.— Спасибо.

В городе много говорят о связи молодой княгини С<уворовой> с графом В<итгенштейном>.— Заметили на ней новые бриллианты,—рассказы-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вали, что она приняла их в подарок от В<итгенштейна> (будто бы по завещанию покойной его жены), что С<уворов> имел за то жестокое объяснение с женою etc. etc. Всё это пустые сплетни: бриллианты принадлежали К—вой, золовке С<уворо>вой, и были присланы из Одессы для продажи. Однако неосторожное поведение С<уворо>вой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуще. С<уворо>ва расплакалась. «Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès, voilá pourquoi l'on m'envie» etc.[1] С<уворова>очень глупа и очень смелая кокетка, если не хуже.—

Соб<олевский>о графе Вельегорском: «Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins» [2].

3 марта. Был я вечером у кн. Одоевского. Соб<олевский>, любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: «Le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon—cul» [3]. Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская) не могли воздержаться от смеха. Княгиня Одоевская обратилась к нему, позеленев от злости, — Соб<олевский> убежал.—

13 июля 1826 года—в полдень, государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец; собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за

---

[1] <«Ваше величество, я молода, я счастлива, пользуюсь успехом, вот почему мне завидуют» и пр.>

[2] <Он держится золотой середины, потому что всегда меж двух бутылок.>

[3] <«Небо не чище недр моего зада». [«Cul» — вместо «coeur», сердце.]>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ним. Фр<ейлина> подняла платок в память исторического дня.

8 марта. Вчера был у См<ирновой>, ц. н.— анекдоты: Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцею его отца! Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I-го.—Княжна Туркистанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей евангелие, в то время как она без памяти лежала в постеле. Ее перевели в другие комнаты—и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем; Вл. Голицын разболтал всё по городу.—

На похоронах Уварова покойный государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А. Орлову): «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?» (Уваров один из цареубийц 11-го марта.)

Государь не любил Аракчеева. «Это изверг», говорил он в 1825 году *(après avoir travaillé avec lui et rentrant chez l'impératrice dans le plus grand désordre de toilette*[1]).

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversations-Lexikon[2]. Нас было человек со сто, большею частию

[1] <поработав с ним и возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме>

[2] <энциклопедии>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин.—Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания в Царском Селе». Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!

Третьего дня обед у австрийского посланника. Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо $5^1{}_2$, и ждал несколько времени хозяйку, 2) приехал в сапогах, что сердило меня во всё время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. № Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника. Князь Долгорукий (обер-шталмей-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

стер и петербургский предводитель) и граф Шувалов распоряжают этим. Долгорукий послал Нарышкину письмо, писанное по-французски, в котором просил он его участвовать в подписке. Нарышкин отвечал: «Милостивый государь, из перевода с письма вашего сиятельства усмотрел я» etc. —Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?

Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула.

Из Италии пишут, что графиня Полье идет замуж за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здесь об этом смеются и рады верить.

20. Третьего дня был у кн. Мещерского. Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом.

Некто Карлов, женатый на парижской девке в 1814 году, развелся с нею и жил розно. Наднях он к ней пришел ночью и выстрелил ей в лицо из пистолета, заряженного ртутью. Он под судом, она еще жива.

2 апреля. На-днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Нор<овым> и с Кукольником, которого видел в первый раз. Он кажется очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «Тасса» и не видал его «Руки» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: «Il bredouille en musique comme en vers» [1]. Кукольник пишет *Ляпунова*. Хомяков тоже. — Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта.—

Третьего дня в Английском клобе избирали новых членов. Смирнов (кам.-юнкер) был забаллоти-

[1] <Он бормочет в музыке, как в стихах.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

рован; иные говорят, потому, что его записал Икскуль; другие—потому, что его смешали с его однофамильцем, игроком. Неправда: его не хотели выбрать некоторые гвардейские офицеры, которые, подпив, тут буянили. Однако большая часть членов вступилась за Смирнова. Говорили, что после такого примера ни один порядочный человек не возьмется предложить нового члена, что шутить общим мнением не годится, и что надлежит снова баллотировать. Закон говорит именно, что раз забаллотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым, но были исключения: гр. Чернышев (воен. министр) и Гладков (обер-полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова, и он был выбран. Это, впрочем, делает ему честь—он не министр и не обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должно быть ему приятно.

Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversation's Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут, но в другой раз обманут только дурака. Этот лексикон будет не что иное, как *Северная Пчела* и *Библиотека для чтения* в новом порядке и объеме.—

В прошлое воскресение обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают».—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Сперанский у себя очень любезен.—Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: «*Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования как гении зла и блага*». Он отвечал комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени.

7 апреля. «*Телеграф*» запрещен.—Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым, по совету Блудова.) Жуковский говорит: «*Я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили*». «*Телеграф*» достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом правительства; но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска.—

Вчера raout у гр. Фикельмонт. S. не была. Впрочем весь город.

Моя *Пиковая дама* в большой моде.—Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совету начал историю русской критики.

8 апреля. Вчера raout у кн. Одоевского. Изъяснения с S. K.—Вся семья гр. Л**, гр. Кас... идеализированная ее мать. Сейчас еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болховской, два Корфа, Вольховский и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне, смеясь: «Non, c'est unique!.. Je me creusois la tête pour savoir quel Pouchkine me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre fem-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

me? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption...» [1] и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 лет и даже 36.

Я простился с Вольховским, который на-днях едет в Грузию. Болховской сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского (героя). Он (т. е. Б<олховской>) очень зло отзывается об одесской жизни и гр. Воронцове, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc.—Хвалит очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

10 апреля. Вчера вечер у Уварова—живые картины.—Долго сидели в темноте. S. не было—скука смертная. После картин вальс и кадриль. Ужин плохой.—Говоря о Свиньине, предлагающем Российской академии свои манускрипты XVI века, Уваров сказал: «Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков».

Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор!—

11 апреля. Сейчас получаю от графа Строгонова листок Франкфуртского журнала, где напечатана следующая статья:

S.-Pétersbourg, 27 février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne

---

[1] <Нет, это замечательно!.. Я себе голову ломала, стараясь угадать, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы!.. Как себя чувствует ваша жена? Ее тетке хочется поскорее увидеть ее в добром здоровьи,—свое любимое дитя, приемную дочь...>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

craignent pas le mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée...[1]

(Дело идет о празднике, данном в Брюсселе польскими эмигрантами, и о речах, произнесенных Лелевелем, Пулавским, Ворцелем и другими. Праздник был дан в годовщину 14 декабря.)

... après avoir fauss de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, M. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe r volutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poëtes Russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une poque où son talent éminent en fermentation ne s'étoit pas d barassé encore de son écume, a compos les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion Polonaise il se trouve énoncé dans son poème *Aux détracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le S. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poëte *relégué aux confins reculés de l'empire*, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienviellance...[2]

---

[1] <С.-Петербург, 27 февраля. После крушения варшавского мятежа корифеи польской эмиграции слишком часто доказывали нам своими словами и писаниями, что, желая преуспеть в своих намерениях и оправдать свое прежнее поведение, они не страшатся лжи и клеветы: поэтому никто не будет поражен новым доказательством их упорного бесстыдства...>

[2] <Извратив таким образом историю прошедших веков, чтобы заставить ее говорить в пользу его дела, г. Лелевель точно так же искажает новейшую историю. В этом он последователен.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

14 апреля. Вчера концерт для бедных. Двор в концерте—800 мест и 2000 билетов!

Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы петербургского дворянства: княгиню К. Ф. Долгорукую и графиню Шувалову. Первая— наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая— кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды.

Слух о том, что Полевой был взят и привезен в Петербург подтверждается. Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице— тому неделю.

16-го. Вчера проводил Н<аталью>Н<иколаевну> до Ижоры. Возратясь, нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том,

---

Он изображает нам на свой лад постепенное развитие революционных идей в России, он цитирует нам одного из лучших современных русских поэтов, чтобы на его примере показать политическое направление русской молодежи. Не знаем, сложил ли А. Пушкин в те времена, когда его неперебродивший выдающийся талант еще не избавился от накипи, строфы, приведенные Лелевелем, но можем с уверенностью утверждать, что он тем сильнее раскается в первых опытах своей Музы, когда узнает, что они доставили врагу его отечества случай предположить в нем какое бы то ни было сходство мыслей и стремлений. Что касается до высказанного Пушкиным суждения о польском восстании, то оно заключается в его пьесе «Клеветникам России», которую он выпустил в свет в свое время.

Но так как Лелевель, повидимому, интересуется судьбою этого поэта, «сосланного в отдаленные края империи», то присущее нам человеколюбие вынуждает нас сообщить ему, что Пушкин живет в Петербурге, и отметить, что его часто видят при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением своего государя...>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. Так и вышло: Ж. сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и сказал: «Если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить».

Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным, сказал с жаром: «Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre». На что Нарышкин возразил: Pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur»[1]. Однакож я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на-днях выдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

Суворова брюхата и, кажется, не во-время. Любопытные справляются в «*Инвалиде*» о времени приезда ее мужа в Петербург. Она уехала в Москву.

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться—и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи, и в щеки и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялися в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением пер-

[1] <«Но наконец есть же определенные правила для камергеров и камер-юнкеров». — «Простите, это бывает только у фрейлин». [Игра слов: règles по-французски значит и правила, и регулы.]>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вой — и охлодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища,—многие плакали, а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез. Дворец был полон народу; мне надобно было свидеться с Катериной Ивановной Загряжской—я к ней пошел по задней лестнице, надеясь никого не встретить, но и тут была давка. Придворные ропщут: их не пустили в церковь, куда, говорят, всех пускали. Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из *Книги Царств*, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих*. К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам, а в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим.

Милостей множество. Кочубей сделан государственным канцлером.

Мердер умер,—человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости. Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления. Губернатор новогородский приехал в Петербург и явился к Блудову с известием о его болезни и для принятия приказаний насчет бумаг, у графа находящихся. «Это не мое дело, отвечал Блудов, отнеситесь к Бенкендорфу». В Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьев.

Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова попрежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

3 мая. Прошедшего апреля 28 был наконец бал, данный дворянством по случаю совершеннолетия великого князя. Он очень удался, как говорят. Не было суматохи при разъезде, ни несчастия на тесной улице от множества собравшегося народа.

Царь уехал в Царское Село.

Мердер умер в Италии.—Великому князю, очень к нему привязанному, не объявляли о том до самого бала.

Вышел указ о русских подданных, пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одной из бесчисленных пустых мер, принимаемых ежедневно к досаде благомыслящих людей и ко вреду правительства.

Гуляние 1-го мая не удалось от дурной погоды,— было экипажей десять. Графиня Хребтович однако поплелась туда же: мало ей рассеяния. Случилось несчастие: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати, вот надпись к воротам Екатерингофа:

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

Molière avec *Tartuffe* y doit jouer son rôle.
Et Lambert, qui plus est, m'a donné parole.
Etc.[1]

---

[1] <„Тартюфа" прочитать нам должен там Мольер.
И, более того, дал слово быть Ламбер.
И т. д.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вяземский отвечал:

> Как! будет граф Лэмбер и с ним его супруга. Зовите ж и Лаваль.

Лифляндское дворянство отказалось судить Бринкена, потому что он воспитывался в корпусе в Петербурге. Вот тебе шиш, и поделом.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу, и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом неофициальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастию письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию,—но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться—и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным.

12 <мая>. Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Аракчеев во время прошедшего царствования выпросил майоратство для Гру ина, предоставя себе избрать себе наследника, а в случае внезапной смерти поручая то государю.—Он умер, не написав духовной и не причастившись, потому что, по его мнению, должен он был дожить до 30 августа, дня открытия Александровской колонны. Государь назначил наследником графу Аракчееву кадетский Новогородский корпус, которому и повелено назваться Аракчеевским.

21 <мая>. Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков, человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце, Зубов подошел к нему и обнял его, говоря: «Ах ты, мой красавец!» Чертков был очень дурен лицом. Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: «Я, сударь, своею фигурою фортуны себе не ищу». Все замолчали. Екатерина, игравшая тут же в карты, обратилась к Зубову и сказала: «Вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу вас уверить, что он очень был недурен».

Конец ее царствования был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабку с графом Зубовым. Все негодовали, но воцарился Павел, и негодование увеличилось. Laharpe показывал письма молодого великого князя (Александра), в которых сильно выражается это чувство. Я видел письма его же Ланжерону, в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: «Je vous écris peu et rarement car je suis sous la hache»[1]. Ланжерон был тогда недоволен

[1] <Я пишу вам мало и редко, потому что я под топором.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и сказал мне: «Voilà comme il m'écrivait, il me traitait de son ami, me confiait tout—aussi lui étais-je dévoué. Mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe»[1]. В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку. Полетика сказал: «L'empereur Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire»[2]. Кто-то сказал о государе: «Il y a beaucoup de praporchique en lui et un peu du Pierre le Grand»[3].

2 июня. Много говорят в городе об Медеме, назначенном министром в Лондон. Это дипломатические *суспиции,* как говорят городничихи. Англия не посылала нам посланника; мы отзываем Ливена. Блай недоволен, он говорит: «Mais Medème c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc-bec»[4]. Государь не хотел принять Каннинга (Strangfor), потому что, будучи великим князем, имел с ним какую-то неприятность.

26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию.

На другой день представлялся великой княгине. Нас было человек 8. Между прочим Красовский (славный ценсор). Великая княгиня спросила его: «Cela doit bien vous ennuyer, d'être obligé de lire tout ce qui paraît».—«Oui, V. A. I., отвечал он, la littérature actuelle est si détestable que c'est

---

[1] <Вот как он мне писал: он обращался со мною как с другом, всё мне поверял,—зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов снять с себя собственный шарф.>

[2] <Император Николай положительнее, у него ложные идеи, как у его брата, но он менее мечтателен.>

[3] <В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого.>

[4] <Но ведь Медем совсем молодой человек, можно сказать, молокосос.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

un supplice»[1]. Великая княгиня скорей от него отошла.—Говорила со мной о *Пугачеве*.

Вчера вечер у Катерины Андреевны. Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У ней был Вяземский, Жуковский и Полетика.—Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре.

3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у См..., играл, выиграл 1200 р.

Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишеневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?»—«Что я видел?—возразил Болховской.—Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую ж... государыни» (Екатерины II-ой, в день ее смерти).

Гр. Фикельмон очень болен. Семья его в большом огорчении. Elisa им и живет.

19 числа послал 1000 Нащокину. Слава богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность

---

[1] <«Вам, должно быть, очень докучна обязанность читать всё, что появляется».—«Да, в. и. в., современная литература так отвратительна, что это сущая мука».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! Вот суждение о нем: «C'était un esprit éminemment concil ant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre» etc...[1] Без него совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение.—Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный,—и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется.

Здесь прусской кронпринц с его женою. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись.

22 июля. Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором,—но всё перемололось. Однако это мне не пройдет.

Маршал Мезон упал на маневрах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком. Арнт объявил, что он вне опасности. Под Остерлицом он искрошил кавалергардов. Долг платежом красен.

Последний частный дом в Кремле принадлежал кн. Трубецкому. Екатерина купила его и поместила в нем сенат.

9 авг. Трощинский в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему назло, не велел ему выезжать из города. Трощинский остался в Петер-

[1] <Это был ум в высшей степени примирительный; никто не умел так хорошо, как он, разрешить какой-нибудь трудный вопрос, привести мнения к согласию и проч.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

бурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто нейдет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота—и поспешно прибежали к спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требует, и что фельдъегерь за ним приехал. Трощинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трощинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Пален, обнял и поздравил с новым императором. Трощинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею и сказал: «Будь моим руководителем». Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться.

---

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии—выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами,— моими товарищами,— был в Москве несколько часов—видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове.—Может быть, это пройдет.—Отправился потом в Калугу на перекладных без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставил на своем.—Какие мы разбойники? говорили мне они.—Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь. Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь

Пушкинский кабинет ИРЛИ

была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. В Заводе прожил я 2 недели, потом привез Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил, и кажется, неудачно. Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. *Пугачев* мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии. Вечор он приехал. Великий князь Михаил Павлович привез эту новость на бал Бутурлина. Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

5 декабря. Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится,—да что мне делать? Покаместь давайте злословить.

В бытность его в Москве нынешнего году много было проказ. Москва хотя уж и не то, что прежде, но всё-таки имеет еще похоти боярские, des velléités d'aristocratie. Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими место екатерининских бригадиров,—они роптали, глядя, как он ухаживал за молодой кн. Долгорукою («за дочерью Сашки Булгакова!» говорили ворчуны с негодованием).

Царь однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с московскими актрисами; это еще менее понравилось публике. В бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицын взял на себя должность полицейского сыщика, одевался жидом и проч. В каком веке мы живем!—В Нижнем-Новегороде царь был очень суров и встретил дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вчера был у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишеневе. У него не было кровати, он спал вместе с каким-то чиновником под одним тулупом. Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой.

В тот же день бал у Салтыкова. N. N. сказала: «Voilà M-me Jermolof la sale» (Lassale)[1]. Ермолова и Курваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются.

Я всё-таки не был 6-го во дворце—и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта.—

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в $8^1/_2$ в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно.

В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно, бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь—в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели.—Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему. Тут же

---

[1] <«Вот госпожа Ермолова, грязная». [Игра слов: «la sale», грязная, произносится так же, как «Lassale», фамилия.]>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

были молодые сыновья Каннинга и Веллингтона. У Дуро спросили, как находит он бал. «Je m'ennuis», отвечал он. «Pourquoi cela?»—«On est debout, et j'aime à être assis»[1]. Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: «Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple»[2]. Бал кончился в $1^1/_2$.

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. «Что ты один здесь философствуешь?»—«Гуляю».—«Пойдем вместе». Разговорились о плешивых. «Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают». — «Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?»—«Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству».—«У меня их также нет; я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно, противу этикета).

Вчера (17) вечер у S. Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc. Гербы наши все весьма новы. Оттого в гербе князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов.

22 декабря, суббота. В середу был я у Хитрово. Имел долгий разговор с великим князем. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали в *Северной Пчеле:* дело идет о пребывании государя в Москве. *Пчела* говорит: «Государь импера-

[1] <«Мне скучно».—«Это почему?»—«Все стоят, а я люблю сидеть».>

[2] <«Милый друг, здесь не место разговаривать о Польше. Выберем какую-нибудь нейтральную почву, у австрийского посла например».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тор, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца *низко* (низко!) поклонился народу». Этого не довольно: журналист дурак продолжает: «Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!»—Не забудь, что это читают лавочники».

Великий князь прав, а журналист конечно глуп. Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état[1], сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать, или (что все равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état,—что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: «Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l'Empereur et Vous...» etc.[2] Великий князь был очень любезен и откровенен. «Vous êtes bien de votre famille, сказал я ему: tous

[1] <третье сословие>

[2] <«Мы, которые являемся такими же хорошими дворянами, как император и вы...» и т. д.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs»[1].— «Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, voilà une réputation qui me manquait»[2]. Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензор Никитенко на обвахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «*Библиотеке*» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: «Если-де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои». Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупостей такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что он пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.

1835.

8 января. Начнём новый год злословием, на счастие...

---

[1] <«Вы истинный член вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители».>

[2] <«Вот репутация, которой мне недоставало».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Наталии Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет, и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. «Дороже нет»,— отвечал Волконский. «Если так, делать нечего,— отвечал государь:—я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе». Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелися уже в 60 000 р.

Великая княгиня взяла у меня *Записки Екатерины II* и сходит от них с ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая девушка.

В конце прошлого года свояченица моя ездила в моей карете поздравлять великую княгиню. Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обвахту, и Катерина Николаевна принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде. Комендантское место около полустолетия занято дураками, но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали.

6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах времен Павла I-го. Граф Панин (товарищ министра) одет дитятей, Бобринский — Брызгаловым (кастеланом Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства*). Государь—полковником Измайловского полка etc. В городе шум. Находят это всё неприличным.

Февраль.

С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

На-днях в театре граф Фикельмон, говоря, что *Bertrand* и *Raton* не были играны на петербургском театре по представлению Блума, датского посланника (и нашего старинного шпиона), присовокупил: «Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemarck»[1]. Я прибавил: «Pas plus qu'en Europe»[2].

Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин, — Павский отставлен от великого князя. Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: «Я вас рекомендовал государю». Qui est-ce que l'on trompe ici?[1]

---

[1] <Не знаю почему: о Дании нет и речи в комедии.>
[2] <Как и в Европе.>
[3] <Кого здесь обманывают?>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В публике очень бранят моего *Пугачева*, а что хуже—не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретил Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ЗАПИСКИ ОФИЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О НАРОДНОМ ВОСПИТАНИИ

Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною светской образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные.

Ясно, что походам 1813 и 1814 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтож-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ность своих замыслов и средств, с другой—необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей. Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостию первой молодости, со всем ее восторгом и готовностию принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. *Не просвещению,* сказано в высочайшем манифесте от 13-го июля 1826 года, *но праздности ума, более вредной; чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец—погибель.* Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия.

Чины сделались страстию русского народа. Того хотел Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России. В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние. Он не в состоянии ни поверять, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем первого товарища, который захочет ока-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

зать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие.

Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою. Можно, по крайней мере, извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целию и достоянием просвещения; должно увлечь всё юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удержать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм.

В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-тилетнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное.

Надлежит всеми средствами умножить невыгоды, сопряженные с оным (например, прибавить годы унтер-офицерства и первых гражданских чинов).

Уничтожить экзамены. Покойный император, удостоверясь в ничтожестве ему предшествовавшего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоренелых в безнравствии и невежестве. Отселе указ об экзаменах, мера слишком демокра-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив всё новое поколение в военную службу. А так как в России всё продажно, то и экзамен сделался новой отраслию промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною. Итак, (с такого-то году) *молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена.*

Уничтожение экзаменов произведет большую радость в старых титулярных и коллежских советниках, что и будет хорошим противудействием ропоту родителей, почитающих своих детей обиженными.

Что касается до воспитания заграничного, то запрещать его нет никакой надобности. Довольно будет опутать его одними невыгодами, сопряженными с воспитанием домашним, ибо. 1-е, весьма немногие станут пользоваться сим позволением; 2-е, воспитание иностранных университетов, несмотря на все свои неудобства, не в пример для нас менее вредно воспитания патриархального. Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Гетингенском университете, несмотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников нравственностию и умеренностию— следствием просвещения истинного и положительных познаний. Таким образом, уничтожив или, по крайней мере, сильно затруднив воспитание частное, правительству легко будет заняться улучшением воспитания общественного.

Ланкастерские школы входят у нас в систему военного образования и, следовательно, состоят в самом лучшем порядке.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении. Для сего нужна полиция, составленная из лучших воспитанников; доносы других должны быть оставлены без исследования и даже подвергаться наказанию; чрез сию полицию должны будут доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную—исключение из училища, но без дальнейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастию, слишком у нас обыкновенное.

Уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников.

В гимназиях, лицеях и пансионах при университетах должно будет продлить, по крайней мере, 3-мя годами круг обыкновенный учения, *по мере того повышая и чины, даваемые при выпуске.*

Преобразование семинарий, рассадника нашего духовенства, как дело высшей государственной важности, требует полного особенного рассмотрения.

Предметы учения в первые годы не требуют значительной перемены. Кажется, однакож, что языки слишком много занимают времени. К чему, например, 6-тилетнее изучение французского языка, когда навык света и без того слишком уже достаточен? К чему латинский или греческий? Позволи-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тельна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?

Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах. Всё это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у нас ограниченные.

Высшие политические науки займут окончательные годы. Преподавание прав, политическая экономия по новейшей системе Сея и Сисмонди, статистика, история.

История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенчествующим умам направление односторонее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить, не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем.

Вообще не должно, чтоб республиканские идеи изумили воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны.

Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. *История государства Российского* есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно

Пушкинский кабинет ИРЛИ

занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве!

Сам от себя я бы никогда не осмелился представить на рассмотрение правительства столь недостаточные замечания о предмете столь важном, каково есть народное воспитание; одно желание усердием и искренностию оправдать высочайшие милости, мною не заслуженные, понудило меня исполнить вверенное мне препоручение. Ободренный первым вниманием государя императора, всеподданнейше прошу его величество дозволить мне повергнуть пред ним мысли касательно предметов, более мне близких и знакомых.

Александр Пушкин.

<1826>

<ЗАПИСКА О МИЦКЕВИЧЕ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В III ОТДЕЛЕНИЕ>

Adam Mickiewicz, professeur à l'Université de Kovno, ayant appartenu, à l'âge de 17 ans, à une société littéraire qui n'exista que pendant quelques mois, fut mis aux arrêts par la commission d'enquête de Vilna (1823). Mickiewicz convint d'avoir connu l'existance d'une autre société littéraire, mais d'en avoir toujours ignoré le but, qui était de propager le Nationalisme Polonais. Au reste cette société ne dura non plus qu'un moment et fut dissoute avant l'Oukase. Au bout de 7 mois Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces Russes, jusqu'à ce qu'il plût à S. M. l'Empereur de lui permettre de revenir. Il servit sous les ordres du Général Witt

Пушкинский кабинет ИРЛИ

et sous ceux du Général-Gouverneur de Moscou. Il espère que, leurs suffrages lui étant favorables, l'Autorité lui permettra de revenir en Pologne où l'appellent des affaires domestiques[1].

7 Janvier 1828 [1]

<ЗАПИСКА О В. Д. СУХОРУКОВЕ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В III ОТДЕЛЕНИЕ>

Сотник Сухоруков воспитывался в Харьковском университете. В 1820 году бывший атаман употребил его по своим делам, как человека сведущего и смышленого. В то же время граф Чернышев, имея нужду в тамошнем уроженце, призвал его в свою канцелярию. Будучи еще очень молод и находясь в таком затруднительном положении, Сухоруков мог подать повод к неудовольствию графа. В последствии времени литературные занятия сблизили его с Корниловичем, с которым в 1825 году издал он ученую книгу под заглавием: *Русская старина;* Сухоруков был замешан в деле о заговоре, но следственная комиссия оправдала его, оставя в подозрении. Будучи потом откомандиро-

[1] <Адам Мицкевич, профессор университета в Ковне, за принадлежность, в возрасте 17 лет, к одному литературному обществу, которое существовало в продолжение лишь нескольких месяцев, был арестован Виленскою следственною комиссией (1823). Мицкевич сознался, что был осведомлен о существовании другого литературного общества, но всегда был в неведении о цели его, которая состояла в распространении идей польского национализма. Впрочем, и это общество существовало лишь самое короткое время и было закрыто до издания указа. По истечении 7 месяцев Мицкевич был выпущен на свободу и выслан в русские губернии—до тех пор, пока государю императору благоугодно будет разрешить ему возвратиться. Он служил под начальством генерала Витта и московского генерал-губернатора. Он надеется, что, так как их отзывы для него благоприятны, правительство позволит ему возвратиться в Польшу, куда его призывают домашние обстоятельства. 7 января 1828 г.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ван в Кавказской корпус, Сухоруков был употреблен графом Паскевичем.

Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие его начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствуя ему. С 1821 года предпринял он труд важный не только для России, но и для всего ученого света.

Сухоруков имел некогда поручение от комитета, учрежденного для устройства войска Донского, составить историю донских казаков. Для сего Сухоруков пересмотрел все архивы присутственных мест и станиц Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконец и Московской. Выписанные им исторические акты заключают более пяти тысяч листов; кроме того Сухоруков приобрел множество разных летописей, повестей, поэм и проч., объемлющих историю донских казаков. Все сии драгоценные материалы, вместе со статьями, им уже составленными, Сухоруков должен был, по приказанию [начальства] ген.-маиора Богдановича, уезжая в армию, в 1826 г., передать [двум есаулам] в другие руки, и теперь они едва ли не растеряны.

Имея слабое здоровие, склонность к ученым трудам и малое, но достаточное для него состояние (тысячу рублей годового дохода), Сухоруков сказывал мне, что единственное желание его было бы получить дозволение хотя [переписать,] взять копии с приобретенных им исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени, и потом на свободе заняться составлением истории донских казаков, которую надеялся он посвятить его императорскому высочеству великому князю наследнику.

<1831>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<МАТЕРИАЛЫ ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ>

<1. Записка, представленная в III Отделение>

Десять лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников [1].

Несчастные обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

Ограждение сей собственности и цензурной устав

---

[1] В черновом автографе этого места записки сохранились еще следующие строки:

Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, К<арамзин> первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя. [Литераторы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной. Редкое сочинение доходило до печати. Весь класс писателей (класс важный у нас, ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию, того не понимали, или не хотели понимать), отчасти от непростительного небрежения. Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на сословие литераторов гораздо более влияние, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств.]

Пушкинский кабинет ИРЛИ

принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. *торговое*. Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы периодические издания всего более приносят выгоды, и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большое число читателей, будучи любопытны для всякого.

Северная пчела, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге столь строго, как угодно ему. *Северная пчела* пользуется сим правом— и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы *чисто литературные* вместо 3000 подписчиков, имеют едва ли и 300, и следственно голос их был бы вовсе не действительным.

Таким образом литературная торговля находится в руках издателей *Северной пчелы*, и критика, как и политика, сделалась их монополией.

От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями *Северной пчелы:* ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, осужденного в самом газетном объявлении.

Для восстановления равновесия в литературе

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средствам *Северной пчелы*, т. е. журнал, в коем печатались бы политические и заграничные новости.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностию ему повиноваться и не только соображаться с решением цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала.

Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагодарна.

<1831>

<2>

Что есть журнал европейский. Что есть журнал русской. Нынешние русские журналы. Каков может быть русский журнал.

Часть политическая. Внешняя политика. Происшествия. Полит. Полемика.

Предварительное изъявление мнений правительства. Внутренние происшествия; указы. О мерах правительства. З<аконодательные> материалы от правительства. Корреспонденция.

Литература. *Внешняя* литература.—Лучшие статьи из журналов. Критика иностранных книг. *Внутренняя*. Исторические материалы. Текучая литература. Feuilleton. Théâtre. Библиография. Объявления.

Пособия: повеления министров.

Журнал мой предлагаю правительству—как орудие его действия на общее мнение.

Официальность.

<1832?>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<3>

Дневник

Контора под ведомством Редактора.
Подписка в эксп<едициях> и в почтамте.
Рассылка по домам.
Книги:
1. Подписная, билетов.
2. Поступающих денег.
3. Книга прихода и расхода (Grossbuch).
4. Отдельный счет с бумагой.
5. Книги с разнощ. жалоб.
6. Сотрудники.
7. Покупки.

Исполнитель.
Сотрудники.

<1832>

<ПРОГРАММА «СОВРЕМЕННИКА», ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ>

Журнал под названием *Современник* выходит каждые три месяца по одному тому.

В нем будут помещаться стихотворения всякого роду, повести, статьи о нравах и тому подобное; (оригинальные и переводные) критики замечательных книг русских и иностранных; наконец, статьи, касающиеся вообще искусств и наук.

Цена за годовое издание 25 р. асс., с пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкин.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ЗАМЕТКИ, ЗАПИСИ И ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВИКОВ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГ И ПИСЬМА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОГО «О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ В. А. ОЗЕРОВА»

Текст Вяземского

Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина, образователя прозаического языка, обращают на себя благодарное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности.—Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвигнулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приуготовлено было творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей геркулесовский под-

Заметки Пушкина

Большая разница. Карамзин — великий писатель во всем смысле этого слова; а Озеров—очень посредственный. Озеров сделал шаг в слоге, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

виг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века. (Стр. VI.)

Рожденный с пылкими страстями, с воображением романическим, он не мог противиться волшебной прелести любви, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. (Стр. IX.)

Нет сомнения, что чтение романов дало его поэзии цвет романизма, заметный почти во всех его произведениях. (Стр. X.)

Смерть милой ему женщины удалила его на время от света, который в глазах его украшался ею... При образовании природном долго не мог он искать наслаждений и счастия в трудах ума, искав их единственно в мечтах сердца... Следующая черта даст ясное понятие о нежности и щекотливости благородной души его. (Стр. X.)

Всё это сбивчиво. Ты сперва говоришь о его любви, потом о его романизме в трагедиях, потом о дружбе, потом опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Более методы, ясности.

Главным свойством его сердца была любовь к друзьям... (Стр. X.)

Любовь к друзьям— по-русски дружба, не свойство, а страсть разве.

Драматическое искусство у нас еще в колыбели.

Несмотря на несколько трагических и комических сцен, мелькающих в малом числе драматических творений, из коих всякое более или менее ознаменовано общею печатию отвержения, наложенною на наш театр рукою Талии и Мельпомены, кажется, можем ска-

Где же геркулесовский подвиг Озерова?

Да говори просто: ты довольно умен для этого.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

зать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной комедии в стихах и до Озерова не видали трагедии. (Стр. XI.)

Фон-Визин умел быть оригинальным и хорошим стихотворцем, но писал прозою комедии, доныне лучшие на нашем театре, и даже единственные как по истине представленных нравов и характеров, так и по разговору, который блистает непринужденным остроумием. (Стр. XII.)

Не поэтому. Но о Фон-Визине поговорим после.

Должно заметить однакоже, что в трагедиях Сумароков так же выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных. (Стр. XIII.)

И этого не вижу: в нем всё дрянь, кроме некоторых од.

NB. Сумароков прекрасно знал русский язык. (Лучше, нежели Ломоносов.)

Может быть, и совсем поглотила бы его <Сумарокова> бездна забвения.... (Стр. XII.)

И совсем его забыли (проще и лучше).

Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть неоспоримо *Хвастун*, хотя и в ней критика найдет много недостатков и вкус не все стихи освятил своею печатью. Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора. Сколько счастливых стихов, вошедших неприметно в пословицы. (Стр. XIII.)

«*Хвастун*» перевод из «*L'important*»; я не читал подлинника, пересмотри.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«*Утешенная вдова*» до сего времени может служить у нас образцовою <комедиею> по достойнству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости. (Стр. XIII.)

Полно, так ли?

Можно похитить блестящую мысль, счастлибое выражение; но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается, и нельзя ей научиться от правил пиитики. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком. (Стр. XV.)

То есть, он просто не поэт.

Первый шаг Озерова в области поэзии был перевод из Колардо героиды *Элоизы к Абеларду*... Поставить перевод наряду с подлинником—невозможно; но не признать в переводчике Колардо грядущего поэта было бы несправедливо. Многие стихи, несмотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзии, могли бы украсить и в теперешнее время лучшее из наших стихотворений. (Стр. XVII.)

Как тебе не стыдно распространяться об этом! Всё это лишнее.

«Читая Колардо,— говорит Озеров,—я был восхищен. Мне открылся путь парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел». (Стр. XVII.)

Это дает мне мерку дарования Озерова.

Он, как благоразумный художник, воспитывал дарование свое в греческой школе и знал, что для театра нашего еще в младенчестве полезны могут быть и правила и самые при-

Критика слишком незрелая.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Меры наставников, коих искусство возросло до зрелости трудами их гения и не состарилось с веками. К тому же отнимая от Эдипа и всё то, что, так сказать, теряется для глаз наших, его несчастие, благородная твердость, нежная любовь дочери его имеют еще довольно прав на сострадание души, и повесть Эдипа останется всегда богатым и счастливым наследством древних, которым успешно могут пользоваться и новейшие трагики. (Стр. XXII.)

Но трагик не есть уголовный судия. Обязанность его и всякого писателя есть согревать любовию к добродетели и воспалять ненавистию к пороку, а не заботиться о жребии и приговоре провидения.

Прекрасно!

Великие трагики и из новейших чувствовали сию истину, и Вольтер, поражая Зопира и щадя Магомета, не был ни гонителем добродетели, ни льстецом порока.

Ничуть! Поэзия выше нравственности, или, по крайней мере, совсем иное дело. Господи Иисусе! Какое дело поэту до добродетели и порока? Разве их одна поэтическая сторона.

Озеров, как сказывают, сперва и хотел перенести в свою трагедию прекрасный конец Софокловой, но один актер, в школе Сумарокова воспитанный, испугал его, предсказывая, что публика дурно примет конец, столь противный общим понятиям о цели драматиче-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ских творений, и родил в нем мысль развязать свою трагедию смертью Креона.

Озеров принял его совет... Таким образом вкоренелые предрассудки и уполномоченные представители их в обществе заграждают произвольными межами путь гению, еще не довольно возмужавшему, чтобы с постоянною смелостью презреть их в полете своем. (Стр. XXVI—XXVII.)

Тут не было ни гонения, ни смелого полета—просто вкус.

Эдип в Афинах... поставил Озерова наряду с величайшими нашими поэтами и на степень первейшего нашего трагика. (Стр. XXVII.)

В Москве считался знаменитым затем, что был один.

В первый раз сия трагедия была играна в петербуржском театре в 1804 году и вскоре после того напечатана при посвящении, писанном прозою, к Державину, который отвечал стихами, уже отзывающимися старостию поэта и не стоющими прозы Озеровой. (Стр. XXVII.)

Милый мой, уважай отца Державина, не равняй его стихов с прозой Озерова!

Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сходную его природе, встречает в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество, которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах, и что свойства сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем *льдистом* сосуде. (Стр. XXIX.)

Хорошо, смело.

Не в ледяном ли?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но ровное и, так сказать, одноцветное поле поэм Оссиана обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю. (Стр. XXX.)

Что общего между однообразием Оссиановских поэм и трагедией, которая заимствует у них единый слог?

Большая часть трагедий выиграли бы потерею двух актов и почти все исключительно потерею одного. Новейшие, рабски следуя древним, приняли их мерку, не заботясь о выкройке их. (Стр. XXX.)

Перестань, не шали!

Он с искусством умел противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубине печальной души преступные надежды, взаимную и простосердечную любовь двух чад природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала. (Стр. XXXI.)

Противоположности характеров—вовсе не искусство, но пошлая пружина французской трагедии.

Трагедии Озерова... уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому *романтическому*, который принят немцами от испанцев и англичан. (Стр. XLIII.)

<Строки эти отчеркнуты карандашом.>

<Общее заключение Пушкина о статье>

Часть критическая вообще слаба, слишком слаба. Слог имеет твои недостатки, не имея твоих достоинств. Лучше написать совсем новую статью, чем передавать печати это сбивчивое и неверное изображение. Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но из любви к искусству. Ты сам признаешь, что слог его

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нехорош, а я не вижу в нем и тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через десять, при появлении истинной критики, совсем исчезнет. Озерова перевели; перевод есть оселок драматического писателя; посмотри же, что из него вышло во французской прозе.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «ОПЫТОВ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» К. Н. БАТЮШКОВА[1]

Текст «Опытов»	Заметки Пушкина
К друзьям (стр. 3—5).	Весьма дурные стихи.
Вот список мой стихов, Который дружеству быть может *драгоценен*.	<Рифма: *драгоценен—уверен* отмечена как слабая.>
Я добрым гением *уверен*, и т. д.	
Элегия.	
Надежда (стр. 9—10).	Точнее бы *Вера*.
Всё дар его, и краше всех Даров надежда лучшей жизни!	Неудачный перенос.
На развалинах замка в Швеции (стр. 11—18).	Вообще мысли пошлые, и стихи не довольно живы.
<Строфа 7-я>	
Ах, юноша, спеши к отеческим брегам, Назад лети с добычей бранной; Уж веет кроткий ветр во след твоим судам, Герой, победою избранной!	Вяло.

[1] <Курсивом в тексте Батюшкова отмечаются стихи, отчеркнутые Пушкиным.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Строфа 9-я>

Красавица стоит безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

Вот стихи прелестные, собственно Батюшкова—вся строфа прекрасна.

<Строфа 11-я>

Там старцы жадный слух склоняли к песни сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Прекрасно.

<Строфа 13-я>

Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы?

Живо, прекрасно.

Элегия из Тибулла.

Вольный перевод (стр. 19—26).

Прекрасный перевод.

О вы, которые умеете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогневить!

Вяло.

Тогда не мчалась ель на легких парусах
Несома ветрами в лазоревых морях;

Лишний стих.

О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь *безмолвных!*
При вас, на пагубу друзей *единокровных,*

<Рифма: *безмолвных—единокровных* отмечена как слабая.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

На наковальне млат не изваял
мечей.
О век Юпитеров! о времена
нещастны!
Война, везде война, и *глад, и*
мор ужасный.
Повсюду рыщет смерть, на су-
ше, на водах,
Но ты, *держащий гром и мол-*
нию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу
благосклонен.
Ни словом, ни душой я не был
вероломен.

<Рифмы эти подчеркнуты Пушкиным как слабые.>

До гроба я носил твои *оковы*
нежны

узы <вместо «оковы»>

Богами ввержены во пропасти
бездонны,
Ужасный *Энкелад и Тифий*
преогромный
Питает жадных птиц утробою
своей

и Тифий там <огромный>
Ошибка мифологическая и грамматическая.

При шуме зимних вьюг, под
сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет
свётильник ясной
И, тихо вретено кружа в руке
своей,
Расскажет повести и были ста-
рых дней.
А ты, склоняя слух на сладки
небылицы,
Забудешься, мой друг; и том-
ные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица
из рук
Падет... и у дверей предстанет
твой супруг,
Как небом посланный внезапно
добрый гений.

Прелесть.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Воспоминание (стр. 27—29).	Писано в первой молодости поэта.
Едва дымился огнь в часы туманной нощи	
Близ кущи *ратника, который сном почил.*	<Стих подчеркнут как слабый.>
На смерть летя против врагов	Слабо.
Осталось *мрачно* вспоминанье.	<Стих подчеркнут как слабый.>
Да оживлю теперь я в памяти своей Сию *ужасную минуту,* Когда, *болезнь вкушая люту* *И видя сто смертей,* Боялся умереть не в родине моей!	Неудачный оборот и дурные стихи.
Но небо, вняв моим молениям *усердным,* Взглянуло оком *милосердым;*	<Рифма подчеркнута как слабая.>
Воспоминания.	
Отрывок (стр. 30—32).	
Ни дружбы, ни любви, *ни песней Муз прелестных,* *Которые* всегда душевну скорбь мою, Как Лотос, силою волшебной врачевали.	Вяло.
Средь *бурей* жизни и *недуг*	бурь, недугов
Обитель древняя и доблести и *нравов!*	Галлицизм.
Ты часто странника задумчивость питала, Когда румяная денница отражала И дальные скалы гранитных берегов,	Последние стихи славны своей гармонией.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И села пахарей, и кущи рыбаков
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальных водах пустынной Троллетаны.

Выздоровление (стр. 33—34).

Одна из лучших элегий Б<атюшкова.> —

Как *ландыш под серпом убийственным жнеца*
Склоняет голову и вянет

Не под *серпом*, а под *косою:* ландыш растет в лугах и рощах—не на пашнях засеянных.

Мщение.

Из Парни (стр. 35—38).

И всё погибло *невозвратно.*
Как сладкая мечта, как утром сон *приятной!*

<Рифма подчеркнута как неудачная.>

Но всё любовью здесь исполнено моей,
И клятвы страшные твои напоминает.
Их помнят и леса, их помнит и ручей,
И эхо томное их часто повторяет.

Лишнее и вялое.

Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной,
Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ матери *твоей*

И у Парни это место дурно, у Б<атюшкова> хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравнениями.
своéй <вместо «твоей»>

Здесь жертвы приносил у мирных алтарей,

Что такое?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И в первый раз «люблю», *краснеяся*, сказала.
(Тому сей дикий бор немой свидетель был).

Какой оборот!

И *жребий* с трепетом читает
В твоих потупленных очах.

Должно было: *свой* жребий.

В веселых пиршествах, тобой одушевленных,
Где юность пылкая и *взор ищитает твой.*

Темно.

Когда ж безвременно с полей кровавой битвы
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: будь щастлива *в последний жизни час!*

Je dirai: qu'elle soit heureuse!
Et ce voeu ne pourra te donner le bonheur![1]

И тщетны будут все любовника молитвы!

Какая разница!

Привидение.
Из Парни (стр. 39—42).

Если пламень потаенной
По ланитам пробежал;
Если пояс сокровенной
Развязался и упал—

Прелесть.

Я вздохну... и глас мой *томной*
Арфы голосу *подобной*.
Тихо в воздухе умрет.

<Рифма отмечена как неудачная.>

Час блаженнейший... Но ах!

<Стих подчеркнут как слабый.>

Тибуллова элегия III (стр. 43—45).

Стихи замечательные по щастливым усечениям—мы слишком остерегаемся от

[1] <Стихи Парни.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

	усечений, придающих иногда много живости стихам.
В богатстве ль щастие? В нем призрак, тщетный вид!	<Стих подчеркнут как слабый.>
Колен *пред случаем* вовек не преклоняет,	faveur. Не то.
Когда же *Парк сужденье*, Когда суровых *сестр противно вретено*	приговор <вместо «сужденье»>
Мой гений (стр. 46).	
<1> О память сердца! ты сильней Рассудка памяти печальной, И часто сладостью своей <4> Меня в стране пленяешь дальной.	Прелесть кроме первых 4 <стихов>.
Тень друга (стр. 48—51).	
Я берег покидал туманный Альбиона: Казалось, он в волнах свинцовых утопал.	Прелесть и совершенство—какая гармония! Дмитриев осуждал цезуру двух этих стихов. Кажется, несправедливо.
Тибуллова элегия. Вольный перевод (стр. 52—58).	
Мы *учиним* пред ним обильны *возлиянья*,	Проза.
Иль на чело его в *знак мирного венчанья* Возложим мы венки из миртов и лилей.	Увенчаем в знак венчанья!!!
Обрызган кровию, *выигрывает бой;*	Проза.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О подвигах своих расскажет
древний воин,
Товарищ юности; и сидя за
столом,
Мне лагерь начертит *веселых
чаш вином.*

Было прежде: *чаш пролитых вином* — точнее.

В день рождения N. (стр. 64).

Есть чувство.

Пробуждение (стр. 65).
Ни быстрый лёт коня ретива

Усечение гармоническое.

И гордый ум не победит
Любви, холодными словами.

Смысл выходит— *холодными словами любви*; — запятая не поможет.

Разлука (стр. 66—67).

Прелесть.

Таврида (стр. 68—70).

По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения— лучшая элегия Батюшкова.

Весна ли красная блистает
средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая,
Водолей
Валит шумящий дождь, седый
туман и мраки:

Любимые стихи Бат<юшкова> самого.

Последняя весна (стр. 72—74).

Неудачное подражание Millevoye.

К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приближится: тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг *пустынный небосклон.*

Чорт знает что такое!

К Г<н е д и> ч у
(стр. 75—76).

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.

Что за детские стихи!

Ах! ужели наградит
Слава щастия утрату,
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

Последние 4 стиха очень милы.

К Д <а ш к о> в у.

Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутьи видел их,

Прекрасное повторение.

И там — где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;

Прелесть!

И с т о ч н и к (стр. 81—83).

Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа.

П л е н н ы й (стр. 86—90).

Л<ев> В<асильевич> Д<авыдов> в плену у французов говорил одной женщине: «Rendez-moi mes frimas». Б<атюшков>у это пода-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ло мысль написать своего *Пленного*. Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. Русский казак поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами фр<анцузского> романса.

<Строфа 2-я>

В часы вечерния прохлады
Любуяся рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,

. . . . . .

С полей победы похищенный
Один, толпой врагов

<Стихи 2-й и 4-й подчеркнуты Пушкиным.>

<Строфа 3-я>

. . . . . .

Мне жизнь не жизнь, *без славы— бремя*,
И пуст прекрасный мир!

Любимые стихи к<нязя> П<етра> Вяземского.

<Строфа 6-я>

<Конец стиха подчеркнут Пушкиным.>

. . . . . .

На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!

Было прежде: *белым снегом*.

<Стрсфа 7-я>

На родину, в сей терем *древний*,
Где ждет меня *краса*

Вместо: *красавица*. Неудачно.

<Строфа 8-я>

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей!
Вы, звезды Севера, горите
Изгнаннику светлей! —

Прекрасно.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Гезиод и Омир—соперники (стр. 93—100).	Вся элегия превосходна—жаль, что перевод.
Народы, как волны, в *Колхиду* текли,	Невежество непростительное.
Коней отрешите от тягостных уз И в стойлы прохладны ведите! Вы, пылью и потом покрыты бойцы, При пламени светлом вздохните! Внемлите, народы, Эллады сыны, Высокие песни внемлите!	Прекрасно.
Пройдя из края в край *Гостеприимный мир*,	В конце сказано: *рожденный в Самосе* и проч. Противуречие.
Омир.	
Мне снилось в юности: орел-громометатель От Мелеса меня, играючи, унес На край земли, на край небес, Вещая: «Ты земли и неба обладатель!»	Прекрасно.
Гезиод.	
О, нежны дочери суровой Мнемозины!	Зачем *суровой*.
Твой гений проницал в Олимп: и вечны боги Отверзли для тебя заоблачны чертоги.	Вот пример удачной перемены цезуры.
И что ж? *В юдоли сей страдалец искони*	Библеизм неуместный.
К другу (стр. 101—105).	Сильное, полное и блистательное стихотворение.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Строфа 7-я>

Минутны странники, мы ходим
по гробам;
Все дни утратами цитаем;
На крыльях радости летим
к своим друзьям—
И что ж? их урны обнимаем.

Прелесть!—да и всё прелесть!

<Строфа 9-я>

Нрав тихий ангела, дар слова,
тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;

Звуки италианские! Что за чудотворец этот Б<атюшков>!

<Строфа 11-я>

Она в страданиях почила,

Прекрасно!

<Строфа 14-я>

Напрасно вопрошал я опытность веков
И *Клии* мрачные скрижали;

Клио, как *депо*, не склоняется. Но это правило было бы затруднительно.

<Строфа 15-я>

Как в воздухе перо кружится
здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится
по волнам
И вечно пристани не знает:

Подражание Ломоносову и Torrismondo.

Мечта (стр. 106—118).

Писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Б<атюшкова>.

Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает
луч
И хладная луна выходит из-за
туч?

Гармония.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит всё любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?

Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;

Прекрасно.

<Стихи 32—39>

Или в полночный час
Он слышит скальдов глас
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.

Скальд и бард одно и то же, по кр<айней> мере — для нашего воображения.

<Стихи 46—66>

Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты
Но сам *ты пал* на грудах тел,
Пал витязь знаменитый
Под тучей вражьих стрел!
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валькирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках,
В безмолвии спустились!
Коснулись до зенит копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;

<Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и над первым из них заметка:> детские стихи.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг—
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.—

<Стихи 73—74>

Там снова с арфой золотою
В восторге скальд поет.

Опять всё то же.

<Стихи 104—108>

Тогда на крылиях Мечты
Летал я в поднебесной;

Дурно.

Или забывшися на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестной.

Дурно.

И щастлив наяву, был щастлив и в мечтах!

<Стихи 109—137>

Волшебница моя! дары твои бесценны

Какая дрянь.

И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.

Какая дрянь.

Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,

Какая дрянь.

Всё, всё украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь:
За ним во все страны летаешь,
И щастием даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! Что нужды для него?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но с ним задумчивость в день
пасмурный, осенний,
На мирном ложе сна,
В уединенной сени,
Беседует одна.
О, тайных слез неизъяснима
сладость!
Что пред тобой сердец холод-
ных радость,
Веселый шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под
луною;
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных
друзей!
Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался,
И щастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает
томны очи,
Всю сладость не вкусил обман-
чивой Мечты?

* * *

Какая дрянь.

<Стихи 138—149>

Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши с подругой
боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламен-
ной рукой
Снимаешь со груди ее покров
стыдливой;
Теперь блаженствуешь и ща-
стлив ты Мечтой!
Ночь сладострастия тебе дает
призраки
И нектаром любви кропит ле-
нивы маки.

Немного опять по-
хоже на Бат<юшко-
ва>.

Катенин находил эти два стиха достойными Баркова.

Мечтание—душа поэтов и сти-
хов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить
Анакреона;

Дурно, вяло.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона;

<Стихи 150—173>

А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций,
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных и веселых,
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
На скате бархатных лугов,
В щастливом Тибуре, в твоем уединеньи,
Ты ждал Глицерию и в сладостном забвеньи,
Томимый негою на ложе из цветов,
При воскурении *мастик благоуханных*,
При пляске нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе
Мечтал... и вдруг Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и прекрасной
Победу пел любви
Над юностью беспечной
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечный.

Дурно.

Слабо.

Дурно.

Пошло.

<Стихи 174—177>

Щастливец! воспевал
Цитерские забавы,
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

Хорошие 4 стиха.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Стихи 178—186>

Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных
мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых
кустов;
Для них нет прелести и в прелестях природы;
Им девы не поют, сплетяся в
хороводы;

<Стихи 178—184 Пушкиным перечеркнуты.>

<Стихи 187—194>

Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без
цветов...
Увы! Но с юностью исчезнут и
мечтанья,
Исчезнут Граций лобызанья,
Надежда изменит, и рой крылатых снов!
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает,
И время старости могилу открывает!

Прекрасно.

Дрянь.

<Стихи 195—199>

Но ты—пребудь верна, живи
еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца
не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златый у мраморных палат; —

Дрянь.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Послания.

Мои пенаты.

Послание к Ж<уковскому>и к В<яземскому> (стр. 121—137).

Это стихотворение дышит каким-то упоеньем роскоши, юности и наслажденья— слог так и трепещет, так и льется—гармония очаровательна.

<Стихи 1—8>

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новоселье
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;

Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев миф<ологии> с обычаями жителя подмосковной деревни.

<Стихи 25—28>

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.

Музы — существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но *норы* и *кельи*, где лары расставлены, слишком переносят нас в греч<ескую> хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином суворовского солдата с двуструнной балалайкой.— Это всё друг другу слишком уже противоречит.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Стихи 35—36>

Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель!

<Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.>

<Стихи 43—48>

Богатство с суетой;
С наемною душой
Развратные щастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!

<Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и сбоку снабжены заметкой:>
Сильные стихи.

<Стихи 139—143>

Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

<Стихи 139—143 Пушкиным перечеркнуты.>

<Стихи 293—294 и 301—304>

Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут,
. . . . . .
К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?

Стихи прекрасные, но опять то же противуречие.

Послание Г. В<ельегорско>му (стр. 138—141).

Преглупая пиеса.

Когда отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать,
И новый *регламент* и новые законы
В глазах прелестницы читать!

Mauvais goût[1]—это редкость у Б<атюшкова>.

[1] <Дурной вкус.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Стихи 12—15>

Обетованный край! где ветреный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи обрызует.
(Какими б и у нас гордилась красота!)

Как дурно!

<Стихи 25—29>

О мой любезный друг! отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней и с прежними бедами,
С любовью и войной!
Или, волшебник мой,
Одушеви мое музыкой песнопенье;

Не понимаю этого перехода.

<Стихи 31—34>

Еще отдай стихам потерянны права,
И камни приводить в движенье
И горы, и леса!
Тогда я с сильфами взлечу на небеса.

Плоско.

Вот сунуло куда!

<Стихи 39—43>

... и нимфы гор при месячном сияньи,
Как тени легкие, в прозрачном одеяньи,
С сильванами сойдут услышать голос мой.
Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками,

Сильваны, нимфы и наяды—*меж* сыром выписным и гамб<ургским> журналом!!!

Послание к Т<ургене>ву (стр. 142—145).

<Стихи 19—20>

Лишь *дайте им!* промолви—вмиг
Они очутятся с рублями.

Как плоско!

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Стихи 27—28>

Был беден. Умер. От долгов
Он, следственно, спокоен.

Какая холодная шутка!

<Стихи 29—32>

Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не всё для бедных бедство!

Что за слог!

<Стихи 37—39>

Прекрасно! славно!—спору нет!
Но... здешний свет—
Не рай,—мне сказывал мой дед.

Стихи, достойные В<асилия> Л<ьвовича>.

<Стих 50>

И стал... Грация *точь-в-точь!*

Опять![1]

<Стих 63—66>

Они пред образом, конечно,
Затеплят чистую свечу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечной!

Я не угадаю: если за здоровье Т<ургенева>, то это плоско;—если нет, так изъяснись.—Охота печатать всякой вздор! Б<атюшков> — не виноват![2]

Ответ Г<недичу> (стр. 146).

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;

Б<атюшков> — женится на Г<недич>е!

---

[1] <Подразумевается стих 21-й этого же «Послания»: «Но кто они?—Скажу точь-в-точь».>

[2] <Подразумевается, что виноват не автор «Опытов», а их издатель, Гнедич.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<Стихи 17—24>

И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой,
Увы, твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой!
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир.

Прекрасно.

К Ж<уковско>му (стр. 148—152).

Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей фр<анцузского> остроумия, — и везде язык поэзии.

Ответ Т<ургене>ву (стр. 153—156).

Как неудачно почти всегда шутит Б<атюшков>! Но его *Видение* умно и смешно.

Послание И.М.М<уравьеву> А<постолу> (стр. 160—166).

Ты прав, любимец Муз! от первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу гений
И им в теченьи дней своих не изменит!

Цель послания не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно.

<Стихи 33—36>

Не там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода

Это дело десятое: не о том дело; см. ст<их> 1.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Обилием поля щастливые дарит,
Таланта колыбель и область пиерид?

<Стих 72>

И день, чудесный день, без ночи, без *зарей!* — зорь

<Стихи 77—81>

Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей щастливой Музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод, — Вяло.
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец Сибирского Пизарра вдохновенный!

<Стихи 99—100>

Всем наслаждается, и всюду наконец — Темно!
Готовит Фебу дань его грядущий жрец.

Смесь

Песнь Гаральда Смелого (стр. 172—174)

<Строфа 1-я>

Когда мы, *содвинув стеной корабли,* — ?

<Строфа 3-я>

И Гела зияла в *соленой* волне.
Но волны напрасно, ярясь, хлестали: — Прекрасно.
Я черпал их шлемом, работал веслом.

Вакханка (стр. 175—176). — Подражание Парни, но лучше подлинника, живее.

Нагло ризы подымали
И *свивали их клубком.* — Смело и щастливо.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И по роще *раздавались* «Эвоэ!» и *неги глас!*—	М<ожет>б<ыть>, слишком громкое слово.
Р а з л у к а (стр. 180—182).	Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить.
Л о ж н ы й с т р а х. П о д р а ж а н и е П а р н и (стр. 183—185).	
Гименей за всё ручался И амуры на часах.	Стих <М. Н.> Муравьева.
<Стихи 21—28>	
Рано утренние розы Запылали в небесах... Но любви бесценны слезы, Но улыбка на устах, Томно персей волнованье Под прозрачным полотном, Молча, новое свиданье Обещали вечерком.	Очень мило.
<Стихи 29—44>	
Если б Зевсова десница Мне вручила ночь и день, Поздно б юная денница Прогоняла черну тень! Поздно б солнце выходило На восточное крыльцо; Чуть блеснуло б, и сокрыло За лес рдяное лицо; Долго б тени пролежали Влажной ночи на полях; Долго б смертные вкушали Сладострастие в мечтах. Дружбе дам я час единый, Вакху час и сну другой; Остальною ж половиной *Поделюсь, мой друг, с тобой!*	Прекр<асно>. Пр<екрасно>. *Поделился бы.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Сон монгольца (стр.186—188).	Монгольская басня, как называет ее Б<атюшков>—сам.
Любовь в челноке (стр. 189—191).	<От стиха 17-го до конца стихотворение Пушкиным перечеркнуто.>
Счастливец. Подражание Касти (стр. 192—195).	<Всё стихотворение, за исключением последних двух строф, Пушкиным перечеркнуто.>
Радость. Подражание Касти (стр. 196—198).	Вот Бат<юшковск>ая гармония.
К Н. <Н. М. Муравьеву> (стр. 199—201).	Подражание старым трубадурам.
Свисти теперь, жужжи, свинец! Летайте, ядры и картечи! Что вы для них? для сих *сердец*, Природой *вскормленных* для сечи?	<Слова, набранные курсивом, Пушкиным подчеркнуты.>
И под победными громами «*Мы хвалим господа*» поем!	Te Deum laudamus, а по-нашему должно бы: *Царю небесный.*
Спокойся; с первыми громами К знаменам славы полетишь;	Прекрасно!
Эпиграммы, надписи и пр. (стр. 202—207).	
Всегдашний гость, мучитель мой О Балдус! долго ль мне зевать, Дремать с тобой?	Это не Батюшк<ова>, а Блуд<ова>, и то перевод.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Будь крошечку умней, или дай
жить в покое!
Когда жестокий рок сведет
тебя со мной—
Я не один и нас не двое.

II.

Как трудно Бибрису со славою
ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет,
чтоб напиться!

<Перечеркнуто Пушкиным.>

III.

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и на зло рассудку:
Веселостью обязан он желудку,
А памяти—умом.

<Зачеркнуто Пушкиным. >

V.

Мадригал новой Сафо.

Ты Сафо, я Фаон; об этом и не
спорю:
Но к моему ты горю
Пути не знаешь к морю.

Переводное острословие—плоскость.

XI.

Мадригал Мелине, которая называла себя нимфою.

Ты нимфа Ио; нет сомненья!
Но только... после превращенья!

Какая плоскость!

XII.

На книгу под названием: «Смесь».

По чести, это *смесь:*
Тут проза и стихи, и авторская
спесь.

<Перечеркнуто Пушкиным.>

Странствователь и домосед (стр. 208—229).

Сижу и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином,

Стих не сказочный, натянутый.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Наследственным добром свои
насытя взоры,
Такие завели друг с другом
разговоры:

— О, я с тобой *несходен;*
Я пресмыкаться *не способен*

От скуки сам с собой *вполголос*
рассуждая

<Стихи 98—163>

<Стихи 210—219>

Топиться хочешь ты? Согласен;
но сперва,
Поведай мне, твоя спокойна
ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку
иль страсти?
Рассудок: но его что нам вещает
глас?
Что жизнь и смерть равны
для нас.
Равны: так незачем топиться.
Дай руку мне, мой сын, и не
стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь
может быть шастлив,—
Кто жить советует, всегда крас-
норечив:
И наш герой остался жив.

<Стихи 226—247>

Забыв людей и свет,
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:

Лишнее.

Они тут необходимо—*друг с другом*—наречие, а не *имена сущ.*

<Рифма: *несходен — не способен* отмечена как слабая.>

в полголоса

<Стихи 98—163 Пушкиным перечеркнуты и в разных местах снабжены заметками:>
Лишнее, дурно, холодно, всё это лишнее.

Прекрасно.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Орехи, жолуди и травы,
Большой сосуд воды, и только—боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии тотчас заговорил;
«Всё призрак! под конец хозяин заключил:
Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастия и страсти,
И я, и ты, и целый свет,
Всё призрак!»—«Сновиденье!»
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но, глядя на сухой обед,
Вскричал: «Я голоден!»—«И это заблужденье,
Всё грубых чувств обман; не сомневайся в том».—
Неделю попостясь с брадатым мудрецом,
Наш призрак Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.

<Стихи 249—251>

Пора с философом расстаться,
Который нас недаром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.

<Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.>

<Стихи 268—276>

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел наконец адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом... и *столько* милых лиц,

<Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Для сердца моего *единствен-*
ных на свете!
Я сам... Но дело всё теперь о
Филалете,
Который, опершись на кафед-
ру, стоит
И ждет опять денницы.

<Стихи эти Пушкиным перечеркнуты.>

<Стихи 296—300>

Вы помните—бульвар кипел в
Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою
казак,
Иль северный Амур с колчаном
и стрелами.
Так точно весь народ толпился
и жужжал.

<Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и снабжены отметкой:>
Лишнее.

<Стихи 307—315>

По пальцам доказал, что в
мире быть... опасно.
— Что ж делать? закричал с
досадою народ.
— Что делать? Сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый
зрелый плод.
Я вам советую, граждане, ко-
лебаться:
И не мириться и не драться...—
Народ всегда нетерпелив!
Сперва наш краснобай услы-
шал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе
громкий хохот.

Прекрасно,—но не в том дело.

<Стихи 375—383>

Напрасно Клит с женой ему
кричали в след
С домашнего порога:
«Брат милый, воротись, мы
просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине?
Новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве
не мило?

Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат! останься, Филалет!»
Напрасные слова.—Чудак не воротился—
Рукой махнул... и скрылся.

всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.

Переход через Рейн (стр. 233—241).

Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное.—

<Строфа 10-я>

Стеклись, нагрянули, за честь твоих граждан,
За честь твердынь и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян;
Где ангел мирный, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.

Темно.

Дело идет о Елизавете Алексеевне.

<Строфа 14-я>

Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на береге высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

Прелесть.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Умирающий Тасс, элегия (стр. 245—253).

Эта элегия, конечно, ниже своей славы.—Я не видал элегии, давшей Б<атюшко>ву повод к своему стихотворению, но сравните *Сетования Тасса* поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия (см. замеч<ания>), ничего не видно. Это — умирающий В<асилий> Л<ьвович>, а не Торкват.

Ни в хижине братая простова
. . . . . .
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей

Добродушие историческое, но вовсе не поэтическое.

Там, там... о, счастие!.. средь непорочных жен,
Средь ангелов Елеонора встретит!»
И с именем любви божественный погас;

Остроумие, а не чувство. Это покровенная глава Агамемнона в картине.

Беседка муз (стр. 254—256).

Прелесть!

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ М. П. ПОГОДИНА «ОБ УЧАСТИИ ГОДУНОВА В УБИЕНИИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ»[1]

Текст Погодина	Заметки Пушкина
Стр. 90. Димитрий родился от седьмого брака Иоаннова, и по тогдашним понятиям е д в а л и и м е л право на п р е с т о л, п о к р а й н е й м е р е н е о с п о р и м о е*[2].	Смотри все летописи, где об незаконности Димитрия нигде не упомянуто, напротив.
Стр. 91. Сноска. Но Бельской в с к о р е опять является в столице.	После смерти Борисовой.
Стр. 92. Следовательно они не почитали Димитрия наследником? По крайней мере отсюда видно, что всякая сторона легко могла отстранять его при рассуждениях о престоле.	Дядя *законный* наследник, но *сын* естественный наследн.
Стр. 92. Борис возражал им, что во всяком случае трон не будет без наследников, и б о ц а р е в и ч Д и м и т р и й — ж и в е т и здравствует.	
Стр. 92. Далее*[3]—Борис не велел молиться о Димитрии и поми-	Один Борис.

[1] <Статья Погодина была напечатана в «Московском вестнике» 1829 г., ч. III. Разрядкой обозначены слова, подчеркнутые Пушкиным, в прямых скобках — слова, зачеркнутые Пушкиным в тексте Погодина.>

[2] <Знак сноски—крестик—поставлен Пушкиным; при отметке же на полях значок не повторен.>

[3] <Крестик поставлен Пушкиным.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нать его имени на литургии, мысля тем, говорит историограф, объявить злосчастного царевича незаконнорожденным, как сына шестой или седьмой Иоанновой супруги.

Стр. 92—93.

Спрашиваю: зачем было прибегать Борису к этой лишней мере, если он задумал убийство... .

!

Стр. 93.

...а теперь не вероятнее ли заключить, что Борис хотел политически убить Димитрия, в народном мнении, тише, безопаснее и гораздо действительнее.—Сюда же относятся и слухи, распущенные в народе друзьями Годунова о наклонности Димитрия ко злу и жестокости (коими правитель, по мнению историографа, приготовлял будто легковерных людей услышать без жалости о злодействе!). (Кар. X, 130.)

и[1]

Следств. были замыслы противу младенца, и Дм. был опасен Борису.

Стр. 93—94.

Задумав убийство, как Борис не удалил по крайней мере из Углича Нагих, своих злоумышленников, естественных противников его намерениям? Так легко мог он сделать это, дав им какие-нибудь значительные места при дворе или в городах!—Как не избавился он от кормилицы, будто бы преданной царице.

!

!! Однакоже думал.

[1] <Вставлено между словами: «хотел» и «политически».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр. 94—95.

...[неужели, говорю, Борис мог бояться совместничества с семилетним или четырнадцатилетним отроком, без подпоры в церкви, дворянстве, гражданах, без положительного права?] Неужели он не мог предвидеть, что сей несчастный сирота был бы непременно отвержен народом...

Царевич! единственный сын Иоанна!

Стр. 95—96.

...что если бы расстрига был и действительно сын Иоаннов Димитрий, то он всё еще не имел бы права на корону, будучи сыном незаконным от шестой или седьмой жены...

Русским этого не говорили: Кар<амзин> это умно изъяснил.

Стр. 96.

Приняв в расчет сии соображения, можно ли сказать утвердительно, что Борису необходимо нужна была смерть Димитрия? Нельзя ли наоборот предположить, что Борис готовил ему смерть политическую, а не настоящую?

Противуречие.

Стр. 96.

— согласимся (самая трудная уступка), что Борис своими мерами хотел показать народу, будто и живой Димитрий ему не опасен, и следовательно смерть его бесполезна, — согласимся, что Нагих и кормилицу*[1] оставил он в Угличе для отклонения от себя всяких подозрений;

Противуречие.
Как ему знать кормилицу?

[1] <Крестик Пушкина.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр. 97.

... Карамзин, представитель всех наших известных летописей, сообразив все свидетельства, бывшие пред его глазами. (Кар. X, 130—133.)

Стр. 101.

Для чего было Борису это хладнокровное *политическое* решение совета (которого никак себе вообразить нельзя), что смерть Димитрия необходима для безопасности правителя и для государственного блага!!

Mauvaise foi [1]

Стр. 101.

Яд, которым начали действовать новые (!) соучастники Бориса, не вредил младенцу ни в яствах, ни в питии...

Летописцы.

Стр. 101.

...существуют ли такие злодеи, которые согласны дать скрупул мышьяку, а не драхму?

Шуточки.

Стр. 102.

[И Борис не умел сыскать *одного* человека, с руками потверже (который, казалось бы, только и нужен был ему с самого начала вместо всех совещаний и выборов), не умел сыскать одну знающую старуху, кои по нашим деревням портят людей!]

Нет:—Борис только что *досадовал*, и за неимением способ-

[1] <недобросовестность>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ных исполнителей решился *переменить* свое намерение, и вместо тихого яда действовать звонким ножом!

Что же? Этот опытный знаток людей открывается опять двум человекам (двадцатым?), которые отказываются исполнить его поручение, и предаются гонению! (даже и не смерти?)

Стр. 102—103.

[Наконец отправляются в Углич Битяговский, представленный Клешниным, с сыном и Качаловым, удостоенные также совершенной доверенности Годунова... Не слишком ли уже дешева эта доверенность Борисова?.. И Борис, который был так осторожен во всех подобных случаях, что велел доносить, например, себе всякое слово сосланного Филарета (Кар. XI, 104), не умел *растолковать* убийцам (управлявшим домом и столом царицы), чтобы они сделали свое дело как можно тише, осторожнее,— по крайней мере не днем, не при свидетелях, всего менее при кормилице, преданной Нагим?]

Как могла подозрительная мамка вывести Димитрия насильно из горницы в сени? Как допустила она за собою верную кормилицу, предвидя убийство? Как могла согласиться при ней на оное? Ведь оставаясь с трупом и очевидною свидетельницею убийства, она подверга-

Не то: смотри Кар<амзина>.

А Наполеон, убийца Энгенского, и когда? ровно 200 лет после Бориса.

!!

Как бы не

Покровительствуе-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лась явной смерти! и проч. и проч.

Стр. 105.

С другой стороны—как Шуйский, подобно баснословным Чепчугову и Загряжскому, не отказался...

Стр. 105.

Вспомним, как благородно и смело вел себя Шуйской...

Стр. 105—106.

«Димитрий, в среду мая 12, занемог падучею болезнию... в субботу, также после обедни, вышел гулять на двор с мамкою, кормилицею, постельницею и с молодыми жильцами»...

«Узнав о несчастии сына, царица прибежала и начала бить мамку, говоря, что его зарезали Волохов, Качалов, Данило Битяговский, из коих ни одного тут не было...»

Стр. 106—107.

«...Михайло Нагой велел принести несколько самопалов, ножей, железную палицу,— вымазать оные кровью и положить на тела убитых, в обличение их мнимого злодеяния. Сию нелепость утвердили своею подписью воскресенский архимандрит Феодорит, два игумена и духовник Нагих от робости и малодушия; а свидетельство истины, мирское, единогласное, было утаено: запимая Борисом! т. е. царем!

Почему же, если об них упоминает *современная* летопись?

Истинно нелепость.

Свидетели!

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сали только ответы Михаила Нагого, как бы явного клеветника, упрямо стоящего в том, что Димитрий погиб от руки злодеев».

Стр. 107.

«Но сии допросы, говорит историограф (X, 138), суть памятники — бессовестной лживости Шуйского; он допрашивал тайно, особенно, не миром, действуя угрозами и обещаниями; призывал кого хотел; писал, что хотел».—

«Одни сии допросы (Кар. X, пр. 238), явно ознаменованные действием страха, угроз, принуждения, совести нечистой, свидетельствуют о кове Бориса Годунова».

Именно.

Стр. 108.

Как Волохова могла выдумывать в пользу Бориса, так кормилица могла лгать по повелению царицы,— и их равносильные свидетельства уничтожаются сами собою.

Стр. 108.

Царице должно было снять вину с себя, если Димитрий погиб от ее небрежения...

Глупость.

Стр. 109.

Народ, зная о неприязни Борисовой к Димитрию, легко поверил правдоподобной выдумке...

Оправданному показанию всея Руси.

Стр. 110.

Царица, Нагие и граждане, совершив са-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

мовольно казнь, не должны ли были впредь для своего оправдания доказывать вину казненных?

Вздор.

Стр. 110.

Скажут — следствие можно произвесть лучше и дознаться до истины; но если этого не сделано, то мы не имеем права дополнять его теперь своими произвольными догадками...

А вы что же делаете?

Стр. 110.

Как очутились на дворе дети, если Димитрий убит у крыльца тотчас по выходе из комнаты?

Не понимаю, что хочет сказать критик.

Стр. 111.

Неужели убийцы не предвидели, что в городе произойдет волнение, и не приняли никаких мер к своему спасению? (Иные летописатели говорят, что они отбежали 12 верст, но воротились назад.)

Они бежали.

Нет.

Стр. 111.

Неужели Шуйский явно заставлял граждан подписываться под готовыми ответами?

Как мудрено!

Как Борис решался до такой степени обнаруживаться пред тысячами своих подданных?

И очень!

Царица была пострижена и заключена в монастырь. Все Нагие, сии справедливые или несправедливые обвинители Бориса, остались в живых (знак доброты его) и дожили до лучшей участи при Лжедмитрии.

Братья *царицы!*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр. 112.

...в остальные семь лет царствования Федорова и семь лет царствования Борисова он оставался в одном положении, без особенных знаков дружбы, даже милости Борисовой.

[Итак, до сих пор нет *улик* против Бориса?—]

[Глупость.]

Стр. 112.

Инокиня Марфа (прежняя царица Мария Нагая)...

Но может ли история принимать в уважение слова этой (б е с х а р а к т е р н о й)[1] женщины.

Он был военачальник и

Стр. 115—116.

...он не понимал, что царственный младенец, с первого года своей жизни подверженный гонениям, оскорбляемый, л и ш а е м ы й п р а в с в о и х, н а к о н е ц н е в и н н о п о г и б ш и й, по повелению ли Бориса или только по его тайному желанию, или небрежению Нагих...

Стр. 116.

Патриарх Иов в своей прощальной грамоте с народом, по случаю новых возмущений при Шуйском, превозносит Бориса, а о Димитрии говорит: «п р и я т з а к л а н и е н е п о в и н н о о т р у к и з м е н н и к с в о и х» (Кар. XII, пр. 208).

Стр. 117.

Мог ли бы Иов, друг и слуга Борисов, произвесть такое дей-

Когда же?

[1] <Круглые скобки Пушкина.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ствие, если б принимал участие в убиении святого Димитрия, только что тогда в Москву пренесенного, которое летописи и историограф ему приписывают?

Стр. 120.

Борис велел, говорят летописатели, удавить в монастыре князя Ивана Сицкого с женою, хотел уморить голодом и недужного Ивана Романова; но бумаги приказные свидетельствуют, что последний имел весьма небедное содержание»... (Кар. X, 106)*.

* Историограф предлагает сие известие вот как: «если верить летописцу, то Борис велел и проч., но бумаги приказные свидетельствуют, что и проч.» — Зачем же верить летописцу?[1]

То и говорит Кар<амзин>. Это напоминает способ критиковать, Полевым употребляемый.

Стр. 124—125.

Соединив теперь все собранные мною доказательства за него и против него, я представляю всё дело на суд Уголовной палаты, по существующим *ныне* законам.

Не должна ли она оставить Бориса только в подозрении, и подозрений слабом.

[Как! нынешняя Уголовная палата должна оставить Бориса только в подозрении, а история, имея на своих весах еще двадцатипятилетие благодеяний Борисовых России, осмеливается произносить ему

Это глупость. *Уг<оловная> пал<ата>* не судит мертвых царей по *сущ. ныне зак.* Судит их история, ибо на царей и на *<неразбр.>* нет *иного суда.*

[1] <Сноска Погодина.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

решительный приговор!] Нет! нет, будем справедливы к сему великому мужу, который так хорошо понимал добродетель... который в торжественную минуту своего помазания на престол обещался отдать последнюю рубашку с плеча неимущему подданному...

Фраза!

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПИСЬМА КН. П. А. ВЯЗЕМСКОГО К С. С. УВАРОВУ ПО ПОВОДУ КНИГИ УСТРЯЛОВА «О СИСТЕМЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ» (1836)

Текст Вяземского	Заметки Пушкина
Самый IX том, в котором Карамзин с откровенным негодованием благородной души живописал яркими красками тиранию *ослепленного царя*, самый сей том должен был усилить к нему вражду противников мнения его.	мучителя
И самое 14 декабря не было ли в последствии времени, так сказать, критика вооруженною рукою на мнение, исповедуемое Карамзиным, т. е. *Историею государства Российского*, хотя, конечно, участвующие в нем тогда не думали ни о Карамзине, ни о труде его.	Не лишнее ли?
И после подобных несообразностей в сфере действий самого правительства будут искать в области мнимых догадок или в тайниках неблагонамеренных обществ зародыши возмутительных понятий или ослабления уважения к законной власти и к существующему порядку, если они изредка кое-	Не лишнее ли, т. е. не повторение ли.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

где и пробиваются в жизни общественной. Но зачем головоломно искать эти зародыши за тридевять земель, когда они у нас под рукою, когда они гласно и торжественно с университетских кафедр посеваются в уме молодежи, всегда жадной к приятию всего, что носит на себе отпечаток оппозиции!

На развешенном знамени министерства вашего изображено охранительное правило. Так! Но под сенью знамени сего не совершаются ли действия, ему противные? Анархия в понятиях ведет к анархии в действиях.

К стыду классического учения, коего университет должен быть стражем, г. Устрялов не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого; стройное творение одного и хаотический недоносок другого! И столь двусмысленно, или просто сбивчиво опутал собственное мнение свое оговорками, пошлыми фразами и перифразами, что поистине не знаешь, кому из двух отдает он преимущество!

О Полевом не худо было бы напомнить и пространнее. Не должно забыть, что он сделан членом-корреспондентом нашей Академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изысканий и безо всякой совести,— не говорю уже о плутовстве подписки, что уже касается управы благочиния, а не Академии наук.

<1836>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ЗАПИСИ

ЗАПИСКИ П. В. НАЩОКИНА, ИМ ДИКТОВАННЫЕ В МОСКВЕ 1830

Я начинаю себя помнить на большом барском дворе, сидящим в песке (что почитается средством противу так называемой английской болезни). Около меня толпа нянек и мамушек и шестнадцать дворовых мальчишек, готовых попеременно таскать меня во весь дух в колясочке с барского на черный двор, и на деревенский базар.—Помню отца моего, и вот в каких обстоятельствах. Назначен отъезд в Петербург. На дворе собирается огромный обоз,—крыльцо усеяно народом—гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маиорами в старинных мундирах и проч. Отец мой между ими в зеленом плаше.—Одноколка подана. Меня просят к отцу, с ним проститься—он хочет взять меня с собою—я плачу: жаль расстаться с нянею... Отец с досадой меня отталкивает—садится в одноколку, выезжает, за ним едет весь обоз—двор пустеет, челядь расходится — и с тех пор впечатления мои становятся слабы и неясны до 10-го года моего возраста.—

Тут сцена переменяется; но сперва скажу несколько слов о моих родителях. Отец мой, генерал-поручик В. В. Нащокин, принадлежит к замечательнейшим лицам екатерининского века. Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности. Несколько анекдотов, сохранившихся по преданию, дадут о нем понятие. После похода, в котором он отличился, он, вместо всякой награды, выпросил себе и многим своим офицерам отпуск и уехал с ними в деревню, где и жил несколько месяцев, занимаясь охотою. Между тем начались вновь военные действия. Суворов успел отличиться, и отец мой, возвратясь

Пушкинский кабинет ИРЛИ

в армию, застал уже его в александровской ленте. «Так-то, батюшка В. В.», сказал ему Суворов, указывая на свою ленту, «покаместь вы травили зайцев, и я затравил красного зверя». Шутка показалась обидною моему отцу, который и так уж досадовал; в замену эпиграммы он дал Суворову пощечину. Суворов перевертелся, вышел, сел в перекладную, прискакал в П. Б., бросился в ноги государыне, жалуясь на отца моего. Вероятно, государыня уговорила Суворова оставить это дело для избежания напрасного шума. Несколько времени спустя присылают отцу моему георгия при рескрипте, в коем было сказано, что за обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей он достоин, но что отец мой получает орден по личному ходатайству А. В. Суворова. Отец мой не принял ордена, говоря, что никому не хочет он быть обязану, кроме самому себе. Вообще он никого не почитал не только высшим, но и равным себе. Кн. Потемкин заметил, что он и о боге отзывался хотя и с уважением, но всё как о низшем по чину, так что когда он был генерал-майором, то на бога смотрел как на бригадира, и сказал, когда отец мой был пожалован в генерал-поручики: «Ну, теперь и бог попал у Нащокина в 4-ый класс, в порядочные люди!»—Будучи назначен командиром корпуса, находящегося в Киевской губернии, вскоре по своему прибытию в оной дал он за городом обед офицерам и городским чиновникам. Киевский комендант, заметя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уехал. Отец, заметя его отсутствие, взбесился, встал изо стола, приказал корпусу собраться и повел его к городу. Поднялась пальба; ни одного окошка не осталось в Киеве целого,—город был взят приступом, и отец мой возвратился со славою в лагерь, ведя предателя-коменданта военнопленным. По восшествии на престол государя Павла I отец мой вышел в отставку, объяснив царю на то причину: «Вы горячи, и я горяч: нам вместе не ужиться». Государь с ним согласился и подарил ему воронежскую деревню. Отец мой жил барином. Порядок его разъездов дает понятие об его жизни. Собираясь куда-нибудь в дорогу подымался он всем домом. Впереди на рослой испанской лошади ехал поляк Куликовской с волторною—прозван он был Куликовским по причине длинного своего носа; должность его в доме состояла в том, что в базарные дни обязан он был выезжать на верблюде и показывать мужикам lanterne-magique[1]. В дороге же подавал он волторною сигнал привалу и походу. За ним ехала одноколка отца моего; за

[1] <волшебный фонарь>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

одноколкою двуместная карета про случай дождя—под козлами находилось место любимого его шута, Ивана Степаныча. Вслед тянулись кареты, наполненные нами, нашими мадамами, учителями, няньками и проч. За ними ехала длинная решетчатая фура с дураками, арапами, карлами, всего 13 человек. Вслед за нею точно такая же фура с больными борзыми собаками. Потом следовал огромный ящик с роговою музыкою, буфет на 16-ти лошадях, наконец повозки с калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отец мой останавливался всегда в поле). Посудите же, сколько при всем этом находилось народу, музыкантов, поваров, псарей и разной челяди.

В числе приближенных к отцу моему два лица достойны особенного внимания: дурак Ив. Степ. и арапка Мария. Арапка отправляла при нем должность камердинера, она была высокого роста и зла до крайности. Частехонько диралась она с моим отцом, который никогда не сердился на нее. Иван Степаныч—лицо историческое. Он был известен под именем дурака нашей фамилии. Потемкин, не любивший шутов, слыша многое о затеях Ив. Степ., побился об заклад с моим отцом, что дурак его не рассмешит. Ив. Ст. явился, Потемкин велел его привести под окошко и приказал себя смешить. Положение довольно затруднительное.—Ив. Степ. стал передразнивать Суворова, угождая тайной неприязни Потемкина, который расхохотался, позвал его в свою комнату и с ним не расставался. Государь Павел Петрович очень его любил, и Ив. Степ. имел право при нем сидеть в его кабинете.—Шутки его отменно нравились государю. Однажды царь спросил его: «Что родится от булочника?»—«Булки, мука, крендели, сухари и пр.», отвечал дурак. «А что родится от гр. Кутайсова?»—«Бритвы, мыло, ремни и проч.»—«А что родится от меня?»—«Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч.» Государю это очень полюбилось. Он вышел из кабинета и сказал окружающим его придворным: «Воздух двора заразителен; вообразите: уж и дурак мне льстит. Скажи, дурак, что от меня родится?»—«От тебя, государь, отвечал, рассердившись, дурак, родятся бестолковые указы, кнуты, Сибирь и проч.» Государь вспыхнул—и, полагая, что дурак был подучен на таковую дерзость, хотел узнать непременно—кем. Ив. Ст. наименовал всех умерших вельмож, ему знакомых. Его схватили, посадили в кибитку и повезли в Сибирь. Воротили его уже в Рыбинске. При государе Александре был он также выслан из П. Б. за какую-то дерзость.—Он умер лет 6 тому назад.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Мать моя была в своем роде столь же замечательна, как и мой отец. Она была из роду Нелидовых. Отец, заблудившись на охоте, приехал в дом Нелидова, влюбился в его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновенного ума и способностей. Она знала многие языки, между прочим греческий,—английскому выучилась она 60-ти лет. Отец ее любил, но содержал в строгости.—Много вытерпела она от его причуд. Например: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбачью лодку и катал ее по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал на пушку и палил из-под нее. До глубокой старости сохранила она вид и обхождение знатной дамы. Я не видывал старушки лучшего тону.

Сестра моя была старше меня несколькими годами;— она была красавица и считалась таковою в Москве. Я с братом воспитывался дома. У нас было множество учителей, гувернеров и дядек, из коих двое особенно для меня памятны.

Один, пудреный, чопорный француз, очень образованный, бывший приятель Фридриха II, с которым игрывал он дуэты на флейте, а другой — которому <я> обязан первым моим пьянством, эпохою в жизни моей. Вот как это случилось. Однажды, скучая продолжительностию вечернего урока, в то время, как учитель занялся с братом моим, я подкрался и задул обе свечки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всем доме, кроме сих двух свечей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, все ушли, оставя дом пустым. Учитель насилу их нашел, насилу добился огня, насилу добрался до меня и в наказание запер меня в чулан. Вышло, что в чулане спрятаны были разные съестные припасы. Я, к неизъяснимому утешению, тотчас отыскал тут изюм и винные ягоды и наелся вдоволь. Между тем ощупал я штоф, откупорил его, полизал горлышко, нашел его сладким, попробовал из него хлебнуть, мне это понравилось. Несколько раз повторил свое испытание—и вскоре повалился без чувств. Между тем матушка приехала.—Учитель рассказал ей мою проказу—и с нею отправился в чулан. Будят меня. Что же? Встаю, шатаясь, бледный; на полу разбитый штоф, от меня несет водкой, как от Панкратиевны «Опасного соседа». Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, с головной болию, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу в окно и вижу, что на повозку громоздят пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мне, что матушка прогнала его затем-де, что он вечор запер меня в чулан.—

<1830>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

<ВЫПИСКА О ПОЛЕ ПОТТЕРЕ>

Поль Потер род. в Энкгуйзене в 1625 году—15 лет был уж известен—учился у отца, писал скоро с умом и свободой—умер в Амстердаме 1654 году

(Conversations Lex.)

<1831>

<ЗАПИСЬ В АЛЬБОМ ЧРЕВОВЕЩАТЕЛЯ ВАТТЕМАРА>

Votre nom est Légion car vous êtes plusieurs.
16 juin v. st. 1834, St. Pétersbourg [1].

[1] <Имя вам—Легион, ибо вы—множество. 16 июня ст. ст. 1834 г., С.-Петербург.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ВАРИАНТЫ И ДОПОЛНЕНИЯ ИЗ ЧЕРНОВИКОВ

<ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ>

<К главе II. Москва>

<1>

Обеднение Москвы есть доказательство обеднения русского дворянства, происшедшего от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою,—так что правнук богача делается бедняком потому только, что дед его имел четверо сыновей, отец его—столько же... Он уже не может жить этим огромным домом, который не в состоянии он освещать, даже и отапливать.

Он продает его в казну или отдает за бесценок старым заимодавцам—и едет в свою деревушку, заложенную и перезаложенную, где живет в скуке и в нужде, мало заботясь о судьбе детей, которых на досуге рожает ему жена и которые будут совершенно нищими. [Состояние же крестьян не улучшается—и крепостной мелкопоместного владельца терпит более притеснений и несет более повинностей, нежели крестьянин богатого барина.]

Но, говорят некоторые, раздробление имений способствует к освобождению крестьян: помещики, не получая достаточных доходов, принуждены заложить своих крестьян в Опекунский совет и, разорив их, приходят в невозможность платить проценты; имение тогда поступает в ведомство правительства, которое может их обратить в вольные хлебопашцы или в экономические крестьяне. Расчет ошибочный! Помещик, пришедший в крайность, поспешает продать своих крестьян, на что всегда найдет охотников, а долг дворянский связывает руки правительству

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и не допускает его освободить крестьян, ибо в таком случае дворянство справедливо почтет свой долг угашенным уничтожением залога.

<2>

[Екатерина ласкала Москву, прислушиваясь ее мнению, не мешала ни ее весельям, ни свободе ее толков, и во всё время своего долгого царствования только два раза удостоила Москву своим присутствием.]

Покойный император Александр после своего венчания на царство был в Москве три раза.

В 1810 году в первый раз увидел я государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой. Народ, наполнявший все улицы, по которым должен он был проезжать, ожидал его нетерпеливо. Наконец показалась толпа генералов, едущих верхами. Государь был между ими. Подъехав к церкви, он один перекрестился—и по сему знаку народ узнал своего государя.

Через два года, перед началом войны, государь опять явился в древней столице, требуя содействия от своего дворянства, которое славно отвечало ему устами графа Мамонова. В 1818 приехал он в Москву, восставшую и обновленную; во время присутствия державного семейства пушечная пальба возвестила Москве рождение великого князя Александра Николаевича.

Ныне царствующий император чаще других государей удостаивает Москву своим посещением, и старая столица каждый <раз> оживляется и молодеет с приездом своего государя. Неожиданный его приезд в 1830 году, во время появления холеры, принадлежит истории.

В Англии правительство только тогда и показывается народу, когда приходит оно стучаться под окнами, собирая подать. Во Франции—когда выводит оно свои пушки противу площадного мятежа.

<3>

Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствие или слава отечества не отзывается в ее сердце. Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах.

<К гл. III. Ломоносов>

<1>

Его влияние было вредное, и до сих пор отзывается в тощей нашей литературе. Изысканность, высокопарность,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

отвращение от простоты и точности—вот следы, оставленные Ломоносовым. Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать: *да лобжет мя лобзаниями*, вместо *целуй меня* etc.? Конечно, и Ломоносов того не думал и предлагал изучение славянского языка как необходимое средство к основательному знанию языка русского. [Знаю, что *Рассуждение о старом и новом слоге* так же походит на *Слово о пользе книг церковных в российском языке*, как псалом Шатрова на *Размышление о величестве божьем*, но тем не менее должно укорить Ломоносова в заблуждениях бездарных его последователей.]

<2>

Радищев говорит, что Ломоносов ни в какой отрасли наук не проложил новых следов[1]—и тут же сравнивает его—с лордом Беконом![2] Таковое странное понятие имел 18 век о величайшем уме новейших времен, о человеке, произведшем в науках сильнейший переворот и давшем им то направление, по которому текут они ныне.

Если Ломоносова можно назвать русским Беконом, то это разве в таком же смысле, как Хераскова называли русским Гомером; к чему эти прозвища? Ломоносов есть русский Ломоносов—этого с него, право, довольно.

<3>

Во Франции ее блестящая литература века Людовика XIV была в передней. Анекдот о Бенсераде дает понятие

---

[1] <«Он скитался путями проложенными, и в неисчисленном богатстве природы не нашел он ни малейшия былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не соглядал он ниже грубейшия пружины в вещественности, которую не обнаружили его предшественники».>

[2] <«Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминовения, что мог токмо сказать, как можно размножить науки?»>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

о тогдашних нравах[1]; и заметьте, что Бель приводит эту черту безо всякого замечания, как дело весьма обыкновенное! Ныне во Франции нравы уже не те, но сословие писателей потому только не ползает перед министрами, что публика в состоянии дать больше денег. Зато как бесстыдно ползают они перед господствующими модами! Какой талант ныне во Франции не запятнал себя грязью и кровью в угоду толпы, требующей грязи и крови? Можно ли J. Janin сравнить с Краббом?

<4>

Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы,

---

[1] <«Un soir le cardinal <Mazarin>, se trouvant chez le roi, parla de la manière dont il avait vecu dans la cour du pape, où il avait passé sa jeunesse. Il dit qu'il aimait les sciences; mais que son occupation principale était les belles lettres et surtout la poésie, où il réussissait assez bien, et qu'il était dans la cour du pape comme Benserade était en celle de France. Quelque temps après il sortit, et alla dans son appartement. Benserade arriva une heure après; ses amis lui dirent ce qu'avait dit le cardinal. A peine eurent ils fini, que Benserade, tout pénétré de joie, les quitta brusquement sans leur rien dire. Il courut à l'appartement du cardinal et heurta de toute sa force pour se faire entendre. Le cardinal venait de se coucher. Benserade pressa si fort, et fit tant de bruit, qu'on fut obligé de le laisser entrer. Il courut se jeter à jenoux au chevet du lit de son éminence; et après lui avoir demandé mille pardons de son effronterie, il lui dit ce qu'il venait d'apprendre, et le remercia avec une ardeur inexplicable de l'honneur qu'il lui avait fait de se comparer à lui pour la réputation qu'il avait dans la poésie. Il ajouta qu'il en était si glorieux, qu'il n'avait pu retenir sa joie, et qu'il serait mort à sa porte, si on l'eût empêché de venir lui en témoigner sa reconnaissance. Cet empressement plut beaucoup au cardinal. Il l'assura de sa protection et lui promit qu'elle ne lui serait inutile; en effet, six jours après il lui envoya une petite pension de deux mille francs. Quelque temps après il en ait d'autres considérables sur des abbayes; et il aurait été évêque, s'il avait voulût s'engager à l'église». (Dictionnaire historique et critique de P. Bayle.)

Перевод. Однажды кардинал <Мазарини>, будучи у короля, рассказывал, как он жил при папском дво-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне (или те, которые почитают себя à tort ou à raison[1] членами высшего общества) постепенно начинают от них удаляться, под предлогом такого-то *неприличия*. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок [против наук и словесности, будто бы несовместимых с благородством и знатностью] почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодовитых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что *она дело не дворянское*. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых *новичков* отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужив-

---

ре, где он провел свою молодость. Он говорил, что он любил науки, но что главным его занятием была литература— и особенно поэзия, в которой он достиг довольно хорошего успеха, и что он при папском дворе был то же, что Бенсерад при французском. Спустя некоторое время кардинал вышел и отправился в свои покои. Через час пришел Бенсерад; его друзья стали ему рассказывать, что говорил кардинал. Едва они кончили, как Бенсерад, охваченный радостью, внезапно оставил их, ничего им не сказав. Он прибежал в покои кардинала и стал стучаться изо всей силы, добиваясь, чтобы его приняли. Кардинал только что лег. Бенсерад так усиленно настаивал и поднял такой шум, что пришлось его впустить. Вбежав, он бросился на колени перед изголовьем кровати его высокопреосвященства и после тысячи извинений за свою наглость, сказал ему о том, что он сейчас узнал, и с необыкновенным жаром благодарил за честь, которую ему оказал кардинал, сравнив его с собою в отношении поэтической репутации. Он прибавил, что он так был польщен, что не мог сдержать радости, и что он умер бы у его дверей, если бы ему помешали войти и изъявить свою признательность. Эта горячность очень понравилась кардиналу. Он уверил его в своем благоволении и обещал, что оно не будет для него бесполезным: и действительно, спустя шесть дней он назначил ему небольшой пенсион в две тысячи франков. Через некоторое время он стал получать другую значительную сумму с аббатств, и он стал бы епископом, если бы захотел посвятить себя церкви». («Исторический и критический словарь» П. Бейля.)>

[1] <справедливо или нет>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

шихся *проходимцев* может быть достаточным предлогом для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов?

<5>

Все журналы в [припадке] благородного бешенства восстали против стихотворца, который (о. верх унижения!) в ответ на приглашение князя ** [извинялся в стихах], что не может к нему приехать, и обещался к нему приехать на дачу! Сие несчастное послание было предметом всенародного проклятия, и с той поры, говорит один журналист, слава *** <Пушкина> упала совершенно.

<К главе V. Русская изба>

Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника... Все это, конечно, переменилось, [и я полагаю, что французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина].

Однако строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина.

К тому ж подушное, боярщина, оброк,
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?

Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36; я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба.

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следственно, свободы нет нигде,—ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так, но разница покоряться предписанным нами самими законам, или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда. [Но разве народ английский участвует в законодательстве? разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?]

Я. В чем вы полагаете народное благополучие?

Он. В умеренности и соразмерности податей.

Я. Как?

Он. Вообще повинности в России не очень тягостны для народа. Подушная платится миром. Оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообра-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вие оборотов промышленности умножает корыстолюбие владельцев). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу. И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать.

Я. Но злоупотребления...

Он. Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников—волоса встанут дыбом. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой—какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет об сукнах г-на Шмидта или об иголках г-на Томпсона. В России нет ничего подобного.

Я. Вы не читали наших уголовных дел.

Он. Уголовные дела везде ужасны; я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях. Кажется, нет в мире несчастнее английского работника—что хуже его жребия? Но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять или десять народу и лишающей их последнего средства к пропитанию...

Я. Живали вы в наших деревнях?

Он. Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смышленость и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышлености говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ими то, что соседи наши называют un badaud [1], никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

---

[1] <простофиля>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Я. Справедливо; но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения? есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я. Не удалось.

Он. Так вы не видали оттенков подлости, отличающих у нас один класс от другого. Вы не видали раболепного maintien[1] Нижней палаты перед Верхней, джентльменства перед аристократией, купечества перед джентльменством, бедности перед богатством, повиновения перед властью... А нравы наши, а conversation criminal [2], а продажные голоса, а уловки министерства, а тиранство наше в Индии, а отношения наши со всеми другими народами?..

Англичанин мой разгорячился и совсем отдалился от предмета нашего разговора. Я перестал следовать за его мыслями—и мы приехали в Клин.

<К главе X. О цензуре>

Сказав откровенно и по чистой совести мнение мое о свободе книгопечатания, столь же откровенно буду говорить и о цензуре.

Высший присутственный приказ в государстве есть тот, который ведает дела ума человеческого. *Устав*, коим судии должны руководствоваться, должен быть священ и непреложен. Книги, являющиеся перед его судом, должны быть приняты не как извозчик, пришедший за нумером, дающим ему право из платы рыскать по городу,—но с уважением и снисходительностию. Цензор есть важное лицо в государстве, сан его имеет нечто священное. Место сие должен занимать гражданин честный и нравственный, известный уже своим умом и познаниями, а не первый коллежский асессор, который, по свидетельству формуляра, учился в университете. Рассмотрев книгу и дав оной права гражданства, он уже за нее отвечает, ибо слишком было бы жестоко подвергать двойной и тройной ответственности писателя, честно соблюдающего узаконенные правила, под предлогом злоумышления, бог ведает какого. Но и цензора не должно запугивать, придираясь к нему за мелочи, неумышленно пропущенные им, и делать из него уже не стража государственного благоденствия, но грубого буточника, поставленного на перекрестке с тем, чтоб не пропускать

[1] <поведения>

[2] <иски по бракоразводным делам>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противудействующими: *тщеславием и корыстолюбием*. Если запретительною системою будете вы мешать словесности в ее торговой промышленности, то она предастся в глухую рукописную оппозицию, всегда заманчивую, и успехами тщеславия легко утешится о денежных убытках.

Земская цензурная управа тщательно должна быть отделена от *духовной*, как было доныне в России. Цензор духовного звания не может иногда без явного неприличия позволить то, что в светском писателе не подлежит ни малейшей укоризне. Например, божба, призвание имени божия всуе, шутки над грехами etc. Что было бы верхом неприличия в книге феологической, то разве лицемер или глупец может осудить в комедии или в романе.

Нравственность (как и религия) должна быть уважаема писателями. Безнравственные книги суть те, которые потрясают первые основания гражданского общества, те, которые проповедают разврат, рассевают личную клевету, или кои целию имеют распаление чувственности приапическими изображениями. Тут необходим в цензоре здравый ум и *чувство приличия*, ибо решение его зависит от сих двух качеств. Не должен он забывать, что большая часть мыслей не подлежит ответственности, как те дела человеческие, которые закон оставляет каждому на произвол его совести.

Было время (слава богу, оно уже прошло и, вероятно, уже не возвратится), что наши писатели были преданы на произвол цензуры самой бессмысленной: некоторые из тогдашних решений могут показаться выдумкой и клеветою. Например, какой-то стихотворец говорил о *небесных* глазах своей любезной. Цензор велел ему, вопреки просодии, поставить вместо небесных *голубые*—ибо слово *небо* приемлется иногда в смысле высшего промысла! В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никаким <?> образом <?> [не хотел] пропустить баллады Вальтер-Скотта. Некто критиковал трагедию Сумарокова; цензор вымарал всю статью и написал на поле: *Переменить, соображаясь со мнением публики*. Ода *Похвала водке* была воспрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человеческими законами.— Спрашивается, каков был цензор и каково было писателям!

Радищев в статье своей поместил *Краткое историческое повествование о происхождении цензуры*. Если бы вся книга

Пушкинский кабинет ИРЛИ

была так написана, как этот отрывок, то, вероятно, она бы не навлекла грозы на автора. В сей статье Радищев говорит, что *цензура* была в первый раз установлена инквизицией. Радищев не знал, что новейшее судопроизводство основано во всей Европе по образу судопроизводства инквизиционного (пытка, разумеется, в сторону). *Инквизиция* была потребностию века. То, что в ней отвратительно, есть необходимое последствие и духа и нравов времени. История ее мало известна и ожидает еще беспристрастного исследователя.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

DUBIA

ЗАМЕТКИ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» 1830 г.

1. <Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана»...>

Когда Макферсон издал *Стихотворения Оссиана* (перевод, подражание или собственное сочинение,—этот вопрос, кажется, доселе еще не решен), тогда все с восхищением читали их и перечитывали. «Никто еще не был *опечален* мыслию (говорит Вилльмен), что, удивляясь сим поэтическим песням, он удивлялся современнику. Все чувствовали *удовольствие без примеси*, то есть читали превосходные поэмы и не обязаны были за них благодарностью *никому из живых людей*». Потом начали догадываться, допытываться и дознались (вправду или нет), что поэмы Оссиановы были поддельные, новейшие произведения, словом, что их создал сам Макферсон.

Известный критик доктор Джонсон, человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным делателем подлогов. Закипела жаркая война на перьях. И вот образчик тогдашней полемики: ответ Д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъявлял свою досаду на обидное неверие английского критика.

«Г. Джемс Макферсон!

Я получил ваше глупое и бесстыдное письмо. Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то сделают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления изобличать обман.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Какого себе оправдания требуете вы от меня? Я считал вашу книгу подложною, и теперь ее считаю таковою ж. В подтверждение сего мнения я представил публике причины, которые вызываю вас опровергнуть. Я презираю ваше бешенство. Ваши дарования, по изданию в свет вашего Гомера, кажется, не слишком опасны; а слышанное мною о вашем характере заставляет меня обращать внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите».

В пояснение некоторых слов сего письма должно сказать, что Макферсон, обольщенный успехом своего Оссиана, перевел Гомерову *Илиаду* оссиановским слогом и весьма неудачно.

Предлагаем это письмо, как поучительный пример для наших журнальных критиков. И почему нашим *Адисонам* не быть и нашими *Джонсонами?*

<1830>

2. <Англия есть отечество карикатуры...>

Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои, отвечал он, смеясь: я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри.

3. <Требует ли публика извещения...>

Требует ли публика извещения, что такой-то журналист не хочет больше снимать шляпы перед таким-то поэтом или прозаиком? Конечно, нет; но журналист об этом публикует, чтоб его товарищ, получающий по приязни даром листки его (к которому бы не мешало ему лучше зайти мимоходом да словесно объявить о том), узнал эту важную для них новость. Впрочем, такие извещения излагаются иногда с некоторою дипломатическою важностию. В одном московском журнале вот как отзывают-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ся о книге, в которой собраны статьи разных писателей: *«Она не блестит именами знаменитого созвездия русских поэтов и прозаиков. Жалеть ли об этом? По крайней мере, мы не пожалеем»*. Эти господа *мы* друг друга, верно, понимают; но доверчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здесь нечего. Как можно не пожалеть, что в книге нет ни одной статьи, написанной человеком с отличным талантом? Наконец, всего смешнее, что и сам критик, сначала обещавший не жалеть об этом, признается после, что в этой книге, *которой ему не хотелось было осуждать*, нет ни одной статьи путной: в 1-й статье нет общности; во 2-й автор не умеет рассказывать; 3-ю читать скучно; 4-я—старая песня; в 5-й надоедают офицеры с своим питьем, едою, чаем и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и так далее. Вот до какого противоречия доводят личности. Ужели названия *порядочного и здравомыслящего* человека лишились в наше время цены своей?

4. <С некоторых пор журналисты наши...>

С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей, которым неблагосклонствуют, их дворянским достоинством и литературною известностию. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! [1] Замечательно, что и у французской черни крик этот был двусмыслен и означал в одно время аристократию политическую и литературную. Подражание наше не дельно. У нас, в России, государственные звания находятся в таком равновесии, которое предупреждает всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство в особенности, кажется, ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские легко выводят в оное людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские неспособен ни к какой службе, ежели он не довольно знающ, чтобы выдержать университетские экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его конечно извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной известности, упреки в оной отменно простодушны. Известный баснописец, желая объяснить одно из самых жалких чувств

[1] <Аристократов к фонарю!>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

человеческого сердца, обыкновенно скрывающееся под какою-нибудь личиною, написал следующую басню:

Со светлым червячком встречается змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
«Убийца!—он вскричал,—за что погибну я?»
— Ты светишь!—отвечает.

Современники наши, кажется, желают доказать нам ребячество подобных применений, и червяков и козявок заменить лицами, более выразительными. Всё это напоминает эпиграмму, помещенную в 32-м № *Литературной газеты*.

5. <Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...>

Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии столь же недобросовестны, как и прежние. Ни один из известных писателей, принадлежащих будто бы этой партии, не думал величаться своим дворянским званием. Напротив, *Северная пчела* помнит, кто упрекал поминутно г-на Полевого тем, что он купец, кто заступился за него, кто осмелился посмеяться над феодальной нетерпимостию некоторых чиновных журналистов. При сем случае заметим, что если большая часть наших писателей дворяне, то сие доказывает только, что дворянство наше (не в пример прочим) грамотное: этому смеяться нечего. Если же бы звание дворянина ничего у нас не значило, то и это было бы вовсе не смешно. Но пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей XVIII-го столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: *Аристократов к фонарю* и ничуть не забавные куплеты с припевом: *Повесим их, повесим.* Avis au lecteur [1].

[1] <К сведению читателя.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

6. <Анекдоты[1]>

<1>

Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II-й. «Я до сих пор не знала вас», сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не знал вас до сих пор», отвечал он простодушно. «Верю, возразила она с улыбкой: где и знать меня, бедную вдову?»

<2>

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: «Мы отставим тебя от академии».—«Нет, возразил великий человек: разве академию отставите от меня».

О ТАТИЩЕВЕ

Татищев (Василий Никитич), тайный советник и астраханский губернатор, родился в 1686 году, поступил в 1704 году на службу и в том же году находился при взятии Нарвы; был в Полтавском сражении (1709), а потом под Азовом и при Пруте (1711). После сего отправлен в чужие краи, где усовершенствовал себя в науках и в языках немецком и польском. В 1718 году—президент мануфактур-и берг-коллегии. Генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс, за отбытием своим на Аландский конгресс, поручил географические занятия свои Татищеву, состоявшему тогда в чине артиллерии капитан-порутчика. В 1720 году отправлен Татищев в Сибирь для управления казенными железными заводами. Он говорит в Лексиконе своем: *1721 года зачат строить на реке Исети капитаном Татищевым железный завод и построен город немалый Екатерининск.* Демидов, коему пожалован был Петром I один только Федьковский завод, распространил свои владения более, нежели следовало, и употреблял к заводу казенных мастеровых; опасаясь, чтобы Татищев не отнял у него казенного имущества, подал на него Петру I жалобу в притеснении его. Государь отправлял в сие время Геннина на сибирские заводы и поручил ему произвести следствие о сей ссоре. Геннин, разыскав дело сие, отправил всё следствие с Татищевым к государю. По окончании сей распри повелено было Татищеву отправиться к прежней должности на сибирские заводы.

---

[1] <Помещены в «Литературной газете» 1830 г., № 8, без подписи, в отделе «Смесь».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Как я отъезжал в 1722 году в Сибирь,—говорит Татищев,—*и приехал к царевне Анне Иоанновне прощение принять, она, жалуя меня, спросила шалуна сумасбродного, подлячего Тимофея Архиповича, бывшего шутом при дворе: скоро ли я возвращусь? Он меня не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал, сказал: «Он руды много накопает, да и самого закопают».*

В 1723 году Татищев взят был ко двору, где и пробыл близ года; но по какому случаю и при какой должности—подлинно не известно. В 1724 произведен Татищев в полковники от артиллерии и послан в Швецию для обозрения горных заводов и для составления планов и моделей машинам. Ему поручено было пригласить в российскую службу несколько горных чиновников и отдать там в обучение разным горным мастерствам посланных с ним академических учеников. Татищев исполнил поручение и торговал в Швеции, по указу берг-коллегии, медь, которая обходилася по 5 руб. 50 коп. за пуд, с тою выгодою, что провоз мог быть заплачен превосходством шведского веса против российского. Он возвратился в С.-Петербург чрез Копенгаген 1726 года и привез с собою одного только гранильного мастера, порутчика Рефа, потому что шведское правительство воспретило ему нанимать заводских мастеров. В 1727 году Татищев сделан советником берг-коллегии, и поручено ему с другими монетное дело. В 1730 году жалован он в действительные статские советники; а в 1734 назначен в Сибирь, на место де-Геннина, для смотрения над казенными и партикулярными заводами. Прибыв в Екатеринбург, он обозрел все подведомственные ему заводы. Тогда общими трудами рудных промышленников и заводчиков составлен был устав, известный под именем: «Татищев устав заводский». Сей устав не был высочайше утвержден, но им руководствовались казенные и частные заводы; и хотя последовали многие изменения по горному управлению, но заводские конторы и ныне следуют «Татищеву уставу». После сего определил Татищев казенных надзирателей на все частные заводы, назвав их шихтмейстерами, и дал чиновникам сим наказ, применяясь к учреждению саксонских и шведских заводов. Татищев обратил особенное внимание на учреждение горных училищ в Кунгуре, Соликамске и по заводам. Он подарил библиотеку сим заведениям, более 1000 книг составляющую.—Демидов успел, однакож, устранить свои заводы от подведомства Татищева; тогда же отчислены были от него Строгоновых горные заводы и соляные их промыслы.

При учреждении, в 1736 году, вместо берг-коллегии, генерал-берг-директориума Татищев подчинен был по

Пушкинский кабинет ИРЛИ

управлению заводов генерал-берг-директору Шембергу. В сие время принял он непосредственное участие в усмирении бунтующих башкирцев. Еще прежде сего, в 1734 году, помогал он полковнику Тевкелеву провиантом и снарядами, а в 1735 году Татищев сам ходил противу башкирцев Осинского уезда, и, быв подкреплен полковниками Мартыновым и Тевкелевым, одержал над ними значительную победу, казнил бунтовщиков, а с покорившихся взыскал в пользу Оренбургской экспедиции 10 000 руб. контрибуции и большое количество лошадей. Главный начальник Оренбургской экспедиции, статский советник Кирилов, донеся о сем 1736 года кабинету, просил, чтоб с сибирской стороны поручить главное начальство над военными Татищеву. Кабинет утвердил сие представление в начале 1737 года, и того же года, по смерти Кирилова, ему поручены все дела Оренбургской экспедиции. По получении о том указа, он оставил советника Хрущова начальником над всеми горными заводами, а сам отправился водою в Мензелинск, где нашел генерал-маиора Соймонова, полковников: Бардевика, Тевкелева и уфимского воеводу, статского советника Шемякина. Для удержания в покорности башкирцев они решили общим советом: учредить за Уралом новую, Исетскую провинцию, которой быть, вместе с Уфимскою, под ведением Оренбургской экспедиции. Кабинет утвердил сие положение. В январе 1738 года Татищев отправился в Самару, откуда предположено было начать военные действия против непокорных башкирцев. На пути он осмотрел с инженерами положение Красноярска и выбрал место для перевода Оренбургской крепости, помещенной на весьма неудобном месте. В сие время киргизской хан Нибирс прибыл в русский лагерь. Татищев принял сего владельца с почестию: он присягнул России в верности подданства. Татищев воспользовался сим случаем, чтобы доставить Оренбургскому краю все выгоды по торговле. Он отправил караван в Ташкент и послал вместе с оным двух офицеров для географических наблюдений. Караван миновал Среднюю и меньшие орды, но был разбит при Большой. Около сего же времени установил Татищев оренбургскую меновую торговлю и собрал первую пошлину с торгов и акциз с продажи питей. Окончив дела сии, принялся Татищев за устроение крепостей. Он обозрел весь Оренбургский край. В предприятии сем способствовали ему много флота капитан Элтон и инженерные офицеры. Но спокойствие башкирцев продолжалось недолго. Волжские калмыки, кочевавшие на луговой стороне реки Волги, оказали вдруг неповиновение, начали отгонять табуны от новопостроенных кре-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

постей и разграбили купеческий обоз, шедший из Самары в Яицкий городок. Татищев отправил против сих бунтовщиков несколько казацких партий, кои, разбив калмыков в разных местах, переловили зачинщиков. 1739 года Татищев отправился в С.-Петербург и подал в кабинет разные представления свои, из коих главнейшие: I. Перенести город Оренбург на урочище Красной горы. II. Провести линию вверх по Яику до Верхнеяицкой пристани, а оттуда по реке Ую до Царева Городища и по реке Сакмаре. III. На линии сей поселить гарнизонные и ландмилицкие полки. IV. Позволить, за отдаленностию места, производить достойных обер-офицеров в чины, а недостойных увольнять в отставку. V. Позволить распространить торговлю того края. VI. Установить правила для управления киргиз-кайсаками. В сие время полковник Тевкелев, природный башкирец, находившийся при Оренбургской экспедиции, вызванный в С.-Петербург за несколько месяцев прежде Татищева, дабы состоять в свите посла, прибывшего туда из Персии, успел рассеять неблагоприятные слухи насчет Татищева и подал на него несколько жалоб. Кабинет, рассмотря жалобы сии и возражения Татищева, нарядил следственную комиссию над ними; а между тем определен был начальником оренбургской комиссии член государственной адмиралтейств-коллегии, контр-адмирал кн. Василий Урусов. Несмотря на сие, все вышеприведенные представления Татищева были уважены.

Неизвестно, чем кончилась наряженная над Татищевым комиссия, обвинения оказались, вероятно, несправедливыми, ибо чрез несколько месяцев Татищев был снова послан в 1741 году, по смерти калмыцкого хана Дондук-Омбы, для усмирения взбунтовавшихся калмыков и скоро назначен в Астрахань губернатором. От сей должности он уволен (1744) по несогласию его с наместником Калмыцкого ханства. Татищев, оставив Астрахань, отправился в подмосковную деревню свою, сельцо Болдино, где и умер 1750 года, июля 15. Тело Татищева предано земле в погосте, состоящем в одной версте от его деревни.

Доктор Лерх, сопровождавший князя Михаила Михайловича Голицына в Персию, говорит о Татищеве: «Октября 27, 1744 года прибыли мы в Астрахань. Губернатором был там известный ученый Василий Никитич Татищев, который пред сим образовал новую Оренбургскую губернию. Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку отличнейших книг и был в философии, математике и особенно в истории весьма сведущ. Он написал *Российскую историю*,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

которая, по кончине его, досталась кабинет-министру барону Ивану Черкасову». Черкасов передал оную Ломоносову.

Татищев жил совершенным философом и имел особенный образ мыслей. Он был слабого здоровья, но сие не препятствовало ему быть деятельным и решительным в делах; он умел каждому дать полезный совет и помощь, а особенно купечеству, которое он в том крае восстановил.

Татищев решился первый привести в систему разнообразные повествования о России и, слича оные с летописями, составил *Историю Российского государства* с самых древних времен до 1463 года. Она напечатана в 4 частях (1768—1784). В сочинениях своих упоминает он, что занимался беспрерывно географиею. «Во время пребывания моего в Астрахани,—говорит он,—посылал я по земле и морю описывать искусных людей. Сочиня лан-карту, послал оную в Сенат и Академию».

Татищев занимался разбором древних законов русских и объяснил основательными примечаниями *Русскую правду* и *Судебник* царя Ивана Васильевича с дополнительными к нему указами. Первая помещена в 1 части продолжения *Древней Российской Вифлиотики*, а второй издан двоекратно: в 1768 и 1786 годах. Не успел он, к сожалению, кончить своего *Лексикона*. Три книги оного, продолжающиеся до буквы Л, изданы в 1793 году и содержат много любопытного. Татищев говорит в предисловии *Лексикона*, между прочим, что в 1735 году представил он кабинету, дабы переменить те немецкие названия, коими определяются степени горных чинов. Кабинет на сие согласился; но Бирон, узнав сие, на него сильно гневался. Татищев приложил к своей «Истории» известие о российском государственном гербе, о родословии российских государей, о иерархии, о чинах и суевериях древних и о географии русской вообще.

В духовной Татищева помещено много замечаний, кои суть плоды долговременной службы и опытности. Татищев вооружается весьма сильно против кабаков, доказывая, сколь они вредны и пагубны; но, читая сие, нельзя не вспомнить, что он сам учредил кабаки в заводах Демидова.

Духовная сочинена Татищевым в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. Издана она в 1773 году Сергеем Друковцовым. Сверх того, многие сочинения Татищева пропали, важные по предметам своим: 1. Лексикон сарматских, эстляндских и финских слов. 2. Жизнеописания царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича. 3. Замечания на Страленберга. 4. Перевод Кирхеровой хронологии татар и калмыков. <1836?>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Текст печатается по первому изданию «Руслана и Людмилы», СПБ, 1820. Изменения, сделанные во втором издании 1828 года, приведены в подстрочных примечаниях.

Во втором издании «Руслана и Людмилы» было помещено следующее предисловие, исключенное Пушкиным в издании 1835 года:

Предисловие.

Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он «Руслана и Людмилу». Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки. . . . . .

При ее появлении в 1820 году тогдашние журналы наполнились критиками более или менее снисходительными[1]. Самая пространная писана г. В. и помещена в «Сыне Отечества». Вслед за нею появились вопросы неизвестного. Приведем из них некоторые. Начнем с первой песни. Commençons par le commencement[2]:

«Зачем Финн дожидался Руслана?

«Зачем он рассказывает свою историю, и как может Руслан в таком несчастном положении с жадностью

---

[1] Одна из них подала повод к эпиграмме, приписываемой К***:

Напрасно говорят, что критика легка;
Я критику читал «Руслана и Людмилы»:
Хотя у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

[2] <Начнем с самого начала>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

внимать рассказы (или по-русски рассказам) старца?

«Зачем Руслан присвистывает, отправляясь в путь? Показывает ли это огорченного человека? Зачем Фарлаф с своею трусостию поехал искать Людмилы? Иные скажут: за тем, чтобы упасть в грязный ров: et puis on en rit et cela fait toujours plaisir[1].

«Справедливо ли сравнение стр. 53, которое вы так хвалите? Случалось ли вам это видеть?

«Зачем маленький карла с большою бородою (что, между прочим, совсем не забавно) приходил к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем, в испуге чего не наделаешь?), и как колдун позволил ей это сделать?

«Каким образом Руслан бросил Рогдая, как ребенка, в воду, когда

Они схватились на конях;
. . . . . .
Их члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенеют, и проч.?

Не знаю, как Орловский нарисовал бы это.

«Зачем Руслан говорит, увидевши поле битвы (которое совершенный hors d'oeuvre[2]), зачем говорит он:

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
. . . . . .
. . . . . .
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья! и проч.?

«Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, говорящий о траве забвенья и вечной темноте времен, на Руслана, который чрез минуту после восклицает с важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!
. . . . . .
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!
. . . . . Знай наших! и проч.?

---

[1] <И затем смеются, что всегда бывает приятно.>
[2] <нечто постороннее (вставной эпизод)>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

«Зачем будить двенадцать спящих дев и поселять их в какую-то степь, куда, не знаю как, заехал Ратмир? Долго ли он пробыл там? Куда поехал? Зачем сделался рыбаком? Кто такая его новая подруга? Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в отчаяние, не находя Людмилы, махал до тех пор мечом, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги?

«Зачем карла не вылез из котомки убитого Руслана? Что предвещает сон Руслана? Зачем это множество точек после стихов:

Шатры белеют на холмах?

«Зачем, разбирая «Руслана и Людмилу», говорить об «Илиаде» и «Энеиде»? Что есть общего между ними? Как писать (и кажется сериозно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Омеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю, и которых многие другие также не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insapientis, in errore perseverare (Philippic. XII. 2)»[1].

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais[2].

Конечно, многие обвинения сего допроса основательны, особенно последний. Некто взял на себя труд отвечать на оные. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочем, нашлись рецензенты совсем иного разбора. Наприм. в «Вестнике Европы», № 11, 1820, мы находим следующую благонамеренную статью:

«Теперь прошу обратить ваше внимание на новый ужасный предмет, который, как у Камоэнса Мыс бурь, выходит из недр морских и показывается посреди океана российской словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо: быть может, люди, которые грозят нашему терпению новым бедствием, опомнятся, рассмеются, и оставят намерение сделаться изобретателями нового рода русских сочинений.

Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т. е. с к а з к и и п е с н и народные. Что о них сказать? Если мы бережем

---

[1] <Всякому человеку свойственно ошибаться, но лишь глупцу—упорствовать в ошибке. (XII филиппика [Цицерона])>.

[2] <Твои «почему»,—сказал бог,—никогда не кончатся>.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

старинные монеты, даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения. Мы любим воспоминать все, относящееся к нашему младенчеству, к тому счастливому времени детства, когда какая-нибудь песня или сказка служила нам невинною забавой и составляла все богатство познаний? Видите сами, что я не прочь от собирания и изыскания русских сказок и песен; но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах, богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык, и, наконец, так влюбились в сказки и песни, что в стихотворениях XIX века заблистали Еруслановы и Бовы на новый манер, то я вам слуга покорный.

Чего доброго ждать от повторения более жалких, нежели смешных лепетаний?.. Чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать Киршу Данилова?

Возможно ли просвещенному, или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражение Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть в 15 и 16 № Сына Отечества. Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей Людмила и Руслан (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма, но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет мужичка сам с ноготь, а борода с локоть, придает ему еще бесконечные усы (С. От., стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку невидимку и проч. Но вот, что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которою лежит мечкладенец; голова с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть старинного нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Еруслановому рассказчику, например:

. . . . . .Шутите вы со мною—
Всех удавлю вас бородою!

Каково?..

. . . . . Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо.
Щекотит ноздри копием...

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Картина, достойная Кирши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо чихает... Вот что говорит рыцарь:

Я еду, еду не свищу,
А как наеду, не спущу...

Потом витязь ударяет в щеку тяжкой рукавицей... Но увольте меня от подробного описания; и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне старику сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а ни мало не смешна и не забавна. Dixi[1]».

Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из увенчанных, первоклассных отечественных писателей, который, прочитав «Руслана и Людмилу», сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность. Другой (а может быть и тот же) увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть.

12 февраля 1828.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Текст посвящения, искаженного цензурой в изданиях при жизни Пушкина, восстановлен по автографу Пушкинского дома Академии наук СССР (так называемая «Чегодаевская рукопись»). В издании 1835 года посвящение читалось так:

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье:
Тебе я посвятил пустынной лиры пенье
И вдохновенный свой досуг,
Когда мне бедствия грозили,

[1] <Я сказал.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Я при тебе еще спокойство находил,
Я сердцем отдыхал: друг друга мы любили,
И бури надо мной свирепость утомили:
Я в мирной пристани богов благословил.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынник величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души младые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой,
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой!
Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противоречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые страданья,
И тайный глас души моей.
Мы в жизни разно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел, и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел;
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, надежды верный цвет.
Я рано скорбь узнал, узнал людей и свет;
Но, сердце укрепив терпеньем,
Я ждал беспечно лучших дней,
И счастие моих друзей
Мне было сладким утешеньем.

В издании 1828 года предисловие читается так: «Сия повесть, снисходительно принятая публикою, обязана своим успехом верному, хотя слегка означенному, изображению Кавказа и горских нравов. Автор также соглашается с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.»

Пушкинский кабинет ИРЛИ

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

Наброски плана поэмы.

Вечером—девица плачет, подговаривает, молодцы готовы отплыть; есаул—где-то наш атаман—они плывут и поют...
Под Астраханью, разбивают корабль купеческий; он берет себе другую; та сходит с ума; новая не любит и умирает, он пускается на все злодейства, есаул предает его...

I. Разбойники, история двух братьев—
II. Атаман и с ним дева; хлад его etc.; песнь на Волге—
III. Купеческое судно, дочь купца—
IV. Сходит с ума—

ГРАФ НУЛИН

Наиболее значительные варианты по рукописи Онегинского собрания:

В постеле лежа, Вальтер Скотта
Глазами пробегает он;
Но граф душевно развлечен;
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
God dam![1] неужто я влюблен?
Что если б можно... Вот забавно.
Я, кажется, ей что-то мил.
Однако б это было славно—
И Нулин свечку погасил.
Ему не спится. Бес не дремлет,
И графа неизвестный жар
Сильней час от часу объемлет;
Он весь кипит как самовар,
Пока не повернула крана
Хозяйка нежною рукой,
Иль как отверстие волкана,
Или... сравнений под рукой
У нас довольно, но сравнений
Не любит мой степенный гений—
Живей без них рассказ простой.

[1] <Чорт возьми!>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вместо стихов «Так иногда лукавый кот» и след.—в рукописи строфа:

Граф м е с т н о й п а м я т и орган
Имел по Галевой примете:
Он в темноте, как и при свете,
Нашел бы дверь, окно, диван;
Он чуть дыханье переводит,
Желаньем пламенным томим
(Или боязнью). Пол под ним
Скрыпит. Украдкой он подходит
К безмолвной спальне: «здесь она!
Ждет, нетерпения полна,
И умолить ее не трудно!»...
Глядит—однакож это чудно:
Дверь заперта! Герой слегка
Жмет ручку медную замка,
Дверь тихо-тихо уступает,
Глядит—в тазу свеча горит,
Хозяйка мирно почивает,
Иль притворяется, что спит.
Надеясь твердо на прощенье,
Граф падает к ее ногам.
Прошу я петербургских дам
Себе представить пробужденье
Натальи Павловны моей,
Прошу решить, что делать ей.

Стиху «Но вот его позвали к чаю» предшествовала строфа:

К хозяйке как ему явиться,
Не покраснев? что скажет ей—
Не лучше ль в путь скорей пуститься,
Но не готово колесо—
Какая мука это всё!
За чьи грехи я погибаю?

ПОЛТАВА

Первому изданию поэмы (1829) было предпослано следующее—

П р е д и с л о в и е.

Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на юге; обеспечила новые заведения на севере;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем.

Ошибка шведского короля вошла в пословицу. Его упрекают в неосторожности, находят его поход в Украину безрассудным. На критиков не угодишь, особенно после неудачи. Карл однакож сим походом избегнул славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт три дня сряду будет разбит, что наконец 25 т. шведов, предводительствуемых своим королем, побегут перед нарвскими беглецами? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, яко зело опасного дела. В сем походе Карл XII менее, нежели когда-нибудь, вверялся своему счастию: оно уступило гению Петра.

Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковию анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества.

Некто в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме, и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица.

31 января 1829.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

В бумагах Пушкина сохранилось следующее начало первоначального наброска «Домика в Коломне»:

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов—иль за бесцелье;
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта—не безделье,
Что славы прочной я добьюся вряд,
Что хмель хорош, но каково похмелье,
И что пора б уж было мне давно
Исправиться, хоть это мудрено.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой морской, на бегство персиян,
[А русские Камиллы, Аннибалы
Вперед идут]

В рукописи, содержащей полный текст произведения, за III строфой с пропуском в нумерации следовали сперва следующие строфы:

VII

Октавы трудны (взяв уловку лисью,
Сказать я мог, что кисел виноград).
Мне видно с ними над Парнасской высью
Век не бывать. Не лучше ли назад
Скорей вести свою дружину рысью?
Уж рифмами кой-как они бренчат—
Кой-как уж до конца октаву эту
Я дотянул. Стыд русскому поэту!

VIII

Но возвратиться все ж я не хочу
К четырестопным ямбам, мере низкой.
С гекзаметром...о, с ним я не шучу:
Он мне не в мочь. А стих александрийский?..
Уж не его ль себе я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкой
И с жалом даже—точная змия;
Мне кажется, что с ним управлюсь я.

IX

Он выняньчен был мамкою не дурой—
(За ним смотрел степенный Буало),
Шагал он чинно, стянут был цезурой,
Но пудреной пиитике на зло
Растреплен он свободною цензурой—
Учение не в прок ему пошло—
Hugo с товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили без цезуры.

X

От школы прежней он уж далеко,
Он предался совсем другим уставам.
Как резвая покойница Жоко,
Александрийский стих ко всем составам

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Развинчен, гнется, прыгает легко,
Ломается, на диво костоправам—
Они ворчат: уймется ль негодяй.
Какой повеса! Экой разгильдяй!..

XI

О, что б сказал поэт законодатель,
Гроза несчастных, мелких рифмачей,
И ты, Расин, бессмертный подражатель,
Певец влюбленных женщин и царей,
И ты, Вольтер, философ и ругатель,
И ты, Делиль, парнасский муравей,
Что б вы сказали, сей соблазн увидя—
Наш век обидел вас, ваш стих обидя.

XII

У нас его недавно стали гнать
(Кто первый—можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько всё узнать—)
Он годен, говорят, для эпиграфа
Да можно им, порою, украшать
Гробницы или мрамор кенотафа;
До наших мод, благодаря судьбе,
Мне дела нет; беру его себе.

5 октября <1830.>

После этой строфы следовала приписка: «Сии октавы служили вступлением к шуточной поэме, уже уничтоженной».

После исключения предыдущих строф между строфами III и IV находились еще две строфы:

IV

У нас война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны (но хрип ваш приумолк),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский полк?
Уж люди! мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стаде волк.
Все с ревом так и лезут в бой кровавой,
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

V

Поэты юга, вымыслов отцы,
Каких чудес с октавой не творили?
Но мы ленивцы, робкие певцы,
На мелочах мы рифмы заморили,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Могучие нам чужды образцы,
Мы новых стран себе не покорили,
И наших дней изнеженный поэт
Чуть смыслит свой уравнивать куплет —

Строфы эти зачеркнуты в рукописи, но нумерация не исправлена. После строфы VIII (в рукописи X) следовало:

XI

И там копышутся себе в грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто с жабой, кто с лягушками в связи,
Кто раком пятится, кто вьется змейкой...
Но, Муза, им и в шутку не грози —
Не то тебя покроем телогрейкой
Оборванной, и вместо похвалы
Поставим в угол Северной Пчелы.

XII

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя в Москве журналы прозовут,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барский суд.
Ведь нынче время споров, брани бурной,
Друг на друга словесники идут.
Друг друга жмут, друг друга колют, губят,
И хором про свои победы трубят —

XIII

Читатель, можешь там глядеть на всех,
Но издали и смейся то над теми,
То над другими: верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми.
Но сам в толпу не суйся... или смех
Плохой уж выдет: шутками однеми
Тебя, как шапками, и враг и друг,
Соединясь, все закидают вдруг.

XIV

Тогда давай бог ноги... Потому-то
Здесь имя подписать я не хочу —
Порой я стих повертываю круто,
Всё ж видно, не впервой я им верчу,
А как давно? того и не скажу-то...
На критиков я еду, не свищу,
Как древний богатырь, — а как наеду...
Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

XV

Покамест можете принять меня
За старого, обстрелянного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало толка.
У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
Отведена особенная полка —
А может быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку в мокрую печать.—

XVI

Когда б никто меня под легкой маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого критик строго пощелкал!
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.

После этих строф — еще две, зачеркнутые в рукописи:

А вероятно, не заметят нас,
Меня с октавами моими купно.
Однакож нам пора. Ведь я рассказ
Готовил, — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю вас.
Язык мой враг мой: всё ему доступно;
Он обо всем болтать себе привык!..
Фригийский раб, на рынке взяв язык,

***

Сварил его (у господина Копа
Коптят его). Езоп его потом
Принес на стол... Опять! зачем Езопа
Я вплел с его вареным языком
В мои стихи — что вся прочла Европа,
Нет нужды вновь беседовать о том, —
Насилу-то, рифмач я безрассудной,
Отделался от сей октавы трудной.

АНДЖЕЛО

«Анджело» представляет собою пересказ трагедии Шекспира «Мера за меру». Сохранился в копии отрывок сделанного Пушкиным перевода первой сцены трагедии. Вероятно, этот перевод был сделан раньше поэмы.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

[Д у к.]

Вам объяснять правления начала
Излишним было б для меня трудом.
Не нужно вам ничьих советов.
Превыше сами вы всего — мне только
Во всем на вас осталось положиться.
Порочный дух народа, ход правленья
Постигли вы верней, чем кто б то ни был.
Вот вам наказ; желательно б нам было,
Чтоб от него не отшатнулись вы.
Позвать нам Анджело. — Каков он будет,
По мненью вашему, на нашем месте?
Вы знаете, что нами он назначен
Нас заменить в отсутствие — что мы
И милостью и страхом облекли
Наместника всей нашей власти; что же
Об нем вы мните?

[Э с к а л.]

Если в целом свете
Сей почести достоин кто-нибудь,
Так это Анджело.

[Д у к.]

Вот он идет.

[А н д ж е л о.]

Послушен вашей милостивой воле,
Спешу принять я ваше предложенье.

Часть первая, строфа V. Вместо стихов 9—12 первоначально читалось:

Моею строгостью гнушаться в вашей воле.
Висеть в бездействии законы не должны,
Как розга на детей, для виду только, в школе,
Не долго будут их бояться шалуны.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА О ТАЗИТЕ

Черновое продолжение поэмы:

Но с неприязненною думой
Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал.
Махнул рукой и отвечал:
— Ты мой рассудок искушаешь,
Иль испытуя, иль шутя—

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст [любимое] дитя
Тому, кто в бой вступить не смеет,
Кто робок даже пред рабом,
Кто мстить за брата не умеет,
Кто изгнан и проклят отцом?
Ступай, оставь меня в покое! —

Глубоко в сердце молодое
Тяжелый <?> врезался укор.
Тазит сокрылся. С этих пор
Ни с кем не вел <?> он <?> разговора, <?>
[И никогда на деву гор]
[Не подымал несчастный взора][1]
. . . . . .
Но под отеческую сень
Не возвратился сын изгнанный.
Исчезла ночь, и снова день,
...вечер [хладный] <и> туманный
. . . . . .
. . . . . по горам.
Он как сайгак чрез бездны скачет,
То —
Сидит недвижный, одинокий...

Вариант начала поэмы (написанный другим размером):

Не для тайного совета,
[Не для битвы] до рассвета,
Не для встречи кунака,
Не для свадебной потехи
Рано съехались адехи
[К сакле] [старика]
. . . . . .
Хищник смелый, сын Гасуба,
Вся надежда старика,
Близ развалин Татартуба
Пал от пули казака...

П л а н ы:

I.

Обряд похорон. —
Уздень и меньшой сын. —
I день — дань — почта — грузинский купец. —
II — орел — казак. —

[1] Чтение последних трех стихов—предположительно.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

III — отец его гонит. —
Юноша и монах. —
Любовь — отвергнутый. —
Битва — монах.

II

1. Похороны.
2. [Три дня] Черкес христианин.
3. Купец.
4. [Казак] раб.
5. Убийца.
6. Изгнание.
7. Любовь.
8. Сватовство.
9. Отказ.
10. [Священник] Миссионер.
11. Война.
12. Сражение.
13. Смерть.
14. Эпилог.

БОРИС ГОДУНОВ

Сцены, не включённые Пушкиным в основной текст.

Ограда монастырская[1].

Григорий и злой Чернец.

Григорий.

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит — видно, слышно всё одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол,
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего—соснешь;
Ночью долгою до света всё не спится чернецу.
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что разбудят костылем.
Нет, не вытерплю! нет мочи. Чрез ограду — да бегом.
Мир велик: мне путь-дорога на четыре стороны,
Поминай как звали.

Чернец.

Правда: ваше горькое житье.
Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

[1] <После сцены: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Григорий.

Хоть бы хан опять нагрянул! хоть Литва бы поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними переведаться мечом.
Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг воскрес
И вскричал: А где вы, дети, слуги верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея моего,
Изловите супостата, приведите мне его! —

Чернец.

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было суждено —
Но послушай: если дело затевать, так затевать...

Григорий.

Что такое?

Чернец.

Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина —
Понимаешь?

Григорий.

Нет, нисколько.

Чернец.

Слушай: глупый наш народ
Легковерен; рад дивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего варяга и теперь любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...
Понимаешь? (*Молчание.*)

Григорий.

Понимаю.

Чернец.

Что же скажешь?

Григорий.

Решено!
Я Димитрий, я царевич.

Чернец.

Дай мне руку: будешь царь.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

После сцены VI[1]

Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и всё молчит,
Холодный дух в лицо мне дует
И ходит холод по главе...
Что ж это? что же знаменует?
Беда ли мне, беда Москве?
Беда тебе, Борис лукавый!
Царевич тению кровавой
Войдет со мной в твой светлый дом.
Беда тебе! главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньем
Ни Мономаховым венцом. —

Замок воеводы Мнишка в Самборе[2]

Уборная Марины.

Марина, Рузя убирает ее, служанки.

Марина *(перед зеркалом)*.

Ну, что ж, готово ли? нельзя ли поспешить?

Рузя.

Позвольте: наперед решите выбор трудный:
Что вы наденете, жемчужную ли нить
Иль полумесяц изумрудный?

Марина.

Алмазный мой венец.

Рузя.

Прекрасно! помните? его вы надевали,
Когда изволили вы ездить во дворец.
На бале, говорят, как солнце вы блистали.
Мужчины ахали, красавицы шептали...
В то время, кажется, вас видел в первый раз
Хоткевич молодой, что после застрелилося.
А точно говорят: на вас
Кто ни взглянул, тут и влюбился.

Марина.

Нельзя ли поскорей.

---

[1] <В первоначальной редакции VI-й сценой была сцена «Ограда монастырская».>

[2] <После сцены: «Краков. Дом Вишневецкого».>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Р у з я.

Сейчас.
Сегодня ваш отец надеется на вас.
Царевич видел вас не даром.
Не мог он утаить восторга своего,
Уж ранен он; так надобно его
Сразить решительным ударом.
А точно, панна, он влюблен.
Вот месяц, как, оставя Краков,
В гостях у нас пирует он,
Забыв войну, московский трон,
И бесит русских и поляков.
Ах, боже мой! Дождусь ли дня?..
Не правда ли? когда в свою столицу
Димитрий поведет московскую царицу,
Вы не оставите меня?

М а р и н а.

Ты разве думаешь—царицей буду я?

Р у з я.

А кто ж, когда не вы? кто смеет красотою
Равняться здесь с моею госпожою?
Род Мнишков—ничьему еще не уступал;
Умом — превыше вы похвал...
Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит,
Кто сердца вашего любовь себе присвоит —
Кто б ни был он, хоть наш король,
Или французский королевич —
Не только нищий ваш царевич,
Бог весть какой, бог весть отколь.

М а р и н а.

Он точно царский сын и признан целым светом.

Р у з я.

А всё ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

М а р и н а.

Скрывался он.

Р у з я.

Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе.

Марина.

Какие глупости!

Руза.

О, я не верю им —
Я только говорю, что должен он, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другим.

Служанка *(вбегает)*.

Уж гости съехались.

Марина.

Вот видишь: ты до света
Готова пустяки болтать.
А между тем я не одета...

Руза.

Сейчас, готово всё.

(Служанки суетятся.)

Марина.

Мне должно всё узнать.

Царские палаты[1]

Ксения *(держит портрет)*.

Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?

Братец — а братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Феодор.

Я говорю тебе, что похож.

[1] <Исключенное начало сцены.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пропущенные стихи из сцены: «Краков. Дом Вишневецкого»[1].

I

Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там уже Борис со мной и с вами
Расплатится. Что ж нового в Москве?

Хрущов.

Всё тихо там еще. Но уж народ
Спасение царевича проведал,
Уж грамоту твою везде читают,
Все ждут тебя. Недавно двух бояр
Борис казнил за то, что за столом
Они твое здоровье тайно пили.

Самозванец.

О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорят о нем?

Хрущов.

Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но недуг
Его грызет: Борис едва влачится,
И, думаю, его последний час
Уж недалек.

Самозванец.

Как враг великодушный,
Борису я желаю смерти скорой;
Не то—беда злодею. А кого
Наследником наречь намерен он?

Хрущов.

Он замыслов своих не объявляет,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора — он прочит нам в цари.

Самозванец.

В расчетах он, быть может, ошибется.

II

И я люблю парнасские цветы *(читает про себя)*[2].

[1] <См. т. III, стр. 355.>
[2] <См. т. III, стр. 356.>

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Х р у щ о в *(тихо Пушкину)*.

Кто сей?

П у ш к и н.

Пиит.

Х р у щ о в.

Какое ж это званье?

П у ш к и н.

Как бы сказать? по-русски—виршеписец
Иль скоморох.

С а м о з в а н е ц.

Прекрасные стихи!

Окончание «Бориса Годунова» в рукописи:

Н а р о д.

Да здравствует царь Димитрий Иванович

7 ноября 1825.

Конец комедии, в ней же первая персона царь Борис Годунов.
Слава отцу, и сыну, и святому духу.
Аминь.

РУСАЛКА.

I

Первоначальный конец сцены «Княжеский терем»:

Д р у ж к о.

Уж эти девушки—никак нельзя им
Не попроказить. Статочно ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу!

Слышен крик.

Га! это что? да это голос князя!

Девушка под покрывалом переходит через комнату.

Ты видела?

С в а х а.

Да, видела.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Князь *(выбегает).*
Держите!
Гоните со двора ее долой!
Вот след ее — с нее вода течет.

Дружко.

Да, так, вода. Юродивая, видно,
Нечаянно сюда прокралась — слуги,
Над ней смеясь, ее, знать, окатили.

Князь.

. . . . . .
Ступай, прикрикни ты на них. Как смели
Над нею издеваться и ко мне
Впустить ее! *(Уходит.)*

Дружко.

Ей богу, это странно—
Кто там? *(Входят слуги.)* Зачем пустили эту девку?

Слуга.

Какую?

Дружко.

Мокрую.

Слуга.

Мы мокрых девок
Не видели.

Дружко.

Куда ж она девалась?

Слуга.

Не ведаем.

Сваха.

Ох, сердце замирает.
Нет, это не к добру.

Дружко.

Ступайте вон.
Да никого, смотрите, не впускайте.
А я пойду садиться на коня.
Ей богу, странно. *(Уходит.)*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Сваха.

Сердце замирает!
Не даром песню чудную пропели,
Не даром чудеса творятся. Чем-то
Всё это кончится? Нет, это не к добру!

II

Стихи, пропущенные в сцене «Светлица»:

Мамка.

. . . . . .

Ну, в ком ему найти, как не в тебе
Сокровища такого?

Княгиня.

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы он любил
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

Мамка.

Да, так и я слыхала;
Тому давно, годов уж пять иль больше;
Но девушка, как слышно, утопилась,
Так нечего об ней и поминать.

Княгиня.

Уже одну любил он да покинул,
Так и меня покинуть может он.

III

Сохранился отрывок III сцены («Светлица»), написанный «народным стихом»:

Княгиня, княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,
Головку повесила?
Ты не весь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.

— Ах, нянюшка, нянюшка, милая моя —
Как мне не тужить, как веселой быть?
Была я в девицах, друг любил меня,
Вышла за него, разлюбил меня.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Бывало, дружок мой целый день сидит
Супротив меня, глядит на меня,
Глядит на меня, не смигивает,
Любовные речи пошептывает—
А нынче дружок мой ни свет ни заря
Разбудит меня, да сам на коня,
[Весь день по гостям] разгуливает.
Приедет, не молвит словечушка мне
Он ласкового, приветливого...

— Дитя мое, дитятко, не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи, сама рассуди:
Удал добрый молодец, что вольный петух—
Мах-мах крылом, запел, полетел;
А красная девица, что наседочка:
Сиди да сиди, цыплят выводи.

— Уж нет ли у него зазнобы какой?
Уж нет ли на меня разлучницы?

— Полно те, милая, сама рассуди—
Ты всем-то взяла, всем-то хороша:
Лица красотой, умом-разумом,
Лебединою походочкой,
Соловьиной поговорочкой,
Тихим, ласковым обычаем...

СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

Сохранилось два наброска начала пьесы, написанных стихами:

I

Ох, горе мне, Мартын, Мартын.
Клянусь, ей-ей, ты мне не сын—
Моя [покойница сшалила]
В кого она тебя родила?
Мой прадед был честной бочар,
Он передал свой сыну дар,
Дед [<*неразбр.*> отец был <тоже>
. . . . .прости им боже!
Я тож,—а ты, а ты-то что?

Пушкинский кабинет ИРЛИ

II

— Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз:
Я больше не хочу терпеть твоих проказ.
Уймись, или потом поплачешь, будь уверен.
— Да что ж я делаю?
— Ты? вовсе ничего,
[И в том-то и беда.] Ты, кажется, намерен
Хлеб даром есть.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТРЕТЬЕМУ—ШЕСТОМУ ТОМАМ

В алфавитный указатель произведений, вошедших в третий, четвертый, пятый и шестой томы, введены не только те заглавия, под которыми напечатаны произведения в настоящем издании, но и те, под которыми они имеются в рукописях Пушкина и под которыми печатались во всех, имеющих научное значение изданиях собраний сочинений Пушкина.

Кроме заглавий, в указателе даются сведения о времени написания произведения (даты самого Пушкина набраны не курсивом), и указывается источник, откуда взят текст для настоящего издания, причем приняты следующие сокращения:

авт.—автограф Пушкина.

авт. коп.—авторизованная копия.

БЧ—«Библиотека для чтения».

коп.—копия.

ЛБ—Публичная библиотека Союза ССР им. Ленина. Инвентарные номера хранящихся в рукописном секторе библиотеки тетрадей Пушкина (№№ 2364—2395) обозначены сокращенно: *82*, *83* и т. д. При некоторых числах, обозначающих номера тетрадей, стоят, кроме этого, буквенные обозначения.

ЛГ—«Литературная газета».

ЛП—«Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».

МТ—«Московский телеграф».

П I—Поэмы и повести Александра Пушкина. Часть первая. Спб. 1835.

П II—Поэмы и повести Александра Пушкина. Часть вторая. Спб. 1835.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПБЛ—Публичная библиотека РСФСР им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ПД—Пушкинский дом. Институт русской литературы (ИРЛИ) Академии наук СССР.
ПП—Повести, изданные Александром Пушкиным. Спб. 1834.
СО—«Сын отечества».
Совр.—«Современник».
Стих. III—Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть. Спб. 1832.
СЦ—«Северные цветы».
ЦА—Центрархив в Москве.

СТИХИ

А

Альбом Онегина. См. Евгений Онегин.
«Аминь, аминь. Чем кончу я рассказы». См. «Гавриилиада».
Анджело [24—27 октября 1833; *Новоселье, ч. II, 1834 и авт. ПБЛ*] . . . . . III 260
«Вам объяснять правления начала» [Мера за меру] [*Октябрь 1833?; авт. ПД*] . . . . . VI 534
«Моею строгостью гнушаться в вашей воле» [*Октябрь 1833?; авт. ПБЛ*] . . . . . VI 534

Б

Бахчисарайский фонтан [*1822; изд. 1835*] . . . . III 144
Выписка из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола. . . . . III 160
Отрывок из письма . . . . . III 164
Благовещенье. См. Гавриилиада.
Борис Годунов. [Драматическая повесть; Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве] [*Июль—7 ноября 1825; изд. 1831, авт. ПБЛ и авт. коп. 92 ЛБ*] . . . . . III 313
Сцены, не включенные Пушкиным в основной текст:
Ограда монастырская. Григорий и злой Чернец. («Что за скука, что за горе наше бедное житье!») [*авт. ПБЛ*] . . . . . VI 536
После сцены VI («Где ж он? где старец Леонид?») [*авт. ПД*]. . . . . VI 538

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Замок воеводы Мнишка в Самборе. Уборная Марины. («Ну, что ж? готово ли?») [*авт. ПБЛ*] . . . . . VI 538
Царские палаты («Что ж уста твои») [*авт. ПБЛ*] . . . . . VI 540
Пропущенные стихи из сцены: «Краков. Дом Вишневецкого» («Лишь дайте мне добраться до Москвы») [*авт. ПБЛ*] . . . . . VI 541
Окончание Бориса Годунова в рукописи («Да здравствует») [*авт. ПБЛ*] . . . . . VI 542
Братья-разбойники [*1821—1822; III*] . . . . . III 137
Наброски плана [*авт. 65 ЛБ*]
I. «Вечером—девица плачет» . . . . . VI 527
II. «Разбойники, история двух братьев» . . . VI 527

В

«В начале жизни мною правил». См. «Евгений Онегин». Женщины.
«В постеле лежа, Вальтер Скотта». См. Граф Нулин.
«В реке бежит гремучий вал» (Черкесская песня). См. Кавказский пленник.
«В своем саду, печальных дум полна». См. Гавриилиада.
Вадим («Ты видел Новгород») [Отрывки из новгородской повести Вадим; «Отрывок из поэмы-драмы Вадим] [*1822; авт. 65 ЛБ*] . . . . . III 521
План трагедии о Вадиме («Вадим влюблен») [*1822; авт. ПБЛ*] . . . . . III 522
План поэмы о Вадиме («Вечер—русский берег») [*1822, авт. 65 ЛБ*] . . . . . III 523
«Вам объяснять правления начала» [Из трагедии Шекспира «Мера за меру»]. См. Анджело.
«Воистину, еврейки молодой». См. Гавриилиада.
«Воротился ночью мельник»—стихи из Сцен из рыцарских времен . . . . . III 515
«Всё жалобы, упреки, слезы». См. «Она меня зовет».
«Вы помните ль то розовое поле» не введено, как вариант стихов из Гавриилиады.

Г

Гавриилиада [Гаврилиада; Благовещенье; Отрывки из поэмы; Эпические отрывки] [*Апрель 1821; коп. ПД и ЛБ*] . . . . . III 120

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Гаврилиада. См. Гавриилиада.
Галуб («Не для бесед и ликований»). См. Неоконченная поэма о Тазите.
«Где ж он? где старец Леонид?» См. Борис Годунов. После сцены VI.
«Граф местной памяти орган». См. Граф Нулин.
Граф Нулин [Новый Тарквиний] [*1825 II*] . . . III 187
«В постеле лежа, Вальтер Скотта» [*авт. ПД*] VI 527
«Граф местной памяти орган» [*авт. ПД*]. . . . VI 528
«К хозяйке как ему явиться» [*авт. ПД*] . . . . VI 528

Д

«Да здравствует царь Димитрий Иванович!» См. Борис Годунов. Окончание Бориса Годунова.
Дом Вишневецкого («Лишь дайте мне добраться до Москвы»). Сцена из Бориса Годунова. См. Борис Годунов.
Домик в Коломне [*5—10 октября 1830; Новоселье 1833; авт. ЛБ, ПД*] . . . . . III 248
«Пока меня без милости бранят» [*авт. ПД*]. . VI 529
«Октавы трудны (взяв уловку лисью)» [*авт. ЛБ*] . . . . . VI 530
«У нас война. Красавцы молодые» [*авт. ЛБ*] VI 531
«И там копышутся себе в грязи» [*авт. ЛБ*] VI 532
«А вероятно не заметят нас» [*авт. ЛБ*] . . . . VI 533
Драматическая повесть. См. Борис Годунов.

Е

Евгений Онегин. Главы I—VIII [*1823—1831 гг., изд. 1833, 1837 и авт.*] . . . . . IV 11
Глава X [*1830; авт. ПД*] . . . . . IV 239
Примечания к Евгению Онегину . . . . . IV 182
Примечания в первых изданиях I—IV глав IV 231
Отрывки из Путешествия Онегина [*изд. 1833 и 1837*] . . . . . IV 187
Предисловие к первому изданию первой главы «Евгения Онегина» . . . . . IV 197
Черновые I главы [*1823; авт. ПБЛ и 69 ЛБ*] IV 197
Черновые II главы [*1823; авт. 69 ЛБ и ПБЛ*] IV 199
Черновые III главы [*1824; авт. 69 и 70 ЛБ и ПБЛ*] . . . . . IV 206
Женщины [строфы из IV главы] [*авт. ПБЛ*] IV 211
Черновые IV главы [*1824—1826; авт. 70 ЛБ*] IV 212
Черновые V главы [*1825—1826; авт. ПБЛ*] IV 217
Черновые VI главы [*1826; коп. Одоевского и авт. ПД*] . . . . . IV 219

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Черновые VII главы [*1827; авт. 71 ЛБ и ПБЛ*] . . . . . IV 221
Альбом Онегина [*1828; авт. ПБЛ*] . . . . . IV 222
Черновые VIII главы [*1830; авт. ПД, ПБЛ и 71 ЛБ*] . . . . . IV 225
Черновые Путешествия Онегина [*1829—1830; авт. 82 и 68 ЛБ, ПБЛ и ПД*] . . . . . IV 234

Ж

Женщины. См. Евгений Онегин.
«Жил на свете рыцарь бедный»—стихи из Сцен из рыцарских времен . . . . . III 514

З

Замок воеводы Мнишка в Самборе. Уборная Марины («Ну, что ж? готово ли?»). Сцена из Бориса Годунова. См. Борис Годунов.
«Зачем крутится ветр в овраге»—стихи в повести Египетские ночи . . . . . IV 806
«Зачем печаль ее гнетет»—стихи в повести «Мы проводили вечер на даче у княгини Д.» . . . IV 807

И

«И там копышутся себе в грязи». См. Домик в Коломне.
Из Шекспира («Вам объяснять правления начала»). См. Анджело.
«И так я счастлив был»—стихи из Отрывков из лицейского дневника . . . . . VI 365

К

«К хозяйке как ему явиться». См. Граф Нулин.
Кавказский пленник [*1820—1821; П I*] . . . . . III 94
Примечания . . . . . III 117
Посвящение («Прими с улыбкою, мой друг») [*изд. 1835*] . . . . . VI 525
Предисловие [*изд. 1828*] . . . . . VI 526
Казак («Кто при звездах и при луне»). См. Полтава.
«Какая грусть ее гнетет»—стихи в повести «Мы проводили вечер на даче у княгини Д.». . . . IV 714
Каменный гость [*1830; авт. 76Б ЛБ*] . . . . . III 426
«Княгиня, княгинюшка». См. Русалка. Сцена «Светлица».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Княжеский терем («Уж эти девушки—никак нельзя им»). Сцена из «Русалки». См. Русалка.
Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. См. Борис Годунов.
Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. См. Борис Годунов.
«Кто из богов мне возвратил»—стихи в повести «Цезарь путешествовал» . . . . . IV 720
«Кто при звездах и при луне». [Романс; Казак]. См. Полтава.

Л

«Лишь дайте мне добраться до Москвы». См. Борис Годунов. «Краков. Дом Вишневецкого».

М

Медный всадник [*Октябрь 1833; авт. 76В ЛБ*] . III 282
Примечания . . . . . III 296
Мера за меру («Вам объяснять правления начала»). См. Анджело.
«Моею строгостью гнушаться в вашей воле». См. Анджело.
Моцарт и Сальери [*1830; Стих. III*] . . . . . III 415

Н

Наброски начала «Сцен из рыцарских времен» [*1835; авт. ПД*].
I. Ох, горе мне, Мартын, Мартын» . . . . . VI 545
II. «Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз» . . . . . VI 546
«Насилу выехать решились» [*1820-ые гг.; авт. ПД*] . . . . . III 525
«Не для тайного совета». См. Неоконченная поэма о Тазите.
«Не правда ли, вы помните то поле». См. Гавриилиада.
«Не сетуйте, красавицы мои». См. Гавриилиада.
Неоконченная поэма о Тазите [Галуб] [*1829—1833; авт. 75 ЛБ*] . . . . . III 297
«Но с неприязненною думой» [*авт. 73 ЛБ*] VI 534
«Не для тайного совета» [*авт. 82 ЛБ*] . . . . VI 535
Планы [*авт. 73 ЛБ*].
I. «Обряд похорон» . . . . . VI 535
II. «Похороны. [Три дня]» . . . . . VI 536

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Но с неприязненною думой». См. Неоконченная поэма о Тазите.
Новый Тарквиний. См. Граф Нулин.
«Ну в ком ему найти, как не в тебе». См. Русалка. Сц на «Светлица».
«Ну, что ж? готово ли? Нельзя ли поспешить?» См. Борис Годунов. Зам к воеводы Мнишка в Самборе. Уборная Марины.

О

«О милый друг, кому я посвятил». См. Гавриилиада.
Ограда монастырская («Что за скука, что за горе наше б дное житье!») Сцена из Бориса Годунова. См. Борис Годунов.
«Октавы трудны (взяв уловку лисью...)». См. Домик в Коломне.
«Она меня зовет» [Отрывок из комедии; («Она меня зовет: поеду или нет?»] [*1828; авт. ПД*]. . . . III 523
Наброски плана этой пьесы («Dervile reçoit un rendez-vous») [*авт. ПД*] . . . . . III 524
Отрывки из новгородской повести. Вадим. См. Вадим.
Отрывки из поэмы. См. Гавриилиада.
Отрывки из Путешествия Онегина. См. Евгений Онегин.
Отрывок из комедии. См. «Она меня зовет».
Отрывок из поэмы-драмы Вадим. См. Вадим.
«Ох, горе мне, Мартын, Мартын». См. Наброски начала «Сцен из рыцарских времен».

П

Петербург («На берегу пустынных волн»). См. Медный всадник.
Пир во время чумы. [*1830; Стих. III*] . . . . . III 459
«Поговорим о странностях любви». См. Гавриилиада.
«Пока меня без милости бранят». См. Домик в Коломне.
Полтава [*1828; П II*] . . . . . III 199
Примечания . . . . . III 245
Предисловие [31 января 1829; *изд. 1829*] . . . VI 528
«Поредели, побелели»—стихи в повести «Цезарь путешествовал» . . . . . IV 720

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Посвящение в «Кавказском пленнике» («Прими с улыбкою, мой друг»). См. Кавказский пленник.
«Похороны». См. Неоконченная поэма о Тазите. Планы.
«Поэт идет; открыты вежды»—стихи в повести «Египетские ночи». . . . . IV 806
«Пред нею вдруг открылся небосклон». См. Гавриилиада . . . . . .
«Прими с улыбкою, мой друг». См. Кавказский пленник.
Программа и отрывки комедии. См. «Скажи, какой судьбой».
«Птичка божия не знает». См. Цыганы.

Р

«Рогдай, я ждал тебя». См. Вадим.
Романс («В реке бежит гремучий вал»). См. Кавказский пленник.
Романс («Кто при звездах и при луне»). См. Полтава.
Русалка [*1833; авт. 76А ЛБ*] . . . . . III 468
Первоначальный конец сцены: «Княжеский терем» («Уж эти девушки») [*авт. 76А ЛБ*] . . VI 542
Стихи, пропущенные в сцене «Светлица» («Ну в ком ему найти») [*авт. 76А ЛБ*] . . . . . VI 544
Отрывок из III сцены («Светлица») («Княгиня, княгинюшка») [*авт. ПД*]. . . . . VI 544
Руслан и Людмила [*1817—1820; изд. 1820 и СО 1820*]. . . . . III 9
Предисловие к поэме в изд. 1828 г. . . . . VI 521

С

Светлица («Ну в ком ему найти» и «Княгиня, княгинюшка»). Сцена из Русалки. См. Русалка.
«Скажи, какой судьбой» [*1821; авт. 65 ЛБ*] . . . III 519
Наброски плана:
1. Вальберхова вдова—Сосницкий ее брат . . III 520
2. Сосницкий и Вальберхова (Вальберхова: «Играл?»—Играл) . . . . . III 520
3. Брянский, Рамазанов, Сосницкий: «Вы здесь, а мне ничего не сказали». . . . . III 521
4. «Я шел к тебе, сестра» . . . . . III 521
Скупой рыцарь [*1830 г.; Совр. I*] . . . . . III 396

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Старый муж, грозный муж» [Цыганская песня]. См. Цыганы.
Сцена из Бориса Годунова. Замок воеводы Мнишка в Самборе. Уборная Марины («Ну, что же? готово ли?»). См. Борис Годунов.
Сцена из Бориса Годунова. Краков. Дом Вишневецкого («Лишь дайте мне добраться до Москвы»). См. Борис Годунов.
Сцена из Бориса Годунова. Ограда монастырская. («Что за скука, что за горе наше бедное житье!»). См. Борис Годунов.
Сцена из Бориса Годунова. После сцены VI («Где ж он? где старец Леонид?»). См. Борис Годунов.
Сцена из Бориса Годунова. Царские палаты («Что ж уста твои»). См. Борис Годунов.
Сцена из Русалки. Княжеский терем («Уж эти девушки—никак нельзя им»). См. Русалка.
Сцена из Русалки. Светлица («Ну в ком ему найти» и «Княгиня, княгинюшка»). См. Русалка.
Сцены из Бориса Годунова, не включенные Пушкиным в основной текст. См. Борис Годунов.

Т

«Таков поэт: как Аквилон»—стихи в повести Египетские ночи . . . . . IV 807
Татарская песня («Дарует небо человеку»). См. Бахчисарайский фонтан.
«Ты видел Новгород». См. Вадим.

У

«У нас война. Красавцы молодые!» См. Домик в Коломне.
Уборная Марины. См. Борис Годунов. Замок воеводы Мнишка в Самборе.
«Угрюмых тройка есть певцов». См. Отрывки из лицейского дневника.
«Уж эти девушки—никак нельзя им». См. Русалка. Сцена «Княжеский терем».
«Узнают коней ретивых»—стихи в повести «Цезарь путешествовал...» . . . . . IV 720

Х

«Ходит во̀ поле коса»—стихи в Сценах из рыцарских времен . . . . . III 509

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Ц

Царские палаты («Что ж уста твои»). Сцена из Бориса Годунова. См. Борис Годунов.
Цыганская песня («Старый муж, грозный муж»). См. Цыганы.
Цыганы [*1824; II II*] . . . . . III. 166

Ч

Черкесская песня («В реке бежит гремучий вал») [Романс]. См. Кавказский пленник.
Черновые «Путешествия Онегина». См. Евгений Онегин.
Черновые строф I—VIII глав Евгения Онегина. См. Евгений Онегин.
«Чертог сиял. Гремели хором»—стихи в повести Египетские ночи . . . . . IV 534
«Что ж уста твои». См. Борис Годунов. Царские палаты.
«Что за скука, что за горе наше бедное житье!» См. Борис Годунов. Ограда монастырская.

Ш

«Шестнадцать лет, невинное смиренье». См. Гавриилиада.

Э

«Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз». См. Наброски начала Сцен из рыцарских времен.
Эпические отрывки. См. Гавриилиада.

Я

«Я ждал тебя, Рогдай». См. Вадим.

ПРОЗА

А

«*А.* Читал ты замечание». См. Разговор.
«*А.* Читали вы в последнем №». См. О критике и полемике.
«Август, вторично испрашивая». См. Замечания на Анналы Тацита.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Автору было двадцать лет от роду». См. Предисловие к «Руслану и Людмиле» изд. 1828 г.
«Ага,—заметил Кирила Петрович,—слуги в барина». См. Дубровский. Вариант к XII главе. Сцена порки.
«Актеон. un fat, après avoir séduit». См. Планы. Актеон.
Александр Радищев («В конце первого десятилетия») [*3 апреля 1836; авт. коп. 85В ЛБ*] V 242
Приложения:
I. От императрицы главнокомандовавшему в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу («Граф Яков Александрович») . . . . . V 252
II. Из записок Храповицкого («26-го июня 1790. Говорили (Государыня) о книге «Путешествие из Петербурга в Москву». . . . . V 252
III. Отрывок из книги. Радищева «Клин» («Как было во городе, во Риме»). . . . . V 253
«Алеша был очень неглупый». См. Детская книжка. Ветреный мальчик.
«Альманахи сделались представителями». См. Об альманахе «Северная лира».
Альманашник («Господи боже мой») [*1830; авт. 82 ЛБ*] . . . . . VI 43
«Альфиери изучал итальянский язык». См. Полемические заметки, связанные с рецензиями на Евгения Онегина.
«Английские критики оспаривали». См. О Байроне и его подражателях.
«Англия есть отечество карикатуры». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г.
«Андрей Шенье не романтик». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» («Французские критики имеют свое понятие»).
Анекдот о Байроне («Горестно видеть»)—не включено, как не принадлежащее Пушкину.
«Анекдот, служащий основанием повести». См. Капитанская дочка. Набросок предисловия.
Анекдоты.
I. «На Потемкина часто находила хандра».
II. «Надменный в сношениях».
III. «Молодой Ш. как-то напроказил».
IV. «Граф Румянцев однажды».
V. «Некто, отставной мичман».
VI. «Всем известны слова Петра Великого».
VII. «Граф Самойлов получил Георгия».
VIII. «Государыня Екатерина II говаривала».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

IX. «Петр I говаривал».
X. «Любимый из племянников князя Потемкина».
XI. «Когда родился Иоанн Антонович» [*1835—1836; Совр. III*] . . . . . V 182
Анекдоты. «Старый генерал Щ.» и «Шувалов, заспорив». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. Анекдоты.
Арап Петра Великого [*1827—1828; ПП, СЦ 1829 и авт. 78 ЛБ*] . . . . . IV 249
Эпиграфы, заготовленные для первых глав (*авт. 78 ЛБ*] . . . . . IV 789
«Ах, расскажите, расскажите». См. «Мы проводили вечер на даче».

Б

«Байрон говорил, что никогда». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Баратынский принадлежит к числу». См. Наброски статей о Баратынском.
Баратынский. См. Наброски статей о Баратынском.
«Барков заспорил однажды». См. Table talk.
Барышня-крестьянка. См. Повести. покойного Ивана Петровича Белкина.
«Бахчисарайский фонтан слабее». См. Заметки о ранних поэмах.
«Башарин дорогой во время бурана». См. Планы. Капитанская дочка.
«Башарин отцом своим привезен». См. Планы. Капитанская дочка.
«Безнравственное сочинение». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Бессарабия, известная». См. Примечания к Цыганам.
«Благодарю вас за участие». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
«Бова в конюшне». См. Планы. Бова.
«Бова на престоле отца своего». См. Планы. Бова.
Богородицыны дочки («Царевича Алексея Петровича положено было») [*1831; авт. ПД*] . VI 328
«...большой грузинский нос». См. Из лицейского дневника.
Боратынский. См. Наброски статей о Баратынском.
«Браните мужчин вообще». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Брянский, Рамазанов, Сосницкий («Вы здесь?»). См. Планы. «Скажи, какой судьбой».
«Будем справедливы: г. Полевого». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений (примечание).
«Будри, профессор французской словесности». См. Table talk.
«Будучи русским писателем». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Буквы, составляющие славянскую азбуку». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».

В

«В «Вестнике Европы» с негодованием говорили». См. Наброски возражений критикам Графа Нулина.
В главный Комитет цензуры («Честь имею обратиться»)—не включено, как письмо.
«В древние времена при объявлении войны». [*1831?; авт. ПД*] . . . . . VI 203
«В зрелой словесности приходит время» [*Ноябрь? 1828; авт. ПД*] . . . . . VI 39
«В Коломне avant soirée». См. Планы. Повесть «На углу маленькой площади».
«В Коломне на углу маленькой площади». См. «На углу маленькой площади».
«В конце истекшего года вышла в свет». См. О некрологии генерала Н. Н. Раевского.
«В конце первого десятилетия». См. Александр Радищев.
«В конце 1825 года». См. Заметка к Графу Нулину.
«В конце 1826 года». См. Заметка о холере.
«В Лондоне, в прошлом 1836 году, умер некто г. Дюлис». См. Последний из свойственников Иоанны д'Арк.
«В миг, когда любовь исчезает». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«В начале 1812 года полк наш стоял» [Начало повести] [*Август—октябрь 1829; авт. 82 ЛБ*]. IV 683
«В наше время главный недостаток». См. Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«В наше время молодому человеку». См. Франкийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836.
«В наше время под словом роман». См. Юрий Милославский или русские в 1612 году.
«В некотором азиатском народе». См. Отрывки из писем, мысли и замечания. Примеры невежливости.
«В одно из первых чисел апреля 181... года». См. Роман на Кавказских водах.
«В одной газете». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«В одном из московских журналов выписывают». См. Объяснение к заметке об Илиаде.
«В одном из наших журналов дано было почувствовать». См. Вастола или желания.
«В одном из наших журналов дают заметить». См. О литературной критике.
«В одном из № «Литературной газеты» упоминали». См. О записках Видока.
«В первое представление Дон-Жуана». См. Заметка о Моцарте и Сальери.
«В первом томе «Современника». См. От редакции.
«В продолжение двух последних лет». См. Капитанская дочка.
«В сем альманахе встречаем имена». См. Денница, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем.
«В течение последних четырех лет». См. Письмо к Издателю «Сына Отечества».
«В третьем нумере Московского вестника». См. О гекзаметрах Мерзлякова.
«В 1808 году молодой мальчик». См. Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным.
«В 1829 году автор находился в главной квартире Дибича». См. О «Путешествии к св. местам» А. Н. Муравьева.
«В 1829 году внимание Европы». См. О «Путешествии к св. местам» А. Н. Муравьева.
«В 179* году возвращался я в Лифляндию» [Отрывок: Глава II] [*1835; авт. 87Б ЛБ*] . . . . IV 709
«В условиях деспотического государства» (Je suppose sous un gouvernement») [*1820; авт. ПД*] VI 187
«В 4-й книге Афенея». См. Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине».
«В числе иноземцев, писавших о России». См. Записки бригадира Моро де Бразе.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«В числе иностранцев, посетивших Россию». См. Наброски статей для «Современника». I. «Путешествие в Сибирь аббата Шапп д'Отроша».
«Вадим влюблен». См. Планы. Трагедия о Вадиме.
«Вальберхова вдова—Сосницкий ее брат». См. Планы. «Скажи. какой судьбой».
«Ванюша. сын приходского дьячка». См. Детская книжка.
Вариант к XVII гл. «Дубровского». Сцена порки. См. Дубровский.
Вастола, или желания («В одном из наших журналов дано было почувствовать») [*Февраль—март 1836; Совр. I*] . . . . . V 217
«Вастола», повесть в стихах, соч. Виланда. См. Вастола, или желания.
«Введение — Россия извне». См. План введения в «Историю Петра Великого».
«Вдохновение есть расположение». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Век романтизма не настал еще». См. Заметки о французских историках и поэтах.
«Вероятно трагедия моя». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
Ветреный мальчик. См. Детская книжка.
«Вечер провел у N. G.». См. Из кишиневского дневника.
«Вечер—русский берег—ладья». См. Планы. Поэма о Вадиме.
«Вечера на хуторе близ Диканьки» («Читатели наши, конечно, помнят») [О 2 изданий «Вечеров на хуторе»; О выходе «Вечеров на хуторе»] [*Январь—март 1836 г.; Совр. I*] . . . V 218
«Вечером—девица плачет». См. Планы. Братья-разбойники.
«Владетельные феодалы» («Les seigneurs féodaux avaient») [*1831?; авт. ПД*] . . . . . VI 201
«Владимир. разделив на уделы». См. Планы. Мстислав.
Влюбленный бес. См. Планы.
«Во втором № «Современника» (на 1836 год) уже упомянуто». См. Примечание к «Записке о древней и новой России» Карамзина.
«Во Франции, в земле прославленной». См. Отрывки из писем, мысли и замечания. Примеры невежливости.
«Возвратясь из-под Арзрума». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Возвратясь из путешествия узнал я». См. «Заметка о публикациях Ап в «Северной звезде».
«Вольтер в своем Siécle de Louis XIV». См. Начало статьи о Железной Маске.
Вольтер («Недавно издана в Париже переписка Вольтера») [*Апрель—сентябрь 1836; Совр. III*] . . . . . V 161
Воображаемый разговор с Александром Павловичем. См. Воображаемый разговор с Александром I.
Воображаемый разговор с Александром I («Когда бы я был царь») [Воображаемый разговор с Александром Павловичем; «Инзов меня очень любил»] [*Декабрь 1824; авт. 70 ЛБ*] . . . . . VI 374
«Ворон ворону глаз не выклюет». См. Шотландская пословица.
«18 мая у княгини»—не включено в настоящее издание.
«18-го января нынешнего года». См. Российская академия.
«Воспитание. Смерть матери». См. Планы. Русский Пелам.
Воспоминания о Карамзине. См. Из автобиографических записок («...запечатлены печатью вольномыслия»).
«Вот начало большого стихотворения». См. Предисловие к первому изданию первой главы «Евгения Онегина».
«Вот уже 16 лет, как я печатаю». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с «Евгением Онегиным».
«Вот явление, неожиданное в нашей литературе». См. Послесловие к «Долине Ажитугай».
«Всё, что превышает геометрию». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Всем известно, что французы народ самый антипоэтический» [О Викторе Гюго; Современные французские писатели] [*1832; авт. ПД*] VI 100
«Всем известны слова Петра Великого». См. Анекдоты.
Встреча с казаками. См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Отрывок из путевых записок, не вошедший в Путешествие в Арзрум.
Встреча с П. А. Ганнибалом. См. Из автобиографических записок.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Встреча с Кюхельбекером («15 октября 1827 г. Вчерашний день») [*16 октября 1827; авт. ПД*] VI 379
Встреча с Надеждиным («Я встретился»). См. Table talk.
«Вступление. Но есть одно в основании». См. План издания русских исторических песен.
«2 окт. Письмо к царю»—не включено в настоящее издание.
«Вчера ввечеру». См. Выписка из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола.
«Вчера государь». См. Записки 1831 г.
«Вчерашний день». См. Встреча с Кюхельбекером.
«Вы здесь, а мне ничего не сказали». См. Планы. «Скажи, какой судьбой».
«Вы поняли великие достоинства французского историка». См. Наброски третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого.
«Вы слыхали про Ветошкина?» См. Table talk Разговоры Н. К. Загряжской.
«Вы слышали про Ветошкина?» См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.
«Вы так откровенны и снисходительны». См. «Гости съезжались на дачу».
Выписка из «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола («Вчера ввечеру») [*1823; изд. Бахч. ф. 1835*] . . . . . III 160
Выписка о Поле Поттере («Поль Поттер род. в Энкгуйзене») [О Поле Поттере] [*Сентябрь? 1831; авт. ПД*] . . . . . VI 501
Выписка о Савве Сторожевском. См. Преподобный Савва игумен.
Выписки из Четь-Миней («Трапеза—толк, толмач») [*Нач. 1830-х г.; авт. ПД*]. . . . . VI 330
Выстрел. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина.
«Вышед из лицея». См. Из автобиографических записок.

Г

Гастрономические сентенции: «Не откладывай до ужина».
«L'exactitude est la politesse des cuisiniers».
«Желудок просвещенного человека» [*1830-ые годы; авт. ПД*]. . . . . VI 333
«Где-то сказано было, что прадед мой». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Генерал Р. был насмешлив». См. Table talk.
«Генерал Раевский был насмешлив». См. Table talk.
«Георгий Конисский известен у нас». См. Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского.
«Георгий Конисский, о котором напечатана статья». См. Письмо к издателю.
«Германик, тщетно стараясь». См. Замечания на Анналы Тацита.
«Гете имел большое влияние». См. Table talk.
Глава II. См. «В 179* году возвращался я».
Глава II. См. «На углу маленькой площади».
«Главная прелесть романов Walter Scott». См. О романах Вальтера Скотта.
«Глупость осуждения не столь заметна». См. Table talk. («Человек по природе своей»).
«Говоря о Полтаве, критики». См. Заметка о Полтаве.
«Н. В. Гоголь долго не соглашался». См. Примечание к повести «Нос».
«Года [два, лет пять] четыре тому назад». См. Пиковая дама. Первоначальные наброски.
«Года два тому назад книжка». См. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme.
«Года четыре тому назад». См. Пиковая дама. Первоначальные наброски.
«Голиков. Введение. Philipp Johann von Stralenbergs». См. Материалы для истории Петра Великого.
«Голиков говорит, что он». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Голландская королева, женщина». См. Table talk.
«Гордиться славою своих предков». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Горестно видеть». См. Анекдот о Байроне.
«Господи, боже мой, вот уже четвертый месяц». См. Альманашник.
«Г-н An. не имел никакого права». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов». См. Записки Чухина. Сочинение Фаддея Булгарина.
«Г. Лобанов заблагорассудил дать». См. Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Г-н Б. Федоров, в журнале». См. Полемические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Г-н Федоров, в журнале». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Гости съезжались на дачу» [Одна глава из неоконченного романа; Разговор с испанцем; Разговор вечером на рауте; Подготовительный отрывок Египетских ночей].
I. «Гости съезжались на дачу» [*1828; авт. 87Б ЛБ*] . . . . . IV 655
II. «Минский лежал еще в постеле» [*1828; авт. 71 ЛБ*] . . . . . IV 660
III. «Вы так откровенны и снисходительны» [*1829—1830; авт. 82 ЛБ*] . . . . . IV 661
«Государыня Екатерина II говаривала». См. Анекдоты.
«Государь долго не производил». См. Table talk.
«Государь (Петр III) однажды». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.
«Грамматика не предписывает законов». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Грамматические заметки». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Грамматические замечания». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Граф Кирилл Разумовский». См. Table talk.
Граф Нулин. См. Заметка к Графу Нулину.
«Граф Нулин наделал мне». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Граф Румянцев однажды рано». См. Анекдоты.
«Граф Самойлов получил Георгия». См. Анекдоты.
«Графа Кочубея похоронили». См. Table talk.
Гробовщик. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина.

Д

«Д. говаривал». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Д*** однажды вызвал». См. Table talk.
«Даже люди, выдающие себя». См. Отрывки из писем, мысли и замечания. Примеры невежливости.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу». См. Начало статьи о русской прозе.
«Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии». См. О русской литературе с очерком французской.
«29 июля 1826 г.»—не включено в настоящее издание.
«25 июня. Фанни»—не включено в настоящее издание.
«24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной». См. Дневник 1833—1835 гг.
«26 июля. Вчера государь». См. Записки 1831 г.
«Двенадцать, а не двенадцать». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Действие Вальтер-Скотта ощутительно». См. «История русского народа», сочинение Николая Полевого. Статья II.
Дельвиг («Дельвиг родился»). См. Заметки о Дельвиге.
«Дельвиг звал однажды». См. Table talk.
«Дельвиг не любил». См. Table talk.
«Дельвиг однажды вызвал». См. Table talk.
«Дельвиг родился в Москве». См. Заметки о Дельвиге.
«Денис Давыдов явился». См. Table talk.
Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем («В сем альманахе встречаем...») [*Январь 1830; ЛГ 1830 № 8*] . . . . . V 47
Деревенские впечатления. См. Из автобиографических записок.
Державин («Державина видел я»). См. Table talk.
«Державина видел». См. Table talk.
«Десять лет тому назад». См. Материалы об издании газеты. Записка, представленная в III Отделение.
Детская книжка [Детские книжки; Детские сказочки] [*1830; авт. 82 ЛБ*].
I. Ветреный мальчик («Алеша был очень неглупый») . . . . . VI 48
II. Маленький лжец («Павлуша был опрятный») . . . . . VI 49
III. «Ванюша, сын приходского дьячка» [Исправленный забияка]. . . . . VI 49
Детские книжки. См. Детская книжка.
Детские сказочки. См. Детская книжка.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Джонн Теннер («С некоторого времени Северо-американские штаты») [*Лето 1836; Совр. III*] V 186
«Для очистки совести нашей». См. От редакции I.
«Дмитриев предлагал». См. Table talk.
«Дневник. Контора под ведомством редактора». См. Материалы об издании газеты.
Дневник 1833—1835 гг. («24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной») [Отрывки из дневника; Записки Пушкина] [*1833—1835; авт. ЛБ*] VI 394
«Долго не знали в Европе». См. Примечания к Цыганам.
«Долго Россия оставалась чуждою Европе». См. О русской литературе с очерком французской.
«Долгое время французы пренебрегали». См. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая».
«Должно ли сперва поговорить». См. Мои замечания о русском театре.
«Должно стараться иметь». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
Дополнение к главе XIII «Капитанской дочки». См. Капитанская дочка. Пропущенная глава.
Дополнение к отрывку из повести. См. «Участь моя решена».
Драматическая сцена. См. «Через неделю буду в Париже».
Драматические отрывки. См. «От этих знатных господ», «Через неделю буду в Париже» и «И ты тут был».
Драматические этюды. См. «От этих знатных господ», «И ты тут был».
«Драматическое искусство родилось на площади» [О драме] [*1830; авт. 87 ЛБ*] . . . . . .
Дубровский [*1832—1833; авт. 80, 87А ЛБ*] . . . VI 381
Вариант к XVII главе. Сцена порки. («Ага,— заметил Кирила Петрович») . . . . . IV 790
См. еще Планы.
«Дубровский—1-я глава». См. Планы. Дубровский.
«Дуров—брат той Дуровой». См. Table talk. О Дурове.
«Дух века требует». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
«Дядя мой однажды занемог». См. Материалы к «Отрывкам, мыслям и замечаниям». Предисловие.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Е

Египетские ночи [*1835?; авт. 86А ЛБ*] . . IV 522, 806
«Езуит Поссевин, столь известный». См. Table talk.
«Если быть дворянином». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Если в течение 16-летней». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Есть различная смелость». [О смелости выражений] [*1827; авт. 67 ЛБ*] . . . . . VI 21

Ж

«Жалуются на равнодушие русских женщин». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
Железная Маска. См. Начало статьи о Железной Маске.
«Желудок просвещенного человека». См. Гастрономические сентенции.
«Живший в Москве и считавшийся в отпуску». См. Table talk.
«Жизнь Марьи Кирилловны». См. Планы. Дубровский.
«Журнал под названием «Современник». См. Программа «Современника», представленная в С.-Петербургский цензурный комитет.

З

«Зависть сестра соревнования». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Завоевание Сибири постепенно совершалось». См. Набросок начала статьи о Камчатке.
Заметка к «Графу Нулину» («В конце 1825 года») [«О Графе Нулине»; «Граф Нулин»] [*1833; авт. ПД*] . . . . . VI 317
Заметка к повести «Нос». См. Примечание к повести «Нос».
Заметка к поэме «Цыганы». См. Примечание к Цыганам.
Заметка к «Слову о Полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана. См. Замечания на «Песнь о Полку Игореве».
Заметка на сцену из Фонвизина: «Разговор у княгини Халдиной». См. О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина.
Заметка о Ганнибале («Где-то сказано»). См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Заметка о «Демоне» («Многие того же мнения») [О стихотворении «Демон»; Отрывок; заметки о «Демоне»; Пушкин как бы посторонний говорит о своем «Демоне»] [*1827; авт. 70 ЛБ*] VI 290
Заметка о Димитрии Самозванце («Мнение митрополита Платона») [*6 июля 1831; авт. ПД*] VI 203
Заметка о записках Н. А. Дуровой. См. «Кавалерист-девица.
Заметка о критике. См. Заметки о критике и полемике.
Заметка о Моцарте и Сальери («В первое представление») [Моцарт и Сальери; О Моцарте и Сальери] [*1833; авт. ПД*] . . . . . VI 316
Заметка о нападках на литературную аристократию. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии».
Заметка о Пенда-Деке. См. Note sur Penda-Déka.
Заметка о Полтаве («Habent sua fata libelli») [Полтава; О Полтаве; «Говоря о Полтаве, критики»; «Прочитав в первый раз»] [*1830; авт. 87Б ЛБ*] . . . . . V 86
Заметка о приказах [О приказах; Приказы: Заметка о приказах XVI—XVII вв.; Историческая заметка] [*1833 авт. 73 ЛБ*] . . . . . VI 204
Заметка о приказах XVI—XVII вв. См. Заметка о приказах.
Заметка о публикациях Ап в «Северной звезде» («Возвратясь из путешествия») [*1829; авт. 82 ЛБ*] . . . . . VI 42
Заметка о революции Ипсиланти. См. Note sur la révolution d'Ypsylanti.
Заметка о «Ромео и Джюльете» Шекспира («Многие из трагедий») [«О «Ромео и Джюльете» Шекспира; «Ромео и Джюльета» Шекспира; «Ромео и Юлия» Шекспира; «Ромео и Юльетта» Шекспира] [*Середина декабря 1829; СЦ 1830*] V 36
Заметка о русских журналах («Определяйте значение слов») [О русской журналистике в сравнении с иностранной; О русских журналах] [*1831; авт. ПД*] . . . . . VI 99
Заметка о сборнике кн. Вяземского. См. Заметка о «Старине и новизне».
Заметка о «Старине и новизне» («Спешим уведомить публику») [Заметка о сборнике кн. Вяземского; О сборнике кн. Вяземского;

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Заметка от редакции (о сборнике кн. Вяземского); О «Старине и новизне» кн. Вяземского; От редакции; Заметка от редакции в IV книге «Современника»] [*Начало ноября 1836; Совр. IV*] . . . . . V 238
Заметка о статье Гоголя («С удовольствием помещая»). См. Письмо к издателю («Георгий Конисский, о котором»), где этот текст в примечании «Издателя».
Заметка о холере («В конце 1826 года») [Заметки о холере] [*1831; авт. 3266 ЛБ*] . . . . . VI 391
Заметка о «Хронике русского в Париже» А. И. Тургенева. См. От редакции: «Для очистки совести нашей».
Заметка от редакции в IV книге «Современника». См. Заметка о «Старине и новизне».
Заметка от редакции (о сборнике кн. Вяземского). См. Заметка о «Старине и новизне».
Заметки в «Литературной газете» 1830 г. [Статьи из «Литературной газеты» 1830 г., приписываемые Пушкину].
1. «Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана» [*Первая половина января 1830; ЛГ № 5*]. . . . . VI 512
2. «Англия есть отечество карикатуры» [О карикатуре в Англии и о Полевом] [*Середина февраля 1830; ЛГ № 12*] . . . . . VI 513
3. «Требует ли публика извещения» [О личностях в критике] [*Вторая половина марта 1830; ЛГ № 20*] . . . . . VI 513
4. «С некоторых пор журналисты наши» [О неблаговидности нападок на дворянство; Об упреках писателей дворянским достоинством и литературною известностию] [*Середина июня 1830; ЛГ № 36*] . . . . . VI 514
5. «Новые выходки против так называемой литературной нашей аристократии» [О выходках против литературной аристократии; О выходке против так называемой литературной аристократии; Заметка о нападках на литературную аристократию] [*Вторая половина июля—начало августа 1833; ЛГ № 45*] . . . . VI 515
6. Анекдоты [*Конец января 1830; ЛГ № 8*] VI 516
«Старый генерал Щ.»
«Шувалов, заспорив».
Заметки во II книге «Современника». См. От редакции. «Для очистки совести нашей».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений» [Критические заметки] [*1830; авт. 87А ЛБ*].
1. О цене «Евгения Онегина» («Между прочими литературными обвинениями»). . . . . VI 76
2. «Шутки наших критиков» [«Молодой Киреевский»; О Дельвиге и Киреевском] . . . . VI 77
Заметки к «Истории Пугачевского бунта» («Пугачев был уже пятый самозванец») [Заметки к «Истории Пугачевского бунта», представленные Николаю I] [*1834—1835; авт.*]. . . V 446
Заметки к «Истории Пугачевского бунта», представленные Николаю I. См. Заметки к «Истории Пугачевского бунта».
Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова [Замечания Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова] [*1827—1828; коп. Л. Майкова в ПБЛ*] . . . . . VI 454
Заметки на полях письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории» [*1836; соч. Вяземского, т. II*] . . . . VI 495
Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» [Замечания Пушкина на статью кн. Вяземского об Озерове] [*1826—1828; Майков «Пушкин»*] . . VI 447
Заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» [*1829; авт. Театр. музея имени Бахрушина*] VI 485
Заметки о Борисе Годунове. См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
Заметки о Дельвиге.
1. Дельвиг («Дельвиг родился в Москве») [*1833—1834; авт. ПД*] . . . . . VI 102
2. «Я ехал с Вяземским» [*1834; авт. б. ПД*]. VI 104
Заметки о Дельвиге («Идиллии Дельвига удивительны»). См. О Дельвиге.
Заметки о критике и полемике [О критике и полемике; Заметка о критике; Отрывок из разговоров; Отрывки из разговоров; Разговоры о положении литературной критики].
1. «Литература у нас существует» [*1830; авт. 82 ЛБ*] . . . . . VI 97
2. «Критика вообще. Критика наука» [«Критика наука»] [*1830; авт. ПД*] . . . . . VI 97
3. «Писатели, известные у нас под именем

Пушкинский кабинет ИРЛИ

аристократов» [О журнальной критике и полемике] [*1831; авт. ПД*] . . . . . VI 97
4. «Критикою у нас большею частию» [*1830—1831; авт. б. ПД*] . . . . . VI 98
Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина («Прежде чем станем судить») [Разбор драмы М. П. Погодина «Марфа Посадница»; Разбор драмы «Марфа Посадница»; Разбор «Марфы Посадницы» Погодина] [*1830; авт. 87Б ЛБ*] . . . . . VI 81
Заметки о ранних поэмах [*1830; авт. 87А ЛБ*]
«Руслана и Людмилу» вообще приняли. [О «Руслане и Людмиле].
«Кавказский пленник»—первый неудачный опыт характера».
«Бахчисарайский фонтан» слабее «Пленника» [О «Бахчисарайском фонтане»].
«Не помню кто заметил мне» [О «Братьях-разбойниках»].
«О «Цыганах» одна дама заметила» . . . . . VI 314
Заметки о русских пословицах. См. Старинные пословицы и поговорки.
Заметки о русском дворянстве [О дворянстве; Программы статей для «Литературной газеты»].
1. «Ignorance des seigneurs Russes» [*1827—1829; авт. ПД*] . . . . . VI 191
2. «Attentat de Феодор» [Lâcheté de la «haute noblesse»] [*1830 г.; авт. 87Б ЛБ*] . . . . . VI 192
3. «Что такое дворянство потомственное?» [«Что такое потомственное дворянство?»; «Что составляет дворянство в республике?»] [*1830-ые годы; авт. 87В ЛБ*] . . . . . VI 193
4. «Русское дворянство что ныне значит?» [*1833—1835 гг.; авт. 74 ЛБ*] . . . . . VI 195
Заметки о французских историках и поэтах [Заметки о французской литературе; О французских историках и поэтах] [5 июля 1824; *авт. ЦА*].
I. «Французы ничуть не ниже англичан».
II. «Век романтизма не настал еще» . . . . VI 15
Заметки о французской литературе. См. Заметки о французских историках и поэтах.
Заметки о холере. См. Заметка о холере.
Заметки о Шванвиче («Немецкие указы Пугачева») [*1834—1835; авт. ПД*] . . . . . V 454
Заметки от редакции в III книге «Современника». См. От редакции.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Заметки по истории Украины [О Малороссии] [*1831?; авт. ПД*] .
I. «Sous le nom d'Ukraïne». . . . . VI 195
II. «Что ныне называется Малороссия?» [Историческая программа] . . . . . VI 199
Заметки по истории французской революции [О французской революции; «Постановления, ниспровергнутые во Франции»] [*1831*].
1. «Прежде нежели приступить» [Прежде нежели приступим: Программа 3-ей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого] [*авт. ПД*] . . . . . VI 189
2. «Продолжительные войны дали им время» [*авт. 87 ЛБ*] . . . . . VI 190
3. «Феодальное правление, основанное на праве завоевания» [Программа 3-ей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого; «Феодальное право, основанное»] [*авт. 87 ЛБ*] . . . . . VI 191
Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии» («Статья «О направлении нашей поэзии»») [Замечания по поводу двух статей Кюхельбекера; «Критик смешивает вдохновение с восторгом»; О вдохновении и восторге] [*Конец 1826—1827; авт. ПД*] . . . . . VI 19
Заметки по поводу «Проекта вечного мира» Сен-Пьера («Il est impossible»; «Невозможно, чтобы люди») [*1821; авт. ПД*] . . . . . VI 173
Заметки по русской истории XVIII века («По смерти Петра I») [Исторические замечания; «Петр I не страшился»] [2 авг. 1822; *авт. ПД*] . . . . . VI 178
Заметки при чтении Введения к «Деяниям Петра Великого» Голикова. См. Материалы для истории Петра Великого.
Заметки при чтении «Нестора» Шлецера («Шлецер—введ.») [О разработке русской истории] [*1832; авт. ПД*] . . . . . VI 204
Заметки при чтении «О государственном кредите» М. Ф. Орлова («Конечно никто») [Замечания на книгу «О государственном кредите» М. Ф. Орлова: О книге Орлова «О государственном кредите»] [*1834; авт. ПД*] . . . . . VI 205
Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1. О Камчатке. («Камчатская землица (или Камчатский нос) начинается») [*1837 г.; авт. 88Ж ЛБ*] . . . . . VI 257
2. Камчатские дела от 1694 до 1740 года («§ 1. Сибирь была уже населена») [20 января 1837 г.; *авт. 88Ж ЛБ*] . . . . . VI 265
Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. См. План и набросок начала статьи о Камчатке.
Заметки Пушкина в «Современнике». См. От редакции.
Заметки, связанные с изданием «Современника». См. Программа «Современника», представленная в С.-Петербургский цензурный комитет.
Замечания на Анналы Тацита [*1825—1827*].
1. «Тиберий был в Иллирии» [*авт. 3266 ЛБ*] VI 184
2. «Когда сенат просил» [*id.*] . . . . . VI 184
3. «Август, вторично испрашивая» [*id.*] . . . VI 185
4. «Тиберий отказывается от государства» [*id.*] VI 185
5. «Первое действие Тибериевой власти» [*id.*]. VI 185
6. «Германик, тщетно стараясь» [*id.*] . . . . VI 185
7. «Тиберий не мог доволен быть» [*id.*] . . . . VI 186
8. «Юлия, дочь Августа» [*id.*] . . . . . VI 186
9. «С таковыми глубокими» [*авт. 67 ЛБ*] . . . VI 187
Замечания на книгу «О государственном кредите» М. Ф. Орлова. См. Заметки при чтении «О государственном кредите» М. Ф. Орлова.
Замечания на «Песнь о полку Игореве» [*1834*].
I. «Песнь о полку Игореве» найдена была» [*авт. 86Г ЛБ*] . . . . . VI 139
II. Заметка к «Слову о полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана («Слово о полку Игореве, сына Святославля, внука Ольгова») [*авт. 86Г ЛБ*] . . . . . VI 147
«Хочу копье переломити» [*авт. ПД*] . . . . . VI 147
Замечания по поводу двух статей Кюхельбекера. См. Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии».
Замечания Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова. См. Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова.
Замечания Пушкина на статью кн. Вяземского об Озерове. См. Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях Н. А. Озерова».
«...запечатлены печатью вольномыслия». См. Из автобиографических записок.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Записи в Кишиневской тетради 1820—1822 гг. См. Из записной книжки 1820—1822 гг.
Записи в тетради 1820—1822. См. Из записной книжки 1820—1822 гг.
Записи 1826—1828 гг.—не включено в настоящее издание.
Записка о Мицкевиче, представленная в III Отделение («Adam Mickiewicz») [О Мицкевиче] [7 января 1828 г.; *авт. ПД*] . . . . . VI 437
Записка о народном воспитании. См. О народном воспитании.
Записка о В. Д. Сухорукове, представленная в III Отделение («Сотник Сухоруков воспитывался»). [О В. Д. Сухорукове; О сотнике В. Д. Сухорукове] [*1831; авт. ПД*] . . . . . VI 438
Записка об издании газеты. См. Материалы об издании газеты.
Записка, представленная Бенкендорфу. См. Материалы об издании газеты.
Записка, представленная в III Отделение («Десять лет тому назад»). См. Материалы об издании газеты.
Записки бригадира Моро-де-Бразе («В числе иноземцев, писавших о России») [*1835; авт. 89 ЛБ*] . . . . . V 476
Записки Дуровой. См. Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным.
Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным («В 1808 г. молодой мальчик») [Записки Дуровой; О записках Дуровой; Предисловие к запискам Н. А. Дуровой] [*24 мая—30 июня 1836; Совр. II*] . . . . . V 226
Записки М. См. Русский Пелам.
Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830 г. («Я начинаю себя помнить») [*1830; авт. 87Б ЛБ*] . . . . . VI 497
Записки об издании газеты. См. Материалы об издании газеты.
Записки Пушкина. См. Дневник 1833—1835 гг.
Записки 1831 г. («26 июля. Вчера Государь») [Из записной книжки; Отклики на события 1831 г.] [*1831; авт. 87А ЛБ*] . . . . . VI 387
Записки Чухина. Сочинение Фаддея Булгарина. («Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов») [Памятные записки титулярного советника Чухина, или простая история обыкновенной жизни] [*1836; авт. ЛБ*] V 276

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Запись в альбом чревовещателя Ваттемара («Votre nom est Légion») [*16 июня 1834; авт. ПД*] VI 501
Заседание нового литературного общества. См. «Несколько московских литераторов».
«Земский суд». См. Материалы о земском суде.
«Зорич был очень прост». См. Table talk.
«Зурин получил повеление». См. Капитанская дочка. Пропущенная глава.

И

«И ты тут был» [Драматический отрывок; Драматический этюд] [*1830-ые гг.; авт. ПД*] . . . . III 534
«И я бы мог»—не включено в настоящее издание.
«Идиллии Дельвига удивительны». См. О Дельвиге.
Из автобиографических записок («...запечатлены печатью вольномыслия») [Отрывки из автобиографических записок: Воспоминания о Карамзине: Остатки автобиографии; Остатки записок] [*1826; авт. 87А ЛБ и авт. ПД*] . . . VI 376
Из автобиографических записок («1824 ноября 19-го, Михайловское. Вышед из лицея») [Встреча с П. А. Ганнибалом; Деревенские впечатления] [*19 ноября 1824 г.; авт. ПД*] VI 374
«Из Азии переехали мы в Европу». См. Отрывок из письма.
«Из всех сочинений г-жи Сталь». См. О г-же Сталь и о г. А. Муханове.
Из журнала греческого восстания. См. Note sur la révolution d'Ypsylanti и Note sur Penda-Déka.
Из записной книжки («Вечер провел у N. G.»). См. Из кишиневского дневника.
Из записной книжки («26 июля. Вчера государь»). См. Записки 1831 г.
Из записной книжки Тарасенкова-Отрешкова. См. Из записной книжки 1820—1822 гг.
Из записной книжки 1820—1822 гг. [Записи в тетради 1820—1822 гг.: Записи в кишиневской тетради 1820—1822 гг.; Из записной книжки Тарасенкова-Отрешкова] [*1821—1822; авт. ПБЛ*].
«О..: disoit en 1820» [«Le general R. disoit»; «Р.. встретив однажды»].
«Plus ou moins» . . . . . VI 373

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Из записной книжки 1821. См. Из кишиневского дневника.
Из записок Храповицкого. См. Александр Радищев. Приложения.
Из кишиневского дневника («Вечер провел у N. G.») [Отрывки из кишиневского дневника. Остатки из кишиневского дневника; Из записной книжки; Из записной книжки 1821 г.] [*2 апреля—6 июля 1821; авт. 87А ЛБ и авт. ПД*] . . . . . VI 371
Из лицейского дневника («...большой грузинский нос») [Отрывки из лицейского дневника; Лицейский дневник 1815 г.; Отрывки из записок; Отрывки из лицейских записок; Мои мысли о Шаховском] [*Ноябрь—декабрь 1815; авт. 3266 ЛБ*] . . . . . VI 363
Из письма о начале греческой революции («Уведомляю тебя»)—не включено как текст письма.
Из черновых бумаг 1822—1824 гг. См. Из черновых тетрадей 1822—1824 гг.
Из черновых тетрадей 1822—1824 гг. [Из черновых бумаг 1820—1824 гг.]—не включено в настоящее издание.
«Издав сии два тома, г. Строев». См. Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина.
«Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности». См. Наброски статей для «Современника».
«Издатель «Современника» не печатал». См. От редакции.
Издателю Сына Отечества. См. Письмо к издателю «Сына Отечества».
«Изо всех литератур». См. О французской словесности.
«Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка». См. Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой.
«Изо всех родов сочинений» [О драматических произведениях] [*1825; авт. ПД*] . . . . . VI 17
«Изучение Шекспира. Карамзина». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
«Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем» («Наконец вышел в свет») [О выходе Илиады в переводе Гнедича; Об выходе Илиады Гомера в переводе Гнедича] [*Конец декабря 1829; ЛГ 1830, № 2*] . . . . . V 37

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Илия находит пустынника». См. Планы. Мстислав.
«Илья Петрович Нарумов». См. Планы. Дубровский.
«Илья хочет представить сына Владимиру». См. Планы. Мстислав.
«Инзов меня очень любил». См. Воображаемый разговор с Александром I.
«Иной говорит: какое дело». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Иностранные собственные имена». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с «Евгением Онегиным».
«Иностранцы, утверждающие». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
Исправленный забияка. См. Детская книжка. «Ванюша, сын приходского дьячка».
«Истинный вкус состоит». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
Историческая заметка. См. Заметка о приказах.
Историческая заметка. См. «Москва была освобождена».
Историческая программа. См. Заметки по истории Украины.
Исторические замечания («По смерти Петра I»). См. Заметки по русской истории XVIII века.
«История поэзии. Чтения адъюнкта». См. Наброски статей для «Современника».
«История поэзии» С. П. Шевырева. См. Наброски статей для «Современника».
«История поэзии» явление утешительное, книга важная». См. Наброски статей для «Современника».
История Пугачевского бунта [*1832—1833; изд. 1834*] . . . . . V 281
«История русского народа», сочинение Николая Полевого [Об Истории русского народа]. Статья I. «Мы не охотники разбирать заглавия...» [*Первая половина января 1830 г.; ЛГ 1830 № 4*] . . . . . V 38
Статья II. «Действие Вальтер-Скотта ощутительно во всех отраслях» [*Вторая половина января—первая половина февраля 1830 г.; ЛГ 1830 № 12*] . . . . . V 41
История села Горохина. См. История села Горюхина.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

История села Горюхина. [История села Горохина; Летопись села Горохина]. [31 октября 1830—*лето 1831; авт. 87BD ЛБ*] . . . . . IV 365
См. еще Планы.
«Итальянские и испанские сказки». См. Об Альфреде Мюссе.

К

К Записке о древней и новой России. См. Примечание к Записке «о древней и новой России» Карамзина.
«К. находит какое-то сочинение». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» («Кс. находит какое-то сочинение»).
К повести «Нос». См. Примечание к повести «Нос».
К рассказу «Долина Ажитугай». См. Послесловие к «Долине Ажитугай».
Кавалерист-девица («Под сим заглавием») [Заметка о записках Н. А. Дуровой; О выходе «Кавалерист-девицы»; О выходе книги «Кавалерист-девица»; О книге «Кавалерист-девица»] [*Июль—ноябрь 1836; Совр. IV*] . . . . V 225
«Кавказский пленник»—первый неудачный опыт». См. Заметки о ранних поэмах.
«Кажется, молодой критик». См. Наброски возражений критикам «Графа Нулина».
«Как надобно писать: турков». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с «Евгением Онегиным».
«Каким чудом посреди общего сего жалкого ничтожества». См. О русской литературе, с очерком французской.
«Какой-то лорд, известный ленивец». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Калмычка («На днях, покамест»). См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. Черновые варианты.
«Камчатская землица (или Камчатский нос) начинается». См. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.
Камчатские дела от 1694 до 1740 года. См. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.
«Кантемир. Ломоносов. Тредьяковский. Влияние Кантемира уничтожается». См. О русской литературе, с очерком французской.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Капитанская дочка [*1830—1836; Совр. IV*] . . . IV 537
Проект начала повести («Любезный внук мой, Петруша!») [Предисловие] [*5 августа 1833; авт. ПД*] . . . . . IV 793
Пропущенная глава («Мы приближались») [Дополнение к главе XIII] [*авт. 81 ЛБ*] IV 794
Набросок предисловия («Анекдот, служащий основанием») [*авт.*] . . . . . IV 804
См. еще Планы.
Капитанская дочка («В продолжение двух»)—не включено как текст письма.
Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки [*10 января—13 февраля 1830; ЛГ 1830 № 10*] . . . . . V 57
«Карты: продан». См. Планы.
Кирджали [*1834; БЧ 1834 VII*] . . . . . IV 514
Китайский анекдот. См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Кишинев—приезд мой». См. Программа записок.
Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина («Издав сии два тома») [*октябрь—начало ноября 1836; Совр. IV*] . . . . . V 225
«[Кн. Верейский (visite)]». См. Планы. Дубровский.
«Князь Вяземский перевел и скоро напечатает». См. О переводе романа Бенжамена Констана «Адольф».
«Князь Потемкин во время очаковского». См. Table talk. О Потемкине.
«Кн. Потемкин вошел в силу». См. Table talk. О Потемкине.
«Когда бы я был царь». См. Воображаемый разговор с Александром I.
«Когда в XII столетии». См. О русской литературе, с очерком французской.
«Когда в 1815 г. дело». См. Table talk.
«Когда возвратились наши войска». См. Походные записки артиллериста. с 1812 по 1816 год.
«Когда граф д'Артуа приезжал». См. Table talk.
«Когда любовь исчезает в душе». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» («В миг, когда любовь исчезает»).
«Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Когда Потемкин вошел в силу». См. Table talk. О Потемкине.
«Когда Пугачев сидел». См. Table talk.
«Когда родился Иоанн Антонович». См. Анекдоты.
«Когда сенат просил». См. Замечания на Анналы Тацита.
«Коляска графа Пушкина». См. Путешествие в Арзрум во время 1829 года. Черновые варианты.
«Конечно никто не изобретал кредита». См. Заметки при чтении «О государственном кредите» М. Ф. Орлова.
«Константинопольские нищие». См. О греческом восстании. I. Взгляд на деятелей его.
«Контора под ведомством редактора». См. Материалы об издании газеты.
«Крестьянский бунт—помещик». См. Планы. Капитанская дочка.
«Кречетников, при возвращении». См. Table talk.
«Криспин приезжает в губернию». См. Планы.
«Критик смешивает вдохновение с восторгом». См. Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии».
«Критика вообще. Критика наука». См. Заметки о критике и полемике.
«Критика наука». См. Заметки о критике и полемике.
«Критикою у нас большею частию». См. Заметки о критике и полемике.
«Критику 7-ой песни». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Критические заметки. См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. Заметки, исключенные из «Опыта» («Между прочими литературными обвинениями»).
Критические отрывки. См. Начало статьи о русской прозе.
«Кс. находит какое-то сочинение». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Кстати! Начал я писать». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Кулачный бой. На пиках». См. Планы. Капитанская дочка.

Л

«Л., состарившийся волокита». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Ламартин скучнее Юма». См. «Всем известно, что французы».
Летопись села Горюхина. См. История села Горюхина.
«Литература у нас существует». См. Заметки о критике и полемике.
Литературное общество. См. «Несколько московских литераторов».
«Лица, созданные Шекспиром». См. Table talk.
Лицейский дневник 1815 г. См. Из лицейского дневника. «Г. Лобанов заблагорассудил дать». См. Мнение М. А. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной.
Лорд Байрон. См. О Байроне («Род Байронов, один из самых»).
«Любезный внук мой, Петруша». См. Капитанская дочка. Проект начала повести.
«Любимый из племянников князя Потемкина». См. Анекдоты.
«Любители нашей словесности были обрадованы». См. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова.
«Люди, одаренные талантом». См. О русской литературе с очерком французской.

М

«Магомет оспоривает у дам». См. Отрывки из писем, мысли и замечания. Примеры невежливости.
Маленький лжец. См. Детская книжка.
Мария Шонинг [*1835—1836 г.; авт. 77А ЛБ*] IV 721
Материалы для истории Петра Великого [*1834—1835; авт. ПД*].
1. «Петр родился в Москве» . . . . . VI 206
2. Конспекты, выписки и заметки . . . . . VI 229
3. Заметки в неизданных тетрадях . . . . . VI 242
4. Заметки при чтении введения к «Деяниям Петра Великого» Голикова. (Голиков. Введение. Philipp Johann von Stralenbergs) . . . VI 248
Материалы для повести «Мария Шонинг» («Marie Schoning et Anna Harlin jugées en 1787 à Nurenberg») . . . . . IV 727
Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
1. Предисловие («Дядя мой однажды») [*1827; авт. ПД*] . . . . . VI 322
«Стерн говорит, что живейшее» [*1827, авт. ПД*].

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Милостивый государь! Вы не знаете» [*1827; авт. 68 ЛБ*].

2. «Кс. находит какое-то сочинение» [*1827; авт. 68 ЛБ*]. . . . . VI 323

«Проза князя Вяземского чрезвычайно жива» [*1827; авт. 68 ЛБ*].

«Повторенное острое слово становится глупостью» [*1827; авт. 68 ЛБ*].

«Браните мужчин вообще» [*1827; авт. 67 ЛБ*].

«Одна из причин жадности» [*1827; авт. 67 ЛБ*].

«Ne pas admettre l'existence de Dieu» [*1827—1828; авт. ПБЛ*].

«В миг, когда любовь исчезает» [«Когда любовь исчезает в душе»] [*1827—1828; авт. ПБЛ*].

«Первый несчастный воздыхатель» [«Первый искренний воздыхатель»; «Первый обожатель»; «О любовниках»] [*1827—1830; авт. ПД*].

«У нас употребляют прозу, как стихотворство» [*1830; авт. ПД*].

«Переводчики—почтовые лошади просвещения» [«Переводчики суть подставные лошади»; О переводчиках] [*1830; авт. ПД*].

«Французские критики имеют свое понятие» [Об А. Шенье, как классике; Об Андрее Шенье; «Андрей Шенье не романтик»] [*1830; авт. 82 ЛБ*].

«Stabilité—premiére condition» [*1831; авт. 87В ЛБ*].

«Зависть—сестра соревнования» [*1831; авт. ПД*].

«Какой-то лорд, известный ленивец» [*Начало 1830-ых гг.; авт. 77В ЛБ*].

«Д. говаривал» [*1833; авт. 72 ЛБ*].

«Грамматика не предписывает законов языку» [*1833; авт. 72 ЛБ*].

«Множество слов и выражений» [О русских словах, взятых с французского] [*1830-ые годы; авт. ПД*].

«Буквы, составляющие славянскую азбуку» [Об азбуке] [*1830-ые гг.; авт. 77А ЛБ*] . . . VI 326

Материалы о земском суде («Земский суд») [*1832; авт. ПД*] . . . . . VI 329

Материалы о соколиной охоте («Семеновский потешный двор») [Разбор терминов соколиной

Пушкинский кабинет ИРЛИ

охоты; Термины соколиной охоты] [*Начало 1833; авт. 77А ЛБ*] . . . . . VI 332
Материалы об издании газеты [Программа журнала; Программа и заметки по изданию газеты; Программы и заметки по изданию «Дневника»; Записка об издании газеты; Записка, представленная Бенкендорфу; Об издании газеты] [*1832*].
1. Записка, представленная в III Отделение («Десять лет тому назад»). [*авт. ПД*] . . . . . VI 440
2. «Что есть журнал европейский» [*авт. у Л. Э. Бухгейм*] . . . . . VI 442
3. Дневник. Контора под ведомством редактора [*авт. 73 ЛБ*] . . . . . VI 443
«Между прочими литературными обвинениями». См. Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений».
«Между тем как сладкозвучный Ламартин». См. Об Альфреде Мюссе.
Мелкие заметки во II книге «Современника». См. От редакции. «Для очистки совести».
Метель. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина.
«Милостивый государь! Вы не знаете». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Минарет в Татартубе». См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. Черновые варианты.
«Минский лежал еще в постеле». См. «Гости съезжались на дачу».
«Мне пришла в голову мысль». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной («Г. Лобанов заблагорассудил дать») [*Февраль—сентябрь 1836; Совр. III*] . . . . . V 151
«Мнение митрополита Платона». См. Заметка о Дмитрии Самозванце.
«Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру». См. Заметка о «Ромео и Джюльете» Шекспира.
«Многие негодуют на журнальную критику». См. Table talk.
«Многие недовольны нашей журнальной полемикою» [*1829; авт. 82 ЛБ*] . . . . . VI 41

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Многие пишут: юпка». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Многие того же мнения». См. Заметка о «Демоне».
«Множество слов и выражений». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Мое новоселье («Это альманах! Какое странное чувство»)—не включено, как не принадлежащее Пушкину.
«Можно не удостоивать ответом». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
Мои замечания о русском театре («Должно ли сперва поговорить») *[1819; авт. ПБЛ]* . . . . VI 7
Мои мысли о Шаховском («Шаховской никогда не хотел»). См. Из лицейского дневника.
«Молодой Киреевский». См. Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений».
«Молодой Ш. как-то напроказил». См. Анекдоты.
«Морфей влюблен в Диану». См. Планы. Актеон.
«Москва была освобождена». [Историческая заметка] *[1831—1832; авт. 73 ЛБ]* . . . . . VI 202
«Москва в 1811 году». См. Планы. Влюбленный бес.
«Московские журналы произнесли строгий приговор». См. Недовольные, комедия в четырех действиях, сочинение М. Н. Загоскина.
«Московский выговор чрезвычайно изнежен». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Моцарт и Сальери («В первое представление»). См. Заметка о Моцарте и Сальери.
«Мы ехали из Арзрума в Тифлис». См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Отрывок из путевых записок, не вошедший в «Путешествие в Арзрум».
«Мы не охотники разбирать заглавия». См. «История русского народа», сочинение Николая Полевого. Статья I.
«Мы получили также статью г. Косичкина». См. От редакции. «Статья, присланная нам».
«Мы приближались к берегам Волги». См. Капитанская дочка. Пропущенная глава.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Мы проводили вечер на даче у княгини Д.» [«Ах, расскажите, расскажите»] [*1835; авт. 86Б ЛБ*] . . . . . IV 711, 807
«Мы так привыкли читать». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
Мысли и замечания. См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям», Отрывки из писем и замечания и Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Мысли на дороге. См. Путешествие из Москвы в Петербург.

Н

«Н. избирает себе в наперсники». См. Планы.
«На-днях выйдет из печати». См. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико.
«На-днях вышли в свет сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». См. О сочинениях П. А. Катенина.
«На-днях, покамест запрягали». См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Черновые варианты. Калмычка.
«На Потемкина часто находила хандра». См. Анекдоты.
«На углу маленькой площади» [Отрывок; «В Коломне, на углу»; Глава II] [*1829; авт. 86 ЛБ*] IV 663
См. еще Планы.
Наброски возражений критикам «Графа Нулина» [*1830; авт. 87А ЛБ*].
1. «В «Вестнике Европы» с негодованием говорили» . . . . . VI 79
2. «Кажется, молодой критик» . . . . . VI 79
3. «Отчего происходит эта смешная стыдливость» . . . . . VI 79
4. «Но не смешно ли им судить». [О чопорности и жеманстве («Хорошее общество может»)] . . . . . VI 79
Наброски о литературе. См. О русской литературе, с очерком французской.
Наброски плана. См. Планы.
Наброски повести о стрельце и боярской дочери. См. Планы. Повесть о стрельце и боярской дочери.
Наброски предисловия к Борису Годунову [Заметки о Борисе Годунове; О Борисе Годунове].

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1. «Благодарю вас за участие» [*1827—1828; авт.*] . . . . . VI 291
2. «Voici ma tragédie» [*1829; авт. ПД*] . . VI 295
3. «С величайшим отвращением» [19 июля 1829; *авт. 82 ЛБ*] . . . . . VI 299
4. «С отвращением решаюсь» [*1829; авт. ПД*] . . . . . VI 300
5. «Je me présente» [*1830; авт. 73 ЛБ*] . . . VI 302
6. «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей» [О царе Борисе и Гр. Отрепьеве; «Приступаю к некоторым частям»] [*1829—1830; авт. 72 ЛБ*] . . . . . VI 303
7. «Дух века требует» [*1830; авт. 87А ЛБ*] VI 305
8. «Вероятно трагедия моя» [*1830; авт. 87А ЛБ*] . . . . . VI 305
9. «Pour une préface» [*1831; авт. 86В ЛБ*] VI 305

Наброски статей для «Современника» [*1836*].

1. «Путешествие в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша («В числе иностранцев») [Об аббате Шаппе и его описании путешествия в Сибирь] [*авт. ПД*] . . . . . VI 166
2. «Путешествие В. Л. Пушкина» («Путешествие NN в Париж и Лондон») [О книге И. И. Дмитриева: «Путешествие NN в Париж и Лондон»; «Путешествие etc. Картинка представляет etc.»] [*авт. 86А ЛБ*] . . . VI 167
3. «Об истории поэзии» С. П. Шевырева («История поэзии» явление утешительное») [«История поэзии» С. П. Шевырева; «История поэзии». Чтения адъюнкта] [*авт. 82 ЛБ*] . . VI 168
4. От издателя («Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности») [*авт. 86В ЛБ*] VI 170

Наброски статей о Баратынском [Баратынский].

I. «Наконец появилось собрание» [*1827; авт. 67 ЛБ*] . . . . . VI 28
II. «Пора Баратынскому занять место» [*1828; авт. 87В ЛБ*] . . . . . VI 29
III. «Баратынский принадлежит к числу» [*1831; авт. 87В ЛБ*] . . . . . VI 31

Наброски третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого [*1831; авт. 87Б и В ЛБ*].

1. «Противуречия и промахи, указанные в разных журналах» [«Несмотря на то, что «История русского народа» писана наобум»] VI 90
2. «Г. Полевой предчувствует присутствие истины» [«Вы поняли великие достоинства французского историка»] . . . . . VI 91

Пушкинский кабинет ИРЛИ

3. «Освобождение городов не существовало в России» . . . . . VI 93
Набросок начала статьи о Камчатке («Завоевание Сибири постепенно совершалось») [Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова] [*1837; авт. 77А ЛБ*] . . . . . VI 284
Набросок предисловия к Капитанской дочке. См. Капитанская дочка.
Надинька («Несколько молодых людей») [Эльвина; Начало повести; «У гусара Ю. было дружеское собрание»; «У гусара К. [В.] было»; «У гусара К. было»; «У гусара Ю. В. было»; «У гусара ** было»] [*1819; авт. 64 ЛБ*] . . . IV 654
«Надменный в сношениях своих». См. Анекдоты.
«Надпись гражданину Минину, конечно, неудовлетворительна». См. Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину.
«Наконец вышел в свет так давно». См. Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем.
«Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского». См. Наброски статей о Баратынском.
«Наследственные преимущества высших классов». См. Заметки о русском дворянстве.
Начало повести («В одно из первых чисел апреля 181... года»). См. Роман на кавказских водах.
Начало повести («Года четыре тому назад»). См. Пиковая дама. Первоначальные наброски.
Начало повести о прапорщике Черниговского полка («4 мая 1825 г. произведен я в офицеры»). [Отрывок; Повесть о прапорщике Черниговского полка; Станция] [*1829—1830; авт. ПД*] . . . . . IV 683
Начало повести. См. «В начале 1812 года полк наш стоял».
Начало повести («У гусара Ю. В. было»). См. Надинька.
Начало программы первой главы «Русского Пелама» («Воспитание. Смерть матери»). См. Планы. Русский Пелам.
Начало романа («Я начинаю помнить себя»). См. Русский Пелам.
Начало статьи о Железной Маске («Вольтер в своем») [Железная Маска] [*1836 г.; авт. 87Б ЛБ*] . . . . . V 272

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Начало статьи о русской прозе («Д'Аламбер сказал однажды») [О слоге; Критические отрывки] [*1822; авт. 66 ЛБ*] . . . . . VI 13
«Наши критики долго оставляли меня в покое». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Наши критики не согласились». См. О русской литературе, с очерком французской.
«Не откладывай до ужина». См. Гастрономические сентенции.
«Не помню, кто заметил мне». См. Заметки о ранних поэмах.
«Не суйся середа». См. старинные пословицы и поговорки.
«Не твоя печаль чужих детей качать». См. Старинные пословицы и поговорки.
«Невозможно, чтобы люди» («Il est impossible»). См. Заметки по поводу «Проекта вечного мира» Сен-Пьера.
«Недавно в одном из наших журналов». См. О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина.
«Недавно в Пекине». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Недавно издана в Париже переписка Вольтера». См. Вольтер.
«Недавно одна рукопись». См. Новый роман.
Недовольные, комедия в четырех действиях, сочинение М. Н. Загоскина («Московские журналы произнесли строгий приговор») [О комедии Загоскина: Недовольные] [*1836; авт. ПД*] . . . . . V 276
«Некоторые журналы, обвиненные в неприличности». См. О статьях князя Вяземского.
«Некоторые люди не заботятся». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Некоторые писатели ввели обыкновение»—не введено, как черновой текст, относящийся к Опыту отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Некоторые стихотворческие вольности». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Некто Вибий Серен»—не включено как текст письма.
«Некто К. Х. возвратясь». См. Table talk («Некто князь Михаил Васильевич Хаванский»).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Некто князь Х.». См. Table talk («Некто князь Михаил Васильевич Хаванский»).
«Некто князь Михаил Васильевич Хованский». См. Table talk.
«Некто, отставной мичман». См. Анекдоты.
«Немецкие указы Пугачева». См. Заметки о Шванвиче.
«Несколько дней после выхода из печати». См. Об Истории Пугачевского бунта.
«Несколько молодых людей». См. Надинька.
«Несколько московских литераторов» [Заседание нового литературного общества; Литературное общество] [*1829; авт. 82 ЛБ*] . . . . . VI 40
«Несколько раз принимался я». См. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.
Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем («Я не принадлежу к числу»] [*Август 1831; Телескоп 1831 № 15*] . . . . . V 97
«Несмотря на великие преимущества». См. Отрывок.
«Несмотря на то, что «История русского народа» писана наобум». См. Наброски третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого.
«Ни одно из произведений лорда Байрона». См. О Байроне и его подражателях.
«Никто более Баратынского». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Никто так не сумел». См. Table talk.
«Но не смешно ли им судить». См. Наброски возражений критикам «Графа Нулина».
«Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г.
Новый роман («Недавно одна рукопись») [Новый роман: Село Михайловское] [*Сентябрь 1836; Совр. III*] . . . . . V 225
Новый роман «Село Михайловское». См. Новый роман.
«Нынешняя романтическая французская литература». См. Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux. Париж. I т.

О

О Байроне («Гете имел большое влияние»). См. Table talk.
О Байроне и его подражателях [О Байроне] [*1827*].

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1. «Ни одно из произведений лорда Байрона» [*авт. ПД*] . . . . . VI 24
2. «Английские критики оспаривали» [*авт. 67 ЛБ*] . . . . . VI 25
О Байроне («Род Байронов один из самых») [Лорд Байрон] [*1835; авт. 86Б ЛБ*] . . . . . VI 159
О Байроне. См. О Байроне и его подражателях.
О Бахчисарайском фонтане. См. Заметки о ранних поэмах.
О безнравственности поэтических произведений. См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
О Борисе Годунове. См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
О Братьях-разбойниках. См. Заметки о ранних поэмах.
О вдохновении и восторге. См. Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии».
О Викторе Гюго. «Всем известно, что французы народ самый антипоэтический».
О 2-м издании «Вечеров на хуторе». См. Вечера на хуторе близ Диканьки.
О выходе «Вечеров на хуторе». См. Вечера на хуторе близ Диканьки.
О выходе записок Самсона. См. О записках Самсона.
О выходе Илиады в переводе Гнедича. См. Илиада Гомерова, переведенная Гнедичем.
О выходе «Кавалерист-девицы». См. Кавалерист-девица.
О выходе книги: Кавалерист-девица. См. Кавалерист-девица.
О выходках против литературной аристократии. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии».
О выходке противу так называемой литературной аристократии. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии».
О гекзаметрах Мерзлякова («В третьем нумере Московского вестника»)—не включено, как принадлежащее Дельвигу.
О г-же Сталь и о г. А. М-ве. См. О г-же Сталь и о г. А. Муханове.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О г-же Сталь и о г. А. Муханове («Из всех сочинений»). [О г-же. Сталь и о г. А. М. М-ве] [9 июня 1825; *МТ 1825 № 12*] . . . . . V 12
О «Графе Нулине». См. Заметка к «Графу Нулину».
О Графе Нулине. См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
О греческом восстании.
I. Взгляд на деятелей его. («С удивлением услышал я») [«Константинопольские нищие»]—не включен как текст письма.
II. Оправдание в несочувствии—не включено, как текст письма.
О дамах. См. Table talk.
О дворянстве. См. Заметки о русском дворянстве.
О делении Европы на классическую и романтическую («Победа будет несомненно принадлежать классицизму») [По поводу деления «Московским телеграфом» Европы на классическую и романтическую]—не включено как цитата (в пересказе П. В. Анненкова) из письма.
О Дельвиге («Идиллии Дельвига удивительны») [Заметки о Дельвиге] [*1827; авт. ПД*]. . . . VI 27
О Дельвиге и Киреевском. См. Заметки, исключенные из Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений.
О Державине. См. Table talk.
О драматических произведениях. См. «Изо всех родов сочинений».
О драме. См. «Драматическое искусство родилось».
О Дурове. См. Table talk.
О журнальной критике и полемике.
I. «Отдавая полную справедливость». См. О критике и полемике «Литературной газеты».
II. «Писатели известные у нас». См. Заметки о критике и полемике.
О записках Видока («В одном из № Литературной газеты упоминали») [*Февраль 1830; ЛГ 1830 № 20*] . . . . . V 70
О записках Дуровой. См. Предисловие к запискам Н. А. Дуровой.
О записках Самсона («Французские журналы извещают») [О выходе записок Самсона] [*Декабрь 1829—первая половина января 1830; ЛГ 1830 № 5*] . . . . . V 66
О Камчатке. См. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О карикатуре в Англии и о Полевом. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. «Англия есть отечество карикатуры».
О китайских анекдотах. См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
О книге И. И. Дмитриева: «Путешествие N. N. в Париж и Лондон». См. Наброски статей для Современника».
О книге «Кавалерист-девица». См. Кавалерист-девица.
О книге А. Н. Муравьева «Путешествие ко св. местам». См. О «Путешествии к св. местам» А. Н. Муравьева.
О книге М. Ф. Орлова «О государственном кредите». См. Заметки при чтении «О государственном кредите» М. Ф. Орлова.
О комедии Загоскина «Недовольные». См. Недовольные, комедия в четырех действиях, сочинение М. Н. Загоскина.
О критике и полемике. См. Заметки о критике и полемике.
О критике и полемике «Литературной газеты» [*1830*]
1. «Отдавая полную справедливость» [О журнальной критике и полемике] [*авт. 82 ЛБ*] . . VI 55
2. «Тем хуже для литературы» [Отрывки из разговоров] [*авт. 73 ЛБ*] . . . . . VI 56
3. «Читали вы в последнем номере» [Отрывки из разговоров]. [*авт. 82 ЛБ*] . . . . . VI 58
О лжекритиках («Сочинитель письма из Рима...»)— не включено как не принадлежащее Пушкину.
О литературной критике («В одном из наших журналов дают заметить») [*7—9 января 1830; ЛГ 1830 № 3*] . . . . . V 65
«О литературной собственности; о правах издателя»—не введено в настоящее издание.
О личностях в критике. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. «Требует ли публика извещения».
О любовниках. См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» («Первый несчастный воздыхатель»).
О Макиавелли.
«Divide et impera»;
«Езуит Поссевин, столь известный»;
«Человек по природе своей». См. Table talk.
О Малороссии. См. Заметки по истории Украины.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» («Долгое время французы пренебрегали») [*1836; авт. ПД*] . . . . . V 260
О Мицкевиче. См. Записка о Мицкевиче, представленная в III Отделение.
О Моцарте и Сальери. См. Заметка о Моцарте и Сальери.
О народном воспитании («Последние происшествия обнаружили») [Записка о народном воспитании] [*1826; авт. коп. ПД*] . . . . . VI 431
О народном представительстве в 1789 г. («C'était bien le moins») [*1831 г.; авт. ПД*] . . . . . VI 188
О народности в литературе («С некоторых пор вошло») [«С некоторого времени вошло»] [*1826; авт. ПД*] . . . . . VI 18
О неблаговидности нападок на дворянство. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. «С некоторых пор журналисты наши».
О некрологии генерала Н. Н. Раевского («В конце истекшего года») [О некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского; О некрологии Раевского] [*Конец декабря 1829; ЛГ 1830 № 1*] V 64
О некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского. См. О некрологии генерала Н. Н. Раевского.
О некрологии Раевского. См. О некрологии генерала Н. Н. Раевского.
О новейших романах («Barnave, Confession») [*1832; авт. 72 ЛБ*] . . . . . VI 317
О переводе романа Бенжамена Констана «Адольф» («Князь Вяземский перевел и скоро напечатает») [*Декабрь 1829; ЛГ 1830 № 1*] . . . . . V 64
О переводчиках. См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
О повестях Павлова. См. Три повести Г. Павлова.
О Поле Поттере. См. Выписка о Поле Поттере.
О Полтаве. См. Заметка о Полтаве.
О Потемкине («Князь Потемкин во время очаковского»). См. Table talk.
О Потемкине («Когда Потемкин вошел в силу»). См. Table talk.
О Потемкине («NN, вышедший»). См. Table talk.
О Потемкине («Однажды Потемкин»). См. Table talk.
О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова («Любители нашей словесности») [12 августа *1825; МТ 1825 № XVII*] . . . . V 15

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О приказах. См. Заметка о приказах.
О приличии в литературе. См. Об Альфреде Мюссе.
О причинах, замедливших ход нашей словесности. См. «Причинами, замедлившими ход нашей словесности».
О «Путешествии к св. местам» А. Н. Муравьева («В 1829 г. внимание Европы») [О книге А. Н. Муравьева «Путешествие ко св. местам»; «В 1829 г. автор находился в главной квартире Дибича»] [*1832; авт. 73 ЛБ*] . . . . . VI 101
О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина («Недавно в одном из наших журналов») [Заметка на сцену из Фонвизина: «Разговор у княгини Халдиной»] [*25—29 января 1830; ЛГ 1830 № 7*] . . . . . V 67
О разработке русской истории. См. Заметки при чтении «Нестора» Шлецера.
О романах Вальтера Скотта («Главная прелесть») [*1827; авт. ПД*] . . . . . VI 26
О романе Загоскина. См. Юрий Милославский, или русские в 1612 году.
О «Ромео и Джюльете» Шекспира. См. Заметка о «Ромео и Джюльете» Шекспира.
О Руслане и Людмиле. См. Заметки о ранних поэмах.
О русских журналах. См. Заметка о русских журналах.
О русских словах, взятых с французского. См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». «Множество слов».
О русской журналистике в сравнении с иностранной. См. Заметка о русских журналах.
О русской литературе, с очерком французской («Наши критики не согласились») [Очерк истории русской литературы в связи с литературой французской; О старой русской словесности, с очерком французской; Наброски о литературе; «Долго Россия оставалась чуждою Европе»; «Россия вошла в Европу»; «Когда в XII столетии»; «Люди, одаренные талантом»; «Уважение к минувшему»; «Каким чудом посреди общего сего жалкого ничтожества»; «Приступая к изучению нашей словесности»; «Кантемир. Ломоносов. Тредьяковский. Влияние Кантемира уничтожается»] [*1834; авт. 84, 87В ЛБ и авт. ПД*] VI 147

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О сборнике князя Вяземского. См. Заметка о «Старине и новизне».
О смелости выражений. См. «Есть различная смелость».
О сотнике В. Д. Сухорукове. См. Записка о В. Д. Сухорукове, представленная в III Отделение.
О сочинениях Георгия Конисского. См. Собрание сочинений Георгия Конисского.
О сочинениях П. А. Катенина («На-днях гышли в свет») [Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина] [14 марта 1833; *ЛП 1833 № 26*]. V 104
О сочинениях Конисского. См. Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского.
О «Старине и новизне» кн. Вяземского. См. Заметка о «Старине и новизне».
О старой русской словесности, с очерком французской. См. О русской литературе, с очерком французской.
О статьях А. Б. и Косичкина. См. От редакции. «Статья, присланная нам».
О статьях князя Вяземского («Некоторые журналы, обвиненные») [*10 января—13 февраля 1830; ЛГ 1830 № 10*] . . . . . V 68
О стихотворении Демон. См. Заметка о Демоне.
О В. Д. Сухорукове. См. Записка о В. Д. Сухорукове, представленная в III Отделение.
О Татищеве («Татищев [Василий Никитич], тайный советник») [*1836; коп. 95 ЛБ*] . . . . . VI 516
О Торвальдсене. См. Пояснение к стихам «Напрасно видят тут ошибку».
О «Трех повестях» Павлова. См. Три повести г. Павлова.
О французских историках и поэтах. См. Заметки о французских историках и поэтах.
О французской революции. См. Заметки по истории французской революции.
О французской словесности («Изо всех литератур») [*Начало 1820-х гг.; авт. ПД*]. . . . . VI 15
О ходе цивилизации («De la religion»)—не введено в настоящее издание.
О «Хронике русского в Париже» А. И. Тургенева. См. От редакции. «Для очистки совести нашей».
О царе Борисе и о Гр. Отрепьеве. См. Наброски предисловия к Борису Годунову.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О цене Евгения Онегина («Между прочими литературными обвинениями»). См. Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений».
«О «Цыганах» одна дама». См. Заметки о ранних поэмах.
О чопорности и жеманстве («Хорошее общество может»). См. Наброски возражений критикам «Графа Нулина».
О Шекспире.
1. «Лица, созданные Шекспиром»;
2. «Отелло от природы не ревнив». См. Table talk.
О Юрии Милославском Загоскина. См. Юрий Милославский, или русские в 1612 году.
Об аббате Шаппе и его описании путешествия в Сибирь. См. Наброски статей для «Современника».
Об азбуке. См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». «Буквы, составляющие».
Об альманахе «Северная лира» («Альманахи сделались») [Северная лира] [*1827; авт. ЦА*]. VI 22
Об Альфреде Мюссе («Между тем, как сладкозвучный Ламартин») [О приличии в литературе; Итальянские и испанские сказки] [24 октября *1830; авт. ПД*] . . . . . VI 94
Об Андрее Шенье. См. Примечание к элегии «Андрей Шенье» («André Chénier погиб»).
Об Андрее Шенье («André Chénier погиб жертвою»). См. Примечание к элегии «Андрей Шенье».
Об Андрее Шенье («Французские критики имеют свое понятие»). См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Об А. Шенье как классике («Французские критики имеют свое понятие»). См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Об арапе графа С** См. Table talk.
Об арапе графа Ст. См. Table talk.
Об выходе Илиады Гомера в переводе Н. Гнедича. См. Илиада Гомерова, переведенная Гнедичем.
Об «Евгении Онегине». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Об издании газеты. См. Материалы об издании газеты.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Об «Истории поэзии» С. П. Шевырева. См. Наброски статей для «Современника».
Об Истории Пугачевского бунта («Несколько дней после выхода из печати») [*Середина июня—сентябрь 1836; Совр. III*] . . . . . V 456
Об Истории русского народа Полевого. См. «История русского народа» Н. А. Полевого.
Об истории русской литературы («Язык, влияние греческое»)—не введено как программа, относящаяся к статье «О русской литературе, с очерком французской».
Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико («На-днях выдет из печати».) [*Сентябрь 1836; Совр. III*] . . . . . V 219
Об определении романтизма по форме произведений. См. О русской литературе, с очерком французской.
Об упреках писателей дворянским достоинством и литературною известностью. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. «С некоторых пор журналисты наши».
«Обедал у К. А. Карамзиной». См. Дневник 1833—1835 гг.
«Обряд похорон.—Уздень и меньшой сын». См. Планы. Неоконченная поэма о Тазите.
«Обстоятельства не позволили». См. От редакции.
Объяснение к заметке об Илиаде («В одном из московских журналов выписывают») [*26 января—4 февраля 1830, ЛГ 1830 № 12*]. . . V 69
Объяснение («Одно стихотворение, напечатанное») [*Первая половина ноября 1836; Совр. IV*] V 236
Оглавления Дубровского. См. Планы.
«Один из великих наших сограждан». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Один из наших поэтов». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Один из самых великих». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
Одна глава из неоконченного романа. См. «Гости съезжались на дачу».
«Одна дама сказывала». См. Table talk.
«Одна из причин жадности». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Однажды маленький арап». См. Table talk.
«Однажды Потемкин». См. Table talk. О Потемкине.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Одно стихотворение, напечатанное». См. Объяснение.
«Однообразность в писателе». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Описание дома». См. Планы. «Цезарь путешествовал».
«Определяйте значение слов». См. Заметка о русских журналах.
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений (Критические заметки) [*1830*].
«У одного из наших известных писателей» («Будучи русским писателем»; «Если в течение 16-тилетней»; «Перечитывая самые бранчивые критики»; «Можно не удостоивать ответом» [*авт. 87А ЛБ*] «Один из великих наших сограждан» [«Один из самых великих»; «Иной говорит: какое дело»] [*авт. 87Б ЛБ*].
«Недавно в Пекине» [Китайский анекдот; О китайских анекдотах] [*авт. 87А ЛБ*].
«Сам съешь» [*авт. 87А* и *87Б ЛБ*].
«Мы так привыкли читать» [*авт. 87А ЛБ*].
«Граф Нулин не делал мне больших хлопот» [«Безнравственное сочинение»; О безнравственности поэтических произведений] [*авт. 87А ЛБ*].
«Кстати: начал я писать с 13-тилетнего возраста» [«Г-н Ап не имел никакого права»] [*авт. 87А ЛБ*].
«Отчего издателя «Литературной газеты» и его сотрудников» [*авт. 87Б ЛБ*].
«В одной газете (почти официальной)». [Против Булгарина; «Голиков говорит, что он»; Заметка о Ганнибале («Где-то сказано»)] [*авт. 87Б ЛБ*].
«Возвратясь из-под Арзрума» [*авт. 87Б ЛБ*].
«Род мой один из самых старинных» [*авт. 87Б ЛБ*].
«Если быть дворянином значит подражание» [*авт. 87Б ЛБ*] . . . . . VI 59
«Освобождение городов не существовало в России». См. Наброски третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого.
Остатки автобиографии. См. Из автобиографических записок («...запечатлены печатью вольномыслия»).
Остатки записок. См. Из автобиографических записок («... запечатлены печатью вольномыслия»).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Остатки из кишиневского дневника. См. Из кишиневского дневника.
Остатки программы поэмы из истории X и XI веков. См. Планы. Мстислав.
«Острая шутка не есть окончательный приговор»— не включено, как не принадлежащее Пушкину.
«Островский, воспитывался в П. Б.» См. Планы. Дубровский.
От издателя («Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности»). См. Наброски статей для «Современника».
От издателя. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина.
От императрицы главнокомандовавшему в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу. См. Александр Радищев. Приложения.
От редакции. [Заметки во II книге «Современника»; Мелкие заметки во II книге «Современника»] [*Июнь 1836, Совр. II*].
I. «Для очистки совести нашей» [Заметка о «Хронике русского в Париже» А. И. Тургенева; О «Хронике русского в Париже» А. И. Тургенева] V 227
II. «Статья, присланная нам из Твери» [«Мы получили также статью г. Косичкина»; О статьях А. Б. и Косичкина] . . . . . V 229
От редакции [Заметки редакции в III книге «Современника»; Заметки Пушкина в «Современнике»] [*Сентябрь 1836; Совр. III*]
I. «Современник» будет издаваться». . . . . V 239
II. «Издатель «Современника» не печатал» . V 240
III. «Обстоятельства не позволили» . . . . . V 240
IV. «В первом томе «Современника». . . . . V 241
V. «Редакция «Современника» не может» . . V 241
От редакции («Спешим уведомить публику»). См. Заметка о «Старине и новизне».
«От этих знатных господ» [Драматический отрывок; Драматический этюд] [*1830-е гг.; авт. ПД*] . . III 530
См. еще Планы.
Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине» («В 4-ой книге «Афенея») [*1829; авт. ПД*] . VI 35
«Отдавая полную справедливость». См. О критике и полемике «Литературной газеты».
«Отелло от природы не ревнив». См. Table talk.
Отклики на события 1831 года. См. Записки 1831 г.
Отрывки из автобиографических записок; См. Из автобиографических записок («...запечатлены печатью вольномыслия»),

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Отрывки из дневника. См. Дневник 1833—1835 гг.
Отрывки из записок. См. Из лицейского дневника и Программа записок.
Отрывки из кишиневского дневника. См. Из кишиневского дневника.
Отрывки из лицейских записок. См. Из лицейского дневника; План первого неосуществленного издания стихотворений; Программа записок.
Отрывки из лицейского дневника. См. Из лицейского дневника.
Отрывки из писем, мысли и замечания [*1827*, *СЦ 1828*]. . . . . .
«Истинный вкус состоит».
«Ученый без дарованья».
«Однообразность в писателе».
«Жалуются на равнодушие».
«Мне пришла в голову мысль».
«Чем более мы холодны».
«Никто более Баратынского».
Примеры невежливости («В некотором азиатском народе») [«Магомет оспоривает у дам»; «Стихотворец отдал свою трагедию»].
«Тредьяковский пришел однажды».
«Один из наших поэтов».
«Всё, что превышает геометрию».
«Un sonnet sans d faut».
«Tous les genres sont bons».
«Путешественник Ансело».
«Л., состарившийся волокита».
«Вдохновение есть расположение».
«Иностранцы, утверждающие».
«Гордиться славою своих предков».
«Сказано: Les sociétés secrètes».
«Байрон говорил, что никогда».
«Тонкость не доказывает».
«Coquette, prude. Слово кокетка».
«Некоторые люди не заботятся».
«Должно стараться иметь».
«Появление «Истории госуд. Российского».
«Французская словесность родилась» . . . . . V 21
Отрывки из разговоров. См. Заметки о критике и полемике и О критике и полемике «Литературной газеты».
Отрывки из романа в письмах. См. Роман в письмах.
Отрывки «Опыта об английской литературе» Шатобриана в переводе Пушкина. 1. «Порядок

Пушкинский кабинет ИРЛИ

общественный вне порядка». 2. «Средние века представляют картину». [*1836; авт. ПД*] . . V 271
Отрывок заметки о «Демоне». См. Заметка о «Демоне».
Отрывок из книги Радищева «Клин». См. Александр Радищев. Приложения.
Отрывок из литературных летописей («Распря между двумя») [27 марта 1829; *СЦ 1830*] . . . . V 29
Отрывок из неизданных записок дамы. См. Рославлев.
Отрывок из письма («Из Азии переехали мы в Европу») . . . . . III 164
Отрывок из путевых записок, не вошедший в Путешествие в Арзрум. См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года.
Отрывок из разговоров. См. Заметки о критике и полемике.
Отрывок («Несмотря на великие преимущества») [Подготовительный отрывок «Египетских ночей»] [26 сентября *1830; авт. 87Б ЛБ*] . . . . IV 690
Отрывок. См. «В 179* году возвращался я».
Отрывок. См. «На углу маленькой площади».
Отрывок. См. начало повести о прапорщике Черниговского полка.
«Отчего издателя «Литературной газеты» и его сотрудников». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Отчего первые стихотворения были сатиры»—заметка к статье: О русской литературе, с очерком французской—не введена в настоящее издание.
«Отчего происходит эта смешная стыдливость». См. Наброски возражений критикам «Графа Нулина».
«Очерк введения. Введение. Россия извне». См. Планы. Введение в «Историю Петра Великого».
«Очерк введения в «Историю Петра Великого». См. Планы. Введение в «Историю Петра Великого».
Очерк истории русской литературы в связи с литературой французской. См. О русской литературе, с очерком французской.

П

«Павлуша был опрятный». См. Детская книжка. Маленький лицей.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Памятные записки титулярного советника Чухина, или простая история обыкновенной жизни. Сочинение Фаддея Булгарина. См. Записки Чухина. Соч. Фаддея Булгарина.
«Пелам выходит в большой свет». См. Планы. Русский Пелам.
Пенда-Дека. См. Note sur Penda-Déka.
«Первое действие Тибериевой власти». См. Замечания на Анналы Тацита.
Первоначальные наброски «Пиковой дамы». См. Пиковая дама.
Первоначальный очерк «Египетских ночей». См. «Цезарь путешествовал».
«Первый искренний воздыхатель». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» («Первый несчастный воздыхатель»).
«Первый несчастный воздыхатель». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Первый обожатель возбуждает чувствительность женщины». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» («Первый несчастный воздыхатель»).
«Переводчики—почтовые лошади» . См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Переводчики суть подставные лошади». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» («Переводчики—почтовые лошади»).
Переводы из Байрона и Сафо—не включены в настоящее издание.
Перечень статей, намеченных для журнала. См. Перечень статей, намеченных для «Современника».
Перечень статей, намеченных для «Современника» («Поход 1711 г.») [Перечень статей, намеченных для журнала] [*Начало 1836*; *авт. ПД*] . VI 318
«Перечитывая самые бранчивые критики» См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Песнь о полку Игореве найдена была». См. Замечания на «Песнь о полку Игореве».
«Петр I говаривал». См. Анекдоты.
«Петр I не страшился». См. Заметки по русской истории XVIII века
«Петр родился в Москве». См. Материалы для истории Петра Великого.
«Петр создал войско, флот»—заметка к статье:

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О русской литературе, с очерком французской—не введена в настоящее издание.
Пиковая дама [*1834; ПП*] . . . . . IV 484
Проект вставки в текст IV главы («Чекалинский глазами отыскал») [*авт. ПД*] . . . . . IV 805
Первоначальные наброски [*1830; авт. 73 ЛБ*].
I. «Года четыре тому назад» [Начало повести]. IV 805
II. «Теперь позвольте мне» . . . . . IV 805
«Писатели, известные у нас». См. Заметки о критике и полемике.
Письмо к издателю («Георгий Конисский, о котором напечатана статья»). *В примечании:* «С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б.» [Заметка о статье Гоголя] [23 апреля 1836; *Совр. III*] . . . . . V 229
Письмо к издателю «Сына отечества» («В течение последних четырех лет») [Издателю «Сына отечества»; По поводу издания «Бахчисарайского фонтана»] [*Апрель 1824; СО 1824 № 18*] V 11
Письмо к редактору «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» («Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки») [*1831; авт.*] . . . . . V 103
«Пишут: тѣлега. телѣга». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Планы.
Актеон [*1822; авт. ПД*].
1. «Морфей влюблен в Диану» . . . . . III 309
2. «Актеон, un fat, après avoir séduit» . . . . III 310
Бова [*1822; авт. ПД*]
1. «Бова в конюшне» . . . . . III 307
2. Бова на престоле отца своего . . . . . III 308
Братья-разбойники [Программы поэмы из разбойничьей жизни] [*1821—1822; авт. № 65 ЛБ*]
I. «Вечером девица плачет» VI
II. «Разбойники. История двух братьев» . . . VI
Вадим. См. Планы. Трагедия и поэма о Вадиме.
Введение в «Историю Петра Великого» («Очерк введения. Введение.. Россия извне») [Очерк введения в «Историю Петра Великого»] [*1834; авт.*]. . . . . VI 256
Поэма «Владимир». См. Планы. Мстислав.
Влюбленный бес («Москва в 1811 г.») [Программа повести] [*1826—1828; авт. ПД*] . . . IV 732

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Дубровский».
I. «Островский, воспитываяся в П. Б. по смерти отца» [*авт. ПД*]. . . . . IV 791
II. «Дубровский—1-я глава» [*авт. ПД*]. . . . . IV 792
III. «Ссора, суд» [*авт. ПД*]. . . . . IV 792
IV. [«Кн. Верейский, visite] [*авт. ПД*]. . . . IV 792
V. «Жизнь Марьи Кириловны» [*авт. ПД*] . . IV 793
VI. «Разлука, объяснение, обручение] [*авт. ПД*]. . . . . IV 793
VII. «Пока приказные пьют» [*авт. 87 ЛБ*] . . IV 793
VIII. «Садовник ловит мальчика» [*авт. 87 ЛБ*] IV 793
IX. «Илья Петрович Нарумов» [*авт. 73 ЛБ*]. . IV 793
Издание русских исторических песен («Вступление. Но есть одно») [*1831—1832; авт. ПД*]. . . . . VI 317
История села Горюхина («Уважение мое к званию писателя») [*Октябрь 1830; авт. ПД*]. . . IV 790
Капитанская дочка.
1. «Кулачный бой» [*авт. ПД*] . . . . . IV 803
2. «Шванвич за буйство сослан в гарнизон» [*авт. 14 ЛБ*] . . . . . IV 803
3. «Крестьянский бунт. Помещик» [*авт. ПД*] IV 803
4. «Башарин отцом своим привезен» [*авт. 74 ЛБ*] . . . . . IV 804
5. «Башарин дорогой во время бурана» [*авт. 75 ЛБ*] . . . . . IV 804
«Карты; продан» [*1820; авт. 64 ЛБ*] . . . . . IV 732
«Криспин приезжает в губернию» [*1833—1835; авт. ПБЛ*] . . . . . IV 735
«Les deux danseuses» [*1834—1835; авт. ПД*]. IV 735
Мстислав [Остатки программы поэмы из истории X и XI веков; План поэмы «Владимир»; Программа ненаписанной поэмы] [*1822; авт. 66 ЛБ*].
1. «Владимир, разделив на уделы» . . . . . III 308
2. «Илья хочет представить сына» . . . . . III 309
3. «Илия находит пустынника» . . . . . III 309
«Н. избирает себе в наперсники». [*Нач. 1830-х гг.; авт. 87А ЛБ*] . . . . . IV 734
Неоконченная поэма о Тазите [*1829—1833; авт. 73 ЛБ*].
I. «Обряд похорон» . . . . . VI —
II. «Похороны [Три дня]» . . . . . VI —
Пьеса «Она меня зовет» («Dervile reçoit») [*1828; авт. ПД*] . . . . . III 524
Пьеса «От этих знатных господ» («Un grand seigneur») [*1830-е годы; авт. ПД*] . . . . . III 531

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пьеса «Папесса Иоанна» («La [papesse] fille d'un honnête artisan») [*1833—1835; авт. 84 ЛБ*] . . . . . III 532
Первое неосуществленное издание стихотворений («Послания. К Александру») [Собственноручный список лицейских стихотворений]; Список лицейских стихотворений]. [*Осень 1816; авт. ПД*] . . . . . VI 287
Повесть «На углу маленькой площади» («В Коломне avant soirée») [*1829; авт. 82 ЛБ*]. IV 667
Повесть о стрельце и боярской дочери [Программа драмы из эпохи царевны Софьи] [*1830—1834*].
1. «Стрелец, влюбленный в боярскую дочь» [*авт. 65 ЛБ*] . . . . . IV 734
2. «Софья во дворце» [*авт. 78 ЛБ*] . . . . . IV 734
3. «Стрелец, сын старого раскольника» [*авт. 78 ЛБ*] . . . . . IV 734
Поэма о Вадиме («Вечер—русский берег») [*1822; авт. 65 ЛБ*] . . . . . III 523
Роман из великосветского быта («L'homme du monde») [*1828; авт. ПД*] . . . . . IV 732
Роман на кавказских водах [*1831; авт. ПД*] . . . . . IV 696
Русская девушка и черкес («Станица—Терек») [*1829; авт. 82 ЛБ*] . . . . . III 310
Русский Пелам [*1834—1835; авт. ЛБ*].
«Воспитание. Смерть матери» [Начало программы первой главы] . . . . . IV 704
I. «Русский Пелам—сын барина» . . . . . IV 706
II. «Пелам выходит в большой свет» . . . . . IV 707
Пьеса «Скажи, какой судьбой» [*1821; авт. 65 ЛБ*].
1. «Вальберхова вдова» . . . . . III 520
2. Сосницкий и Вальберхова («Вальберхова: Играл?») . . . . . III 520
3. Брянский, Рамазанов, Сосницкий («Вы здесь») . . . . . III 521
4. «Я шел к тебе, сестра» . . . . . III 521
Статья о Камчатке («Сибирь уже была покорена») [Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова]. [*1837, авт. 77А ЛБ*] . . . . . VI 284
Сцены из рыцарских времен («Un riche marchand de drap») [*1835; авт. 84 ЛБ*] . . . . . III 517
«Сын казненного стрельца воспитан» [*1834—1835; авт. ПД*] . . . . . IV 736

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Трагедия о Вадиме («Вадим влюблен») [*1822; авт. ПБЛ*] . . . . . III 522
«Цезарь путешествовал...» «Описание дома» [*авт. ПД*] . . . . . IV 721
По поводу деления «Московским телеграфом» Европы на классическую и романтическую. См. О делении Европы на классическую и романтическую.
По поводу издания Бахчисарайского фонтана. См. Письмо к издателю «Сына отечества».
«По смерти Петра I». См. Заметки по русской истории XVIII века.
«Победа будет несомненно принадлежать классицизму». См. О делении Европы на классическую и романтическую.
Повести Белкина. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина.
Повести И. П. Белкина. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина.
Повести покойного Ивана Петровича Белкина. [*1830—1831; П II*].
От издателя [Предисловие] . . . . . IV 287
Выстрел . . . . . IV 292
Метель . . . . . IV 306
Гробовщик . . . . . IV 320
Станционный смотритель . . . . . IV 329
Барышня-крестьянка . . . . . IV 343
Повесть из древне-римской жизни. См. «Цезарь путешествовал...».
Повесть о прапорщике Черниговского полка. См. Начало повести о прапорщике Черниговского полка.
«Повторенное острое слово». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Под сим заглавием вышел в свет». См. Кавалерист-девица.
Подготовительные отрывки «Египетских ночей». См. «Цезарь путешествовал»; «Гости съезжались на дачу»; «Мы проводили вечер» и Отрывок («Несмотря на великие преимущества»).
«Пока приказные пьют». См. Планы. Дубровский.
«Г. Полевой предчувствует присутствие истины». См. Наброски третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого.
Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина»

Пушкинский кабинет ИРЛИ

[«Об Евгении Онегине»; Грамматические замечания; Грамматические заметки].
1. «Наши критики долго оставляли меня в покое» [«Некоторые стихотворческие вольности»; «Стих «Два века ссорить»; «У нас многие (между прочими и г. Каченовский)»; «Иностранные собственные имена»; «Как надобно писать: турков»; «Вот уже 16 лет, как я печатаю»; «Многие пишут юпка»; «Двенадцать, а не двѣнадцать»; «Пишут: тѣлега, телѣга»; «Разговорный язык простого народа»; «Альфиери изучал итальянский язык»; «Московский выговор чрезвычайно изнежен»; «Шпионы подобны букве Ъ»] [*1829; авт. 87А ЛБ*] . . . . . VI 308
2. «Г. Федоров в журнале, который начал было издавать [«Пропущенные строфы подавали»] [*1830; авт. 87А ЛБ*] . . . . . VI 312
3. «Шестой песни Онегина не разбирали» [*1830; авт. 87А ЛБ*] . . . . . VI 313
4. «Критику 7-ой песни в «Северной пчеле» пробежал» [*1830; авт. 87А ЛБ*].
Полтава. («Habent sua fata».) См. Заметка о Полтаве . . . . . VI 313
«Поль Поттер род. в Энкгуйзене». См. Выписка о Поттере.
«Пора Баратынскому занять место». См. Наброски статей о Баратынском.
«Порядок общественный вне порядка». См. Отрывки «Опыта об английской литературе» Шатобриана в переводе Пушкина.
«Послания. К Александру». См. План первого неосуществленного издания стихотворений.
«После обеда видел во сне»—не включено в настоящее издание.
«Последние происшествия обнаружили». См. О народном воспитании.
Последний из родственников Иоанны д'Арк. См. Последний из свойственников Иоанны д'Арк.
Последний из свойственников Иоанны д'Арк («В Лондоне в прошлом 1836 году умер») [Последний из родственников Иоанны д'Арк] [*Декабрь 1836—янв. 1837; авт. 86А ЛБ*] . . V 256
Последняя глава «Евгения Онегина». См. Предисловие к Отрывкам из «Путешествия Онегина».
Послесловие к «Долине Ажитугай» («Вот явление,

Пушкинский кабинет ИРЛИ

неожиданное») [К рассказу: «Долина Ажитугай»; Примеч. к расск. Султан Казы-Гирея «Долина Ажитугай»] [*Март 1836; Совр. I*] . V 226
Пословицы. См. Старинные пословицы и поговорки.
«Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность». См. Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов.
«Постановления, ниспровергнутые во Франции». См. Заметки по истории французской революции.
«Потемкин, встречаясь с Шишковским». См. Table talk.
«Потемкин очень меня любил». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.
«Потемкин приехал со мною проститься». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.
«Потемкин, сидя у меня». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.
«Потемкину доложили однажды». См. Table talk.
«Поход 1711 г.». См. Перечень статей, намеченных для «Современника».
Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. [«Когда возвратились наши войска»]—не включено, как не принадлежащее Пушкину.
«Похороны [Три дня]». См. Планы. Неоконченная поэма о Тазите.
«Появление «Истории государства Российского». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
Пояснение к стихам «Напрасно видишь тут ошибку» («Торвальдсен, делая бюст») [О Торвальдсене] [*1829; авт. ПД*]. . . . . VI 290
Предисловие («Дядя мой однажды»). См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Предисловие к Запискам Н. А. Дуровой. См. Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным.
Предисловие к «Кавказскому пленнику» изд. 1828 г. («Сия повесть, снисходительно принятая публикою») . . . . . VI 526
Предисловие к «Капитанской дочке». См. Капитанская дочка. Проект начала повести.
Предисловие к «Медному всаднику» . . . . . III 282
Предисловие к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Предисловие к Отрывкам из «Путешествия Онегина» («Последняя глава «Евгения Онегина»). IV 187
Предисловие к первому изданию первой главы «Евгения Онегина» . . . . . IV 197
Предисловие к Повестям Белкина. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. От издателя.
Предисловие к «Полтаве» изд. 1829 г. [*31 января 1829; изд. 1829*] . . . . . VI 528
Предисловие к «Руслану и Людмиле» изд. 1828 г. («Автору было 20 лет от роду») [*12 февраля 1828; изд. 1828*] . . . . . VI 521
«Прежде, нежели приступим». См. Заметки по истории французской революции.
«Прежде нежели приступить». См. Заметки по истории французской революции.
«Прежде, чем станем судить, поблагодарим». См. Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина.
Преподобный Савва игумен («Преставление преподобного») [Выписка о Савве Сторожевском]. [*Начало 1830-х годов; авт. 86Б ЛБ*] . . . . . VI 331
«Преставление преподобного отца». См. Преподобный Савва игумен.
«При Елисавете было». См. Table talk.
Приказы. См. Заметка о приказах.
Приложения к статье «Александр Радищев». См. Александр Радищев.
Примеры невежливости. См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Примечание. Бессарабия известна». См. Примечания к «Цыганам».
Примечание к «Записке о древней и новой России» («Во втором № «Современника») [К Записке о древней и новой России; Примечание к отрывку из рукописи Карамзина; Примечание к отрывку из рукописи Карамзина о древней и новой России] [*Август—декабрь 1836; Совр. VI*] . . . . . V 277
Примечание к отрывку из рукописи Карамзина. См. Примечание к «Записке о древней и новой России».
Примечание к отрывку из рукописи Карамзина о древней и новой России. См. Примечание к «Записке о древней и новой России».
Примечание к письму А. Б. о статье Гоголя. См. Письмо к издателю.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Примечание к повести Гоголя «Нос». См. Примечание к повести «Нос».
Примечание к повести «Нос» («Н. В. Гоголь долго не соглашался») [К повести «Нос»; Заметка к повести «Нос»; Примечание к повести Гоголя «Нос».] [*Апрель—сентябрь 1836; Совр. III*] . . . . . V 236
Примечание к слову «богадельня» в статье «Прогулка по Москве («Слово это весьма неправильно») [*Август—сентябрь 1836; Совр. III*]. V 236
Примечание к статье «Современника». См. Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину.
Примечание к элегии «Андрей Шенье» («André Chénier погиб жертвою») [Об Андрее Шенье] [*1825; авт. 70 ЛБ*] . . . . . VI 289
Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину («Надпись гражданину Минину») [Примечание к статье «Современника»] [*Август—сентябрь 1836; авт. ПД*]. V 277
Примечания к первым изданиям I, II, III и IV глав «Евгения Онегина» . . . . . IV 231
Примечания к «Евгению Онегину» [*изд. 1833 и 1837*] . . . . . IV 182
Примечания к «Кавказскому пленнику» . . . . . III 117
Примечания к «Медному всаднику» . . . . . III 296
Примечания к «Полтаве» . . . . . III 245
Примечания к рассказу Султан Казы-Гирея «Долина Ажитугай». См. Послесловие к «Долине Ажитугай».
Примечания к «Цыганам» [Заметка к поэме «Цыганы»] [*Октябрь 1824*].
1. «Долго не знали в Европе» [*авт. 70 ЛБ*] . . VI 288
2. «Примечание. Бессарабия известна в самой глубокой древности» [*авт. 68 ЛБ*] . . . . . VI 289
«Приступаю к некоторым частям». См. Наброски предисловия к «Борису Годунову».
«Приступая к изучению нашей словесности». См. О русской литературе, с очерком французской.
«Причинами, замедлившими ход нашей словесности» [О причинах, замедливших ход нашей словесности] [*1824; авт. 69 ЛБ*] . . . . . VI 16
Программа драмы из эпохи царевны Софии. См. Планы. Повесть о стрельце и боярской дочери.
Программа драмы о папессе Иоанне. См. Планы. Пьеса «Папесса Иоанна».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Программа журнала. См. Материалы об издании газеты.
Программа записок («Кишинев.—Приезд мой») [Программа записок о кишиневском периоде] [*Октябрь 1833; авт. 75 ЛБ*] . . . . . VI 393
Программа записок о кишиневском периоде. См. Программа записок. . . . . .
Программа записок («Семья моего отца») [Отрывки из записок Пушкина; Отрывок из лицейского дневника] [*1830; авт. ПД*] . . . . . VI 380
Программа и заметки по изданию газеты. См. Материалы об издании газеты.
Программа комедии. См. Планы. «Скажи, какой судьбой».
Программа ненаписанной поэмы. См. Планы. Мстислав. . . . . .
Программа повести. См. Планы. Влюбленный бес.
Программа «Современника». См. Программа «Современника», представленная в Санкт-Петербургский цензурный комитет.
Программа «Современника», представленная в С.-Петербургский цензурный комитет («Журнал под названием «Современник») [Программа «Современника»; Заметки, связанные с изданием «Современника»] [*1835; авт. Ленинградское отделение Центрархива*] . . . . . VI 443
Программа 3-й статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого. («Феодальное правление, основанное на праве завоевания» и «Прежде нежели приступить»). См. Заметки по истории французской революции.
Программы «Дубровского». См. Дубровский.
Программы. См. Планы.
Программы и заметки по изданию «Дневника». См. Материалы об издании газеты.
Программы поэмы из разбойничьей жизни. См. Планы. Братья-разбойники.
Программы статей для «Литературной газеты». См. Заметки о русском дворянстве.
«Продолжительные войны дали». См. Заметки по истории французской революции.
Проект вставки в текст IV главы «Пиковой дамы». См. Пиковая дама.
Проект начала повести «Капитанская дочка». См. Капитанская дочка.
Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Онегина» («У нас довольно трудно») [28 ноября 1830 г.; *авт. 87 ЛБ*]. . . . . VI 306
Проект предисловия к «Путешествию в Арзрум» («Сии записки»). См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. . . . . .
«Проза князя Вяземского чрезвычайно жива». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Пропущенная глава «Капитанской дочки». См. Капитанская дочка.
«Пропущенные строфы подавали». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Против Булгарина («В одной газете»). См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Противуречия и промахи, указанные». См. Наброски третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого.
«Прочитав в первый раз». См. Заметка о Полтаве.
«Пугачев был уже пятый самозванец». См. Заметки к «Истории Пугачевского бунта».
«Путешественник Ансело». См. «Отрывки из писем, мысли и замечания».
Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года [*1829 и 1836; Совр. I*] . . . . . IV 737
Проект предисловия [«Сии записки»] [*авт. 83 ЛБ*] . . . . . IV 808
Отрывок из путевых записок, не вошедший в «Путешествие в Арзрум» («Мы ехали из Арзрума») [Встреча с казаками] [*авт. 82 ЛБ*] . . . . . IV 810
Черновые варианты из путевых записок 1829 г. [*авт. 82 ЛБ*].
1. Коляска графа Пушкина («Он едет в огромной бричке») . . . . . IV 811
2. Калмычка («На-днях, покамест») . . . . . IV 812
3. Минарет в Татартубе («Внутренняя лестница еще») . . . . . IV 812
4. Черкесы («Можно попробовать») . . . . . IV 812
«Путешествие в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша («В числе иностранцев»). См. Наброски статей для «Современника».
«Путешествие В. Л. Пушкина». См. Наброски статей для «Современника».
«Путешествие etc. Картинка представляет etc.». См. Наброски статей для «Современника».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Путешествие из Москвы в Петербург («Узнав, что новая Московская») [Мысли на дороге; «Русское стихосложение... обращаюсь к русскому стихосложению] [*1833—1835; авт. 84 ЛБ*] . . . . . VI 105
Варианты и дополнения из черновиков . . . . VI 502
«Путешествие N. N. в Париж и Лондон». См. Наброски статей для «Современника».
Пушкин, как бы посторонний, говорит о своем «Демоне». См. Заметка о «Демоне».
«15 октября 1827 г. Вчерашний день». См. Встреча с Кюхельбекером.

Р

«Р., встретив однажды». См. Из записной книжки 1820—1822 гг.
«Раевский говорил об одном». См. Table talk.
«Разбойники, история двух братьев». См. Планы. Братья-разбойники.
Разбор драмы «Марфа Посадница». См. Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина.
Разбор драмы М. П. Погодина «Марфа Посадница». См. Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина.
Разбор «Марфы Посадницы» Погодина. См. Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина.
Разбор пословиц. См. Старинные пословицы и поговорки.
Разбор романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». См. Юрий Милославский, или русские в 1612 г.
Разбор собрания сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. См. Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского.
Разбор терминов соколиной охоты. См. Материалы о соколиной охоте.
Разговор («*А*. Читал ты замечание») [Разговор между *А* и *Б*] [*1830; авт. 87А* и *Б ЛБ*] . . . . . VI 50
Разговор вечером на рауте. См. «Гости съезжались на дачу».
Разговор между *А* и *Б*. См. Разговор.
Разговор с англичанином («Строки Радищева») [Разговор с англичанином о русских крестья-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нах] [9 декабря *1833; авт. 84 ЛБ*]. См. Путешествие из Москвы в Петербург. Варианты и дополнения.
Разговор с англичанином о русских крестьянах. См. Разговор с англичанином.
Разговор с испанцем. См. «Гости съезжались на дачу».
«Разговорный язык простого народа». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Разговоры Н. К. Загряжской («Вы слыхали про Ветошкина?»). См. Table talk.
Разговоры о положении литературной критики. См. Заметки о критике и полемике.
[«Разлука, объяснение»] См. Планы. Дубровский.
«Распря между двумя известными журналистами». См. Отрывок из «Литературных летописей».
«Редакция «Современника» не может принять на себя». См. От редакции.
«Род Байронов один из самых старинных». См. О Байроне.
«Род мой один из самых старинных». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
Родословная Пушкиных и Ганибалов («Несколько раз принимался») [*1830-ые гг.; авт. 87А ЛБ*] VI 381
Роман в письмах («Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась») [Отрывки из романа в письмах] [*1829; авт. 82 ЛБ*] . . . . . IV 667
Роман из великосветского быта. См. Планы.
Роман на кавказских водах («В одно из первых чисел апреля 181... года») [Начало повести] [*1831; авт. 86Б БЛ*] . . . . . IV 694
«Ромео и Джюльета» Шекспира. См. Заметка о «Ромео и Джюльете» Шекспира.
«Ромео и Юлия» Шекспира. См. Заметка о «Ромео и Джюльете» Шекспира.
«Ромео и Юльетта». См. Заметка о «Ромео и Джюльете» Шекспира.
«Рославлев». Отрывок из неизданных записок дамы. («Читая «Рославлева», с изумлением увидела я») [*1831; авт. 87Б ЛБ*] . . . . . IV 384
Российская Академия («18 января нынешнего года») [*19 января—27 апреля 1836; Совр. II*]. V 122
«Россия вошла в Европу». См. О русской литературе, с очерком французской.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Руслана и Людмилу» вообще». См. Заметки о ранних поэмах.
«Русский Пелам—сын барина». См. Планы. Русский Пелам.
Русский Пелам. («Я начинаю помнить себя») [Записки М*; Старинные русские странности; Начало романа] [*1835—1836; авт. 87 ЛБ*] . . . . . IV 701
См. еще Планы.
«Русское дворянство что ныне значит?» См. Заметки о русском дворянстве.
«Русское стихосложение... обращаясь к русскому стихосложению». См. Путешествие из Москвы в Петербург.

С

«С величайшим отвращением». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
«С некоторого времени вошло». См. О народности в литературе.
«С некоторого времени Северо-Американские штаты». См. Джон Теннер.
«С некоторых пор вошло у нас в обыкновение». См. О народности в литературе.
«С некоторых пор журналисты наши». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г.
«С отвращением решаюсь». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
«С таковыми глубокими суждениями». См. Замечания на Анналы Тацита.
«С удивлением услышал я». См. О греческом восстании.
«С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б». См. Письмо к издателю («Георгий Конисский, о котором»), где этот текст в примечании «Издателя».
С французского. См. «Участь моя решена. Я женюсь».
«Садовник ловит мальчика». См. Планы. Дубровский.
Сам съешь. См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Сатирик М*** пришел». См. Table talk. «Сатирик Милонов пришел».
«Сатирик Милонов пришел». См. Table talk.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Северная лира. См. «Об альманахе «Северная лира».
«Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». См. Письмо к редактору «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду».
«Семеновский потешный двор». См. Материалы о соколиной охоте.
«Семья моего отца—его воспитание». См. Программа записок.
«Сибирь была уже населена». См. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.
«Сибирь уже была покорена». См. Планы. Статья о Камчатке.
«Сии записки, будучи занимательны». См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Проект предисловия.
«Сия повесть, снисходительно принятая публикою». См. Предисловие к «Кавказскому пленнику» изд. 1828 г.
«Сказано: Les societés sècrétes». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Скриб в Академии». См. Французская академия.
«Славный анекдот об указе». См. Table talk.
Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых. 1836. СПБ. («В наше время главный недостаток»)[*Август—сентябрь 1836 г.; Совр. III*] . . . . . V 222
«Слово о полку Игореве, сына Святославля, внука Ольгова». См. Замечания на «Песнь о полку Игореве».
«Слово это весьма неправильно». См. Примечание к слову «богадельня» в статье «Прогулка по Москве».
Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского («Георгий Конисский известен у нас»). [Разбор собрания сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского; О сочинениях Георгия Конисского; О сочинениях Конисского] [*Январь—март 1836; Совр. I*] . . . . . V 107
Собственноручный список лицейских стихотворений. См. Планы. Первое неосуществленное издание стихотворений.
«Современник» будет издаваться». См. От редакции.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Современные французские писатели. См. «Всем известно, что французы народ самый антипоэтический».
Сосницкий и Вальберхова. «Вальберхова: «Играл?»—Играл». См. Планы. «Скажи, какой судьбой».
«Сотник Сухоруков воспитывался». См. Записка о В. Д. Сухорукове, представленная в III Отделение.
«Софья во дворце». См. Планы. Повесть о стрельце и боярской дочери.
Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. См. О сочинениях П. А. Катенина.
«Сочинитель письма из Рима». См. О лжекритиках.
«Спешим уведомить публику». См. Заметка о «Старине и новизне».
Список лицейских стихотворений. См. Планы. Первое неосуществленное издание стихотворений.
«Средние века представляют картину». См. Отрывки «Опыта об английской литературе» Шатобриана в переводе Пушкина.
«Ссора, суд». См. Планы. Дубровский.
«Станица—Терек». См. Планы. Русская девушка и черкес.
Станционный смотритель. См. Повести покойного Ивана Петровича Белкина.
Станция. См. Начало повести о прапорщике Черниговского полка.
«Старик Милонов пришел». См. Table talk.
Старинные пословицы и поговорки («Не суйся середа») [Заметки о русских пословицах; Пословицы; Разбор пословиц; Старинные пословицы; «Не твоя печаль чужих детей качать»] [*1820-ые годы; авт. ПД*] . . . . . VI 321
Старинные пословицы. См. Старинные пословицы и поговорки.
Старинные русские странности. См. Русский Пелам.
«Старый генерал Щ.». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. Анекдоты.
Статьи из «Литературной газеты» 1830 г., приписываемые Пушкину. См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г.
Статья II («Действие Вальтер-Скотта ощутительно»). См. «История русского народа», соч. Н. Полевого.
«Статья «О направлении нашей поэзии». См. За-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

метки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии».
Статья I («Мы не охотники разбирать заглавия»). См. «История русского народа», соч. Н. Полевого.
«Статья, присланная нам из Твери». См. От редакции.
«Стерн говорит, что живейшее». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Стих «Два века ссорить». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
Стихотворения Делорма и Сент-Бева. См. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme.
«Стихотворец отдал свою трагедию». См. Отрывки из писем, мысли и замечания. Примеры невежливости.
«Стрелец, влюбленный в боярскую дочь». См. Планы. Повесть о стрельце и боярской дочери.
«Стрелец, сын старого раскольника». См. Планы. Повесть о стрельце и боярской дочери.
«Строки Радищева навели меня». См. Разговор с англичанином.
«Суворов наблюдал посты». См. Table talk.
«Сумароков очень уважал Баркова». См. Table talk.
Сцена порки. См. Дубровский. Вариант к XVII главе.
Сцены из рыцарских времен [*1835; авт. 84 ЛБ*]. III 492
Наброски начала пьесы.
I. «Ох горе мне, Мартын, Мартын» . . . . . VI 545
II. «Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз» . . . . . VI 546
См. еще Планы.
«Сын казненного стрельца воспитан». См. Планы.

Т

«Татищев (Василий Никитич), тайный советник». См. О Татищеве.
«Тем хуже для литературы». См. О критике и полемике «Литературной газеты».
«Темная знойная ночь объемлет». См. Египетские ночи.
«Теперь позвольте мне покороче познакомить вас». См. Пиковая дама. Первоначальные наброски.
Термины соколиной охоты. См. Материалы о соколиной охоте.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Тиберий был в Иллирии». См. Замечания на Анналы Тацита.
«Тиберий не мог доволен быть». См. Замечания на Анналы Тацита.
«Тиберий отказывается от государства». См. Замечания на Анналы Тацита.
«Только революционная голова» [*1822—1823; авт. 66 ЛБ*] . . . . . VI 321
«Тонкость не доказывает еще ума». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Торвальдсен, делая бюст». См. Пояснение к стихам «Напрасно видишь тут ошибку».
«Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» («Посреди полемики») [*Июнь—июль 1831; Телескоп 1831 № 13*] . . . . . V 89
«Трапеза—толк, толмач». См. Выписка из Четь-Миней.
«Требует ли публика извещения». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г.
«Тредьяковский пришел однажды». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Три повести Н. Павлова очень замечательны» [О повестях Павлова; О «Трех повестях» Павлова] [*1835; авт. 87В ЛБ*] . . . . . V 274
«Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась». См. Роман в письмах.
«1824, ноября 19-го, Михайловское». См. Из автобиографических записок.

У

«У графа С**». См. Table talk. Об арапе графа С**.
«У гусара К. было дружеское собрание». См. Надинька.
«У гусара К. [В.] было». См. Надинька.
«У гусара Ю. было дружеское». См. Надинька.
«У гусара Ю. В. было дружеское». См. Надинька.
«У Крылова над диваном». См. Table talk.
«У нас довольно трудно». См. Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина».
«У нас многие (между прочими и г. Каченовский)». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«У нас употребляют прозу». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«У одного из наших известных писателей». См. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.
«Уважение к минувшему вот черта». См. О русской литературе, с очерком французской.
«Уважение мое к званию писателя». См. Планы. История села Горюхина.
«Уведомляю тебя о происшествиях». См. Из письма о начале греческой революции.
«Удельные князья, наместники при Владимире» [*1831?; авт. ПД*]. . . . . VI 200
«Узнав, что новая Московская». См. Путешествие из Москвы в Петербург.
«Услышал о смерти Ризнич»—не включено в настоящее издание.
«Участь моя решена. Я женюсь» [С французского; Дополнение к отрывку из повести] [*1830; авт. 72 ЛБ*] . . . . . IV 686
«Ученый без дарования». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.

Ф

«Г. Федоров, в журнале». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Феодальное правление, основанное». См. Заметки по истории французской революции.
«Феодальное право, основанное». См. Заметки по истории французской революции.
«Форма цыфров арабских». См. Table talk.
Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836 («В наше время молодому человеку») [*Сентябрь 1836; Совр. III*] . . . . . V 171
Французская академия («Скриб в Академии») [*Вторая половина июня 1836; Совр. II*] . . . . V 128
«Французская словесность родилась». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Французские журналы извещают нас». См. О записках Самсона.
«Французские критики имеют свое понятие». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
«Французские принцы имели». См. Table talk.
«Французы ничуть не ниже англичан». См. Заметки о французских историках и поэтах.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Х

«Херасков очень уважал». См. Table talk.
«Херасков очень ценил». См. Table talk.
«Хорошее общество может». См. Наброски возражений критикам «Графа Нулина».
«Хочу копье переломити». См. Замечания на «Песнь о полку Игореве».

Ц

«Царевича Алексея Петровича положено было». См. Богородицыны дочки.
«Цезарь путешествовал...» [Повесть из древнеримской жизни; Первоначальный очерк «Египетских ночей»] [*1835, авт. 72 ЛБ*] . . . . . IV 718
См. еще Планы.

Ч

«Часто думал я об этом» [*Начало 1830-х гг.; авт. ПД*] . . . . . IV 700
«Чекалинский глазами отыскал Нарумова». См. Пиковая дама. Проект вставки в текст V главы.
«Человек по природе своей». См. Table talk.
«Чем более мы холодны, расчетливы». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«Через неделю буду в Париже» [Драматическая сцена; Драматический отрывок] [*1830-е гг.; авт. ПД*] . . . . . III 527
Черкесы. См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Черновые варианты.
Черновые варианты из путевых записок 1829 г. См. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года.
«Честь имею обратиться». См. В Главный комитет цензуры.
«4 мая 1825 года произведен я в офицеры». См. Начало повести о прапорщике Черниговского полка.
«Четыре рассказа З... о Потемкине». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.
«Читал ты замечание». См. Разговор.
«Читали вы в последнем номере». См. О критике и полемике «Литературной газеты».
«Читатели наши, конечно, помнят». См. «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Читая «Рославлева», с изумлением увидела я». См. «Рославлев».
«Что есть журнал европейский?» См. Материалы об издании газеты.
«Что ныне называется Малороссия?» См. Заметки по истории Украины.
«Что составляет дворянство в республике?» См. Заметки о русском дворянстве.
«Что такое дворянство потомственное?» См. Заметки о русском дворянстве.
«Что такое потомственное дворянство?» См. Заметки о русском дворянстве.

Ш

Шайлок, Анджело и Фальстаф Шекспира. См. Table talk.
«Шаховской никогда не хотел». См. Из лицейского дневника. Мои мысли о Шаховском.
«Шеанвич за буйство сослан в гарнизон». См. Планы. Капитанская дочка.
«16 окт. 1828»—не включено в настоящее издание.
«6 июля 1831». См. Мнение митрополита Платона.
«6 октября 1834 г.—Дмитриев». См. Table talk.
«Шестой песни Онегина». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Шлецер—введ. стр. 1». См. Заметки при чтении «Нестора» Шлецера.
Шотландская пословица («Ворон ворону») [*Конец октября—ноября? 1836; авт. ПБЛ*] . . . . . VI 334
«Шпионы подобны букве Ѣ». См. Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина».
«Шувалов, заспорив». См. Заметки в «Литературной газете» 1830 г. Анекдоты.
«Шутки наших критиков». См. Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений».

Э

Эльвина. См. Надинька.
«Эпиграф сей книге, взятый из Шекспира». См. La confession par l'auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée. Париж. 1830 года.
Эпиграфы, заготовленные для первых глав «Арапа Петра Великого». См. Арап Петра Великого.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Это альманах! Какое странное чувство». См. Мое новоселье.
«Это было перед самым Петровым днем». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.

Ю

«Юлия, дочь Августа». См. Замечания на Анналы Тацита.
Юрий Милославский, или русские в 1612 году («В наше время под словом роман») [О романе Загоскина; О «Юрии Милославском» Загоскина; Разбор романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский»] [*1—19 января 1830; ЛГ 1830 № 5*]. V 45

Я

«Я была очень смешлива». См. Table talk. Разговоры Загряжской. «Orloff etait régicide».
«Я встретился с Надеждиным». См. Table talk.
«Я ехал с Вяземским». См. Заметки о Дельвиге.
«Я начинаю помнить себя». См. Русский Пелам.
«Я начинаю себя помнить». См. Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве 1830 г.
«Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов». См. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем.
«Я познакомился с одним». См. Table talk. О Дурове.
«Я посетил твою могилу». См. Prologue.
«Я шел к тебе, сестра». См. Планы. «Скажи, какой судьбой».
«Язык, влияние греческое». См. Об истории русской литературы.

A

«Adam Mickiewicz, professeur». См. Записка о Мицкевиче.
«André Chénier погиб жертвою». См. Примечание к элегии «Андрей Шенье».
«2 août 1827»—не включено в настоящее издание.
«Attentat de Феодор». См. Заметки о русском дворянстве.

B

«Barnave, Confession». См. О новейших романах.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

C

C'est aujourd'hui le 9-me anniversaire du jour—не включено, как черновик письма.

«C'était bien le moins». См. О народном представительстве в 1789 г.

La confession par l'auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée. Париж. 1830 («Эпиграф сей книге, взятый из Шекспира»)—не включено, как не принадлежащее Пушкину.

«Coquette, prude». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.

D

«De la religion»—не введено в настоящее издание.

«Derville reçoit». См. План. «Она меня зовет».

Les deux danseuses. См. Планы.

«Divide et impera». См. Table talk.

E

Eno et Ikaël. См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». «Буквы, составляющие славянскую азбуку».

G

«Le général R.». См. Из записной книжки 1820—1822 гг.

H

«Habent sua fata libelli». См. Заметка о Полтаве.

Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux. Париж. I т. («Нынешняя романтическая французская литература»)—не включено, как не принадлежащее Пушкину.

«L'homme du monde». См. Планы. Роман из великосветского быта.

«Le hospodar Ypsylanti trahit». См. Note sur la révolution d'Ypsylanti.

I

«Ignorance des seigneurs russes». См. Заметки о русском дворянстве.

«Il est impossible». См. Заметки по поводу «Проекта вечного мира» Сен-Пьера.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

J

«[J'ai] я посетил». См. Prologue.
«Je me présente». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
«Je suppose sous un gouvernement». См. «В условиях деспотического государства».
«Joué avec Sck.»—не включено в настоящее издание.
«14 juillet 1826»—не включено в настоящее издание.

L

«Lâcheté de la haute noblesse». См. Заметки о русском дворянстве.
«L'exactitude est la politesse des cuisiniers». См. Гастрономические сентенции.

M

«Ma chi cerca sinceramente»—не включено как не принадлежащее Пушкину.
«Marie Schoning et Anna Harlin jugées en 1787 à Nurenberg». См. Материалы для повести «Мария Шонинг».

N

«N. N., вышедший из певчих». См. Table talk. О Потемкине.
«Ne pas admettre l'existence de Dieu». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Note sur la révolution d'Ypsylanti («Le hospodar Ypsylanti») [Notice sur la révolution d'Ypsylanti; Заметка о революции Ипсиланти; Из журнала греческого восстания] [*1821; авт. 86В ЛБ*] . . . . . VI 175
Note sur Penda-Déka («Penda-Déka fut élevé à Moscou») [Заметка о Пенда-Деке; Из журнала греческого восстания; Пенда-Дека; Notice sur Penda-Déka] [*1821; авт. 86В ЛБ*] . . . . . VI 177
Notice sur la révolution d'Ypsylanti. См. Note sur la révolution d'Ypsylanti.
Notice sur Penda-Déka. См. Note sur Penda-Déka.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

O

«O... disoit en 1820». См. Из записной книжки 1820—1822 гг.
«On a admiré le cynique»—не введено в настоящее издание.
«Orloff était mal élevé». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.
«Orloff etait régicide». См. Table talk. Разговоры Н. К. Загряжской.

P

«La [papesse] fille d'un honnête artisan». См. Планы. Папесса Иоанна.
«Penda-Déka fut élevé à Moscou». См. Note sur Penda-Déka.
«Plus ou moins». См. Из записной книжки 1820—1822 гг.
«Pour une préface». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
Prologue («[J'ai] я посетил») [*1827—1829; авт. ПД*] . . . . . V 930

S

«Les seigneurs feodaux». См. Владетельные феодалы.
«Sous le nom d'Ukraïne». См. Заметки по истории Украины.
«Stabilité—première condition». См. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».

T

Table-talk [*1834—1836; авт. 77В ЛБ*].
«Когда в 1815 году дело шло».
«Суворов наблюдал посты».
«Divide et impera» [О Макиавелли].
«Езуит Поссевин» [О Макиавелли].
«Человек по природе своей» [О Макиавелли; «Глупость осуждения не столь заметна»].
«Форма цыфров арабских».
«Отелло от природы».
«Однажды маленький арап».
«Барков заспорил».
Державин («Державина видел я»).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Денис Давыдов явился однажды».
«Дельвиг однажды».
«Я встретился с Надеждиным» [Встреча с Надеждиным].
«Дельвиг звал однажды».
«Дельвиг не любил».
«Сатирик Милонов пришел» [«Старик Милонов пришел»].
«Потемкину доложили однажды».
«Живший в Москве и считавшийся в отпуску».
Об арапе графа С** [«У графа С**»].
«Лица, созданные Шекспиром».
«6 октября 1834. Когда Пугачев сидел».
«Дмитриев предлагал».
«Херасков очень уважал Кострова».
«Граф Кирилл Разумовский».
«Славный анекдот об указе»
«Одна дама сказывала мне» [О дамах].
«Гете имел большое влияние».
«Многие негодуют на журнальную критику».
«Зорич был очень прост».
«Когда граф д'Артуа приезжал».
«Государь долго не производил».
«Графа Кочубея похоронили».
«Кречетников, при возвращении своем».
«Французские принцы имели».
«Голландская королева».
«Генерал Раевский был насмешлив».
«Будри, профессор французской словесности».
О Дурове («Дуров—брат той Дуровой») [«Я познакомился с одним»].
«Некто князь Михаил Васильевич Хованский» [«Некто кн. Х.»; «Некто К. Х.»].
«Потемкин, встречаясь с Шишковским».
Разговоры Н. К. Загряжской [Четыре рассказа З... о Потемкине].
«Вы слыхали про Ветошкина?» [«Вы слышали про Ветошкина?»].
«Это было перед самым Петровым днем».
«Потемкин очень меня любил».
«Orloff était mal élevé».
«Потемкин, сидя у меня».
«Потемкин приехал со мною».
«Orloff était régicide dans l'âme» [«Я была очень смешлива»].
«Государь (Петр III) однажды объявил».
О Потемкине («NN, вышедший из певчих»).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О Потемкине («Однажды Потемкин»).
О Потемкине («Князь Потемкин во время очаковского похода»).
О Потемкине («Когда Потемкин вошел в силу»).
«У Крылова над диваном».
«Сумароков очень уважал Баркова». . . . . VI 334
«Tous les genres sont bons». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.
«3 nov. 1823. u. I d.»—не включено в настоящее издание.

U

«Un grand seigneur, coupable de haute trahison». См. Планы. Пьеса «От этих знатных господ».
«Un riche marchand de drap». См. Планы. Сцены из рыцарских времен.
«Un sonnet sans défaut». См. Отрывки из писем, мысли и замечания.

V

Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. Les Consolations, poésies par Sainte-Beuve («Года два тому назад») [Стихотворения Делорма и Сент-Бева] [*Апрель—май 1830; ЛГ 1831 № 32*] . . . . . V 72
«Voici ma tragédie». См. Наброски предисловия к Борису Годунову.
«Votre nom est Légion». См. Запись в альбом чревовещателя Ваттемара.
«La vraisemblance des situations»—не включено, как текст письма.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

Стр.

Мои замечания об русском театре. (Ред. Ю. Г. Оксман) 7
<Начало статьи о русской прозе>. (Ред. Н. К. Козмин) 13
О французской словесности. (Ред. Н. К. Козмин) . . 15
<Заметки о французских историках и поэтах>. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . . . .
<Причинами, замедлившими ход нашей словесности>. (Ред. Н. К. Козмин) 16
<Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные>. (Ред. Н. К. Козмин) 17
<О народности в литературе>. (Ред. Ю. Г. Оксман). 18
<Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии»>. (Ред. С. А. Рейсер). 19
<Есть различная смелость>. (Ред. С. М. Бонди) . . 21
<Об альманахе «Северная лира»>. (Ред. Н. К. Козмин) 22
<О Байроне и его подражателях>. (Ред. С. А. Рейсер).
1. «Ни одно из произведений лорда Байрона». 24
2. «Английские критики оспаривали» 25
<О романах Вальтера Скотта>. (Ред. Н. К. Козмин). 26
О Дельвиге. («Идиллии Дельвига удивительны»). (Ред. Ю. Г. Оксман) 27
<Наброски статей о Баратынском>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
I. «Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского» 28
II. «Пора Баратынскому занять на русском Парнасе» 29

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр.
III. «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов» 31
<Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине»>. (Ред. Н. К. Козмин) 35
<В зрелой словесности приходит время>. (Ред. Н. К. Козмин) 39
<Несколько московских литераторов>. (Ред. С. М. Бонди) 40
<Многие недовольны нашей журнальной полемикою>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 41
<Заметка о публикациях Ап. в «Северной звезде»>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 42
<Альманашник>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 43
Детская книжка (Ред. С. М. Бонди).
I. Ветреный мальчик 48
II. Маленький лжец 49
III. Ванюша, сын приходского дьячка . . . . . —
<Разговор>. (Ред. Н. К. Козмин) 50
<О критике и полемике «Литературной газеты»>. (Ред. Н. К. Козмин).
1. «Отдавая полную справедливость» 55
2. «Тем хуже для литературы» 56
3. «Читали вы в последнем номере» 58
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. (Ред. Ю. Г. Оксман) 59
<Заметки, исключенные из «Опыта»>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. О цене «Евгения Онегина» 76
2. «Шутки наших критиков» 77
<Наброски возражений критикам «Графа Нулина»>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. «В «Вестнике Европы» с негодованием говорили» 79
2. «Кажется, молодой критик имеет» . . . . . —
3. «Отчего происходит эта смешная стыдливость» . . . . . —
4. «Но не смешно ли им судить» . . . . . —
<Заметки о народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 81
<Наброски третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого>. (Ред. Т. Г. Зенгер и Ю. Г. Оксман).
1. «Противуречия и промахи, указанные в разных журналах» 90
2. «Г. Полевой предчувствует присутствие истины» 91

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр.

3. «Освобождение городов не существовало в России» 93
<Об Альфреде Мюссе>. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . 95
<Заметки о критике и полемике>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. «Литература у нас существует» 97
2. «Критика вообще. Критика наука» . . . . . —
3. «Писатели, известные у нас под именем аристократов» . . . . . —
4. «Критикою у нас большею частию» 98
<Заметка о русских журналах>. (Ред. Н. К. Козмин) 99
<«Всем известно, что французы народ самый антипоэтический»>. (Ред. Б. В. Томашевский) 100
<О «Путешествии к св. местам» А. Н. Муравьева>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 101
<Заметки о Дельвиге>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. Дельвиг. «Дельвиг родился в Москве» 102
2. «Я ехал с Вяземским» 104
<Путешествие из Москвы в Петербург>. (Ред. С. М. Бонди) 105
<Замечания на «Песнь о полку Игореве»>. (Ред. Н. К. Козмин).
I. «Песнь о полку Игореве найдена была» . . 139
II. <Заметка к «Слову о полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана> 147
<О русской литературе, с очерком французской>. (Ред. Н. К. Козмин) . . . . . —
<О Байроне>. (Ред. Т. Г. Зенгер) 159
Наброски статей для «Современника». (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. «Путешествие в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша 166
2. Путешествие В. Л. П<ушкина> 167
3. Об «Истории поэзии» С. П. Шевырева 168
4. От издателя («Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности») 170

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

<Заметки по поводу «Проекта вечного мира» Сен-Пьера>. (Ред. Б. В. Томашевский) 173
Note sur la révolution d'Ypsylanti. (Ред. Ю. Г. Оксман) 175
<Note sur Penda-Déka>. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . 177

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр.
<Заметки по русской истории XVIII в.>. (Ред. Ю. Г. Оксман). 178
<Замечания на «Анналы» Тацита>. (Ред. Н. К. Козмин).
1. «Тиберий был в Иллирии» 184
2. «Когда сенат просил» . . . . . —
3. «Август, вторично испрашивая для Тиберия» 185
4. «Тиберий отказывается» . . . . . —
5. «Первое действие Тибериевой власти» . . . . —
6. «Германик, тщетно стараясь усмирить» . . —
7. «Тиберий не мог доволен быть Германиком» 186
8. «Юлия, дочь Августа» . . . . . —
9. «С таковыми глубокими суждениями» 187
<«В условиях деспотического государства»> («Je suppose sous un gouvernement despotique»). (Ред. Б. В. Томашевский) . . . . . —
<О народном представительстве в 1789 г.> («C'était bien le moins que 24 millions»). (Ред. Б. В. Томашевский) 188
<Заметки по истории французской революции>. (Ред. Н. К. Козмин).
1. «Прежде нежели приступить» 189
2. «Продолжительные войны дали» 190
3. «Феодальное правление, основанное на праве завоевания» 191
<Заметки о русском дворянстве>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. «Ignorance des seigneurs russes» . . . . . —
2. «Attentat de Феодор». 192
3. «Что такое дворянство потомственное?» . . . 193
4. «Русское дворянство что ныне значит?» . . 195
<Заметки по истории Украины>. (Ред. Б. В. Томашевский).
1. «Sous le nom d'Ukraïne» . . . . . —
2. «Что ныне называется Малороссия?» 199
<Удельные князья>. (Ред. Б. В. Томашевский) . . 200
<Владетельные феодалы>. (Ред. Б. В. Томашевский) 201
<Москва была освобождена>. (Ред. П. Е. Щеголев) 202
<Заметка о Дмитрии Самозванце>. (Ред. П. Е. Щеголев) 203
«В древние времена при объявлении войны». (Ред. Д. П. Якубович) . . . . . —
<Заметки при чтении «Нестора» Шлецера>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 204

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр.
<Заметка о приказах>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 204
<Заметки при чтении «О государственном кредите» М. Ф. Орлова (Ред. Ю. Г. Оксман) 205
<Материалы для «Истории Петра Великого»>. (Ред. П. Е. Щеголев),
1. «Петр родился в Москве» 206
2. Конспекты, выписки и заметки 229
3. Заметки в неизданных тетрадях 242
4. Заметки при чтении Введения к «Деяниям Петра Великого» Голикова 248
<План введения в «Историю Петра Великого»>. (Ред. Ю Г. Оксман) 256
<Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова>.
1. О Камчатке. (Ред. С. М. Бонди) 257
2. Камчатские дела. От 1694 до 1740 года. (Ред. Ю. Г. Оксман). 265
<План и набросок начала статьи о Камчатке>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 284

ПРОЕКТЫ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕТОК К СОБСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ И ПЛАНЫ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

<План первого неосуществленного издания стихотворений>. (Ред Ю. Г. Оксман) 287
Примечания к «Цыганам». (Ред. П. Е. Щеголев).
1. «Долго не знали в Европе» 288
2. Примечание. «Бессарабия, известная в самой глубокой древности» 289
<Примечание к элегии «Андрей Шенье»>. (Ред. Н. К. Козмин) . . . . . —
<Заметка о «Демоне»>. (Ред. Т. Г. Зенгер) 290
<Пояснение к стихам «Напрасно видят тут ошибку»>. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . . . —
<Наброски предисловия к «Борису Годунову»>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. «Благодарю вас за участие» 291
2. «Voici ma tragédie» 295
3. «С величайшим отвращением» 299
4. «С отвращением решаюсь» 300
5. «Je me présente» 302
6. «Изучение Шекспира, Карамзина» 303
7. «Дух века требует» 305
8. «Вероятно трагедия» . . . . . —
9. Pour une préface . . . . . —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стр.
<Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина»>. (Ред. С. М. Бонди) 306
<Полемические и грамматические заметки, связанные с рецензиями на «Евгения Онегина»>. (Ред. С. М. Бонди).
1. «Наши критики долго оставляли меня в покое». 308
2. «Г. Федоров в журнале, который начал было издавать» 312
3. «Шестой песни Онегина не разбирали» . . . 313
4. «Критику седьмой песни в «Северной пчеле» пробежал» . . . . . —
<Заметки о ранних поэмах>. (Ред. С. М. Бонди) . 314
<Заметка о «Моцарте и Сальери»>. (Ред. Н. К. Козмин) 316
<Заметка к «Графу Нулину»>. (Ред. Н. К. Козмин) 317
<План издания русских исторических песен>. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . . . —
<О новейших романах>. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . —
<Перечень статей, намеченных для «Современника»>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 318

МАТЕРИАЛЫ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, ЧЕРНОВЫЕ «МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ», ВЫПИСКИ И АНЕКДОТЫ

<«Только революционная голова»>. (Ред. П. Е. Щеголев) 321
<Старинные пословицы и поговорки>. (Ред. Н. К. Козмин) . . . . . —
<Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»>. (Ред. Л. Б. Модзалевский) . . . 322
Богородицыны дочки. (Ред. Л. Б. Модзалевский) . 328
<Материалы о вемском суде>. (Ред. Ю. Г. Оксман). 329
<Выписки из Четь-Миней>. (Ред. Ю. Г. Оксман). 330
Преподобный Савва игумен. (Ред. С. М. Бонди и Ю. Г. Оксман) 331
<Материалы о соколиной охоте>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 332
<Гастрономические сентенции>. (Ред. Л. Б. Модзалевский) 333
Шотландская пословица. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . 334
Table-talk. (Ред. Т. Г. Зенгер) . . . . . —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ДНЕВНИКИ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

(Ред. Т. Г. Зенгер).

Стр.

<Из лицейского дневника> 363
<Из кишиневского дневника> 371
<Из записной книжки 1820—1822 гг.>. («O... disoit en 1820») 373
<Из автобиографических записок>. («Вышед из лицея») 374
<Воображаемый разговор с Александром I> . . . —
<Из автобиографических записок> («...запечатлены печатью вольномыслия») 376
<Встреча с Кюхельбекером> 379
<Программа записок>. («Семья моего отца») . . . 380
<Родословная Пушкиных и Ганнибалов> 381
<Записки 1831 г.> 387
<Заметка о холере> 391
<Программа записок> 393
<Дневник> . . . . . —

ЗАПИСКИ ОФИЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

О народном воспитании. (Ред. Н. К. Козмин) . . . 431
<Записка о Мицкевиче, представленная в III Отделение>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 437
<Записка о В. Д. Сухорукове, представленная в III Отделение>. (Ред. Л. Б. Модзалевский). 438
<Материалы об издании газеты>. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. Записка, представленная в III Отделение («Десять лет тому назад литературою занималось») 440
2. «Что есть журнал европейский?» 442
3. Дневник («Контора под ведомством редактора»). 443
<Программа «Современника», представленная в С.-Петербургский цензурный комитет>. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . . . —

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАМЕТКИ, ЗАПИСИ И ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВИКОВ

Критические заметки на полях книг и письма

Стр.

<Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова»>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 447
<Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова>. (Ред. В. Л. Комарович) . 454
<Заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия>. (Ред. Т. Г. Зенгер) 485
<Заметки на полях письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической русской истории» (1836 г.)>. (Ред. Ю. Г. Оксман) 495

Записи

Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве. (Ред. Л. Б. Модзалевский) 497
<Выписка о Поле Поттере>. (Ред. Л. Б. Модзалевский) 501
<Запись в альбом чревовещателя Ваттемара>. (Ред. Д. П. Якубович) . . . . . —

Варианты и дополнения из черновиков

<Путешествие из Москвы в Петербург>. (Ред. С. М. Бонди) 502

DUBIA

Заметки в «Литературной газете» 1830 г. (Ред. Ю. Г. Оксман).
1. <«Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана»> 512
2. <«Англия есть отечество карикатуры»> . . 513
3. <«Требует ли публика извещения»> . . . —
4. <«С некоторых пор журналисты наши»>. 514
5. <Новые выходки против так называемой литературной нашей аристократии> 515

Пушкинский кабинет ИРЛИ

6. <Анекдоты> 516
О Татищеве. (Ред. Ю. Г. Оксман) 516
ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ 521
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТРЕТЬЕМУ—ШЕСТОМУ ТОМАМ. 547

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНЕЙШИХ ОПЕЧАТОК

Первый том.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Нужно*
28	7 св.	словочетений	словосочетаний
40	1 св.	сойти	сойди
180	11 сн.	счастье	счастья
191	6 св.	(пропущен подзаголовок)	К Пущину
221	17 св.	напрасной.	напрасной,
249	11 и 12 сверху	(пропущены две строки)	На пасмурном моем закате Среди пустынной темноты
258	16 св.	сон!	он!
378	9 св.	с сраженьи:	в сраженьи:
451	12 св.	«друзья,»	<друзья,>
478	10 сн.	друг	друга
510	12 св.	сказать,	сказать...
535	5 сн.	494.	*494.
544	1 сн.	<Вольтер.>	Вольтер,

Второй том

(В дополнение к отпечатанным во втором томе на стр. 454 опечаткам)

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Нужно*
24	5 сн.	не клонить	не клонит
175	18 св.	не постигал	и постигал

Третий том

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Нужно*
32	6 св.	Приняв	Прияв
66	14 сн.	грозно	грозну

Пушкинский кабинет ИРЛИ

309	2 сн.	стр.455, № 361	стр. 472, № 365
464	4 св.	Охрыплый	Охриплый
518	1 св.	l arrive	Il arrive
518	5 св.	ен	en
518	11 св.	l'im	l'im-
523	1 сн.	№ 230	№ 231

Четвертый том

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Нужно*
9	5 св.	avee	avec
40	10 сн.	скуки	скуке
133	8 св.	снет	свет
186	15 сн.	Пусть	Путь
323	4 сн.	за другими	за другими:
371	2 св.	ея	я
459	12 св.	отрицательно?	отрицательно.
729	11 св.	four	jour
732	7 сн.	marie en provice	marié en province
772	16 сн.	лежавшими	лежавшим

Ответственный редактор С. И. Кавтарадзе
Технический редактор Н. И. Гарвей
Корректор Н. Е. Уфимцев

★

Переплет работы А. П. Радищева
Барельеф работы П. И. Таежного

★

Зак. Изд-ва X—00-в № 186. Тираж 25000
Уполномоч. Главлита № Б—35567
Формат бумаги 71×94 в 1/32
Сдано в набор 3/VII 1934
Подп. к п. 28/XII 1934
Тип. заказ № 726
20 печ. л.
10 б. л.

★

Пушкинский кабинет ИРЛИ